

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗЫСКАНИЯ
ВЫПУСК 24

ЮЖНАЯ СИБИРЬ В ДРЕВНОСТИ

Санкт-Петербург · 1995

Археологические изыскания

Выпуск 24

Редколлегия:

Д. Г. Савинов (ответственный редактор), Н. А. Боковенко, В. Ю. Зуев

**Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда.**

Проект «Скифо-Сибирика»

№ 94-06-19431

ISBN 5-201-01170-5

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
РОССИЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ НАУЧНЫЙ ФОНД
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

проект «СКИФО — СИБИРИКА»

Южная Сибирь в древности

Санкт — Петербург
1995

ОТ РЕДАКТОРА

В археологии Азиатской части России Южной Сибири принадлежит особое место. Обширная и чрезвычайно разнообразная по физико-географическим условиям территория, протянувшаяся от Байкала до Иртыша и от южных границ Восточно-Сибирской тайги до северных окраин пустыни Гоби, Южная Сибирь (или Саяно-Алтайское нагорье) является родиной многих ярких и своеобразных археологических культур. Близость к центру материка обусловила проникновение на территорию Южной Сибири благотворных влияний восточных и западных цивилизаций, а ранний переход к производящей экономике и становление соответствующего уровня социальных отношений определили доминирующее положение Южной Сибири среди соседних областей и самостоятельный путь южносибирского культурогенеза.

Создание целостной картины развития древних культур Южной Сибири, охватывающей все исторические периоды, подобно предложенной более сорока лет назад С. В. Киселевым (Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951), в настоящее время, ввиду огромного количества новых и пока еще не систематизированных материалов, вряд ли возможно. Тем не менее поэтапное приближение к постановке такой задачи является одним из наиболее актуальных направлений современных исследований. И в этом отношении рекомендуемый вниманию читателей Сборник несомненно сыграет положительную роль.

Помещенные в Сборнике статьи написаны на основе еще не введенных в научный оборот археологических материалов, расположенных в хронологической последовательности и освещающих все периоды развития древних культур Южной Сибири — от эпохи палеолита до средневековья. Большинство этих материалов было получено в результате работ, проводившихся в 80-е гг. новостроечными экспедициями ЛОИА АН (ныне ИИМК РАН) в Туве, Хакасии и на юге Красноярского края. Информация о них уже составила содержание двух предшествующих Сборников (Древние культуры Евразийских степей. Л., 1983; Памятники археологии в зонах мелниорации Южной Сибири. Л., 1985). Знакомство с новыми материалами в данном сборнике продолжает эту традицию. Однако это очень маленькая толика того, что должно быть опубликовано и осмыслено сейчас. Тем более, что в ближайшие годы подобных по масштабу полевых исследований явно не предвидится.

У сборника «Южная Сибирь в древности» — трудная судьба. Он был сформирован еще в 1989 г., но только теперь, в значительной степени благодаря Российскому гуманитарному научному фонду, получил возможность увидеть свет. Первоначально сборник был посвящен трагически погибшему археологу, сотруднику Средне-Енисейской экспедиции — Петру Георгиевичу Павлову. В декабре 1993 г. безвременно ушел из жизни еще один специалист по археологии Южной Сибири — Геннадий Николаевич Курочкин. Светлой памяти этих исследователей, отдавших все свои силы и талант изучению древней истории Сибири, посвящают авторы настоящий сборник.

С.Н.Астахов, А.Ф.Ямских

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПАЛЕОЛИТЕ ТУВЫ

Еще в 1962 году при предварительном обследовании долины Улуг-Хема А. Д. Грачем были найдены архаичные по облику отщепы. Несколько позднее в долине р. Саглы им же были найдены леваллуазские изделия. К тому времени в Сибири, точнее на Алтае, была известна лишь одна пещерная стоянка — Усть-Канская, в инвентаре которой встречены леваллуазские отщепы и нуклеусы. Характер индустрии и возраст ее исследователь С. И. Руденко определил весьма осторожно и аналогов в Сибири не находил (Руденко, 1969: 104-126). С. Н. Астахов, используя распространенную тогда методику Ф. Борда, проанализировал комплекс стоянки. Коллекция оказалась по всем параметрам мустьерской и с присутствием леваллуа (Астахов, 1966: 56-67). Повторный анализ совместно с Н. К. Анисюткиным подтвердил неожиданный результат (Анисюткин, Астахов, 1970: 27-34).

В 1969 году в Туве С. Н. Астаховым были обнаружены серии мустьерских комплексов с элементами леваллуазской техники. В 1988 году к ним добавился десяток новых памятников недалеко от п. Торгалык такого же как в Саглы типа. Идентична техника расщепления, близки наборы орудий, включая единичные бифасы позднего облика. Вместе с тем несколько восточнее, в долине р. Ирбитей, найдено местонахождение, тоже мустьерское, но принадлежащее иному варианту, уже известному в Туве и соседней Монголии — галечной индустрии с обилием чопперов и отсутствием леваллуазской техники (Астахов, 1988: 7-16).

Кроме того, в окрестностях Торгалыка, к юго-востоку от него, в 1987 г. было найдено местонахождение, вероятно мастерская, с преобладанием нуклеусов и отщепов, которые можно отнести к архаичной фации. Они поражали выразительными чертами примитивной техники расщепления и сильной коррозией. Они напоминали эпизодические находки крупных клетонских отщепов в Саглы, наводящие на предположение об их домустьерском возрасте, как полагал Н. К. Анисюткин. Серии домустьерских местонахождений в Монголии (Окладников, 1981) и сходство палеоклиматических условий позволили предположить возможность существования подобных памятников и в Туве (Астахов, 1986). В 1988 г. С. Н. Астахов недалеко от п. Торгалык Овюрского района нашел обширное открытое местонахождение, предположительно ашельское. Памятник находится километрах в 30 к северу от о. Убсу-Нур, на предгорной "континентальной дельте", рассеянной руслами р. Торгалык, в 3 км к югу от упомянутого поселка.

Своеобразие положения памятника, как и других местонахождений, включая мастерскую, заключается в том, что они находятся в полузамкнутой котловине между хребтами Западный Танну-Ола на севере и невысоким хребтом Дус-Даг на юге. Протяженность котловины в широтном направлении около 30 км, а севера на юг — до 18 км. Абсолютные высоты составляют 1200-1300 м. В морфологии речных долин региона отразилась история формирования рельефа в целом мел-палеогеновой эпохи выравнивания до новейших тектонических движений. В связи с резкой диффе-

ренцированностью этих движений по системе региональных разломов наблюдается четко выраженная контрастность в морфологии долин вдоль по течению реки. На водораздельных пространствах многие долины расширены, представляя реликтовые участки донеогеновой равнинной речной сети, участки среднего течения, прорезающие склоны хребта, представляют ущелья, а в низовьях, уже в пределах котловины, реки образуют обширные наклонные аллювиально-пролювиальные равнины, расчлененные несколькими русловыми потоками, на которые разделяют современные реки. Формирование основной части грубообломочной толщи мощностью до 90-100 м и более, слагающей аллювиальную равнину, соответствует, вероятно, одной из главных фаз новейших поднятий, проявившейся в среднем плиоцене и на границе плиоцена и нижнего плейстоцена. В плейстоцене на Торгалыкской аллювиальной равнине образовалась система террас. Амплитуды высот террас уменьшаются по мере удаления от хребта. В южной части наклонной равнины в подпорной зоне хребта Дус-Даг выражено несколько сближенных по высоте террас: 18-21, 16-17, 12-14, 9-10, 7-8, 4-6 м и несколько уровней поймы. В сравнении с более северными территориями, приуроченными к бассейну Енисея, относительные превышения террас р. Торгалык невелики, что связано с рядом факторов: подпорным воздействием хребта Дус-Даг, устойчивой аридностью климата и соответственно маломощностью водных потоков. Более того, маловероятно, чтобы сохранились уровни террас на аллювиальной равнине в районе п. Торгалык, если бы не было хребта Дус-Даг, отчленяющего эту равнину от Убсу-Нурской котловины. Замкнутость предгорной котловины предопределила формирование осадков вне связи с седиментационными процессами в Убсу-Нурской котловине. Торгалыкская впадина, имеющая высоты, превышающие максимальный трансгрессивный уровень Убсу-Нура 1189 м (Девяткин, 1981), в новейшее время не подвергалась затоплению. Соответственно на ней развиты только субазральные и пролювиально-аллювиальные отложения. Верхняя часть отложений — грубый валунно-галечниковый аллювий, перекрывающий древний более мелкий с заметным размывом — образовалась, по мнению А. Ф. Ямских, уже в среднем плейстоцене, не позднее тобольского и начала самаровского времени (миндель-рисс и рис. 1). В единую толщу отложений происходило врезание рек с образованием серии террас. Раннепалеолитические местонахождения приурочены к двум верхним — 18-21 и 16-17 м уровням. Зачистка 16-17 м террасы вскрыла следующие отложения:

1. 0,0-0,5 м — маломощная почва и песчано-гравелисто-галечниковый аллювий, интенсивно карбонатизированный;
2. 0,5-1,0 м — валуны и галечник, хорошо промыты, с небольшим количеством песчаного заполнителя;
3. 1,0-1,3 (1,5) м — прослой промытого преимущественно крупного галечника и валунов с гравелисто-песчаным заполнителем;
4. 1,3 (1,5)-2,0 м — желто-серый опесчаненный алеврит с бурым оттенком, включения сверху и внизу гравия и редкой гальки в основном в вертикальном положении;
5. с гл. 2,0 м — преимущественно крупный галечник в основном без валунов или с редкими их включениями, наклон валунов в толще галечника в большинстве в обратном течении направлении, видимая мощность слоя до осыпи 4-5 м.

Спорово-пыльцевой спектр отложений (по анализам Г. Ю. Зубаревой) отражает ландшафты лесостепного облика: в древесной части спектра пре-

обладают *Pinus silvestris* и *Betula sect. Albae*, в травянистой выражено абсолютное преобладание *Chenopodiaceae* и *Artemisia*. Пыльца широколиственных пород отсутствует.

Статистический анализ галечникового аллювия показал следующее распределение петрографических разностей в его составе: среднезернистый песчаник ороговикованный — 48,3%, крупнозернистый песчаник ороговикованный — 15,3%, мелкозернистый песчаник ороговикованный — 29,4%, алевролиты ороговикованные темно-вишневые и зеленоватые — 3,5%, аргиллиты ороговикованные буро-красные и красновато-рыжие — 3,5%. Отметим, что для изготовления орудий выбирались преимущественно наиболее прочные ороговикованные алевролиты и мелкозернистые песчаники, содержание которых в аллювии уступает другим породам.

К сожалению, как обычно в Туве, изделия из камня залегают на поверхности маломощной почвы, что очень ограничивает использование для датировки археологического комплекса геологических данных. Артефакты спроецированы на дефляционную поверхность, образованную сильными и длительно проявляющимися эоловыми процессами. Можно лишь утверждать, что приуроченность к отложениям доказанцевского периода позволяет опускать нижний возраст археологических находок к этому же периоду, то есть не позднее самаровского горизонта, а по комплексу геолого-геоморфологических особенностей верхний временной предел может определяться до начала позднего плейстоцена включительно.

Как уже упоминалось, местонахождение расположено на аллювиально-пролювиальной дельте, на ее южной периферии, имеющей вид широкого мыса, образованного одним из восточных русел р. Торгалык и р. Курбун-Шиви, сливающейся с Торгалыком. Курбун-Шиви протекает у подножия хребта Дус-Даг и подрезает южный низкий край шлейфа (дельты), имеющего серию террас.

Изделия встречались на поверхности, на протяжении по крайней мере 600 м вдоль края шлейфа и до 50 м вглубь. Произвести раскопки не удалось, поэтому неясно, залегали ли изделия в слое почвы, впрочем, очень тонкой. Не удалось выявить какой-либо концентрации, можно лишь указать на несколько большее количество находок на западном и на восточном конце мыса. Состав исходного сырья — валунов из отложений "дельты" — указан выше. Доступность и обилие сырья позволяли первобытному человеку не доводить изделия до полного использования, а в случае, если желвак оказывался не лучшего качества, оставлять его после пробного снятия.

Для предварительного изучения памятника была собрана небольшая коллекция — менее 400 экземпляров. Из них 140 имеют негативы одного-двух снятий, часто трудно отличимых от повреждений. Дело в том, что морфология изделий во многих случаях замаскирована сильнейшей эрозией, вероятно, ветрового происхождения, к тому же имеются и мерзлотные повреждения в виде шелушения и ямок. Поверхность сколов слоистой породы изъедена неравномерно — твердые слои выступают над менее устойчивыми. У некоторых экземпляров ретушь практически снята процессами выветривания и химического разложения. Такой сильной коррозии на мустьерских комплексах Тувы наблюдать не приходилось, хотя мерзлотные повреждения отмечались довольно часто (Астахов, 1986).

Вторую значительную серию составляют нуклеидные обломки — 109 экземпляров. Нуклеусы атипичные, без определенной системы расщепления и формы, но с совершенно явными негативами специальных снятий,

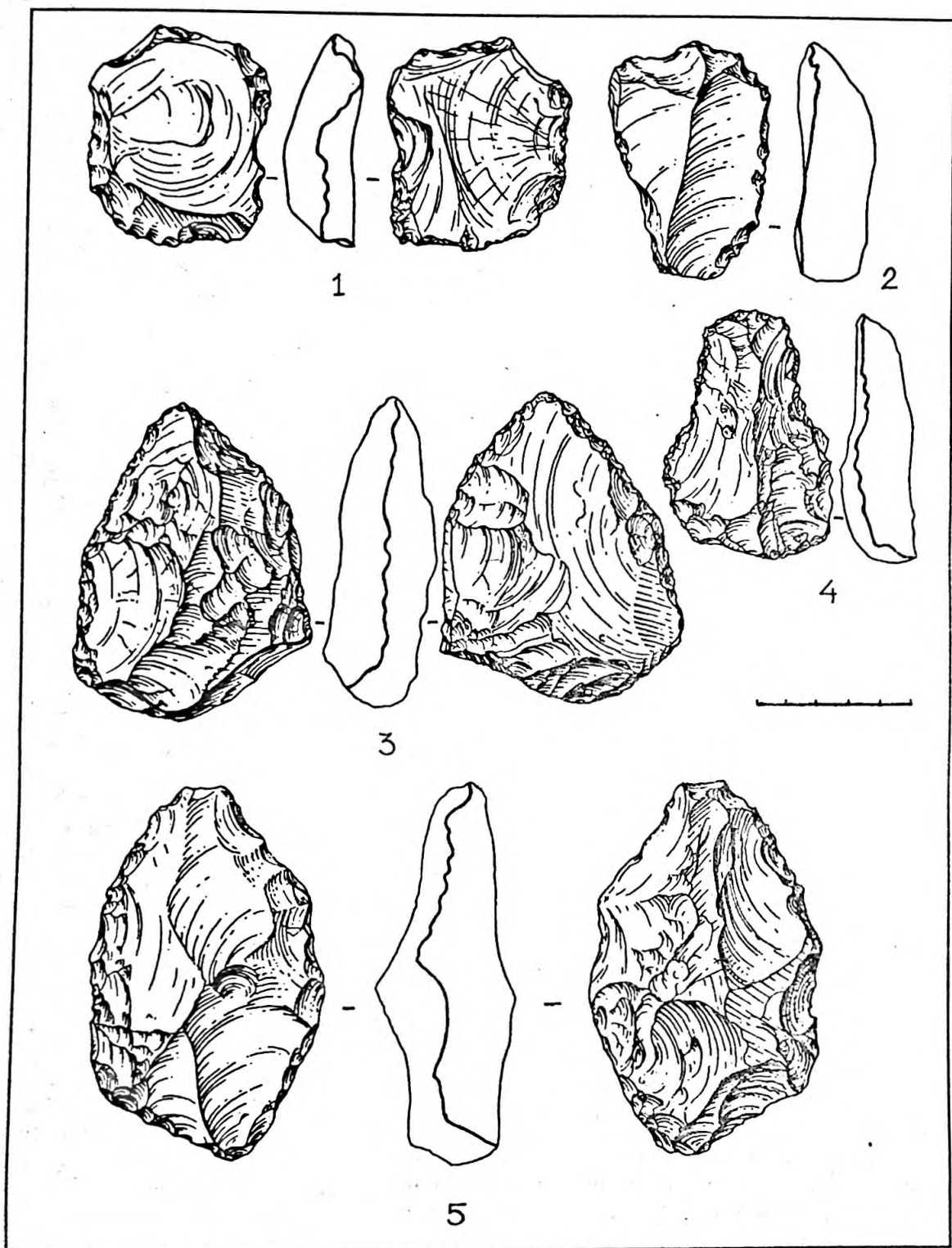

Рис.1. Каменный инвентарь ашельского местонахождения Торгалык: 1,2 — выемчатые орудия с выделенными острями; 3 — скребок; 4 — незаконченный треугольный бифас; 5 — бифас.

составляют серию в 31 предмет. Имеется серия нуклеусов, поддающихся классификации, среди них преобладают односторонние плоские одноплощадочные удлинённые — 17 экземпляров, такие же, но укороченных пропорций — 9 экземпляров, очень близкие к леваллуазским — 2 экземпляра, есть шаровидные и нуклеусы-бифасы. Нуклеусы, как правило, крупные, площадки гладкие, угол скалывания тупой, общий облик архаичный. Есть сколы с нуклеусов — уклонившиеся, боковые, массивные, продольные, неудачные — всего 13 экземпляров. Отбойники (2 экземпляра) небольшие, вероятно, служили для вторичной обработки, а не для расщепления. Отщепов подготовки нуклеусов не найдено, как и мелких сколов. Крупных отщепов без ретуши 42 экземпляра, размер половины из них до 15 см, они в основном удлинённые, массивные, ударные площадки гладкие, бугорки крупные. Есть отщепы с ретушью, как правило, фасетки ее крупные, неровные по размеру, обработка прерывистая, краевая, обычно лицевая.

Орудийный набор невелик — около трех десятков предметов, но среди них есть такая важная категория как бифасы. Их всего 7, причем не все могут быть отнесены к ручным рубилам из-за разной степени законченности (точнее — незаконченности), в частности единственный экземпляр треугольной формы (рис.1,4). К тому же края этого орудия настолько изъедены коррозией, что нелегко определить возможную дальнейшую обработку изделия (к сожалению, на рисунке коррозия не выражена). Размеры орудия: длина 10,7 см, ширина 7,6 см, толщина 3,1 см. Остальные экземпляры — бифасиально обработанные изделия овальных очертаний, по пропорциям из можно подразделить на протолиманды — 3 экземпляра, миндалевидные — 2 экземпляра и по одному — лиманд и овальное. Пожалуй, бесспорно к ручным рубилам можно отнести лишь один бифас. Длина его 12,7 см, ширина 7,4 см и толщина 4,3 см. Края оббиты крупными сколами, зигзагообразны, есть подправка крупной ретушью (рис.1,5). Несмотря на довольно примитивный облик, бифас достаточно уплощен, но все же отличается от классических ашельских. Правда, и монгольские коллекции не дают классических ашельских. Правда, и монгольские коллекции не дают образцов, прямо аналогичных европейским. Что стоит за этим явлением — своеобразие комплекса или отражение древности — решать рано, нужны дополнительные сборы и анализы.

Бифасиальная обработка известна на других изделиях — так, есть три уплощенные гальки с зигзагообразными оббитыми с двух сторон краями, скребло с плоской чешуйчатой оббивкой вентральной стороны. Остальные 5 скребел обычные односторонние, поперечные и простые. Лезвия их выпуклые, сделаны крупной ретушью.

Есть два массивных треугольных в сечении острия, края их образованы крупным вогнутым сколом и ретушью. Следует отметить два массивных скребка на удлинённых отщепах, края которых частично подработаны (рис.1,3). Собрана серия выемчатых орудий, разных по тщательности обработки, от грубых массивных до сделанных аккуратной ретушью анкошей (рис.1,1), либо клектонскими, иногда на конце удлинённых отщепов, с выделенным острием (рис.1,2). Есть два орудия, имеющие выделенный режущий элемент на углу, напоминающие резчики, и, с большой натяжкой, клювовидные формы. Достаточно выразительны и зубчатые орудия.

Обобщенно комплекс характеризуется следующими чертами — техника первичного расщепления примитивная, хотя прослеживаются леваллуазские черты, вторичная обработка представлена оббивкой и крупной ли-

цевой ретушью, реже чередующейся, крутой и средней. Изредка встречается очень плоская оббивка, как подтеска, и двусторонняя, последняя характерна для бифаса. У части их подтеска идет с площадок, связанных крутой ретушью краев, причем противоположащей направленности, и этот способ весьма примечателен. Выемчатые формы делались как ретушью, так и одним сколом. Среди орудийного набора наиболее примечательны бифасы.

В целом техника расщепления и типология изделий не противоречат домустьерскому характеру памятника, а предварительно — ашельскому типу индустрии. Геоморфологические данные и степень коррозии также не противоречат, а скорее подтверждают вывод об ашельском возрасте местонахождения. Пока еще трудно определить тип памятника, хотя относительно большой процент орудий как будто склоняет в пользу понимания его как стоянки (или, скорее, серии стоянок). Общий габитус комплекса позволяет увязывать его с ашельскими материалами Монголии, генезис которых еще не решен однозначно (Астахов, 1988: 7-16).

В мустьерских комплексах Тувы с элементами леваллуа встречаются бифасы развитого типа, что позволяет говорить о более вероятном участии ашельских памятников в формировании этих индустрий.

Несомненно, найденные новые местонахождения и мастерские нижнего палеолита имеют большое значение для понимания самых начальных этапов истории Тувы и нуждаются в продолжении исследований как в поле, так и в камеральных условиях.

S.Astakhov, A.Yamskich

THE OLD PALAEOLOTHIC OF TUVA: SOME NEW DATA

The article contains an abstract history of discovery of pre-musterian sites in Tuva and cites some geomorphological and archaeological facts concerning the oldest of them.

The site Torgalyk is located in south Tuva not far from small town the same name. The site is disposed on the slope of Tannu-Ola range in Torgalykhollow above the upper level of the greatest transgression of the Ubsa-Nur lake. The site is a large surface occurrence measuring about 30000 sq.meters and might be thought to correspond with the Middle Pleistocene.

The surfaces of the implements have a strong erosion originated probably in Pleistocene. The collection numbers nearly four hundreds stone implements, among them are 250 corelike debris. There are 26 acheulian, 2 levalloislike, 2 multiplatform cores and a few atypical nuclei. Tools are: 7 hand axes, 6 side scrapers, 2 end scrapers on a flake, 2 atypical points, 10 denticulates and becs.

The complex show the typical feature of some Acheulian sites of the neighbour Mongolia.

С. А. Васильев

К ВОПРОСУ О БЕСКЕРАМИЧЕСКОМ НЕОЛИТЕ СИБИРИ

“Постановка проблемы “докерамического неолита”, конечно, сама по себе интересна, и может существовать пока как гипотеза в виду отсутствия надлежащей источниковой базы” — читаем мы в недавно вышедшей статье о неолите средней Сибири (Савельев, 1986: 28). Вряд ли можно согласиться с подобным утверждением. Действительно, “источниковая база” пока малочисленна, да и вопросы датировок не вполне ясны, но все же существование особого, южно-сибирского раннеолитического пласта культур без керамики не вызывает сомнений.

Вопрос о “докерамическом неолите” имеет свою историю, восходящую к работам Г. Ф. Дебеца и Г. П. Сосновского. Однако окончательное оформление концепции принадлежит А. П. Окладникову. В своем классическом труде “Неолит и бронзовый век Прибайкалья” он обосновал хиньский, раннеолитический этап, заполняющий пробел между затянувшимся поздним палеолитом и настоящим неолитом с керамикой и датирующийся V тыс. до н.э. Помимо погребений в падах Хиньская и Частых, А. П. Окладников отнес к этому периоду материалы из подъемных сборов в Забайкалье (“даурская культура”), стоянки в бухте Будун, Новая Брянь, нижний слой Рогатки (Окладников, 1950: 156). Идеи А. П. Окладникова получили дальнейшее развитие в работах Л. П. Хлобыстина, выделившего два этапа раннеголоценового каменного века Сибири. Первый, эпипалеолитический, представлен в Прибайкалье такими памятниками, как Лударские стоянки, ранний комплекс Верхоленской Горы, Черемушник, VI-IV слои Усть-Белой. Второй, раннеолитический, — нижними слоями Улан\Хады, Царь-Девицы, Саган-Нугэ, Хиньским и Частиным погребениями, III слоем Усть-Белой, материалами из бухты Будун и, возможно, поздним комплексом Верхоленской Горы. Для данного этапа характерно почти полное тождество облика каменной индустрии с неолитом. “Распространение неолитических форм каменных орудий и приемов их обработки было в Сибири явлением более ранним, чем появление керамики..., на границе между эпипалеолитом и развитым неолитом лежит, вероятно, достаточно продолжительный период бескерамического неолита, во многом перекликающийся с хиньским этапом” (Хлобыстин, 1965: 278).

Вплоть до недавнего времени наши представления о характере развития сибирских культур в раннем голоцене датировались почти исключительно на байкальских и приангарских памятниках. Однако сейчас круг этих явлений расширяется. В частности, новые интересные материалы по бескерамическому неолиту были получены на Верхнем Енисее в ходе работ Саяно-Тувинской экспедиции ЛОИА АН СССР. Ввод их в научный оборот является основной целью данной публикации.

Большой неожиданностью сезона 1984 г. явилось открытие на известной своими замечательными палеолитическими находками Майнинской стоянке (Васильев, 1988) неолитического культурного слоя. Он был исследован на ограниченной площади на юго-западной периферии памятника.

Культурные остатки залежали на глубине 0,4 м в основании современной почвы.

Изделия неолитического слоя в основном изготовлены из черно-серых кварцитов с блестящей поверхностью. Использовались также серые микрокварциты, белесый кварцит, реже зеленовато-серые и коричневые окремненные и гнейсовидные породы, туфопесчаники.

Техника расщепления индустрии пластинчатая. Наиболее крупное ядрище двуплощадочное, с двумя перпендикулярно расположенными рабочими плоскостями, изготовленными на кубовидном обломке гальки. Все остальные формы нуклеусов относятся к микроядрищам. Среди них выделяется призматическое двуплощадочное ядрище. С одной гладкой площадки его по выпуклой дуге шло снятие пластинок. Противоположный конец нуклеуса также был превращен в ударную площадку, с которой на другую сторону было начато скалывание (рис. 1,14). Два ядрища торцовые. Первое из них имело следы снятия пластинок по треугольному торцу обломка (рис. 1:15). Второе было оформлено на узком крае отщепа. Четыре прочих нуклеуса имели плоскую рабочую поверхность. Три из них сделаны на удлиненных сколах (рис. 1,10). Последний плоский нуклеус относился к поперечному варианту и имел следы скалывания одного-двух отщепов.

Описание орудий начнем с типично неолитических форм — наконечников и вкладышей. Наконечников с выемкой в основании — 2 экз. Это собранный из трех фрагментов удлиненный, тщательно обработанный двусторонней ретушью, наконечник (рис. 1,6) и обломок аналогичного орудия. Наконечников с боковой выемкой также два. Первый отделан параллельной бифасиальной ретушью (рис. 1,7), второй, вероятно, не закончен обработкой. В коллекции имеется образец подчетыреугольной двусторонне обработанной заготовки наконечника стрелы. Два других наконечника имеют более крупные размеры. Это орудие неправильно-ромбовидной формы (рис. 1,8) и представленный двумя фрагментами овальный наконечник 9 рис. 1,17). Вкладышей — 3 экз., в том числе два изделия прямоугольной формы (рис. 1,1,2) и мелкий обломок орудия.

Пластинок с ретушью края — 1 экз. Резцов — 3 экз. Это два фрагмента пластинок с невыразительными угловыми сколами и поперечный резец на отщепе (рис. 1,4). Долотовидных орудий — 3 экз. В их число входит типичное рiесе есаіііее с двумя противолежащими рабочими краями (рис. 1,9), обломок орудия со следами подтески и отщеп с приостренным поперечным краем и ретушной отделкой продольного края (рис. 1,5).

Скребок — 7 экз. Наиболее выразительно двойное орудие с противолежащими лезвиями (рис. 1,16). Второй двойной скребок изготовлен на пластинке (рис. 1,13). Еще одно орудие на отщепе обладает концевым лезвием и дополнительной ретушью по продольному краю (рис. 1,12). Другие скребки — изделие с зубчатым краем на брюшке отщепа, укороченный скребок и фрагмент орудия. Необычный вид имеет массивный отщеп с созданным крутой ретушью ассиметричным скребковым лезвием на брюшке.

Скребел — 3 экз. Выделяется поперечное скребло с дополнительным притуплением одного из концов (рис. 1,11). Другие скребла — прямое продольное и выпуклое продольное на фрагменте пластины. Сколов с ретушью — 11 экз. Два отщепа, с отделкой одного и двух краев, видимо, выполняли режущие функции. Пять отщепов и обломок несут следы крутой ретуши. Последний предмет этой группы — скол оживления с полукруглой ретушью по части продольного края с брюшка. Зубчатых орудий — 3 экз.

Первое из них оформлено на продольном крае фрагментированного отщепы с брющка, второе — на пластинке. Третье орудие изготовлено на углу отщепы (рис. 1,3). Выемчатых орудий — 4 экз. (отщепы с выемками на продольных краях). Галечных орудий — 2 экз. Первое — чоппер на подтреугольной гальке с выпуклым рабочим краем (рис. 1,18). Второе орудие сделано на удлиненной гальке с грубо затесанным дистальным концом. Фрагментов орудий — 5 экз.

Ближайшие аналогии описанному комплексу можно найти в материалах раскопанной в 1969-1979 гг. стоянки Усть-Хемчик 3 в Туве (Беляева, 1972). Общие черты сравниваемых памятников очевидны — господство пластинчатой техники, наконечники стрел с вогнутым основанием, иногда удлиненные, наконечники с боковой выемкой, ряд форм скребков. Отсутствие керамики не может быть объяснено функционально, производственными особенностями стоянок. Ведь мы имеем дело в одном случае с мастерской (культурные остатки на Майнинской стоянке представлены исключительно предметами из расщепленного камня, концентрировавшимися в нескольких скоплениях), в другом — с жилой стоянкой (на Усть-Хемчике 3 были открыты очажные комплексы, остатки костей сибирского козерога, раковины съедобных моллюсков и т. д.). Однако есть и различия в инвентаре. На Майнинской стоянке присутствуют не характерные для Усть-Хемчика 3 ромбовидные и овальные крупные наконечники, скребла, призматические ядрища. В свою очередь, в инвентаре Усть-Хемчика представлены подтреугольные наконечники с прямым основанием, ретушированные микропластинки, клиновидные и конусовидные нуклеусы. Одно из важных отличий — присутствие в инвентаре Майнинской стоянки таких характерных форм как двусторонне обработанные вкладыши, не встреченные в коллекции Усть-Хемчика 3. В целом материалы неолитического слоя Майнинской стоянки имеют более развитый облик, хотя различия могут и не отражать хронологическую последовательность. Ясно одно — эти стоянки относятся к раннему неолиту (Усть-Хемчик датируется по радиоуглероду V тыс. до н. э.).

Памятники бескерамического неолита широко распространены на Верхнем Енисее, хотя во многих случаях окончательное решение вопроса о принадлежности стоянок затруднено из-за малого количества материала. Однако можно с определенной долей уверенности причислить к этому периоду такие памятники, как стоянку Казыр-Сук на Большом Пороге, нижние слои стоянки Малые Уры (Васильев, 1986), стоянку Теплая в Минусинской котловине (открыта автором в 1987 г.). Культурные слои перечисленных памятников связаны с отложениями I надпойменной террасы. В 1987-1989 гг. на противоположном от майнинской стоянки мысу II террасы при впадении р. Уй в Енисей были начаты раскопки многослойной стоянки Уй II. Верхний культурный слой ее, приуроченный к сдвоенной погребенной почве, доставил выразительный комплекс бескерамического неолита, во многом сходный с материалами Майнинской стоянки. Здесь же открыты остатки очага, крупной хозяйственной ямы, скопления расщепленного камня, кости благородного оленя и аргали (определения А. К. Каспарова). Исследования этого интересного памятника продолжаются.

Четко прослеживается разница между рассмотренными выше материалами и выделенной Вл. А. Семеновым поздненеолитической верхнеенисейской культурой пред-афанасьевского времени (I половина III тыс. до н. э.). Для последней характерна керамика с гребенчатой орнаментацией, гос-

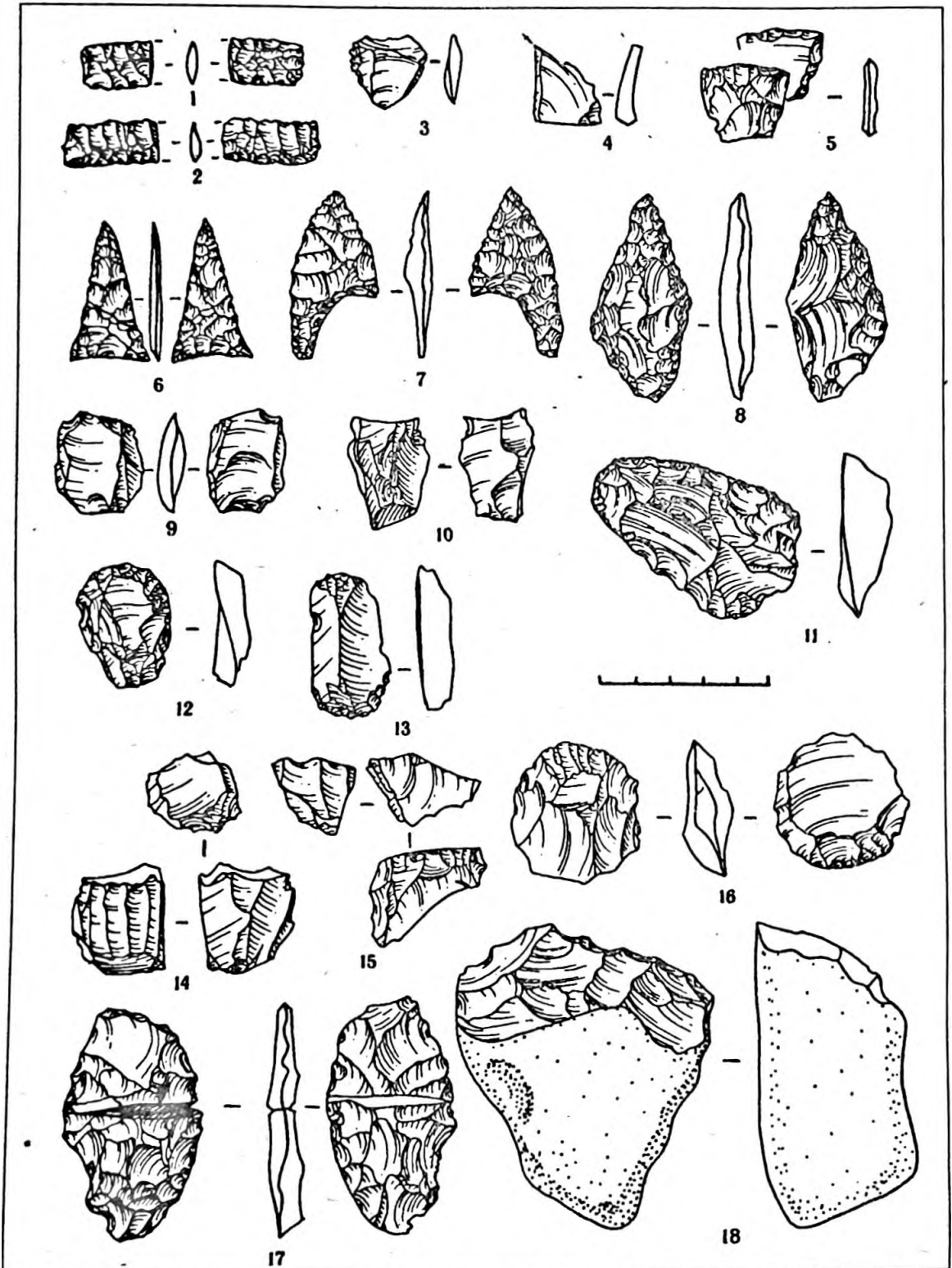

Рис.1. Каменный инвентарь неолитического слоя Майнинской стоянки. 1, 2 — вкладыши; 3 — зубчатое орудие; 4 — резец; 5, 9 — долотовидные орудия; 6-8, 17 — наконечники; 10, 14, 15 — нуклеусы; 11 — скребло; 12, 13, 16 — скребки; 18 — галечное орудие.

подство в инвентаре отщепов, скребла, скребки высоких форм, короткие наконечники стрел с выемкой в основании, зубчатые орудия (Семенов, 1984). Таким образом, бескерамический неолит майнинской стоянки можно датировать временем IV-V тыс. до н. э., древнейшая же керамика появляется на Верхнем Енисее не ранее III тыс.

Следует добавить, что немногочисленные четко стратифицированные неолитические комплексы с гребенчатой керамикой на Енисее в более северных областях (Унюк, Бирюса) также датируются весьма поздним временем (I половина III, в крайнем случае конец IV тыс. до н. э.) (Зяблин, 1973; Гурина, 1964). Мы не касаемся появившихся в последнее время у некоторых авторов беспочвенных построений относительно периодизации неолита Енисея, выделения здесь ряда локальных культур и т. п., ибо основываются они исключительно на малочисленных поверхностных сборах или памятниках с заведомо смешанными разновременными материалами (Виноградов, 1982).

Встает вопрос — представляет ли собой описанная выше картина развития культуры местную, сугубо локальную особенность горного уголка Саян или же это проявление более широких закономерностей? С целью разрешения данной проблемы обратимся к материалам других областей Южной Сибири.

На Алтае комплексу Майнинской стоянки по общему облику культуры близки материалы из самых верхних (1-2) горизонтов многослойного поселения Усть-Сема на Катунь (Кунгуров, Кадиков, 1981). Культурные остатки здесь залегают в почвенном горизонте и кровле отложений супесчаной пачки. К сожалению, хронологическая привязка их неопределенна. Как и на Майнинской стоянке, техника расщепления пластинчатая, основанная на призматических ядрищах, сосуществующих здесь с торцовыми, клиновидными и кельтовидными формами. Наконечники стрел представлены треугольными изделиями с выемкой в основании и с прямым основанием. Есть также обломок наконечника дротика и изделие с подшлифовкой. Остальные орудия — скребки на отщепах и пластинках, угловые и поперечные резцы на пластинках, регушированные пластинки, зубчато-выемчатые и долотовидные изделия, острия с выделенным жалъцем. Комплекс имеет много общего с индустрией нижележащих, средних горизонтов по морфологии ядрищ и скребков. Предполагается, что они близки и по возрасту. Авторы публикации рассматривают изученные ими слои как “ступени развития культур эпохи мезолита”. Термин “мезолит” появился здесь явно не без влияния работ иркутских исследователей, к которым мы сейчас и обратимся.

Как известно, археологи “иркутской школы” объединили все финально-плейстоценовые-раннеголоценовые индустрии юга Восточной Сибири под общим наименованием “мезолит”, включив сюда и памятники, традиционно относимые к позднепалеолитическим. В обобщающей работе ими выделено три этапа мезолита — ранний (плейстоценовый, 10-12 тыс. лет), средний (8-10 тыс. лет) и поздний (7-8 тыс. лет). Если между “ранним” и “средним” мезолитом: как справедливо отмечается, “сколь-либо значительных изменений в ассортименте индустрий на юге Восточной Сибири не произошло” (Медведев, Михнюк, Шмыгун, 1975: 75), то совершенно иным образом обстоит дело с финальным мезолитическим этапом. Здесь уже “практически нет” скребел и чопперов, доминируют пластинки и микропластинки. В числе характерных форм данного периода фигурируют поли-

эндрические резцы и сверла, срединные резцы на пластинах, острия из пластинок. Особо стоит выделить появление на этом этапе наконечников стрел, бифасиальных вкладышей, шлифованных шиферных острий и стерженьков рыболовных крючков. Вместе с зародившимся ранее, на "средне-мезолитической" ступени, теслами и топориками, налицо полностью неолитическая по облику каменная и костяная индустрия. К финальному мезолиту отнесены следующие памятники — 1 горизонт Усть-Белой, 2 горизонт Соснового Бора, 1 горизонт Верхоленской Горы I, низы стоянки Горелый Лес (на Верхней Ангаре), XI горизонт Улан-Хады, верхний горизонт Курлинских стоянок (на Байкале), 2 горизонт Шишкино II, Кистенево I и I горизонт Кистенево II (на Верхней Лене), XII-XIX горизонты Казачки и 3 горизонт Стрижовой Горы (на Кане), Чадобец в Северном Приангарье. Для большей части названных памятников, как и для ряда других, характерны такие же как в комплексе Майнинской стоянки, развитые неолитические формы изделий при отсутствии керамики. Датировки лежат в пределах V-VI тыс. до н. э.

Сложнее обстоит дело с территорией Забайкалья. Ю. С. Гришин в качестве примера бескерамического неолита приводит материалы стоянок у пос. Усть-Иля и в устье р. Хир-Хиры, где выработанные формы наконечников стрел и вкладыши не сопровождалась керамикой (Гришин, 1977). Однако данные эти отрывочны, возраст и характер памятников остается неясным. То же можно сказать и в отношении стоянки Сохатино 3, где известна находка наконечника стрелы на ножевидной пластинке. Каменный инвентарь этого памятника, по мнению И. И. Кириллова, "уже полностью соответствует ранне-неолитическому" (Кириллов, 1973: 182). Вместе с тем, на многослойных стоянках Западного Забайкалья, активно исследуемых в последние годы М. В. Константиновым, пока нет комплексов, типологически сопоставимых с докерамическим неолитом (Базаров, Константинов, Иметхенов и др., 1982). Таким образом, вопрос о существовании этой стадии к востоку от Байкала остается открытым.

Итак, бескерамический неолит представляет собой одну из закономерных ступеней развития культуры каменного века в Южной Сибири. Этот этап заполняет пробел между единым блоком культур финального плейстоцена-раннего голоцена (обозначаемых у разных авторов как поздний палеолит на Енисее и в Забайкалье, ранний и средний мезолит на Верхней Лене и в Приангарье) и собственно неолитом с керамикой. При всей неопределенности датировок, уже сейчас можно примерно отнести данную стадию к VI-V-IV тыс. до н.э. При этом возраст бескерамического неолита, вероятно, будет различным в разных областях столь обширного региона.

S.A. Vasil'ev

CONCERNING THE ACERAMIC NEOLITHIC OF SIBERIA

One of the most pressing problems for current Stone Age studies in Siberia is the understanding of the Early Holocene cultural development. The idea of the Aceramic initial Neolithic (Khin' Phase) was put forward by Okladnikov. It seemed to be characterised by the evolved Neolithic tool types and the lack of the pottery. During the realisation of a large-scale salvage project in the Upper Yenisei area a huge amount of the new data on this obscure period was obtained.

The important multicomponent Maininskaia sits alongside with the abundant Palaeolithic artifacts, yielded also the Neolithic assemblage. It was embedded into the bottom of the modern soil occurred in the SW part of the site.

The lithic industry is characterised by the blade technology. There are double-platform core, prismatic and flat microcores. The arrowheads are triangular-shaped with concave base or lateral notch, rhomboidal and oval-shaped. The assemblage yielded the bifacial inset tools, retouched bladelets, burins, splintered pieces, notched and denticulated tools, choppers. It resembles to the other Neolithic sites, lacking of pottery (1st layer of Ui II, Ust'Khemchik 3, Teplaia, the lowermost horizons of Malye Ury I etc.).

The assemblages assigned to the Aceramic Neolithic are widespread in the different parts of Siberia. They are thought to be dated sixth, fifth and fourth millennia B.C. They seemed to fill the temporal gap between the Epipalaeolithic (Mesolithic) cultures and the oldest ceramic assemblages.

Л. И. Рева

ХАЙЫРАКАН I — МОГИЛЬНИК ЭПОХИ БРОНЗЫ

Афанасьевская культура была выделена С. А. Теплоуховым после раскопок 18 курганов около Афанасьевой Горы в 1923 г. Он определил место культуры в хронологической последовательности археологических культур Минусинской котловины и дал ее краткую характеристику (Теплоухов, 1927: 57-112).

Долгое время регионом существования афанасьевской культуры считалась долина Среднего Енисея. Большие работы, связанные с крупными новостройками, изменили сложившееся представление. Работы советских исследователей С. В. Киселева, А. Н. Липского, М. П. Грязнова и других выявили много ярких памятников афанасьевской культуры на притоках Енисея. Могильники с керамикой афанасьевского облика были найдены на Алтае; вернее, были атрибутированы как афанасьевские курганы, раскопанные В. В. Радловым у с. Онгудай в 1865 г. Г. П. Сосновский на основании материалов Усть-Куюмского могильника выделил алтайский вариант афанасьевской культуры (Сосновский, 1941: 304-306).

Границы распространения культуры продолжают раздвигаться. В Туве, в Саянском каньоне исследовано многослойное поселение Тоора-Даш, где присутствует слой с керамикой афанасьевского типа (Семенов, 1982: 219-222). В. В. Волковым исследованы 5 курганов с керамикой с гребенчатым орнаментом в Монголии (Волков, 1980: 13-16).

А. М. Мандельштам в 1978 году исследовал два кургана с оградами афанасьевского облика на могильнике Хайыракан I. Топографическая ситуация памятника характерна для афанасьевской культуры. Могильник включает 5 курганов, расположенных на узкой, высокой террасе левого берега Енисея, почти вплотную примыкающей к горе Хайыракан.

Курган I представлял кольцевидное скопление камней диаметром 8 м. Центральная часть кургана свободна от каменного заполнения. После разборки развала каменного сооружения была выявлена круглая ограда диаметром 5 м из уложенных плашмя плит. В центре ограды была прослежена могильная яма прямоугольной формы, ориентированная по линии 3-В. Размеры ямы — 2,2×1,8 м, глубина — 0,95 м.

В заполнении встречались крупные камни, отдельные кости человека и животных, фрагменты дерева, угольки. На дне обнаружены сохранившиеся частично скелеты двух человек, ориентированные головой на запад. Определить первоначальное положение погребенных из-за плохой сохранности и ограбления не представляется возможным. Интересной деталью погребального обряда является наличие охры на костях погребенных и на дне ямы. Могила ограблена в древности, погребальный инвентарь отсутствует.

Курган 2. Первоначально просматривались 2 западины. После расчистки выявлен развал сооружения, занимавший площадь 7×8 м. В результате его разборки осталась овальная ограда из уложенных плашмя плит. Размеры ограды, вытянутой по линии 3-В, 4,5×5 м. В центре — трапециевидная могильная яма, ориентированная по линии 3-В. Размеры ямы: длина — 2,5 м, ширина западной части — 1,5 м, глубина — 1,05 м.

В заполнении ямы встречены остатки деревянных плах, лежащих поперек ямы, возможно, это остатки перекрытия. Там же на разных уровнях найдены кости человека: На дне ямы обнаружен неполный скелет человека. Судя по сохранившимся первоначальное положение тазовым костям и длинным костям ног, погребенный лежал на спине и был ориентирован головой на запад. Дно ямы и кости скелета интенсивно окрашены охрой, инвентарь отсутствует. Могила также была ограблена в древности.

Отсутствие материала и разрушенное погребение не позволили первому исследователю памятника уверенно атрибутировать его культурную принадлежность, а только отнести его к эпохе бронзы (Мандельштам, 1983: 5-6).

Есть еще одно обстоятельство, привлекающее внимание к курганам у горы Хайыракан. В каменном покрытии курганов были найдены фрагменты нескольких сосудов. Так в кургане I находились фрагменты венчиков от двух, достаточно крупных сосудов. Один — с валиком под венчиком, второй — фрагмент венчика с валиком и насечками и фрагмент этого же сосуда. Керамика выполнена из теста черного цвета с примесью дресвы, покрыта ангобом светло-коричневого цвета; орнамент прочерченный, состоит из опущенных вершиной вниз вписанных треугольников с заштрихованным внутренним пространством. Пространство между треугольниками заполнено пересекающимися прорезанными линиями. Форму сосуда и расположение орнамента определить невозможно. Орнаментированная зона отделяется от венчика сосуда тремя прочерченными линиями (рис. 1,3).

В кургане 2 найден фрагмент венчика крупного сосуда диаметром около 20 см. Тесто рыхлое, больше примеси дресвы, розовато-коричневого цвета. Край венчика срезан горизонтально, покрыт елочным прорезным орнаментом. Тулово сосуда также украшено елочным орнаментом, под венчиком проходит ряд "жемчужин", отделенных друг от друга тремя насечками. "Жемчужины" не выдавлены изнутри, а наклеплены снаружи.

В 1986 году исследование могильника Хайыракан I было продолжено. Установить точное место сооружений 1 и 2 не удалось, не сохранилось следов раскопа, но согласно описанию могильника, приведенному в отчете А. М. Мандельштама, они должны располагаться на расстоянии 300-500 м к юго-востоку от неисследованной части могильника, которая состоит из трех сооружений, расположенных компактной группой. Все три объекта были раскопаны в течение полевых сезонов 1987-1988 гг.

Первоначальный вид всех курганов одинаков — это отдельные камни на поверхности, западина не просматривается, т.е. нет четких внешних признаков. Кстати, возможно, что и эта причина играет свою роль в малочисленности памятников эпохи бронзы.

Курган 3 после расчистки представлял собой развал каменного сооружения кольцевидной формы. После разборки развала сооружение представляло овальную ограду, вытянутую по линии СЗ-ЮВ, вдоль естественного склона террасы. Размеры ограды — 6,0×4,5 м. В двух местах ограда разрушена, сохранившаяся часть имеет незначительную высоту — 0,16-0,20 м. Курган 3, как и остальные сооружения могильника, сложен из белого известняка горы Хайыракан. Могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами, размеры: 2,0×1,2 м, глубина — 0,87 м, длинная ось ямы ориентирована по линии ССЗ-ЮЮВ. В заполнении ямы встречались отдельные камни. Погребение разграблено, в юго-восточном углу ямы сохранились пяточная кость и несколько костей плюсны. Это дает возмож-

ность предположить, что погребенный был ориентирован головой на ССЗ. Конструкцию перекрытия проследить не удалось.

Через сооружение 4 была накатана степная дорога. Оно было сильно задерновано и производило впечатление естественного выхода известняка. Сильно разрушенный верхний слой каменного покрытия был снят в процессе расчистки, выявилась кольцевая ограда, сложенная из известняковых плит и камней средней величины. Кладка тщательно выровнена по внешней стороне кольца. Лучше всего ограда сохранилась в северо-западной части сооружения. Высота сохранившейся части ограды составляет 0,44 м, диаметр кольца — 4,0 м. Площадь внутри ограды равномерно заполнена камнями, часть которых просела в могильную яму. Среди просевших в яму камней были найдены три ромбовидных каменных наконечника, секировидный вкладыш и фрагмент венчика сосуда со слабыми оттисками гребенчатого штампа.

В центре ограды — могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами, ориентированная на линии ЮВ-СЗ. В северо-западной части яма немного уже, размеры ямы 0,6-0,8×1,8 м, глубина — 1,0 м. Погребение также полностью ограблено в древности. В придонной части северо-западного конца ямы лежало несколько крупных и средних камней, но характер их расположения не позволяет отнести их к конструктивным элементам перекрытия. Нет оснований предполагать, что камни опирались на деревянную основу, так как в могиле не прослежены остатки дерева.

Погребенный лежал на дне ямы на спине, руки вытянуты вдоль туловища, тыльными сторонами ладоней вниз, ноги согнуты в коленях и первоначально были подняты вверх. Так как могильная яма достаточно узкая, при падении колени оказались прижатыми к боковой стенке. Погребенный лежал головой на СЗ. Несмотря на отсутствие следов ограбления, скелет погребенного неполный — отсутствует череп. Самое вероятное предположение — труп был погребен без головы. При отделении головы были смяты шейные позвонки и срезан верхний эпифиз правой плечевой кости. Участок дна, который должен был находиться под черепом, кисти рук и стопы ног погребенного густо засыпаны охрой.

Внешний вид сооружения 5 идентичен предыдущим — несколько отдельных камней на поверхности. После расчистки и разборки развала выявлена небольшая кольцевая ограда диаметром 4 м, сложенная из крупных глыб и блоков известняка. В южном секторе сохранность ограды позволила легко восстановить первоначальный вид сооружения. Для возведения стенки ограды на этом участке использовались крупные блоки. Порядок расположения блоков сохранился и после падения стенки вовнутрь кольца. Первоначальная высота кладки составляла 1,0-1,2 м. Камни основания стенки были уложены на уровне древней поверхности, в высоту кладка состояла из 5-6 блоков (рис. 1,1).

Могильная яма отмечалась лишь несколькими просевшими камнями, пятно не прослеживалось. Яма незначительно смещена к северу, имеет прямоугольную форму с закругленными углами. Центральная ось ямы ориентирована по линии ЗСЗ-ВЮВ. Размеры ямы: 1,9×1,05 м, глубина ямы — 0,6 м.

В юго-восточной части ямы зафиксированы сползшие вниз, возможно, по грабительскому ходу, камни сооружения. В заполнении встречались отдельные крупные угли, но ни их размер, ни их расположение не дают оснований видеть в них остатки деревянного перекрытия ямы. Это погребение также полностью ограблено. На дне ямы, в юго-восточной части,

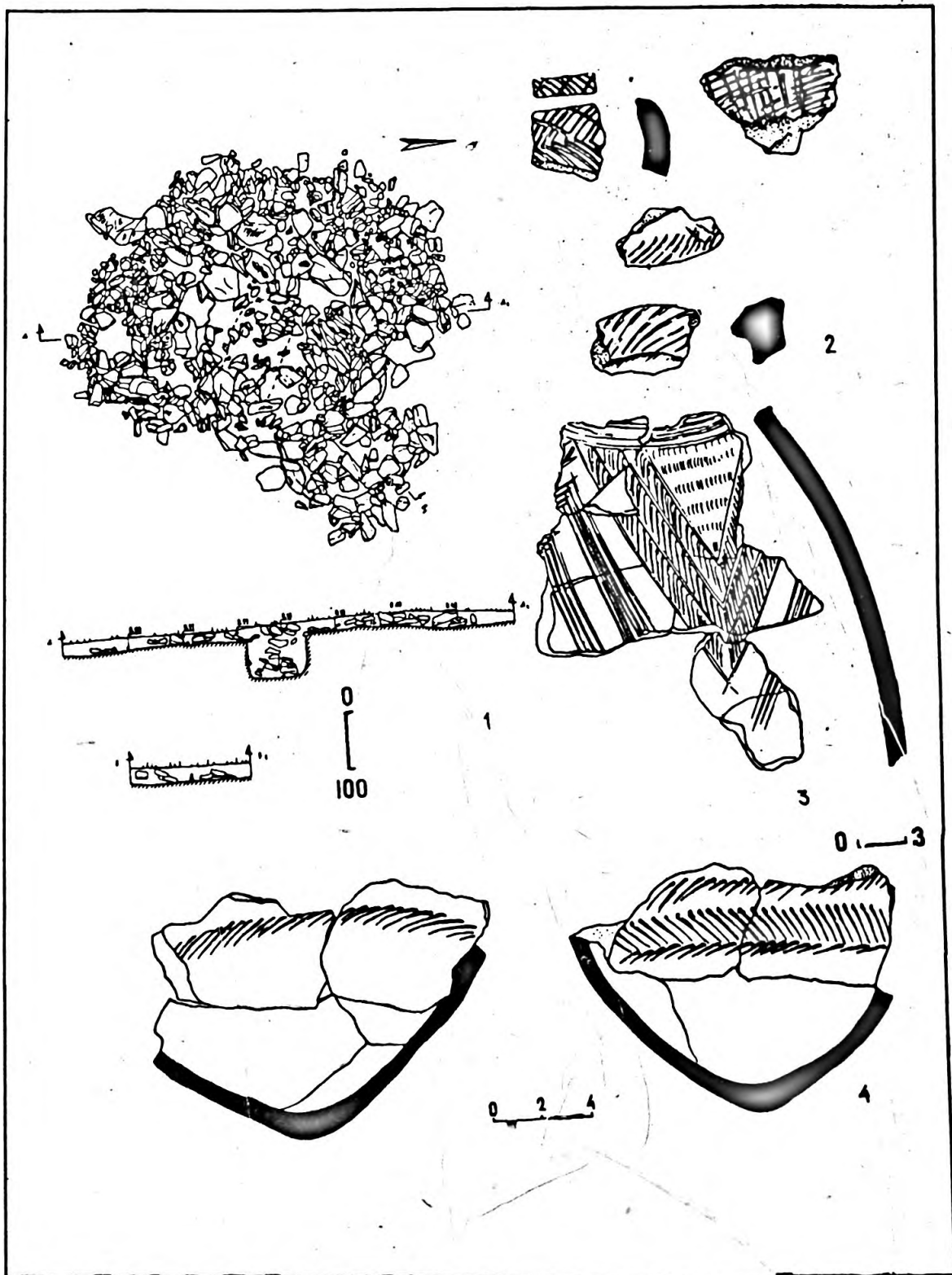

Рис. 1. Могильник Хайыракан I. 1 — план и разрез кургана 5, 2, 4 — керамика из кургана 5, 3 — керамика из кургана 2.

лежали кости стопы взрослого человека в анатомическом порядке. По-видимому, погребенный был ориентирован головой на северо-запад. На дне, ближе к середине ямы, прослеживались пятна охры, вероятно, у кистей рук, в северо-восточной части — пятно мела. На дне ямы также встречались древесные угли и пятна органического тлена.

С внешней, юго-восточной стороны ограды, был хорошо виден выкид из грабительской ямы. Именно в нем был найден фрагментированный остродонный сосуд, который был изготовлен из плотного темного теста с примесью дресвы. Высота сохранившейся части сосуда — 12 см, диаметр сосуда — 14 см. Стенки достаточно тонкие — 0,6-0,7 см. Сосуд вылеплен ленточным способом, причем верхний край нижней ленты налегает на нижний край верхней ленты. Стыки тщательно заглажены, по-видимому, пучком травы. Придонная часть сосуда не орнаментирована. Средняя часть сосуда орнаментирована наклонными оттисками палочки, ряды которых располагаются в елочном порядке (рис. 1,4).

В восточной части сооружения под одним из крупных камней ограды найдены еще несколько фрагментов керамики. Это фрагмент слабо профилированного венчика сосуда с жемчужным орнаментом и три фрагмента керамики, покрытой светлым ангобом. Все три фрагмента происходят от одного сосуда — вазочки на поддоне. Срез венчика и орнамент под ним выполнен отступающей палочкой, средняя часть вазочки декорирована сеткой, образованной пересечениями оттисков палочки, нижний срез поддона также декорирован (рис. 1,2).

В юго-западном секторе выделена прямоугольная пристройка у ограде размерами 1,8×1,4 м. Камни уложены на уровне древней дневной поверхности, но внутри пристройки никаких культурных остатков не обнаружено.

Керамика сооружения 5 позволяет с уверенностью отнести могильник Хайыракан I к алтайскому варианту афанасьевской культуры. Об этом свидетельствуют островчатая форма сосуда, элементы декора — наклонные оттиски палочки, шагающая гребенка, оттиски зубчатого штампа по венчику. Эти же черты присутствуют в декоре керамики 5-го слоя стоянки Тоора-Даш. Ромбовидные каменные накопечники 5-го слоя стоянки несколько превосходят размерами накопечники из могильника, но относятся к тому же типу орудий.

Такая категория сосудов, как вазочки на поддоне редко встречаются в сибирских памятниках и поэтому привлекают большое внимание. Вазочка на поддоне из могильника Хайыракан I имеет наибольшее сходство с вазочкой из могильника Летник VI (Валенская, 1986а: 52, рис. 19). Те же признаки погребального обряда могильника хайыракан I, отличающие последний от минусинских памятников, сближают его с могильником Летник VI. Надо отметить, что могильник Летник VI расположен у выхода Енисея из Саянского каньона, т.е. это самый близко расположенный к Хайыракану I из минусинских памятников.

Погребальный обряд хайыраканских курганов находит близкие аналогии в обряде погребений Алтан сандала и Шатар-чулуу. Это и формы наземного сооружения, и могильной ямы, ориентация погребенного, окрашенность кос яков охрой, а также практически полное отсутствие сопроводительного инвентаря (Волков, 1980: 13-16). На Алтае наиболее близкие параллели мы находим в могильниках Курота 2, Ело 1, Ян-Улаган (Киселев, 1951: 57).

Исследование погребений у горы Хайыракан и стоянки Тоора-Даш позволяет включить Туву в ареал обитания носителей афанасьевских традиций.

Вернемся еще раз к керамике, найденной в насыпях курганов 1 и 2. На территории Тувы подобная керамика найдена впервые. Тем более интересно отметить ее сходство с керамикой ирменской культуры. Те же орнаментальные мотивы — заштрихованные треугольники, “жемчужины”, разделенные насечками, прочерченные линии под венчиком, елочный орнамент; характерна и техника нанесения орнамента (Бобров. 1979: 50). Количество материала не дает возможности делать по этому поводу широкие исторические обобщения. Скорее всего, афанасьевские курганы были использованы вторично в качестве поминальников в более позднее время и, возможно, не постоянно обитавшей на этой территории группой, а пришедшим населением.

Reva J.L.

KHAIYRAKAN I — BRONZE AGE CEMETRY

The article “Khaiyrakan I — Bronze Age cemetery” is the first to study the barrows of the afanasjevskaya culture while in the previous articles afanasjevskaya culture was represented only as settlements in Tuva.

The specific features of barrows and the utensils there in make it possible to correlate this cemetery with the Altay variant of afanasjevskaya culture.

The pottery found in the earth pile above the ground level strongly suggests the existence of the links with the Altay of the Later Bronze Age.

В. А. Семенов, М. Е. Килуновская, К. В. Чугунов

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ПРАВОБЕРЕЖЬЕ УЛУГ-ХЕМА

Археологические работы на правом берегу Улуг-Хема связаны со строительством дороги между поселками Эрбек и Баян-Кол и финансировались в течение 4 лет с 1985 по 1988 гг. объединенной конторой строящихся дорог — Тувавтодор. Протяженность дороги Эрбек-Баян-Кол 58 км. Она соединяет вышеназванные поселки, расположенные на правом берегу Улуг-Хема при впадении в него одноименных рек, стекающих с южных склонов Уюкского хребта. Дорога проходит среди живописных горно-степных ландшафтов, резко контрастирующих с пойменными лесами, произрастающими вдоль Улуг-Хема и его притоков. Раскопки велись на 8 могильниках — Чарга, Ангор-Хову, Суглуг-Хем I и II, Чайлыг-Хавак, Нижний Курбусту, Хорум, Баян-Кол, Сарыг-Булун, где в общей сложности было исследовано 48 различных курганов и кроме того открыто 5 эпиграфических памятников, из них 3 стелы и 1 кыргызское изваяние с орхоно-енисейскими рунами и 1 тибетская надпись, найдено 5 оленных камней и 2 скопления наскальных изображений различных кочевнических эпох. Хронологический диапазон исследованных объектов очень велик — от курганов монгун-тайгинского типа до этнографических погребений XVI-XVIII вв. н.э., впущенных в насыпи более древних курганов.

Курганы монгун-тайгинского типа были исследованы на могильниках Чарга, Суглуг-Хем, Нижний Курбусту и Баян-Кол. Их всего 10. Наиболее ранний из этих курганов раскопан на правом берегу р. Баян-Кол. Это круглое в плане сооружение (ограда сложена из крупных окатанных валунов) диаметром 12 м и с плоской насыпью. Погребенный покоился в узкой яме без перекрытия глубиной 0,3 м, на левом боку головой на запад, ноги были слегка согнуты в коленях.

Подобные погребения исследованы на могильниках Сут-Холь, Бай-Даг III, Торгалык II и др. (Грач, 1966: 56-60; Семенов, 1986: 200-201). По ряду признаков такие захоронения датируются предскифским временем. На Чарге исследован курган с цистой раннескифского времени. Диаметр кургана 17 м, размеры цисты 2×1×0,8 м. Она сложена из горизонтально уложенных плит и полностью разграблена. В насыпи кургана обнаружена керамика с налепными валиками, бронзовое височное кольцо и бронзовый нож с S-видной валютой на ручке (рис.2), который может быть датирован VII-VI вв. до н.э. или даже VIII в., что соответствует общепринятой дате кургана Аржан (Грязнов, 1983: 3-18). Другой курган с захоронением в цисте был раскопан на могильнике Нижний Курбусту. Костяк и часть цисты оказались разрушены. Сама же циста длиной 3 м ориентирована в направлении В-З. Остальные “монгунские” курганы не содержали ни погребений, ни каких-либо вещей. Часть их, как это наблюдалось на могильнике Суглуг-Хем I курган 17, использовалась в более позднее время. В этом кургане открыто 2 детских захоронения в каменных ящиках, а в развале надмогильного сооружения с разрушенной наземной камерой найден брон-

зовый нож, железная заколка и несколько фрагментов керамики. К раннескифскому времени можно отнести и большой курган на могильнике Хорум, наиболее близкий по своим конструктивным особенностям керексурам Центральной Азии. Курган этот имел внешнее кольцо из горизонтально уложенных плит диаметром 25 м и внутренний курган 12 м в поперечнике и высотой 0,8-0,9 м. Крепида кургана построена из крупных валунов. В центре неглубокая яма с разграбленным погребением. Во внутреннем кольце найден олений камень с ожерельем, тремя полосами на лицевой стороне и серьгой. Между внешним и внутренним кольцом сохранились остатки одного "луча".

Следующий хронологический горизонт представлен погребениями в каменных ящиках алды-бельского типа и погребениями в срубках без керамики. Эти ранние срубы под каменными курганами погружены в глубокие, иногда свыше трех метров ямы. Высота срубов 2-3 венца, плахи пола и перекрытия параллельны друг другу. Срубы занимают центральное положение в курганах, поэтому они, как правило: разграблены. Подобные срубы исследованы на могильниках Чарга (курганы 2 и 3), Сарыг-Булун и Баян-Кол (курган 1). Иногда курганы перекрывают друг друга. В таких случаях наблюдается микростратиграфия, позволяющая выделить более ранние комплексы. Так на могильнике Чарга более древний курган 3 был перекрыт курганом 2, что ясно видно из того, что погребальная яма второго кургана прорезала каменное кольцо кургана 3. К сожалению, сруб этого кургана был ограблен и вещевой комплекс, полученный из погребения, не велик. Удалось установить, что погребенных было 4. Датирующих вещей при них не найдено. Остались только нашивки на одежду из золотой фольги, обломок рукоятки бронзового ножа, сломанная трехперая бронзовая стрела, бронзовая игла и костяное острие. В более позднем срубке сохранились 33 бронзовых и 2 костяных наконечника стрел, бронзовая обойма, зооморфная подвеска в виде миниатюрного кабана на бронзовом стержне, 2 железные шпильки или булавки, обтянутые золотой фольгой, 3 проволочных золотых колечка, 5 нашивок из золотой фольги. Из 3 бронзовых наконечников стрел 2 трехгранные втульчатые и 31 трехперый с

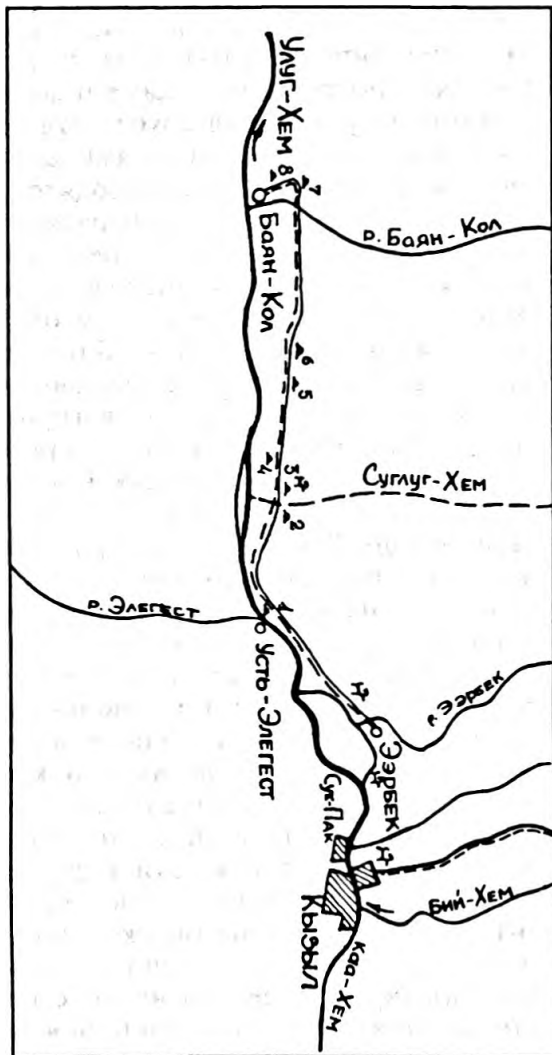

Рис.1. Карта-схема археологических памятников по дороге Ээрбек-Баян-Кол. 1. Чарга; 2. Ангор-Хову. 3. Суглуг-Хем; 4. Чайлыг-Хавак; 5. Нижний Курбусту; 6. Хорум; 7. Баян-Кол; 8. Сарыг-Булун.

выделить более ранние комплексы. Так на могильнике Чарга более древний курган 3 был перекрыт курганом 2, что ясно видно из того, что погребальная яма второго кургана прорезала каменное кольцо кургана 3. К сожалению, сруб этого кургана был ограблен и вещевой комплекс, полученный из погребения, не велик. Удалось установить, что погребенных было 4. Датирующих вещей при них не найдено. Остались только нашивки на одежду из золотой фольги, обломок рукоятки бронзового ножа, сломанная трехперая бронзовая стрела, бронзовая игла и костяное острие. В более позднем срубке сохранились 33 бронзовых и 2 костяных наконечника стрел, бронзовая обойма, зооморфная подвеска в виде миниатюрного кабана на бронзовом стержне, 2 железные шпильки или булавки, обтянутые золотой фольгой, 3 проволочных золотых колечка, 5 нашивок из золотой фольги. Из 3 бронзовых наконечников стрел 2 трехгранные втульчатые и 31 трехперый с

плоским черешком (рис. 2). На многих из них сохранились остатки древков с обмоткой. В обоих срубах не найдено ни одного фрагмента керамики. Ориентированы они углами по странам света. В кургане 2 обнаружено 2 детских погребения в каменных ящиках, расположенных к западу от основного погребения в срубе. Эта особенность сближает погребения в срубах без керамики с курганами алды-бельского типа, где и центральное и боковые захоронения производятся в каменных ящиках или в колодах (детские). Такие курганы были раскопаны на могильниках Ангор-Хову, Суглуг-Хем 1, Баян-Кол (здесь центральное погребение было в срубе). На могильнике Сарыг-Булун два кургана перекрывали друг друга, притом в более раннем кургане центральное и одно из боковых погребений совершено в каменных ящиках, одно из боковых (женское) — в яме, обложенной булыжниками и перекрытое деревянными жердями, а в более позднем кургане главное захоронение — в грунтовой яме с остатками дерева, и одно боковое (подростка) в колоде. Кроме того, 2 захоронения младенцев в маленьких каменных ящичках впущены в крепиду. Керамика встречалась только в насыпи кургана. На Баян-Коле вокруг центрального погребения открыто еще 8 ям, 7 из которых являлись кенотафами, т.е. не содержали даже и намека на погребения, в одной же из ям найдены кости ребенка и украшения из золота (рис. 2). Из всего выше сказанного видно, что погребальный обряд в курганах алды-бельского типа разнообразен.

Первоначально алды-бельские погребения были известны только на правом берегу Енисея и в низовьях Хемчика. В 1984 г. они были открыты в Торгалыкской степи у подножья Восточного Танну-ола (Семенов, 1985). Локальную группу представляют курганы алды-бельского типа на могильниках Ангор-Хову и Суглуг-Хем. На Ангор-Хову внешнее кольцо такого кургана представлено отдельно стоящими вертикальными плитами. Внутри этого кольца все камни кургана также стояли вертикально, но затем покосились и упали вовнутрь, что произошло, вероятно, после ограбления центрального захоронения, которое было совершено в яме глубиной 1,7 м. В яме стоял каменный ящик величиной 1,8×0,95×0,6 м, ориентированный по длинной оси с севера на юг с небольшим отклонением на С-3 — Ю-3. Остатки перекрытия находились в заполнении ямы, здесь же в заполнении на глубине 60 см от древней дневной поверхности обнаружены фрагменты от сосуда со штрихованным орнаментом. Кости погребенных встречались на всех уровнях, как в заполнении ямы, так и в самом ящике. Всего, судя по остеологическим остаткам, в могиле находилось 2 скелета. Случайно уцелевшие вещи — пастовые бусины: фрагменты железных предметов и золотое кольцо, были найдены в заполнении ящика (рис. 2).

Могильник Суглуг-Хем компактно расположен на небольшом останце, с восточной стороны которого проходит русло р. Суглуг-Хем (рис. 1). С юга от этого останца проложена трасса дороги Эрбек-Баян-Кол. Могильник представляет сложный комплекс погребальных сооружений двух видов — погребений с курганными надмогильными сооружениями и грунтовых, которые хорошо читаются по западинам на дневной поверхности. Курган 1 могильника Суглуг-Хем оказался на краю карьера. Его диаметр 11 м, высота насыпи 0,7 м. Конструкция этого сооружения повторяет конструкцию кургана 5 на могильнике Ангор-Хову. Курган был окружен кромlexом из врытых на ребро плит, образующими род крепиды. Сооружение внутри этой крепиды состояло из поставленных вертикально рядов камней, которые свалилось. Оно было разрушено в результате ограбления и позднее-

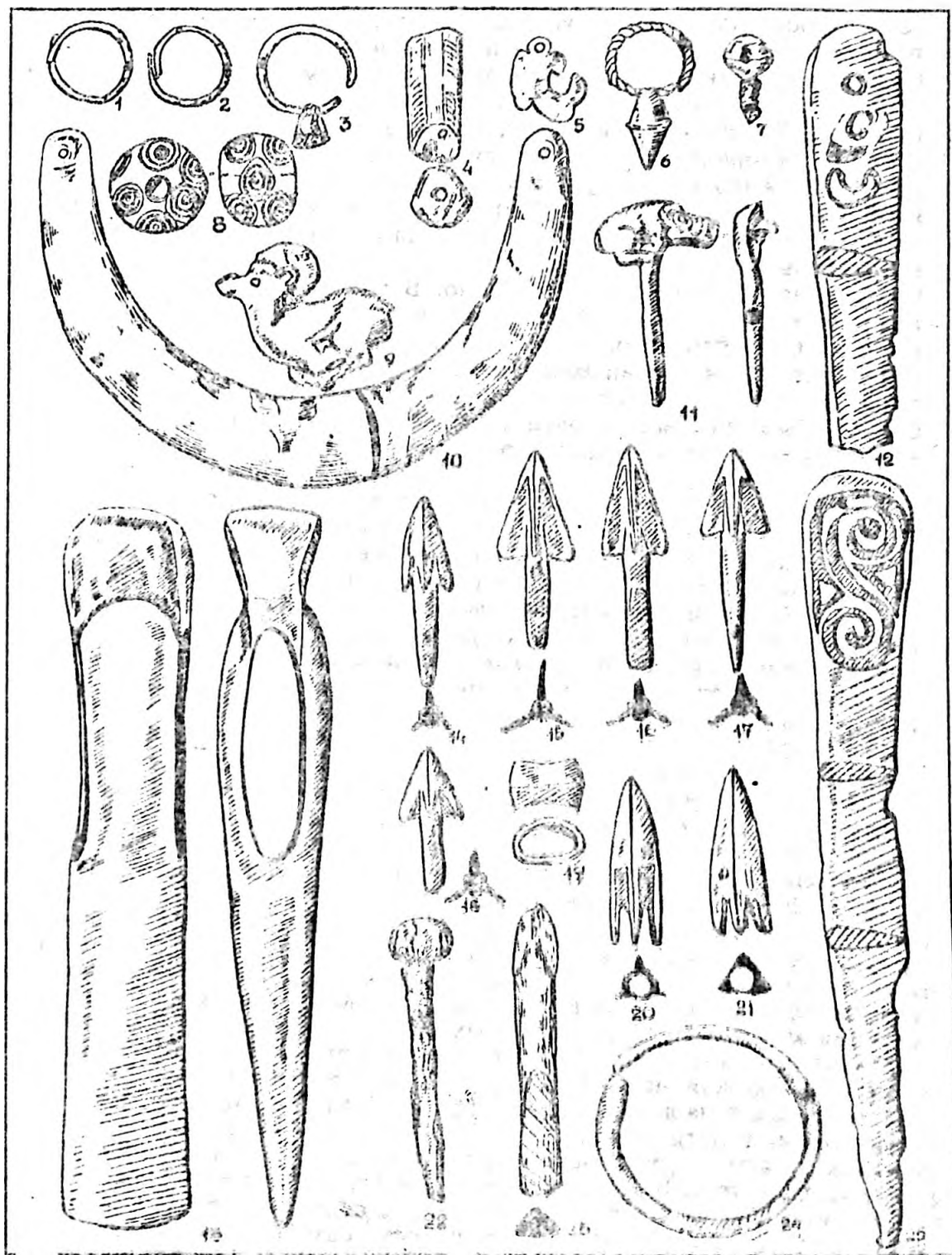

Рис. 2. Находки на курганах: 3, Ангор-Хова; 1, 2, 7, 11, 12, 24, 25 — Чарга; 5, 6, 9, 10 — Баян-Кол; 4, 8, 13, 3 — Ангор-Хову; 5, 6, 9, 10 — Баян-Кол, Суглуг-Хем, курган 1; 4, 13: Суглуг-Хем, объект 2-8; остальное — Чарга; 1, 3, 5, 6, 9, 10 — золото; 7, 22 — железо, золото; 4 — камень; 8 — глянчатая бусинка; 23 — кость; остальное — бронза

го подхоронения в центр кургана. При разборке сооружения с северо-западной стороны найден бронзовый проушной топор и с юго-восточной — бирюзовая бусина (рис. 2). Аналогии подобным топорам в Туве нам не известны, но на Алтае два таких топора происходят из числа случайных находок (Абдулганеев, Кирюшин, Кадиков, 1982: 52-77, рис. 6,2-3). С юго-восточной стороны под насыпью кургана местами встречались угли и мелкие кости животных. Центральное захоронение совершено в каменном ящике, помещенном в яме глубиной 0,9 м. Сверху яма имела размеры приблизительно 2×2 м, на глубине 0,3 м был сделан уступ и с этого уровня в материк был впущен ящик размером 1,2×0,6×0,5 м. Как уже говорилось, центральное погребение разграблено. В могиле остался череп человека, длинные кости рук и ног, Ориентация ящика С-Ю, с небольшим отклонением на С-В. Вероятно, погребенный, помещенный скорченно на левом боку, был ориентирован головой на север. Из погребального инвентаря сохранился только пастовый бисер голубого и белого цветов, сердоликовая бусина с выжженным крестовидным орнаментом и бронзовая поясная пряжка. Впускное погребение располагалось у западной стенки ямы. Здесь был сооружен каменный ящик 1,4×0,5×0,4 м. Перекрытие состояло из плоских небольших плит. Погребенный лежал вытянуто на спине головой на север. В области тела найден железный нож с обломанным кольцевым навершием, железная круглая бляшка, обломки железных предметов. В ногах у ступней были две круглые пряжки с язычками, возможно, застежки от обуви. Погребальный обряд и сопроводительный инвентарь позволяют уверенно отнести это погребение к гунно-сарматской эпохе и сопоставить с погребениями кокзельского типа. В западном секторе кургана внутри ограды находилось еще одно захоронение, совершенное в деревянной колоде. Сверху это погребение было заложено плитняком. Колода ориентирована по длинной оси с юго-запада на северо-восток. Она имела размеры 1,2×0,4×0,15 м. На месте лежал только череп, все же остальные кости смещены со своих мест и растащены сусликом. Из сопроводительного инвентаря сохранились бусы из стеклянной пасты, находившиеся около черепа, с правой стороны черепа лежало колечко из золотой фольги, еще 2 золотые пластинки, 2 колечка из золотой фольги найдены в районе шейных позвонков. Вероятно, это была гривна.

Помимо курганов монгун-тайгинского и алды-бельского типов на могильниках Суглуг-Хем I и II раскопано 12 срубов уюкско-саглынского типа. Все эти срубы не имели надмогильных сооружений и на поверхности земли отмечены небольшими западинами, образовавшимися в результате проседания могил. Из 12 раскопанных срубов неразграбленными оказались всего 3 или 4. Число погребенных варьирует от 1 до 9. Погребенные ориентированы головой на С-З, З и С. В одних и тех же срубах встречаются погребения как на левом, так и на правом боку. Вместе со взрослыми часто похоронены и дети. Иногда детские погребения в колодах или каменных ящиках являются впускными и расположены вдоль С-З стенки сруба или в его западном углу. В зависимости от ориентации сруба погребенные помещаются в С-З, западную или северную его половину, тогда как через Ю-В, восточную или южную часть совершались подхоронения, в связи с чем на перекрытии часто устанавливались парные стелы, маркирующие эти зоны. Срубы на Суглуг-Хеме сложены, как правило, в 5 венцов. Перекрытия опираются на ЮЗ-СВ стенки, тогда как пол настлан в направлении СЗ-ЮВ. В срубах много керамики самых разнообразных форм. Часть керамики-

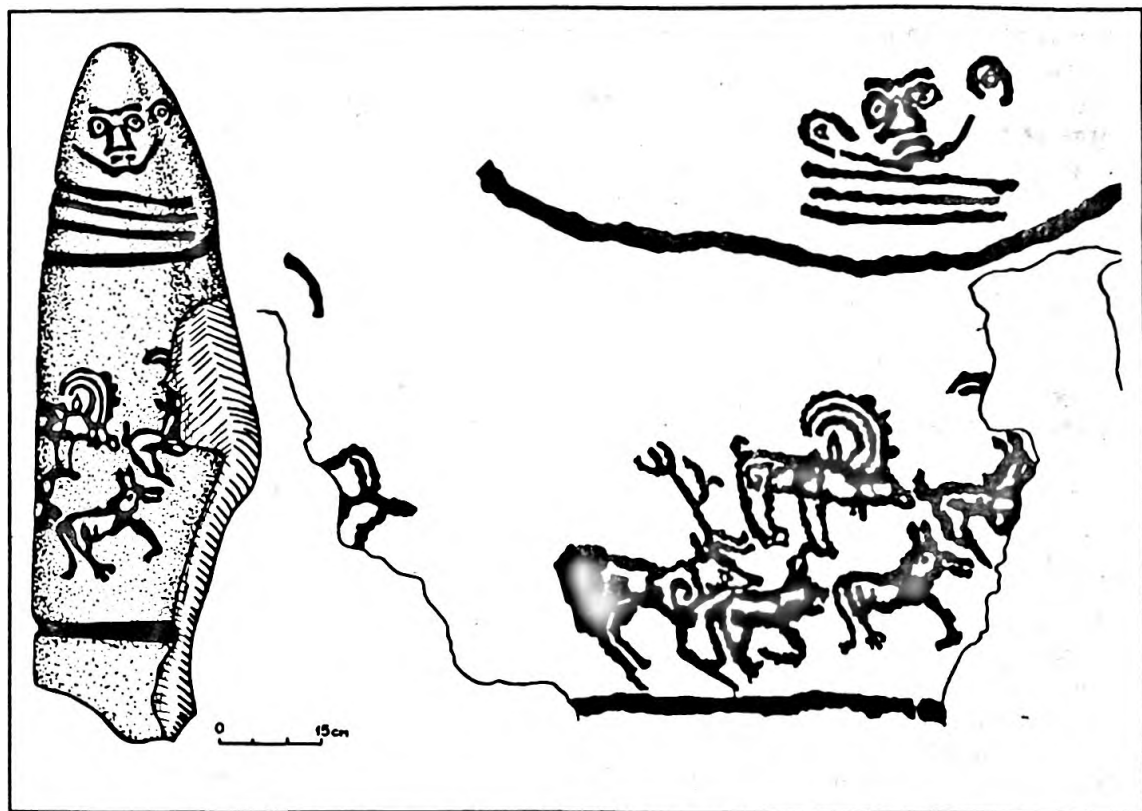

Рис.3. Олений камень из могильника Чарга.

ки имеет расписной орнамент. Из других предметов можно отметить бронзовые и костяные наконечники стрел, бронзовые ножи, зеркала с боковыми ручками, железные булавки, костяные и бронзовые пряжки, железный акинак, втоки (чеканы унесены при ограблении?). Время существования срубов на могильнике Суглуг-Хем может быть определено III-II вв. до н.э.

Рядом с могильником на скалах горы Хербис были найдены петроглифы скифского и гунно-сарматского периодов. Впускное погребение козельского типа было исследовано в алды-бельском кургане 1 на могильнике Суглуг-Хем I, о чем мы говорили выше. Поминальники гунно-сарматского времени исследовались на могильнике Ангор-Хову. Пять курганов — 2 на Ангор-Хову, 2 — на Чайлык-Ховак и 1 — на Хоруме относятся к кыргызскому времени и им будет посвящена специальная публикация. Встречаются здесь и раннетюркские оградки со стелами и рядами балбалов. Самое позднее погребение было открыто в насыпи кургана 1 на могильнике Баян-Кол. Это погребение относится к XVII-XVIII вв. Погребенный лежал на спине, головой на восток, но череп уже отсутствовал. Сопровождающий инвентарь — седло, железные удила, нож, крючок от колчана и 2 наконечника стрел — один с костяной свистулькой-молдурук не оставляет сомнения в возрасте этой могилы. В насыпях некоторых курганов могильников Баян-Кол, Сарыг-Булун, Чаллыг-Ховак встречаются спрятанные земледельческие орудия — серпы, лемеха и отвалы плугов, возможно, предмонгольского и монгольского времени.

К уникальным находкам относится олений камень, обнаруженный возле г. Чарга в 1985 г. рядом с поминальным сооружением, в центре кото-

рого первоначально находился деревянный столб, а у юго-восточного края выявлено основание еще одной каменной стелы. Поминальный входил в цепочку из 7 подобных сооружений. Олений камень по вертикали расчленен на 3 зоны двумя горизонтально выбитыми линиями: верхней, имитирующей ожерелье, и нижней — пояса. Выше ожерелья выбиты 3 косые линии, а выше этих линий — антропоморфная личина. Личина выполнена контурно. Подчеркнут нижний овал лица с вдавленным внутрь подбородком. Округлые глаза с точкой внутри соединяются с носом. Нос V-образной формы и рот показаны одной линией; спускающейся углами к низу, напоминают изображения на алтайских камнях, в частности на чуйском камне (Кубарев, 1979: 85, рис. 29). Над глазами смыкающимися дугами показаны брови. Уши нанесены отдельно от овала лица двумя скобками с небольшими кругами внутри. Изображение личины на Чаргинском камне ставит этот памятник в один ряд с наиболее ранними камнями Монголии, Забайкалья и Алтая. Она имеет определенные стилистические особенности, которые сближают ее также с окупевскими личинами (двойные глаза, рот). Этнографической параллелью Чаргинской личине являются изображения лиц духов на шаманских повязках Тувы (Дэвлет, 1976: 20, рис. 14). Между ожерельем и поясом в средней части камня изображены пара хищников, наделенных чертами псовых и кошачьих животных, козел, олень, остатки еще каких-то изображений. Вероятно, первоначально процессия животных опоясывала весь камень. Все животные Чаргинского камня выполнены контурно, точечной техникой, внутреннее пространство тел заполнено линиями и характерными для скифского звериного стиля завитками на круге. Олень — самое крупное изображение на камне. Оно сделано в реалистичной манере, со слегка поднятым крупом и выступающей холкой на спине, ноги в позе "внезапной остановки" (правда, задняя часть сохранилась плохо). Подобные изображения характерны для скифского искусства и относятся к раннему типу изображения — аржанскому, VIII-VII вв. до н.э. Наиболее близкими этому камню являются гравировки на стеле из Бейского района Хакасии (Дэвлет, 1980, рис. 23).

V. A. Semenov, M. E. Kilunovskaya, K. V. Chugunov

ARCHAEOLOGICAL INVESTIGATIONS OF THE RIGHT BANK OF ULUG-KHEM

During four years, from 1985 to 1988, archaeological rescue works have been carried by the Erbek — Bayn-Kol road built along the right bank of the Ulug-Khem river. Eight burial sights were investigated: Charga, Angor-Khovu, Suglug-Khem I and II, Chailyg-Khavak, Aldy-Kurbustu, Khorum, Bayn-Kol and Jaryg-Bulun. In all 48 barrows of different types and periods have been excavated there. In addition five inscriptions of the Kyrgyz period and one Tibetan inscription were discovered within the same region, as well as five "deer-stones" and two sites with petroglyphs. The chronological scope of the monuments investigated is rather wide: from barrows of the Mongun-Taiga type to the 17th-18th century burials found within the stone mounds of earlier barrows.

Most interesting are the burial grounds of Sulug-Khem I and II where a barrow of the Aldy-Bel type and several late-Jagly log-hut burials of the 3d-2nd centuries B.C. were excavated. Noteworthy is the "deer-stone" found at the burial site of Charga, where two 5th century B.C. barrows, several burials of the Mongun-Taiga type and some ritual edifices have been investigated.

The investigations carried within the area along the Erbek — Bayn-Kol road testify to the presence there of a variety of monuments representing all the barrow cultures of Tuva.

С. Б. Гультов

АНДРОНОВСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ МОГИЛЬНИКА АШПЫЛ

С момента публикации А. Д. Тугариновым Андроновского могильника, давшего позднее название одной из ярчайших культур эпохи бронзы, прошло свыше 60 лет (Тугаринов, 1926: 153-158). Только перечень изученных за истекший период памятников: поселений, могильников, “жертвенных мест” и отдельных находок, — может составить солидный том. Территория, занятая памятниками культуры или, как принято теперь называть — андроновской культурной общности, на разных этапах своего развития только в направлении с запада на восток протянулась свыше чем на 3000 км (Кузьмина, 1985:24). Существует целый ряд хронологических (абсолютных и относительных) разработок как для культуры в целом, так и для отдельных регионов ее распространения, в частности, для Минусинской котловины (Максименков, 1978: 3-190). В обобщающей работе Г. А. Максименкова, где дана характеристика андроновских памятников на Енисее, учтено лишь два могильника этой культуры, известных к тому времени на территории Ачинско-Мариинской лесостепи.¹ С момента появления в печати этого свода на вышеуказанной территории (Ачинско-Маркинская лесостепь) начались широкомасштабные археологические исследования, проводимые ЛОИА АН СССР и кафедрой археологии Кемеровского ГУ. Значительно увеличилось количество открытых памятников, но сведения о них поступали лишь в виде сжатого изложения в сборниках “Археологические открытия”.² В данной статье дается по возможности полная характеристика погребальных сооружений и инвентаря могил андроновской культуры, раскопанных у озера Ашпыл в Шарыповском районе Красноярского края Сибирской экспедицией ЛОИА АН СССР (Гультов, 1982: 103-104).

Курганный могильник Ашпыл, относящийся к тагарской культуре скифского круга, находится на высоком коренном правом берегу р. Кадат (гидросистема Чулымского бассейна) в 600-700 метрах юго-западнее озера Ашпыл и в 2,5 км к северо-западу от г. Шарыпово. Раскопки первых же курганов в юго-западной части могильника, ближе к береговому обрыву, дали материал иного культурного облика, что позволило предполагать о существовании здесь более древних погребений эпохи бронзы. Так, например, в заполнении могилы раннетагарского времени (курган 21)³ была обнаружена бронзовая серьга с раструбом, обложенная тонким золотым листом, принадлежность которой к андроновской культуре ни у кого не может вызвать сомнений (рис. 2,3). Серьга найдена в юго-восточном углу могилы, каких-либо остатков погребения эпохи бронзы не прослежено.

Курган 31 (рис. 1). В насыпи кургана встречены беспорядочно лежащие песчаниковые плиты, ни одна из которых не вкопана на ребро, как

¹ В книге Г. А. Максименкова не приводится характеристика могильника Ур-Бердери. См. Елькин, 1967: 89-95.

² См. статьи В. В. Боброва, Э. Б. Вадецкой, С. Б. Гультова А. М. Кулемзина: А. И. Мартынова в сб. “Археологические открытия” за 1978-1983 гг.

³ В статье сохранена полевая нумерация, единая для всего могильника.

это принято для оград тагарского времени, все они находятся в горизонтальном положении — скорее всего это остатки разрушенного сооружения эпохи бронзы. На выкиде из могилы тагарского времени собраны фрагменты сосудов, орнаментированных мелкозубчатым штампом и уголковыми вдавлениями (рис.2,6). Фрагменты принадлежат не менее чем четырем сосудам, на двух из них меандровые композиции, столь характерные для керамики (Федоровской) андроновской культуры. Расчищенная могильная яма в своей южной части была несколько шире, сруб с погребениями тагарского времени занимал лишь северную ее, более узкую часть. К югу от сруба в заполнении ямы встречены плиты, а на самом дне обнаружены 4 бронзовые бусины с ребром посередине (рис. 2,2) — все, что осталось от разрушенной тагарцами могилы эпохи бронзы. Восстанавливаемые размеры более ранней могильной ямы — $2,1 \times 2,8$ м и глубина 0,6 м (все глубины в тексте даются от уровня материка), предполагаемая реконструкция — каменный ящик. Всего в кургане (по черепам было погребено 5 человек: 4 мужчин — 40-45 лет, 40 лет, среднего возраста и 2 женщины — 30-40 лет, за 60 лет.⁴ Исходя из размеров сруба и погребального инвентаря в тагарской могиле было похоронено 3 человека. Значит, в андроновской — два, но кто из них — решение за антропологами.

Курган 30, могила 2 (рис.1). Под невысокой округлой насыпью была исследована могила тагарского времени с коллективным погребением. Уровень дна в ее восточной половине оказался на 0,2 м ниже, чем в западной. При тщательной зачистке на уровне материка была обнаружена еще одна могила, содержащая непотребоженное погребение эпохи бронзы (могила 2). Могила представляла из себя грунтовую яму размером $2,7 \times 2,65$ м и глубиной 1,3 м. На дне ямы сохранились остатки рамы из лиственничных плах (с остатками коры), перекрытых такими же плахами, уложенными в направлении СЮ. Плаха у восточной стены могилы значительно короче плах, находящихся у северного и южного бортов ямы, их длина соответственно равнялась 1,3 и 2,4 м; таким образом, рама ориентирована по оси З-В. У северной стенки рамы, почти в центре, лежал череп (вместе с нижней челюстью). Вероятно, что этот череп поначалу был поставлен на нижнюю челюсть и завалился вправо позднее. Каких-либо следов механических повреждений в области затылочного отверстия не обнаруживается, т.е. перед нами редкий случай захоронения черепа. В юго-западном углу рамы находился горшковидный сосуд, орнаментированный мелкозубчатым штампом и узкими каннелюрами. Внутри горшка найдены четыре ложных ребра овцы или козы.⁵ В северо-западном углу стояли еще два горшка, украшенные подобным образом, но с добавлением горизонтальных рядов уголковых вдавлений; на одном из них по шейке нанесена полоса из Z-образных элементов (рис. 2,9,10). По определению Н. М. Ермоловой, череп принадлежал мужчине 25-30 лет.

Курган 16 (рис.1). В насыпи кургана тагарского времени на уровне древней погребенной почвы наряду с фрагментами тагарских сосудов встречены черепки, орнаментированные мелкозубчатым штампом и уголковыми вдавлениями. В грунтовой яме размерами $2,2 \times 2,4$ м и глубиной 0,6 м расчищены остатки тагарского захоронения в срубе из 4-5 венцов, в пределах которого сохранились останки трех погребений. После снятия юго-

⁴ Автор благодарен Н. М. Ермоловой и О. Н. Сухановой за предварительные половозрастные определения.

⁵ Определение Н. М. Ермоловой

восточного угла этого сруба под ним оказались кости стоп еще одного скелета, по цвету резко отличающиеся от остальных костей, а вдоль южного борта могилы, вплотную к стенке ямы, обнаружены остатки еще одной рамы. Между рамой и костями стоп находился слабопрофилированный сосуд, орнаментированный оттисками гладкого штампа и уголковыми вдавлениями (рис. 2,11). Это все, что осталось от погребения эпохи бронзы, нарушенного тагарцами. Безусловно, что один из четырех черепов, найденных в заполнении могилы, относится к более древнему погребению.

В дальнейшем были предприняты планомерные поиски погребений эпохи бронзы, для чего на всей площади могильника проведено снятие почвенного слоя механизмами до уровня материка (в среднем материковые суглинки прослеживаются на глубине 0,4-0,5 м от современной поверхности). В юго-западной части, на площади между тагарскими курганами 31, 30, 21 и 16 было выявлено еще 14 могильных пятен (рис.2). Ниже приводится описание могил, принадлежность которых к андроновской культуре четко атрибутирована по тем или иным признакам.

Могила 41 (рис.1). Грунтовая яма размером 0,45×0,8 м ориентирована строго по линии З-В. На уровне материка перекрыта песчаниковой плитой (0,8×0,4 м и толщиной 0,1 м), слегка просевшей в могилу, глубина которой 0,3 м. На дне могилы расчищен скелет ребенка возрастом до 1 года, положенного на левом боку с подогнутыми ногами и руками, головой на В. За черепом погребенного, у восточной стенки ямы, стоял небольшой неорнаментированный сосудик баночной формы (плохого обжига).

Могила 42 (рис. 1). Грунтовая яма размером 1,9×1,5 м. Могила ориентирована в направлении С-Ю с отклонением 25-30 к В. На глубине 0,2 м обнаружены куски трех бревен, положенных параллельно коротким стенкам. На этой же глубине в северной части могилы найдены в анатомическом порядке переброшенные берцовые кости и кости стоп человека (ск. 1) и несколько фрагментов плоскостонного сосуда, орнаментированного перемежающимися горизонтальными узкими каннелюрами и рядами косо поставленного мелкозубчатого штампа. На дне могилы на глубине 0,5 м в южной части сохранились остатки рамы в один венец и непотревоженные правые берцовые и кости стоп человека (ск. 2). Расположение костей человека на дне позволяет определить первоначальную позу погребенного — на правом боку, скорченно, головой на северо-восток. По определению антропологов кости принадлежат двум взрослым особям за 30 лет, один из погребенных небольшого роста.

Могила 45 (рис.1). Грунтовая яма размером 0,75×1,0 м, ориентированная в направлении З-В с небольшим отклонением к югу. На дне могилы, глубина которой 0,45 м, сохранились следы деревянной рамы. В заполнении обнаружены отдельные кости ребенка в возрасте до 1 года. Встречен фрагмент стенки сосуда, украшенного ячеистым орнаментом.

Могила 46 (рис. 1). Каменный ящик размером 0,4×0,65 м из плит, вкопанных на ребро, перекрытый одной или двумя (ныне развалившимися) плитами. На дне могилы (0,2 м от уровня материка) остатки скелета новорожденного, на левом боку с подогнутыми ногами, головой на запад. За головой погребенного в юго-западном углу ящика стоял небольшой сосуд баночной формы, орнаментированный чередующимися рядами косо поставленного мелкозубчатого штампа и уголковыми вдавлениями (рис. 2,7).

Могила 47 (рис. 1). Грунтовая яма размером 1,05×0,65 м, вытянутая по линии ЮЗ-СВ и глубиной 0,4 м. В заполнении встречены отдельные кости

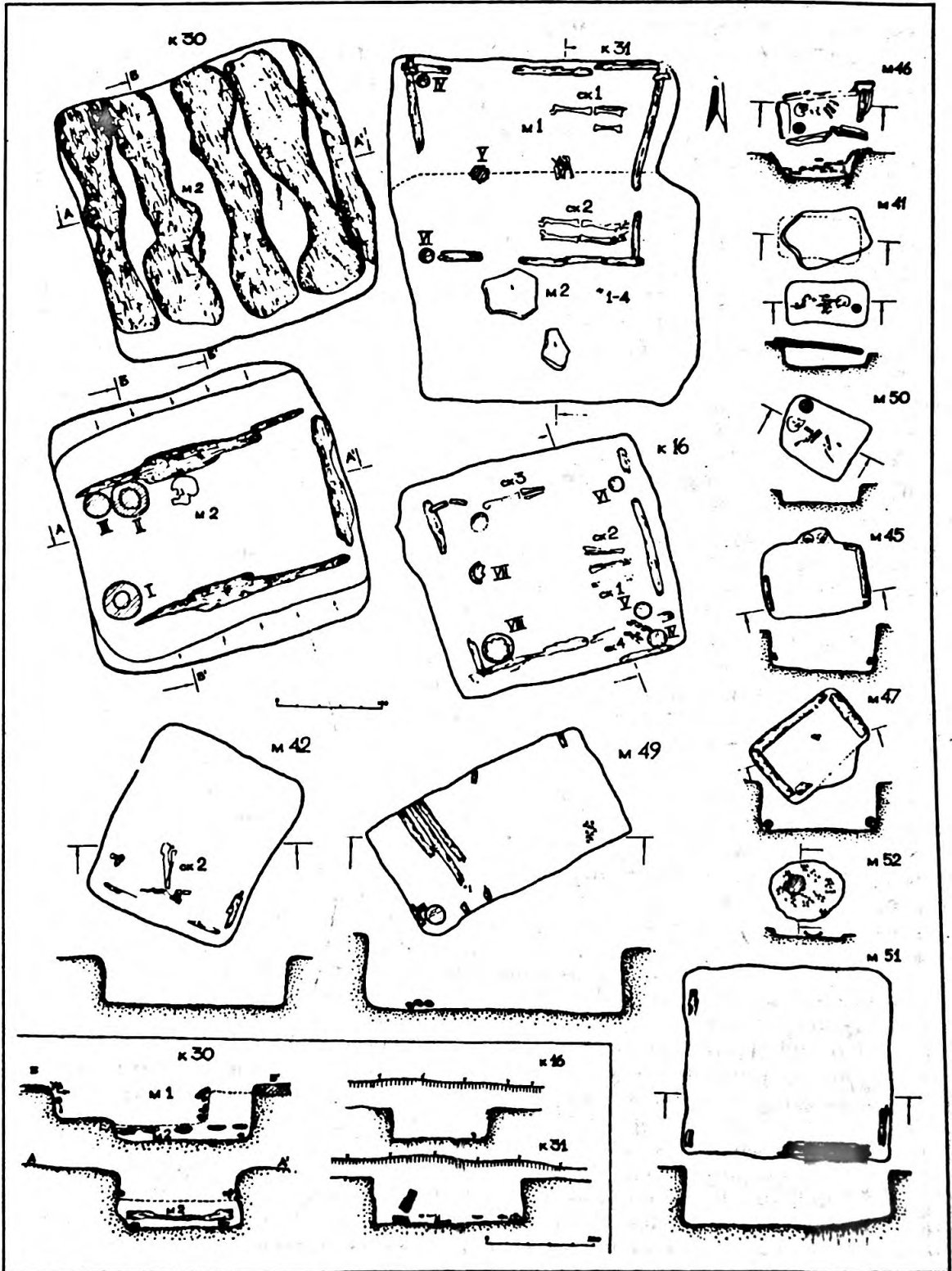

Рис. 1: Могильник Ашпыл, Планы и разрезы погребений.

новорожденного, на дне сруб размером $0,85 \times 0,5$ м; обнаружены несколько черепков неорнаментированного сосуда с отогнутым венчиком и один с оттиском мелкозубчатого штампа.

Могила 49 (рис. 1). Грунтовая яма размером $1,2 \times 2,3$ м, ориентированная по линии ЮЗ-СВ и глубиной $0,7$ м. Могила перекрыта на уровне материка нетолстыми бревнами, уложенными параллельно коротким стенкам ямы. На дне ямы, в юго-западном углу, стоял сосуд, орнаментированный косо поставленным зубчатым штампом, образующим горизонтальную “елочку”. На дне сосуда этим же орнаментом нанесен крест (или свастика?). В юго-восточном углу могилы находились кальцинированные кости взрослого человека. В центре могилы обнаружено бронзовое сильно окислившееся колечко диаметром 2 см (рис. 2,1).

Могила 50 (рис. 1). Грунтовая яма подпрямоугольных очертаний, размером $0,6 \times 0,7$ м, ориентированная по линии СЗ-ЮВ и глубиной $0,15$ м. На дне могилы скелет ребенка 1-2 лет, на левом боку с подогнутыми ногами. В северо-западном углу могилы стоял небольшой сосуд с подчетыреугольным устьем, орнаментированный рядами косо поставленного гладкого штампа (рис. 2,8).

Могила 51. Грунтовая яма подквадратной формы, размером $1,95 \times 1,9$ м, ориентированная по странам света, глубиной $0,6$ м. На дне сохранился сруб в два венца. В заполнении могилы встречены разрозненные человеческие кости от трех погребенных: двух подростков 12-15 лет и ребенка до 5 лет. Там же найден фрагмент стенки сосуда, орнаментированного мелкозубчатым штампом и уголковыми вдавлениями.

Могила 52. Грунтовая яма диаметром $0,6 \times 0,7$ м и глубиной $0,2$ м. На дне могилы находились кальцинированные кости человека, в северо-западной части — сосуд, лежащий на боку. Он был орнаментирован уголковыми вдавлениями под венчиком и на плечиках, узкими каннелюрами по шейке и косо поставленным мелкозубчатым штампом на тулове и придонной части.

Оба могильника — курганный, тагарского времени, и грунтовый, эпохи бронзы, исследованы целиком. Последний насчитывал 12 могил, три из которых перекрывались или были нарушены тагарскими погребениями. Основная часть андроновских могил представлена грунтовыми ямами с рамой-срубом на дне, каменный ящик фиксируется лишь в одном случае и во втором — гипотетически. Все ямы подквадратной и прямоугольной формы, вытянутые по линии СВ-ЮЗ; лишь форма одной (с сожжением) близка к овалу. Существенно отличаются по размерам могилы, где совершены погребения детей: самая большая из них — $1,05 \times 0,75$ м, в то время как погребальные ямы для взрослых достигают размеров $2,7 \times 2,65$ м. Глубина могил варьирует от $0,2$ до $1,3$ м (от уровня материка). В качестве покрытия в двух случаях использовались каменные плиты, в двух было деревянное перекрытие на уровне сруба и в одном — на уровне материка. Что касается положения умерших в могиле, следует отметить разнообразие этой стороны погребального ритуала. Сожжение на стороне с последующим захоронением кальцинированных костей встречено дважды; причем, одна из могил, судя по размерам — детская, а во второй, если согласиться с тем, что находки украшений есть лишь в женских могилах (Максименков, 1978: 72), кремирована взрослая женщина. Для всех остальных погребений характерна ингумация трупа. Поза погребенного на левом боку с подогнутыми ногами и руками отмечается в трех детских могилах. В одном случае

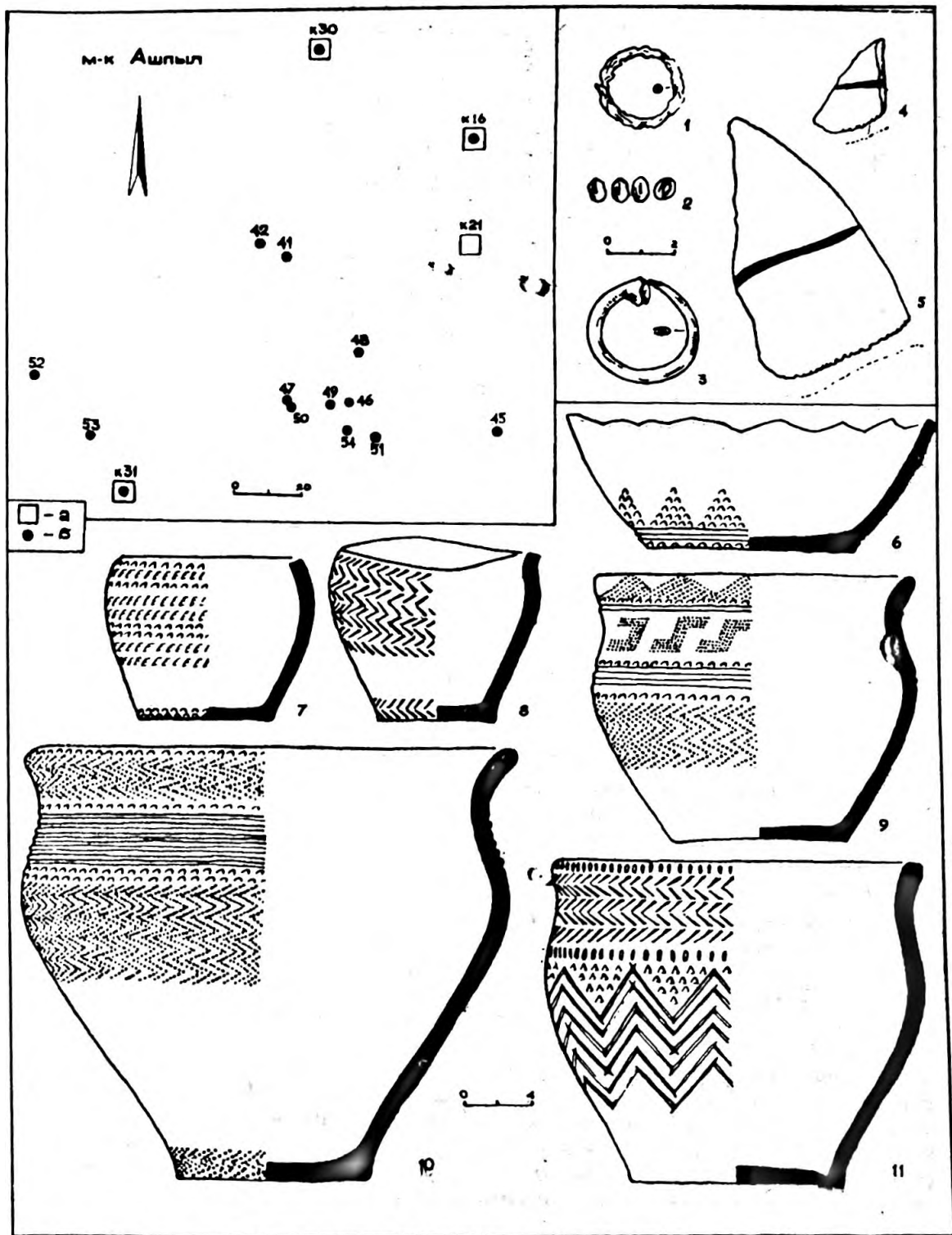

Рис. 2: Могильник Ашпыл. Общий план могильника и вещи из погребений; 1-3 - бронза; 4-5 - кость; 6-11 - керамика

реконструируется иная поза — на правом боку. К сожалению, оба парных погребения нарушены, но в первом случае находка бронзовых бус (см. выше), а во втором малый рост одного из погребенных дают возможность считать, что один из умерших — женщина. Нехарактерной для андроновской культуры является могила 51, в которой похоронены два подростка и ребенок, хотя парные детские погребения известны. Наиболее оригинальна неограбленная могила 2 кургана 30, где погребен череп мужчины; она выделяется и наибольшим количеством сосудов — их три. Бесспорные данные об ориентировке погребенных получены лишь по детским погребениям. Она различна: это положение головой на В (мог. 41), на З (мог. 46) и на СЗ (мог. 50). Есть возможность высказать предположение об ориентировке и некоторых взрослых. Так как в андроновских могилах сосуды, как правило, ставились в головах умершего, то следует считать, что на запад ориентировано сожжение в могиле 49. По-видимому, головой на запад был положен и андровец в кургане 16, где в восточной части могилы найдены стопы покойника (сосуд в ногах — редкое исключение) (Максименков, 1978: 14, табл. V, 1; Савинов, Полосьмак, 1985: 85). Ориентация погребенных головой на ССВ фиксируется в мог. 42, где непотревоженными сохранились кости ног одного из скелетов. Заканчивая характеристику погребальных сооружений и обряда, хотелось бы коснуться вопроса о соотношении между андроновскими и тагарскими погребениями. Здесь важны три случая их “совмещения” под “одной насыпью”: в курганах 16 и 31 андроновские погребения выброшены тагарцами, в кургане 30 андроновская могила тагарцами не обнаружена. По-видимому, снимается вопрос о прямой преемственности данных культур, тем более, что тагарские могилы, нарушившие андроновские погребения, относятся к ранним сооружениям могильника Ашпыл скифского времени.

Наиболее представительным компонентом погребального инвентаря могильника Ашпыл, как впрочем и для большинства могильников андроновской культуры, является керамика. В нашем распоряжении 8 целых и еще 11 сосудов представлены фрагментарно. Два сосуда из детских погребений неорнаментированы, остальные украшены традиционными для федоровского этапа мелкозубчатым и гладким штампом, уголковыми вдавлениями и узкими каннелюрами. Для сосудов горшковидной формы выдержана зональность расположения орнамента: венчик, шейка, тулово, придонная часть; у одного из сосудов орнамент (крест или свастика) нанесен на дно. Композиционно гладким или мелкозубчатым штампом создается орнамент в виде горизонтальной, реже вертикальной елочки. На шейке двух горшков мелкозубчатым штампом выполнены Z-образные элементы, еще на двух — более сложные меандровые сочетания. Четыре сосуда под венчиком украшены орнаментом в виде треугольников различной конфигурации. Уголковые вдавления и узкие каннелюры используются в качестве разделителей орнаментальных зон; иногда вдавлениями заполнены треугольные фигуры на тулове и придонной части сосудов. На одном черепке они создают сплошной ячеистый орнамент. Орнаментирами, обнаруженными на поселении Ашпыл, расположенном в 500 м к З от могильника, можно было выполнять сразу несколько видов орнамента; так, на одном из них (рис. 2,4) торцевая грань с насечками использовалась для нанесения мелкозубчатого штампа, а приостренной боковой гранью наносились гладкие оттиски. Вторым же (рис. 2,5) могли, кроме зубчатых отпечатков, получать и уголковые вдавления. В целом формы сосудов, набор орнамен-

тальных приемов и их композиционное распределение типичны для федоровских памятников. Судя по наличию в синхронном могильнику поселенческом материале фрагментов керамики с наlepным валиком следует говорить о принадлежности обоих памятников к поздней фазе развития андроновской культуры.

Кроме керамики, в могилах встречены лишь единичные украшения из бронзы: 4 бронзовых бусины с ребром посередине, бронзовое колечко и бронзовая, обложенная золотом серьга с раструбом. Данный тип бус известен по целому ряду находок в различных андроновских могильниках на Енисее. Бронзовое височное колечко до такой степени окислено, что невозможно определить ни его вид (пластинчатое, проволочное), ни способ соединения концов. По мнению ряда исследователей, аналогии серьге с раструбом имеют более широкое применение в западных памятниках андроновской культуры (Комарова, 1962: 49; Доан Тхань Хыонг, 1968: 12). Широкий раструб серьги позволяет отнести ее к развитому классическому типу (Аванесова, 1979: 17).

Опубликованные радиоуглеродные даты (Ермолова, Марков, 1983: 96), на наш взгляд не соответствуют действительности. Все большее число исследователей склоняются датировать появление андроновского населения на юге сибирей XIII-XII вв. до н.э. (Кузьмин, 1985, рис. 8; Савинов, Полосьмак, 1985: 93; Зданович, 1988: 144; Молодин, 1988: 13) и постепенную его ассимиляцию культурами поздней бронзы (Кирюшин, 1985: 198-199; Потемкина, 1985: 342).

S. B. Gultov

ANDRON BURIALS OF ASHPYL CEMETERY

This article is devoted to publication of the materials which was discovered in Sharypovo district of Krasnojarsk area. On tagar barrow cemetery. Ashpyl contained, besides tagar collective graves also twelve graves of "Andronovo" culture. In the article in detail given us the dimensions of funeral and describes the tomb material. Author of this article affirm that this archaeological monument belong to the late phase of Andronovo culture.

И. П. Лазаретов

КАМЕНОЛОЖСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ МОГИЛЬНИКА АРБАН I (к характеристике погребального обряда)

Могильник Арбан I расположен на первой надпойменной террасе правого берега р. Теи, в 3,5 км от трассы Абакан-Абаза, и в 800 м от могильника Федоров улус. В результате работ I Аскизского отряда Среднеенсейской археологической экспедиции под руководством Д. Г. Савинова в 1987-1988 гг. полностью исследован комплекс, насчитывающий 73 погребения, относящихся к карасукскому и каменоложскому этапу карасукской культуры (по периодизации М. П. Грязнова). Могильник еще в древности подвергся интенсивному разграблению, и лишь находящаяся в северной части группа каменоложских погребений оказалась непо тревоженной. Ненарушенные захоронения, составляющие компактную группу, учитывая практически сплошную ограбленность могил эпохи бронзы Минусинской котловины, представляют значительный интерес с точки зрения реконструкции карасукского погребального обряда. В публикации приводятся данные по 7-ми погребениям наилучшей сохранности.

Могила 51. Грунтовая яма прямоугольной формы размерами 2,3×0,8 м, глубиной 0,36 м, ориентирована осью по линии ВСВ-ЗЮЗ (рис. 1,1). На дне могилы скелет взрослого мужчины, лежавшего первоначально вытянуто на левом боку вполоборота, головой на ЮЗЗ. Впоследствии скелет отклонился на спину, что привело к искривлению позвоночного столба и значительному смещению правой лопатки и костей правой руки. В северо-западном углу находился глиняный сосуд (рис. 3,1). У левого колена погребенного — лопатка, ребра и кости ноги овцы.

Могила 52. Грунтовая яма прямоугольной формы размерами 2,6×1,05 м, глубиной 0,6 м, ориентирована осью по линии З-В. (рис. 1,2). На дне ямы по северной и восточной стенкам сохранилось несколько вертикально установленных плит ограждения. В погребении, около южной стенки находился скелет взрослого мужчины, лежавшего вытянуто на левом боку вполоборота, головой на запад. Левая рука вытянута, правая слегка согнута, так что кисть располагалась на костях таза. В северо-западном углу стоял глиняный сосуд.

Могила 54. Грунтовая яма размерами 1,25×0,65 м, глубиной 0,8 м, ориентирована осью по линии ЗСЗ-ВЮВ (рис. 1,3). Юго-восточная стенка могилы укреплена кладкой из 4-х рядов плоских камней высотой 0,3 м. Вероятно, остальные стенки были обставлены несохранившимися деревянными плахами. На дне скелет ребенка 4-5 лет, на левом боку, вполоборота, с подогнутыми ногами, головой на ЗСЗ. Левая рука погребенного вытянута, правая согнута в локте. На правом сосцевидном отростке найдено бронзовое височное кольцо (рис. 2,4). Слева у черепа — круглодонный сосуд (рис. 3,3).

Могила 55. Грунтовая яма размерами 2,0×0,6 м, глубиной 0,7 м, ориентирована осью по линии ЗЮЗ-ВСВ (рис. 1,4). На дне могилы погребение взрослого мужчины, на левом боку вполоборота, вытянуто, головой на

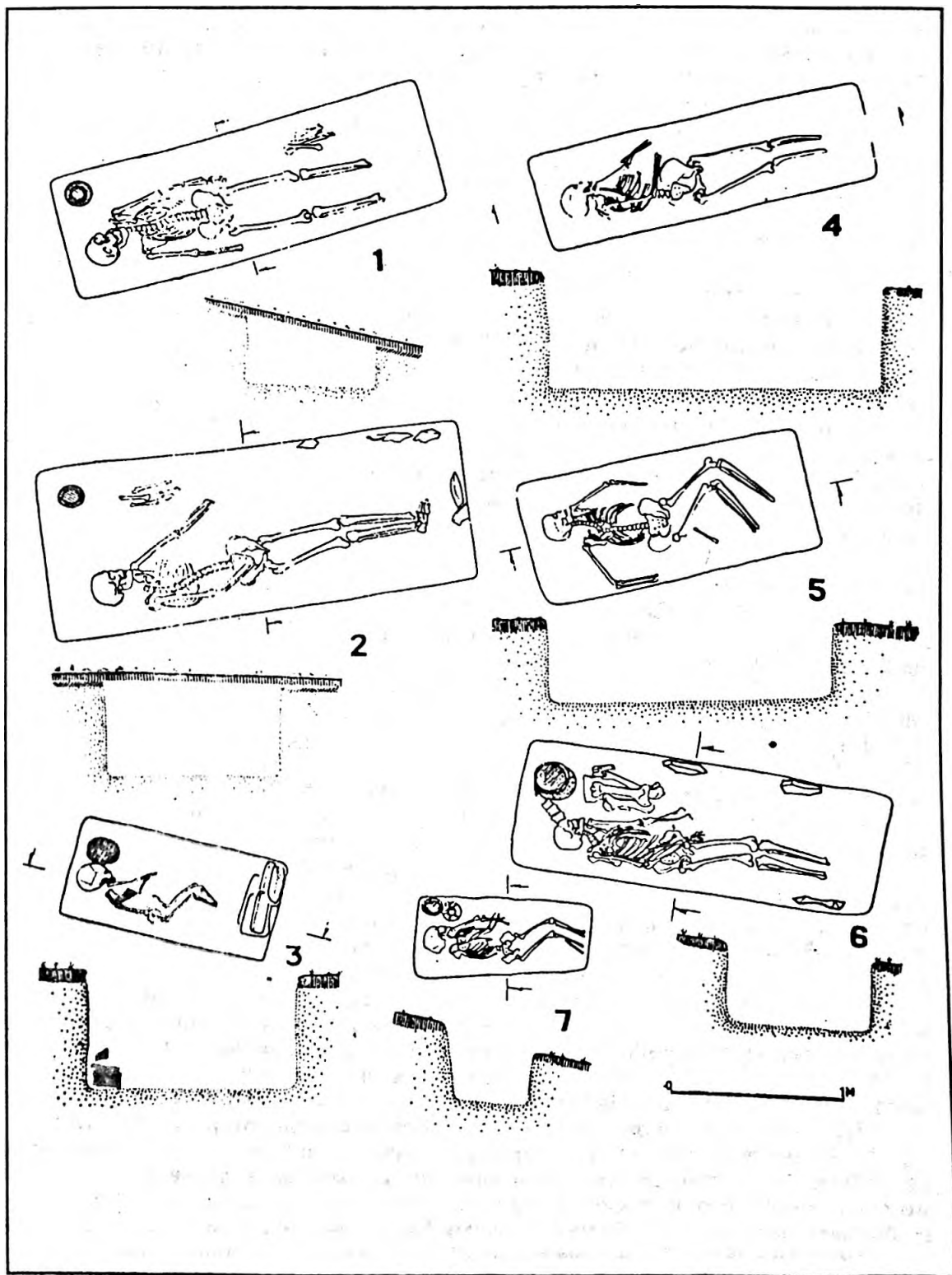

Рис.1 1 — мог. 51, 2 — мог. 52, 3 — мог. 54, 4 — мог. 55, 5 — мог. 56, 6 — мог. 60,
7 — мог.63.

ЗЮЗ. Левая рука вытянута, правая согнута в локте. Правая лопатка и крыло таза повреждены упавшей плитой покрытия. В заполнении могилы у головы погребенного найден кусок грудины коровы. Сопроводительного инвентаря не обнаружено.

Могила 56. Грунтовая яма размерами 1,7×0,8 м, глубиной 0,5 м, ориентирована осью по линии ЗЮЗ-ВСВ (рис. 1,5). На дне погребение взрослого мужчины, на левом боку вполоборота с подогнутыми ногами, головой на ЗЮЗ. При разрушении скелета произошло значительное смещение черепа, верхней части позвоночника, а также правой лопатки и костей правой руки. У правого бедра погребенного лежали кости голени и пятки овцы. В заполнении могилы найдено лезвие бронзового ножа (рис. 2,2).

Могила 60. Грунтовая яма размерами 2,15×0,85 м глубиной 0,5 м, ориентирована осью по линии ЗСЗ-ВЮВ (рис. 1,6). В юго-восточном углу и вдоль северной стенки стояли отдельные вертикальные плиты забутовки, указывающие на наличие несохранившегося сруба. На дне могилы скелет взрослого человека на левом боку вполоборота, вытянуто, головой на ЗСЗ. Левая рука вытянута, правая согнута в локте и лежит кистью на костях таза. Череп и шейные позвонки смещены относительно оси скелета. Под черепом следы органического тлена. На правом сосцевидном отростке — височное кольцо (рис. 2,3), на левом — следы окиси меди. В северо-западном углу — керамический сосуд (рис. 3,4). У плеча погребенного — лопатка, плечо и кости задней ноги коровы. Грудина коровы частично перекрывает череп покойника. На левом крыле таза погребенного — бронзовый нож (рис. 2,1), в заполнении могилы найдены обломки бронзовых обоймочек (рис. 2,5-9).

Могила 63. Грунтовая яма размерами 1,05×0,5 м, глубиной 0,7 м, ориентирована осью по линии ЗЮЗ-ВСВ (рис. 1,7). На дне скелет ребенка 7-8 лет, на левом боку вполоборота, с подогнутыми ногами, головой на ЗЮЗ. Левая рука вытянута, правая согнута в локте. Перед лицом погребенного два глиняных сосуда (рис. 3,5,6).

В целом для могильника Арбан 1 характерно единое положение погребенных: на левом боку вполоборота, головой на запад с отклонениями к югу и северу. Левые руки обычно вытянуты, правые — согнуты в локтевом суставе и лежат кистью на тазе или перед грудью погребенного. Остистые отростки позвонков находились под углом около 45 градусов к плоскости дна могилы. Черепа, грудины, кости ног и стопы в тех случаях, когда это удалось проследить, отклонились в левую сторону.

В отличие от карасукских погребений Арбана 1, совершенных в каменных ящиках, перекрытых плитами песчаника и хорошо видимых на поверхности, каменноложские практически не имели внешних признаков. Перекрытия из мелких плит и рваного камня, опиравшиеся, по всей видимости, на бревенчатый накат, частично разрушились, просели внутрь могил, что существенно затруднило их поиск и спасло от разграбления.

Сохранность костного материала из грунтовых ям значительно хуже, по сравнению с погребенными в каменных ящиках. К тому же некоторые могилы, особенно детские, в большей степени потревожены грызунами. Несочлененность и смещение шейных позвонков у большинства потревоженных скелетов первоначально объяснялась деятельностью грызунов. Ситуация прояснилась при расчистке могил 56 и 60, где у погребенных выявилась неестественная искривленность верхней части позвоночника и смещения черепа относительно оси скелета, что возможно ишь при нали-

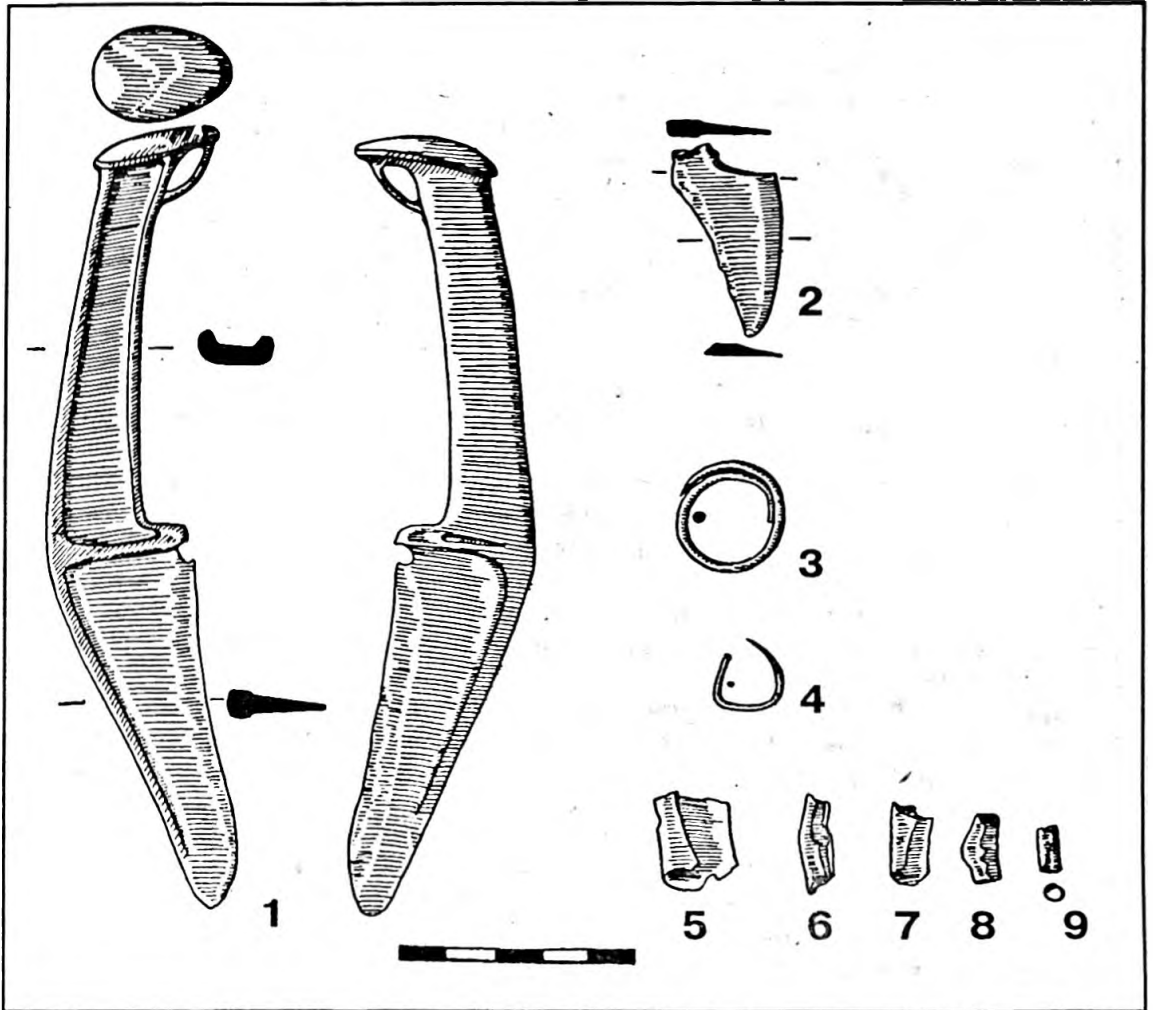

Рис.2 1 — мог. 60, 2 — мог. 56, 3 — мог. 60, 4 — мог. 54, 5-9 — мог. 60.

чи под головой покойного подушки из органического материала (рис. 1,5,6). В данном случае после ее разложения сползание скелета, очевидно, происходило постепенно и не нарушало сочлененности, в других же случаях — мгновенно, что и привело к разрушению шейного отдела позвоночника. Подушки, по-видимому, подкладывались и под плечо погребенного, в пользу чего свидетельствует значительное смещение правых лопаток и костей рук в могилах 51 и 56 (рис. 1,1,5). Наличие подушек из органического материала, вероятно, характерно для карасукской культуры в целом. Непотревоженные скелеты с неестественно искривленными позвоночниками есть также в могильниках Сухое озеро II (к. 109) и Сабинка II (мог. 26 и 62).

С начала первых систематических раскопок карасукских могильников в археологической литературе укоренилось мнение о двух возможных вариантах позы погребенных: на боку, преимущественно левом, с подогнутыми или вытянутыми ногами, и на спине (Теплоухов, 1927: 93; Киселев, 1937: 112; Грязнов, Пяткин, Максименков, 1968: 180,181; Новгородова,

1970: 170,171). Сторонники автохтонного развития культур эпохи бронзы в Минусинской котловине склонны видеть в положении на боку лишь слегка видоизмененную андроновскую позу (Максименков, 1978: 118). Одновременно положение на спине хорошо увязывается с аналогичным в тагарских и ряде каменоложских памятников. Однако еще в 1929 году С. В. Киселев при описании погребения из Усть-Сыды отметил своеобразную позу покойника — несколько на правом боку в три четверти (Киселев, 1937: 142). Основываясь на полевых наблюдениях, Е. Д. Паульс пришел к выводу о единой позе погребенных и предложил термин: на боку вполоборота (Паульс, 1978, Архив ЛОИА, ф. 35, кп 2858). К сожалению, эта точка зрения не нашла отражения в археологической литературе. Это же положение отмечено Э.Б.Вадецкой, но лишь как один из возможных вариантов (Вадецкая, 1985б: 53).

С целью определения положения погребенных нами просмотрены материалы карасукских могильников Сухое озеро II (Максименков, 1963-1968), Варча I (Максименков, 1972), Кюргенер I-II (Максименков, 1965-1966), Белоярск II (Подольский, 1975), Сабинка II (Павлов, 1984-1985), Арбан I (Савинов, 1987-1988), Мара и Чазы (Паульс, 1978), содержащих в общей сложности около 1000 могил различной степени ограбленности, а также 23 непо потревоженных.

У всех скелетов, в тех случаях, когда это удалось зафиксировать, череп лежал на левом боку, грудная кость находилась слева от позвоночника, кости стоп в подавляющем большинстве случаев отклонились в левую сторону. Изредка у погребенных с вытянутыми ногами правая стопа сохраняет вертикальное положение или отклоняется вправо, но обе — никогда. Такое положение совершенно однозначно свидетельствует об отсутствии в карасукских комплексах захоронений на спине. В тагарских и ряде каменоложских могильников, где черепа, грудины и кости стопы сохраняют нейтральное положение, либо с равной вероятностью отклоняются как в правую, так и в левую сторону, обряд погребения на спине сомнения не вызывает.

В значительной степени отличается карасукская поза и от андроновской. При погребении на левом боку неизбежно происходит как заваливание некоторых скелетов ничком, так и случаи полного перекрывания правыми ребрами и правой половиной таза — левых, что неоднократно зафиксировано в андроновских могильниках (Максименков, 1978, табл. XXIV, XXVI, XXVIII). У карасукцев отмечено лишь частичное перекрывание ребер, а правая половина таза никогда не накрывает левую. Скелеты, лежащие ничком, известны в могильниках Сухое озеро II (к. 110), Сабинка II (к. 13 м.2, к. 29 м.1), Арбан I (м. 57), и этот результат деятельности грабителей в могилах, незаполненных землей. Единственное из непо потревоженных погребений, где скелет лежал ничком — в м.4 к.378 Сухого озера I — совершенно в грунтовой яме без сопроводительного инвентаря и мяса животного, что не позволяет считать его достоверно карасукским. Так же не соответствуют захоронению на левом боку те случаи, когда правая стопа погребенного сохраняет вертикальное положение или отклоняется вправо.

Таким образом, если отдельный случай, в силу определенного сходства, можно принять за погребение на боку или на спине, то рассмотрение достаточно представительной серии погребений опровергает такую возможность. Единственно возможная интерпретация, соответствующая всем особенностям карасукской позы, предложена Е.Д.Паульсом — на боку вполоборота.

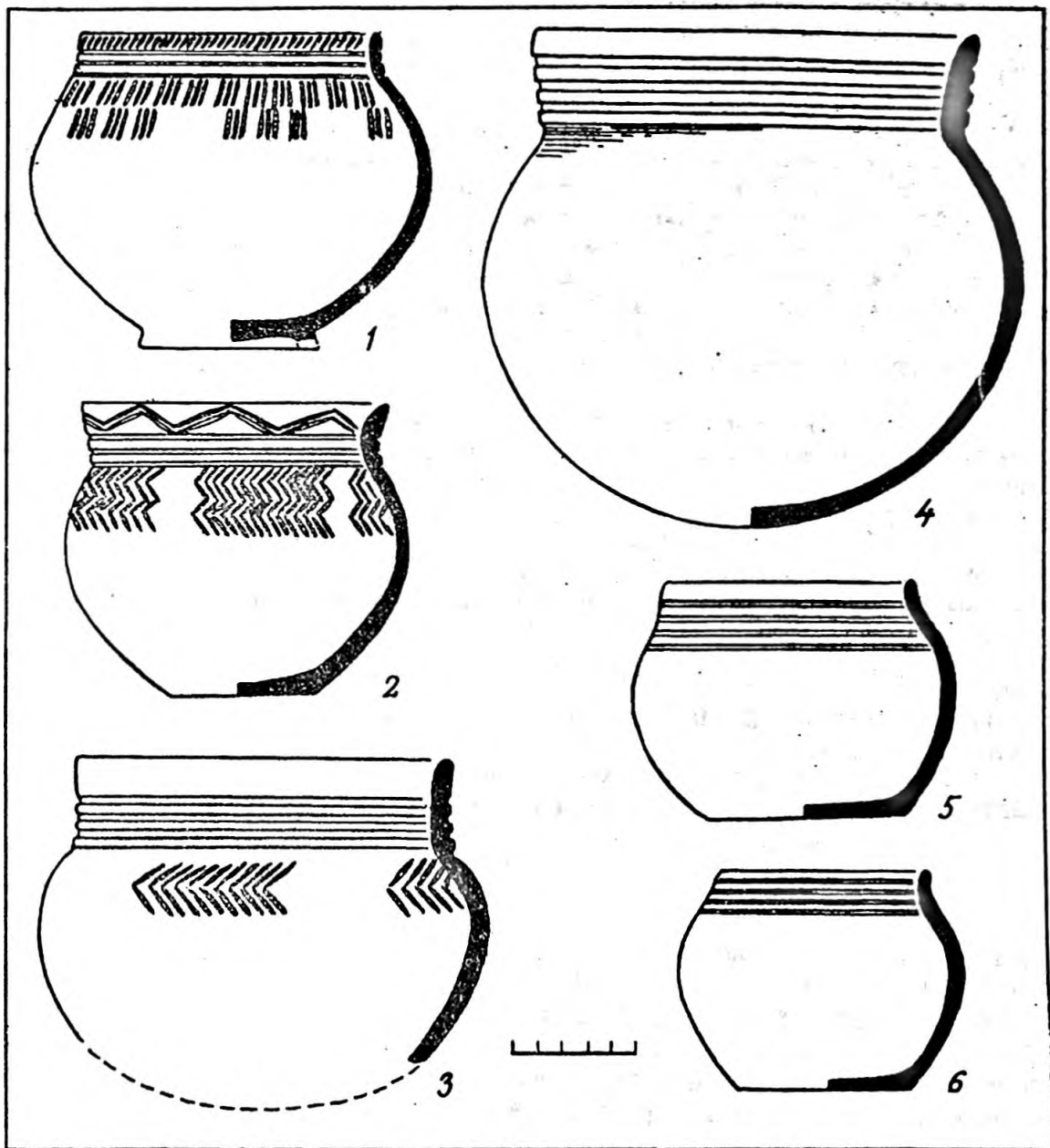

Рис.3 1 — мог. 51, 2 — мог. 52, 3 — мог. 54, 4 — мог. 60, 5,6 — мог. 63.

Этот вывод подтверждается и характером размещения погребенного в могиле. При захоронении на боку или на спине нет необходимости в обязательном порядке располагать покойника у борта могилы, прислоняя его тазом, а иногда и плечом, к стенке ящика или сруба, и подкладывать подушки. Особенно показательны в этом отношении парные захоронения, где для второго погребенного устанавливалась перегородка, либо вкапывалась специальная опорная плитка в центре могилы (Сухое озеро II, к. 387 м. 2).

Само положение на боку вполоборота с подогнутыми ногами наиболее естественно в моменты отдыха и приема пищи для скотовода. Не случайно

перед каждым погребенным ставится сосуд и блюдо с определенным набором мяса овцы или коровы. Ножи, а чаще обломки клинков и шилья, вставленные в деревянную рукоятку, находимые на мясе или у руки погребенного, в данном случае выполняли роль столового прибора.

Если сравнивать андроновцев и карасукцев, то отличия между ними состоят, по-видимому, не только в степени скорченности и различном размещении рук, но, что более существенно, в различных представлениях о дальнейшей судьбе покойника. Эта тема нуждается в особой разработке. Процесс становления нового обряда в пределах Минусинской котловины не отражен в археологических материалах, в то время как в андроновских могильниках Центрального Казахстана известны погребения с типично карасукской позой (Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966, рис.33; Маргулан, 1970, рис.12). Возможность проникновения на Енисей населения из этих районов подтверждается и данными антропологии (Рыкушина, 1979: 24).

В связи с исследованием Арбана I возникает необходимость еще раз вернуться к могильнику Федоров улус, расположенному в непосредственной близости. При исследовании этого комплекса было установлено положение погребенных на спине с согнутыми в коленях ногами, что послужило одним из аргументов в пользу его ранней датировки в связи с культурами энеолита (Липский, 1963). Найденные погребения на левом боку вполоборота, характеризующиеся сходными признаками, позволяют усомниться в правильности определения позы А.Н.Липским, тем более, что первоначально он принял Федоров улус за афанасьевский могильник, где положение на спине с согнутыми в коленях ногами обычно. Кроме того, незначительная глубина ям (до 0,3 м) просто не позволила бы производить захоронения в такой позе.

Подобная интерпретация материалов могильника Арбан I не входит в задачу данной статьи и будет дана при полной публикации памятника.

Архивные источники

Максименков Г. А. 1963-1968, ИА, р-1, д.2744, 2958, 3166, 3599, 3605, 3868.

Максименков Г. А. 1965-1966, ИА, р-1, д.3200, 3597,

Максименков Г. А. 1972, ИА, р-1, д.5150.

Павлов П. Г. 1984-1985, ЛОИА, ф.35, кп. 4185, 4623.

Паульс Е. Д. 1978, ЛОИА, ф.35, кп. 2858

Подольский М. Л. 1975, ЛОИА, ф. 35, кп. 2017.

Савинов Д. Г. 1987-1988, ЛОИА, ф. 35, кп. 2970, 3277.

Lazaretov Y.P.

KAMENNYI — LOG'S BURIALS OF ARBAN I CEMETRY

The cemetery Arban I contains a group of unrobbed graves dated by the Late Bronze age.

Their research shows that at the Karasuk archeological culture was typical a single position of deads on the left or right sides with contacted legs a fixation of deads bodies provide with a help of "pillows" which were made from the organic materials. A such position of human bodies in graves is not characteristic for the earlier periods in the region of Yenisey River but is well-known in the Central Kazakhstan.

П. Г. Павлов

К РЕКОНСТРУКЦИИ КАРАСУКСКОГО ПОГРЕБАЛЬНОГО КОСТЮМА

Древние и последующие ограбления карасукских могил зачастую лишают исследователей необходимой источниковедческой основы для реконструкции карасукского костюма. Известны единичные могилы на сотни раскопанных с неграбленными или частично непо потревоженными погребениями. В то же время накоплена масса в основном мелких бронзовых изделий из случайных находок и подъемного материала, происходящих из разрушенных карасукских ящиков. Иными словами, имеется весь набор разрозненных изделий, никак не связанных с погребенным и между собой. Тем более ценными являются случаи, когда в могиле обнаруживаются вещи, найденные непосредственно на погребенном и сохранившие изначальную связь между собой. Наибольшую известность в этом смысле получили раскопки А. Н. Липского и С. В. Киселева (Липский, 1956а, 1963; Киселев, 1937, 1951). В названных исследованиях на основании полученных данных были определены украшения основных деталей карасукского погребального костюма, прежде всего женского. Среди них отделка головного убора и украшения волос, нагрудные украшения и некоторые другие. С тех пор были накоплены новые материалы, несколько расширяющие и дополняющие наши сведения о вариации отделки уже известных деталей одежды и открывающие новое в ее оформлении. Целью данной работы является рассмотрение вопроса о погребальном карасукском костюме по результатам раскопок автора последних лет на могильниках Сабинка 2 и Терт-Аба. Поскольку эти памятники не опубликованы, мы приведем наиболее общие сведения о них и ограничимся описанием могил в рамках рассматриваемой темы.

Карасукский могильник Сабинка 2 расположен у с. Сабинка в Бейском районе Хакасии на распаханном степном участке. Особенностью этого кладбища является то, что оно было разведано и исследовано без видимых на поверхности внешних признаков погребальных сооружений, разрушенных распашкой. Первоначально отмеченные 13 легких всхолмлений со скоплением рваного камня обернулись 101-й раскопанной могилой на обширной площади 320×200 м. Особенно интенсивно насыщена могилами полоса сплошного раскопа площадью 200×30 м, где обнаружена 51 могила. Можно предположить, что раскопана большая часть могильника.

Карасукский могильник Терт-Аба расположен на склоне одноименного хребта на левом берегу р. Есь у с. Абрамово в Аскизском районе Хакасии. На мысовидном скальном уступе на небольшой площадке раскопаны все (91) погребальные сооружения, обнаруженные на могильнике. Здесь, напротив, края каменных ящиков были видны на поверхности. На могильнике Сабинка 2 и на могильнике Терт-Аба не всегда были выявлены (сохранились) ограды сооружений. В дальнейшем описании мы опускаем название "сооружение" и оставляем номер за могилой. Ниже приводится только сводка данных по могилам с непо потревоженными бронзовыми изделиями, найденными на костях скелета.

Могильник Сабинка 2

Могила 5. Сохранившиеся на месте фаланги пальцев правой руки с бронзовым перстнем со щитком. Захоронение взрослой женщины.

Могила 6-1. Неограбленное погребение взрослого мужчины. На поясе найден массивный бронзовый предмет неизвестного назначения (ПНН). Других изделий из бронзы нет.

Могила 8-3. Сохранившиеся на месте фаланги левой руки с бронзовым пластинчатым кольцом, рядом — бронзовая проколка. На ступнях набор трехъярусных литых бронзовых бляшек и две гвоздевидные заклепки с приостренным штырьком (рис. 1,10). Захоронение взрослой женщины.

Могила 12. Сохранившиеся на месте череп. плечевая кость, лопатки и ключица. На правом скуловом отростке бронзовое височное в полтора оборота кольцо, с левой стороны черепа такое же кольцо. Под нижней челюстью еще два бронзовых кольца большего диаметра. Они находились на фрагменте кожи и лежали на короткой нитке аргилитовых бус. С кожаной одеждой связаны бронзовая пуговица с петелькой на обороте и заклепка с широкой выпуклой шляпкой и тонким прямым штырьком. Начиная от ключицы и фрагментов одежды, вниз ко дну могилы спускались 8 бронзовых крупных наборных звеньев, состоящих каждое из трех длинных и трех коротких обойм, чередовавшихся друг с другом. Звено начиналось длинной и заканчивалось короткой обоймой; обоймы, каждая, постепенно расширялись и удлинялись книзу. 8 звеньев разделялись на две группы по четыре звена, лежавших друг на друге и развернутых лицевой и тыльной стороной вверх, что соответствовало левой и правой половинам скелета. Каждое звено постепенно удлинялось по мере удаления от центра украшения.

Размеры длинной обоймы: длина от 29 до 42 мм, ширина от 9 до 17 мм; короткой обоймы: длина 9 мм, ширина от 12 до 17 мм. Внутри обойм сохранились остатки кожи. Украшение составляло отделку нагрудника и выглядело следующим образом: свисающие ряды обойм, над ними короткая низка из 15 аргилитовых бус, возможно, с разделительными деревянными бусами. Нагрудник собирался или крепился к одежде с помощью заклепки (рис. 1,12). На бронзовую пуговицу застегивался ворот рубахи (?), надеваемой через голову. Две пары височных колец были разного диаметра. Условия нахождения их: меньшей по размеру пары — симметрично сверху головы, крупных колец — совместно посл подбородком — дают основания считать их украшением двух кос, перехваченных у основания и на концах, и сведенных концами вместе под лицом. Это было захоронение взрослой женщины в возрасте 60-70 лет (альвеолы зубов стерты до предела).

Могила 21. Сохранившийся на месте череп без нижней челюсти с тремя шейными позвонками и ключица. На черепе выше затылочного отростка два бронзовых височных кольца в полтора оборота, наложенные друг на друга, на ключице зеленый окрас от колец. С левой стороны черепа четыре разновеликих височных кольца, вплетенных в черные с проседью волосы. Захоронение женщины в возрасте 35-45 лет.

Могила 22-1. У сохранившейся на месте левой бедренной кости две заклепки с крупным цилиндрическим штырьком (рис. 1,7). Захоронение мужчины в возрасте до 20 лет.

Могила 22-2. Сохранившиеся на месте череп и верхняя часть скелета. На черепе с двух сторон два бронзовых кольца-серьги, вокруг шеи ожерелье из бронзовых трубчатых пронизок. Захоронение ребенка в возрасте 8-9 лет.

Могила 24. На месте черепа найдены бронзовые кольцо-серьга и несколько пронизок. Захоронение ребенка.

Могила 25. На месте черепа найдено несколько бронзовых пронизок. Захоронение ребенка.

Могила 26. Целый непотревоженный скелет. С правой стороны черепа бронзовое кольцо-серьга. с левой серьга другого типа, разомкнутая, массивная, оформленная в виде рога горного барана, с обломанной мордой (рис. 1,11-12). Других бронзовых изделий нет. Захоронение взрослого мужчины.

Могила 28. Сохранились на месте голени и часть ребер. У ступней три бронзовые гвоздевидные заклепки с приостренным штырьком, у пояса прямой бронзовый нож с кольчатым навершием и шило с остатками кожаного чехла. Захоронение взрослой женщины.

Могила 29-1. Сохранилась на месте большая часть скелета. На черепе два бронзовых кольца-серьги, под ним пучок черных волос, вокруг шеи ожерелье из бронзовых пронизок, шерстяная нить с узелком. Захоронение подростка в возрасте 9-10 лет.

Могила 30. Сохранилась значительная часть скелета. На черепе бронзовые кольца-серьги, вокруг шеи ожерелье из крупных бронзовых пронизок. Захоронение взрослого мужчины.

Могила 31. На месте черепа найдены бронзовые пронизки. Захоронение подростка в возрасте 10-11 лет.

Могила 34. Сохранилась верхняя часть скелета. На шее ожерелье из бронзовых бус и пронизок, всего 26 штук. Захоронение взрослого мужчины.

Могила 35. В развале ребер найдено украшение в виде кулона, состоящее из аргилитовой бусины, конусовидной бронзовой обоймы и трех крупных цилиндрических обойм, расположенных под широким концом конусовидной обоймы (рис. 1,5). Захоронение молодой женщины.

Могила 36. На сохранившихся на месте стопах найдены две гвоздевидные заклепки. Захоронение подростка в возрасте 10-11 лет.

Могила 37-2. На месте черепа найдены четыре бронзовые пронизки и полусферическая бляшка с двумя отверстиями. Захоронение мужчины в возрасте 25 лет.

Могила 40. На месте черепа найдено ожерелье из 20 бронзовых бусин и три малых кольца. Захоронение ребенка в возрасте до 1 года.

Могила 42. На месте пояса найдены бронзовый массивный дугообразно-обушковый нож с каплевидным отверстием и ряд коротких бронзовых обойм. На месте черепа бронзовая пуговица с петелькой на обороте. Захоронение мужчины в возрасте 25 лет.

Могила 43. На месте черепа найдены аргилитовые бусы, бронзовое кольцо с аргилитовой бусиной на нем, кольцо-серьга, четыре бронзовые пронизки. Захоронение ребенка в возрасте 5-7 лет.

Могила 44. На сохранившемся черепе найдены два бронзовых кольца-серьги, рядом 41 аргилитовая бусина, составлявшие ожерелье. Захоронение ребенка в возрасте 1,5 года.

Могила 45. Сохранились верхняя и нижняя части скелета. На черепе найдены два бронзовых кольца-серьги, у пояса короткие бронзовые обоймы. Захоронение взрослого мужчины.

Могила 46. Сохранились на месте и в связках кости ног и предплечий. Среди ребер сложное нагрудное украшение, состоящее из 10 наборных звеньев бронзовых обойм, заканчивающихся каждое двумя низкими аргилитовых бус. Центральный ряд обойм на том же конце, что и другие, не имел

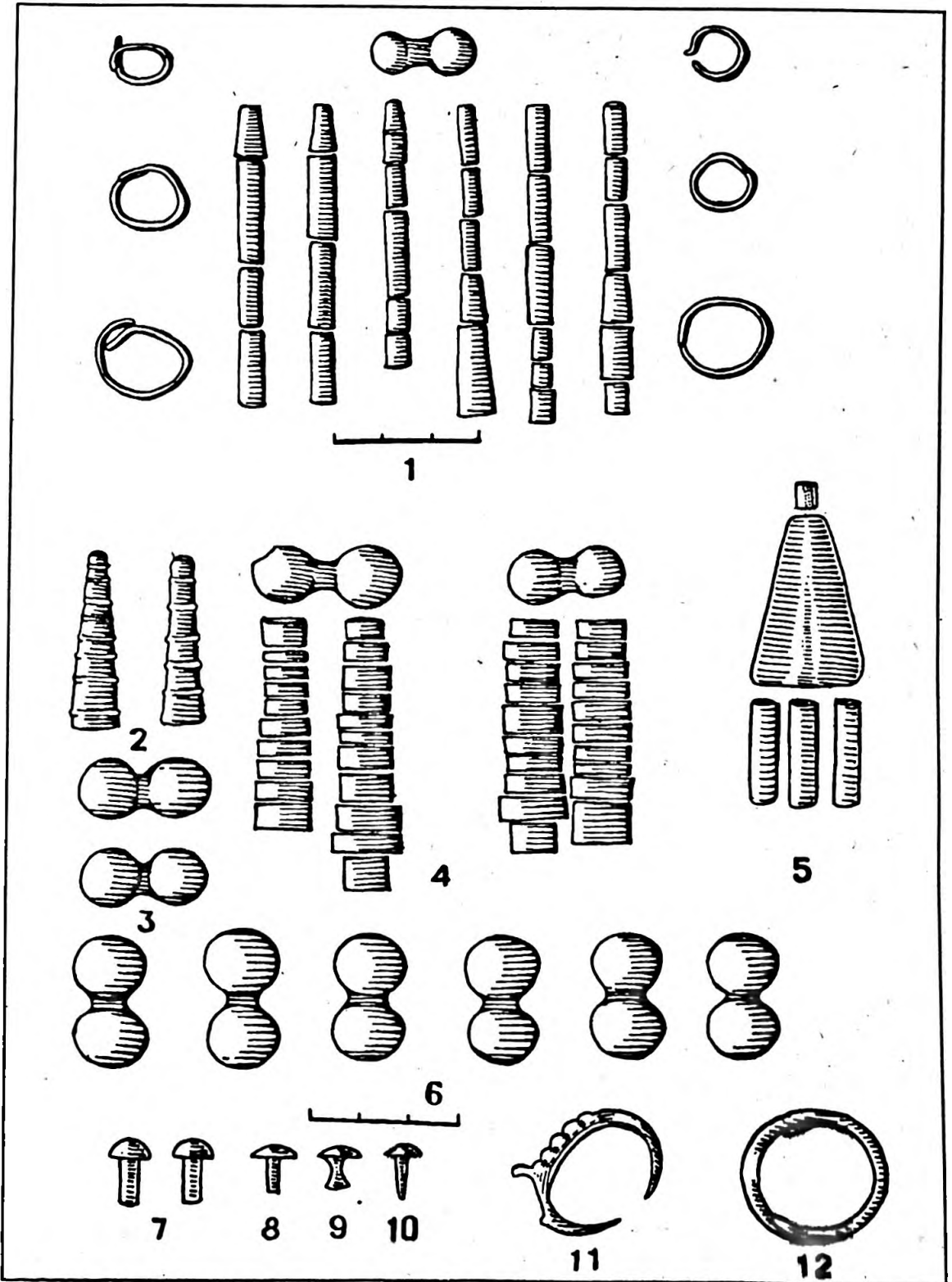

Рис.1. Находки из могильника Сабинка 2: 1 — мог. 75; 2-3, 6 — мог. 53; 4 — мог. 49; 5 — мог. 35; 7 — мог. 22,1; 8 — мог. 70; 9 — мог. 12; 10 — мог. 8,3; 11-12 — мог. 26.

таких низок, зато к нему сходились две более длинные низки аргилитовых бус с противоположного конца. Ряды обойм были как бы захлестнуты друг на друга, часть лежала тыльной стороной наверх, большая же часть — лицевой стороной наверх. Однако звенья сохранили свой порядок с прослеживаемыми низками бус. Обоймы имели укороченные размеры и удлинялись книзу. Звенья разной длины чередовались между собой, имея размеры от 85 до 120 мм (среднее звено). Количество аргилитовых бус в двух низках, сходящихся к среднему звену обойм 41-43 штуки. Всего в украшении насчитывается 211 аргилитовых бусин и не менее 95 бронзовых обойм. Нагрудное украшение представляло собой 10 свисающих ремешков с небольшими укороченными обоймами и аргилитовыми бусами, к одному из них крепилось ожерелье из двух низок аргилитовых бус (рис.2). На запястьях рук найдены бронзовые трубчатые пронизки, в один ряд огибающие кость. Это либо своеобразные браслеты, либо нашивки на рукавах одежды. Захоронение молодой женщины.

Могила 48. В заполнении найдены рядом два звена, состоящие из семи коротких бронзовых обойм, и одно звено из одиннадцати коротких и одной длинной обоймы. На дне у смещенной грудной клетки находились обломок бронзового ножа, кольцо-серьга и аргилитовая бусина. У смещенных костей предплечья небольшой пластинчатый браслет, у стоп гвоздевидная заклепка. Захоронение ребенка в возрасте 7 лет.

Могила 49. Сохранилась верхняя часть скелета и кости толени. Под подбородком на груди находилось украшение, состоящее из двух горизонтально расположенных бронзовых выпуклых обойм, по два звена от каждой. В звене 10-11 обойм (рис.1,4). Длина звена 550-55 мм. У стоп найдены три гвоздевидные заклепки с приостренным штырьком. Захоронение взрослой женщины.

Могила 53. В заполнении найдены совместно в комке земли четыре бронзовые выпуклые двухъярусные полые бляшки, расположенные параллельно вертикально друг к другу через два — два с половиной сантиметра. На сохранившихся на месте костях ног у шиколоток найдены еще 7 таких бляшек (рис.1,6). Вероятно, они были пришиты к голенищам сапожек или к краям штанин. Близко к изголовью были найдены две другие отличные по размерам двухъярусные бляшки и две крупные удлиненные обоймы с расширяющимся основанием и рифленой поверхностью, которые составляли, видимо, часть нагрудных украшений (рис.1,2-3). Захоронение взрослой женщины.

Могила 56. Сохранились на месте кости ног, грудная клетка и кости рук. На левом плече найдены раздавленная бронзовая коническая обойма и три крупные трубчатые обоймы, отходящие от нее. Украшение похоже на найденное в могиле 35. Захоронение взрослой женщины.

Могила 59. Сохранились на месте череп с шейным позвонком, ключица, лопатка и правое плечо. На черепе два бронзовых кольца-серьги, на шее ожерелье из бронзовых пронизок. На месте пояса короткие обоймы. Захоронение взрослого мужчины.

Могила 60. Сохранились на месте кости левой руки и кисть правой, часть таза в сочленении с левой ногой. У кисти правой руки найдено бронзовое шило с деревянной рукояткой, у стопы — две гвоздевидные заклепки. Захоронение взрослой женщины.

Могила 62. Сохранился почти весь скелет без костей левой руки. На черепе с правой стороны массивное бронзовое кольцо-серьга (?), с левой

стороны три бронзовых височных кольца. За правым плечом крупные бронзовые подквадратные обоймы из двух звеньев по четыре в каждом, длиной 69 мм. На шее остатки ожерелья из крупных бронзовых пронизок. Захоронение женщины в возрасте 40-50 лет.

Могила 75. Ящик расположен у оградки могилы 62. Сохранился скелет ребенка в возрасте 2-3 лет. С левой и правой сторон черепа найдены по три височных кольца разных размеров, верхнее — на черепе — меньше в диаметре, чем нижнее. Под подбородком обнаружено нагрудное украшение, состоящее из одной полой двухъярусной бляшки и сходящихся к ней звеньев бронзовых вытянутых обойм, начинавшихся с небольшой конусовидной обоймы (рис. 1,1). Длина звена около 60 мм. У ног обнаружена перемещенная полусферическая бляшка с двумя отверстиями, видимо, также относившаяся к нагрудному украшению.

Могила 65. Сохранился почти весь скелет. У пояса найден бронзовый кольчатый дугообразно-обушковый нож в остатках кожаного чехла и рядом несколько коротких обойм. Захоронение мужчины в возрасте 30-35 лет.

Могила 67. Сохранилась большая часть скелета без черепа. Рядом с кистью левой руки найден бронзовый дугообразно-обушковый кольчатый нож в кожаном прошитом чехле, пуговица с петелькой на обратной стороне и звено из 11 укороченных обойм общей длиной 130 мм, начинавшееся с короткой обоймы. У груди загнута бронзовая проволока длиной 170 мм. Захоронение мужчины в возрасте 35 лет.

Могила 70. Сохранилась на месте нижняя часть скелета. У стоп найдены бронзовые гвоздевидные заклепки. Захоронение женщины в возрасте 60 лет.

Могила 71. Сохранились на месте кости голени. У стоп найдены две бронзовые гвоздевидные заклепки, на месте черепа и рядом — пять височных колец. В заполнении найдены лапчатая подвеска, пластинчатое кольцо, четырехъярусная литая бляшка. Захоронение женщины в возрасте 20-25 лет.

Из приведенных данных видно насколько богатым является материал из могильника Сабинка 2 для реконструкции погребального костюма. В описанных 36 могилах в той или иной мере имеются свидетельства, позволяющие установить связь изделий и украшений с различными частями покойного, а, следовательно, и восстановить убранство одежды погребенных разного пола и возраста. Так, бронзовые кольца-серьги найдены у черепа в 11 погребениях, из них большинство относятся к мужским захоронениям и лишь в нескольких случаях — к женским. Кольца-серьги были небольших размеров, как правило, намного меньше височных колец, и лишь иногда массивные. Височные кольца найдены на черепе или на его месте в 7 случаях и все в женских погребениях. Они являются парными и встречаются с двух сторон от черепа по два, три, четыре кольца в наборе или в связке, но не сцеплены между собой, а соединены пучками волос (мог. 22). Височные кольца увеличиваются в диаметре от верха головы книзу. Нет основания считать их украшением головного убора-шапочки или повязки, так как их расположение у черепа, в его средней части, оставляет свободным верх головы, где и могла быть размещена шапочка. В заполнении других могил часто встречаются разрозненные отдельные височные кольца. Там, где они есть, достоверно определено, что скелет принадлежал женщине.

Нашейные украшения типа ожерелья найдены в 25 погребениях. Из них в 11 случаях представляет собой одну низку бронзовых трубчатых про-

низок или коротких бронзовых бусин, найденных на шейных позвонках, в 4 случаях низка составлена из аргилитовых белых бусин. В большинстве могил, в том числе и там, где бронзовые пронизки найдены разрозненно, ожерелья из них украшало шею мужчины. Использование бронзовых трубчатых пронизок в женских погребениях отчасти доказывает находка А. Н. Липским в могиле 9 Федорова улуса трех пар таких пронизок под затылочной костью черепа, где, как он считает, они могли служить украшением волос. Ожерелья из аргилитовых бус найдены только в женских захоронениях.

Полностью сохранившиеся нагрудные украшения известны из 4 могил, отдельные фрагменты их зафиксированы еще в 5 погребениях. Основным составляющим элементом нагрудников являются бронзовые короткие и длинные обоймы в сочетании с аргилитовыми бусами или двухъярусными бляшками. Есть нагрудники более богатые и значительные, состоящие из 8-10 длинных звеньев обойм, есть более компактные и локальные из двух, четыре-шесть звеньев. Все звенья в них располагались вертикально вниз и набирались на кожаных ремешках, сквозь которые пропускались и нитки с аргилитовыми бусами. названные типы нагрудников имеют аналогии в могильнике Быстрая (мог. 1) и в Бейском могильнике (мог. 3) из раскопок С. В. Киселева (Киселев, 1951: 127-132). Обращает на себя внимание тот факт, что там, где в нагрудном украшении присутствовали двухъярусные полые бляшки, к которым сходились звенья обойм, не найдено гвоздевидных заклепок, которые могли служить для закрепления украшений или нагрудника. Бронзовые пуговицы с петелькой на обороте, видимо, служили застежкой ворота одежды, так как чаще всего они бывают найдены в области яремной вырезки грудины.

В системе нагрудных украшений не было бронзовых лапчатых подвесок, как это имело место в нагруднике из могильника Федоров улус (мог. 9) (Липский, 1963: 67-72). Однако отдельные находки лапчатых подвесок известны в женских и детских погребениях могильника и, вероятно, действительно украшали концы кос. Своеобразной разновидностью лапчатой подвески или ее имитацией мы считаем наборное украшение, найденное в могиле 35 и 56 и состоящее из треугольной обоймы и трех параллельно свисающих с нее трубчатых обойм. Как бы переходной формой к нему от лапчатой подвески является парное бронзовое украшение из треугольной пластины с тремя длинными "лапками", на которые были одеты трубчатые обоймы-пронизки, найденные Е. Д. Паульсом на могильнике Чазы возле черепа погребенного (Паульс, 1979: 262-263). Подобные изделия могли являться украшением волос или серьгами, не исключено их использование в нагруднике. К отдельным предметам, украшавшим грудь, относятся и три бронзовые слегка выпуклые зеркала, найденные в трех женских погребениях могильника на месте грудной клетки или рядом с ней (мог. 13, 1 и 2, мог. 57).

Поясные украшения и предметы, найденные у пояса, представлены бронзовыми ножами с рядом коротких обойм, гвоздевидными заклепками с прямым или расклиненным штырьком и иногда -- бронзовыми пуговицами, а также предметом неизвестного назначения -- моделью ярма (мог. 6, 1) и найдены в мужских погребениях. В женских погребениях в трех случаях рядом с кистью рук у пояса найдены бронзовые шилья, одно -- совместно с ножом. Новым установленным элементом украшения пояса является звено свисающих обойм, которое как и нож, видимо, крепилось к поясному ремню мужчин.

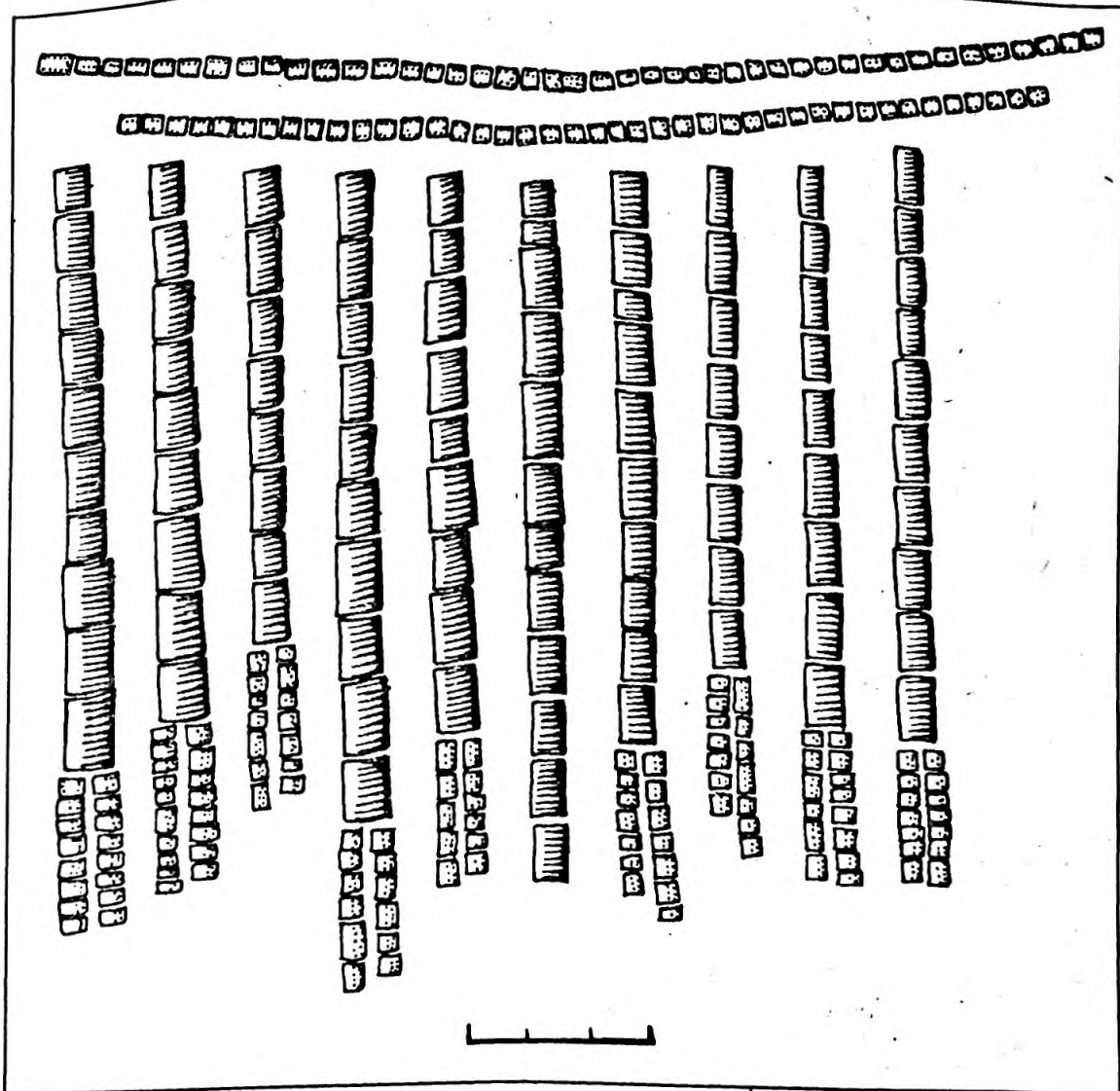

Рис.2. Могильник Сабинка 2, могила 46. Находки.

В женских погребениях на пальцах рук найдены кольца, перстни, у запястья браслет и низки из бронзовых пронизок, украшавшие рукава. В кургане Уй, могила 1 (раскопки Н. А. Боковенко) на запястьях найдены ряды мелких бронзовых пуговиц с перемычкой (Боковенко, 1983; 187-188).

В восьми могилах у стоп найдены бронзовые гвоздевидные заклепки с приостренным штырьком. В одном случае (мог. 8,3) здесь располагались литые ярусные бляшки, разрозненно найденные в ногах некоторых других погребений, мог. 53 у щиколоток находился ряд двухъярусных бронзовых бляшек. Все названные изделия найдены в могилах с женскими погребениями. Бронзовые заклепки и литые бронзовые бляшки служили украшением женской обуви. В могильнике Быстрая (мог. 1) кроме 9 гвоздевидных заклепок у ступней найдены 9 трубчатых пронизок, которые,

по нашему мнению, как и двухъярусные полые бляшки из мог.53 Сабинки 2 нашивались по канту штанин (Киселев, 1937: 153-154).

Могильник Терт-Аба.

Более скудные материалы могильника Терт-Аба не противоречат в целом сделанным наблюдениям о размещении на скелете и распределении в мужских и женских погребениях большей части бронзовых украшений и изделий. Однако бронзовые кольца-серьги здесь более часто встречаются, а в женских погребениях отсутствует отделка обуви гвоздевидными заклепками. В Терт-Аба не найдено бронзовых обойм непосредственно на поясе (что может, впрочем, объясняться большей ограбленностью мужских погребений), и в небольшом количестве представлены бронзовые пуговицы с петелькой на обороте. Вместе с тем, подтверждается наличие бронзовых ножей у пояса в погребениях мужчин, височных разновеликих колец в связках в среднем по три штуки, бронзовых шильев, лапчатых подвесок, литых и полых ярусных бляшек, аргилитовых бус и остатков нагрудных украшений из бронзовых обойм в женских погребениях.

Остановимся на единственном неграбленном погребении женщины в возрасте 35-40 лет в парном захоронении с мужчиной в могиле 22. Скелет женщины располагался перед ограбленным мужским и был перекрыт обрушившейся длинной плитой. На черепе с левой стороны найдены небольшое кольцо-серьга и 4 свисающие разновеликие височные кольца, видимо, вплетавшиеся в волосы. С правой стороны головы — аналогичные кольца, но нет кольца-серьги. под подбородком находились две полые двухъярусные бляшки с отходящими от них двумя звеньями из 9-10 коротких и одной длинной обоймы, общей длиной около 75 мм. На правой части груди вверху найдена большая полусферическая бляха с двумя отверстиями для пришивания. Над правым плечом — небольшое бронзовое выпуклое зеркальце с петлей на обороте, перемещенного сусликом. На запястьях рук найдены массивные бронзовые пластинчатые несомкнутые браслеты. Справа у бедра под правой рукой небольшой бронзовый нож с горизонтальным овальным отверстием и слегка оттянутым жальцем и шило с деревянной рукояткой. С двух сторон от ножа у рукоятки найдены две двухъярусные полые бляшки, расположенные поперек него. в области поясничных позвонков в большом количестве обнаружены маленькие бляшки-заклепки с двумя плоскими треугольными обжимными полосками на обороте, залежавшие лицевой стороной наверх над позвонками и тыльной стороной наверх под позвонками, нижний ряд плохой сохранности. На тазовых костях найдены одна трехъярусная и несколько двухъярусных бляшек, перемещенных сусликом с того же конца.

Таким образом, в погребении женщины впервые устанавливается наличие украшенного пояса с прикрепленным к нему чехлом с ножом и шилом. Описанные выше, бляшки-заклепки найдены еще в нескольких могилах, где погребены женщины и могут считаться специфическим элементом украшения женского костюма, в этой детали отличным от погребального костюма могильника Сабинка 2.

В заключении нужно отметить достаточную устойчивость основных украшений деталей одежды мужского и женского карасукского костюма и некоторых частей тела. Для мужчин это серьги, ожерелья из трубчатых и коротких бронзовых бус, скромно убранный пояс с ножом и свисающим

бронзовым звеном. Для женщин серьги менее характерны, зато волосы убраны богато, вплетенные в косы кольца с разнообразными привесками на концах: лапчатыми подвесками и их модификациями, трубчатыми пронизками и т.д. Также богато украшалась грудь, здесь широко и разнообразно применялись почти все известные мелкие бронзовые изделия, но обязательными элементами был обоймы и ярусные бляшки, служившие для крепления.

Женщины по-разному старались украсить и другие детали одежды: рукава рубах и края штанин, применяя для этого трубчатые пронизки, ярусные бляшки и пуговицы. Обычай отделявать обувь гвоздевидными заклепками был широко распространен на могильнике Сабинка 2, а обычай украшать женский пояс бляшками-заклепками — на могильнике Терт-Аба. В этом следует усматривать некоторые локальные отличия женского погребального костюма.

Новые материалы и находки в разных регионах покажут еще большее разнообразие в оформлении одежды карасукцев.

P. G. Pavlov

TOWARDS THE RECONSTRUCTION OF THE BURIAL DRESS OF THE KARASUK EPOCH OF THE SOUTHERN SIBERIA

The excavation of the Sabinka-2 and Tert-Oba cemeteries fields a lot of data concerning the dress decor of the end of 2-nd the beginning of 1-st millennia B.C.

Male burials contain the following set of personal ornaments: bronze earrings, necklaces, belts with bronze details.

The female burials had a richer set of ornaments: bronze temples-rings, raw-shaped pendants, beads-tubes, buffoons, brooches, bracelets, rivets, etc.

Between the dress and jewellery found in these two cemeteries there also exist certain local destruction.

Д. Г. Савинов

ПНН: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ И НАБЛЮДЕНИЯ

Во время работ 1985-1989 гг. Аскизским отрядом Среднееннисейской экспедиции, ведущей полевые исследования в южных районах Хакасии, был найден ряд предметов, упоминаемых в литературе под общим названием ПНН (“предметы неизвестного назначения” — Есино VII, кург. 1; Есино XVII, кург. 1; Медведка I, кург. 6; Кок-Хая I, кург. 10 (рис. 1). Такие же или типологически близкие изделия, полученные в результате работ других отрядов экспедиции, еще не введены в научный оборот. Вместе с ними и опубликованными ранее материалами они образуют значительную серию предметов, являющихся важным источником для изучения древней культуры Южной Сибири. Нет никакого сомнения в том, что аналогичные находки будут сделаны и в будущем. Поэтому оценка их историко-культурного значения и связанных с этим некоторых спорных вопросов уже на современном этапе исследования представляют научный интерес.

ПНН — существующая в настоящее время яркая аббревиатура наименования своеобразных бронзовых изделий, распространенных в Китае, Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Они хорошо известны по вещественным находкам в памятниках эпохи Инь и Западного Чжоу в Китае, погребениями каменнолоожского этапа карасукской культуры и тагарской культуры в Минусинской котловине; а также изображениям на многочисленных оленных камнях Монголии и их аналогах в Забайкалье. Главной и общей отличительной особенностью всех ПНН является рогообразная форма предметов, позволяющая большинству исследователей объединить их в одну категорию древностей. На этом основании построены схемы их типологического развития (Кызласов, 1960, рис. 32; Хлобыстина, 1970, рис. 2; Членова, 1972, рис. 58), причем основное содержание эволюции ПНН обычно рассматривается как смена их функционального назначения от реально бытовавших предметов к их ритуальным символам, благодаря чему полномасштабные изделия постепенно превратились в их вотивные произведения. Такая однолинейная эволюция предусматривает общий период существования ПНН на протяжении весьма длительного времени — от иньской эпохи (XIII-XI вв. до н. э.) до таштыкской культуры (III-V вв. н. э.). Что касается изображений на оленных камнях, о сходстве их с вещественными находками отмечалось всеми исследователями, однако только в работе А. В. Варенова (Варенов, 1984: 48-49) делается вывод о полной их идентичности.

Между тем, по своим пропорциям и характеру оформления многочисленные изделия, объединенные под общим условным наименованием — ПНН, включая изображения на оленных камнях, могут быть разделены на три основных вида. Вид I: “модели ярма” или “пряжки колесничего” в китайских, позднекарасукских и раннетагарских бронзах. Вид II: изображения “коромыслообразных предметов” или “парных крючков” на оленных камнях и их возможные предметные аналогии. Вид III: “змеевидные украшения” или “панги” развитой тагарской культуры. Каждый из видов

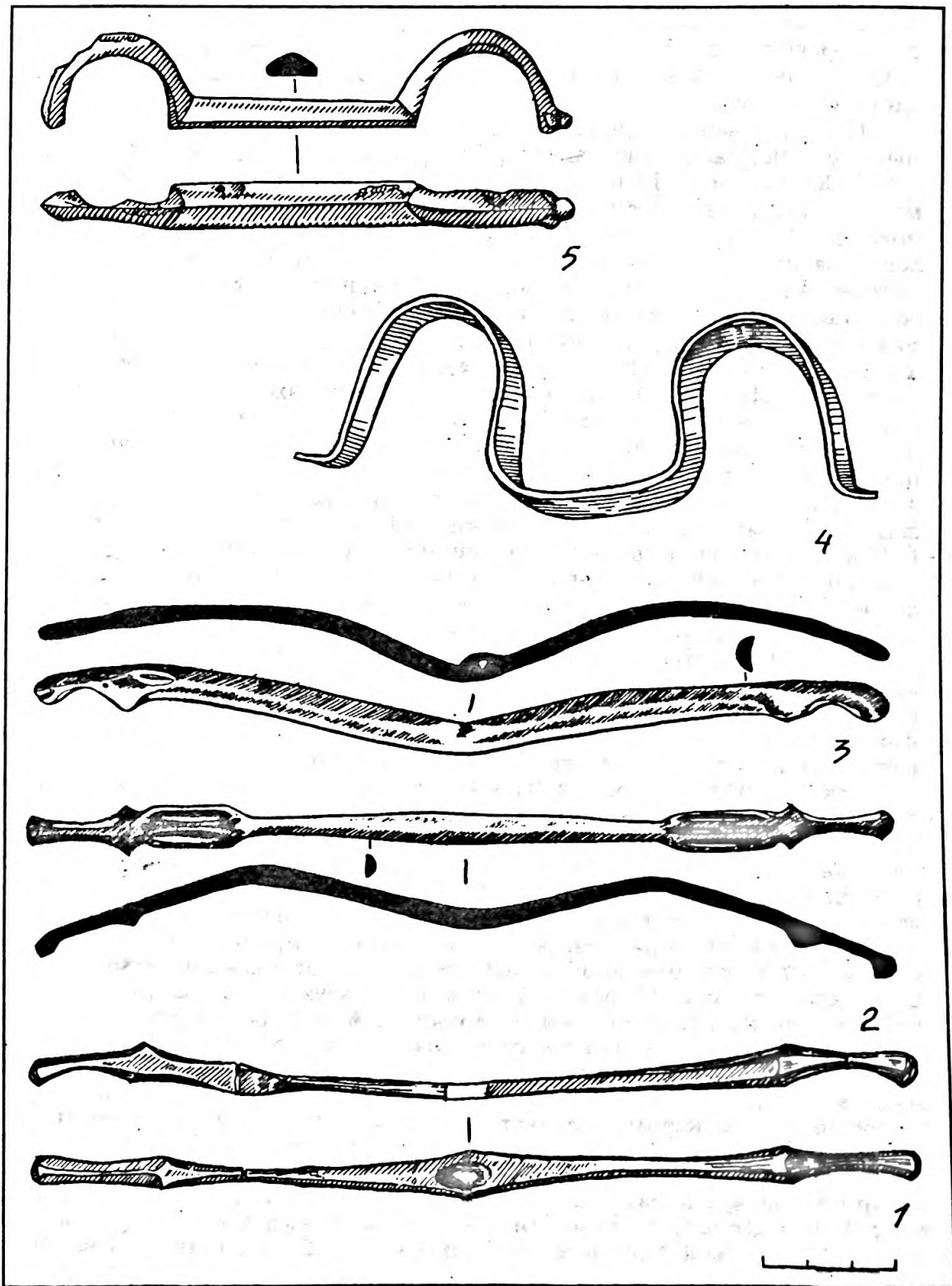

Рис.1. ПНН из раскопок I Аскизского отряда. 1 — Есино VII, кург.1; 2, 3 — Медведка I, кург.6; 4 — Есино XVII, кург.1; 5 — Кок-Хая, кург.10.

ПНН (I, II, III) объединяет типологически (и, очевидно, функционально) однообразную группу предметов, имеющих свои специфические особенности, преемственность или характер связи между которыми остаются дискуссионными.

ПНН I — массивные объемные бронзовые предметы удлиненной формы, выполненные, по выражению М. Д. Хлобыстиной, в виде “трехчастой дуги” (Хлобыстина, 1970: 186), посередине которой находится прямая или вогнута пластина, крепившаяся перпендикулярно к какой-то твердой основе, со свободно “свисающими” дугами по сторонам. Существует две области распространения этих предметов — Китай и Южная Сибирь. Несмотря на некоторые различия в деталях внешнего оформления (например, вогнутая пластина, бубенчики или головки животных на китайских; прямая пластина, рельефные шишечки по верхнему краю дуг и окончание их в виде копыта на сибирских экземплярах), функциональное единство обеих групп ПНН I очевидно. В китайских погребениях он найдены на повозках колесничих, за головой (среди других предметов сопроводительного инвентаря) или у пояса погребенных; в южносибирских — также около пояса в погребениях, где никаких остатков колесниц не найдено. Специфическая форма предметов и неоднозначные условия их нахождения вызвали различные толкования возможностей конкретного применения ПНН I. Высказаны точки зрения, что они могли служить деталями сложносоставных луков; культовыми предметами (варианты — навершия посохов, подвески шаманского костюма, модели рогов тотемических животных); деталями боевых колесниц (варианты — вальки от колесничной упряжи, держатели для копий и дротиков на колеснице); атрибутами воина-колесничего (вариант — пряжки на поясе колесничего). Та или иная интерпретация назначения ПНН I экстраполировалась на остальные рогообразно изогнутые предметы, хотя более поздние экземпляры оказывались достаточно далеко от возможностей первоначального объяснения.

Последняя точка зрения (ПНН — пряжки на поясе колесничего), детально обоснованная в работе А. В. Варенова (Варенов, 1984: 46-50), получила в последнее время наибольшее распространение (Худяков, 1987: 158; Вадецкая, 1986: 59), хотя были высказаны и некоторые сомнения в ее достоверности (Новгородова, 1989: 160-161). Для доказательства своего положения А. В. Варенов идентифицировал рассматриваемые предметы с изображениями ПНН II на оленных камнях, отметив при этом, что “пропорции изображений” коромыслообразных предметов” отличаются от характерных для “моделей ярма” (Варенов, 1984: 48). Пользуясь рисунками на оленных камнях, как изобразительным материалом, А. В. Варенов реконструировал внешний вид воина из Байфу, расположив при этом ПНН I на поясе спереди, рогообразными выступами вперед (Варенов, 1984, рис.9). Закрепленные за них поводья освобождали, по его мнению, руки воина во время атаки боевых колесниц. Следует отметить, что на другой реконструкции “амазонки” из Байфу, выполненной М. В. Гореликом, ПНН I не прикреплен, а подвешен спереди к поясу (Комиссаров, 1988, рис.35), что значительно ближе к изображениям на оленных камнях. В дальнейшем, как считает А. В. Варенов, “с появлением мнгоместных колесниц и развитой практики верховой езды пряжки (ПНН I — Д. С.) утрачивают свое значение. Их поздние видоизмененные образцы встречаются в Забайкалье (ПНН II — Д. С.). В лесостепной тагарской культуре пряжки вырождаются в миниатюрные вотивные изделия (ПНН III — Д. С.), которые по-прежнему,

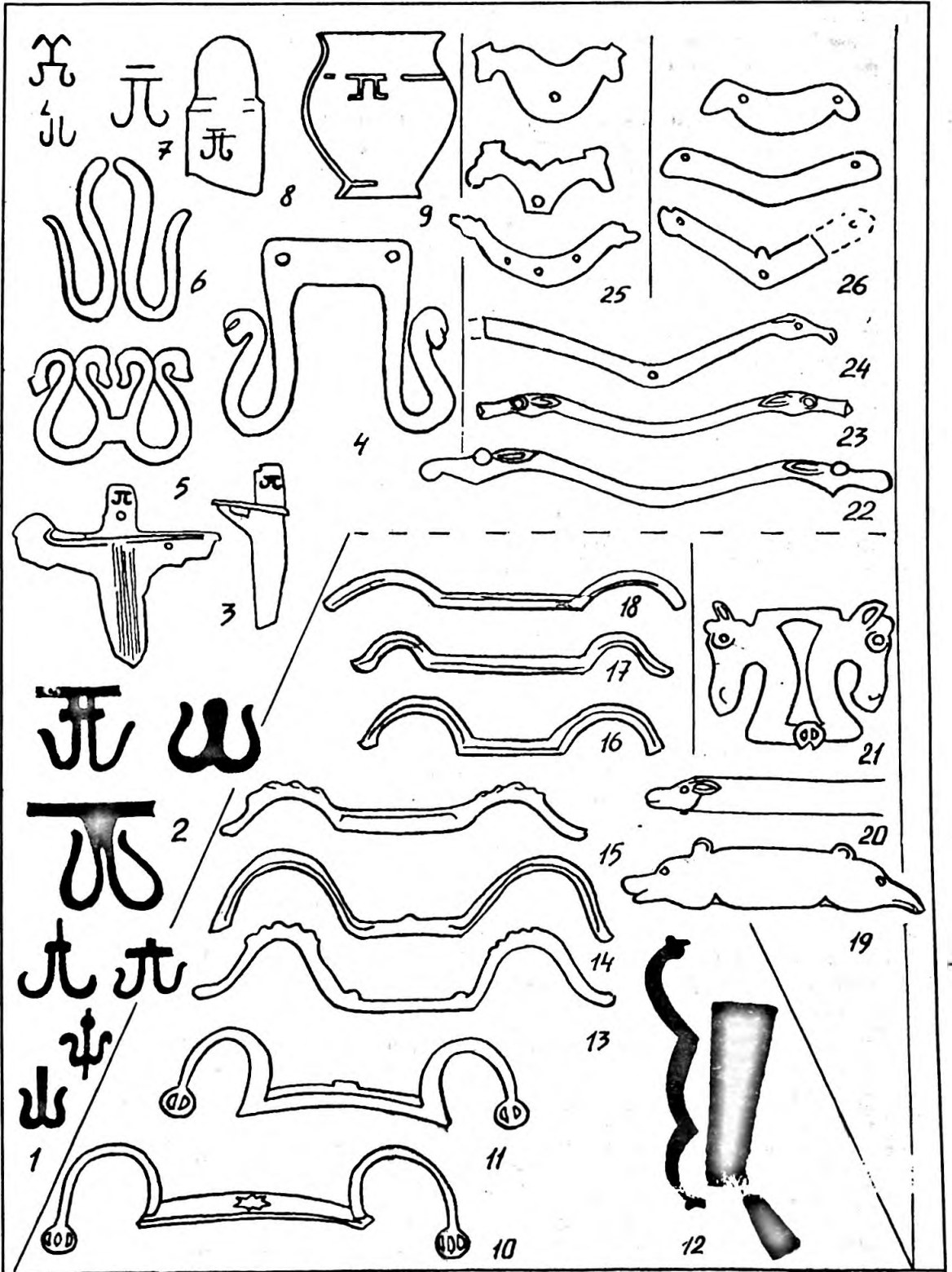

Рис.2. Виды ПНН. (См. страница 61)

носили на поясе. Возможно, они же положили начало двуконьковым подвескам” (Варенов, 1984: 50). В целом, система доказательств А. В. Варенова отличается достаточной стройностью. Возможно, как отмечает Э. А. Новгородова, “это ответ на давно возникший вопрос” (Новгородова, 1989: 161).

Однако, независимо от функционального назначения ПНН I, имеются основания предполагать, что в ряду других рогообразных предметов они имели самостоятельный генезис. Наиболее ранние из них образцы — иньские (рис. 2, 10). В эпоху Западного Чжоу XI-VIII вв. до н.э.) они существуют как в Китае (рис. 2, 11), так и в Южной Сибири; поэтому вопрос о первичности китайского или сибирского центра их происхождения (Новгородова, 1970: 121), по-видимому, должен решаться в пользу восточноазиатской гипотезы. В Монголии, Туве, на Алтае и в Забайкалье подобного рода предметы не найдены. Из Минусинской котловины происходит серия случайных находок ПНН I (Хлобыстина, 1970, рис. 1; Новгородова, 1970, рис. 40), часть которых, возможно, относится к карасукскому времени. В погребениях собственно карасукской культуры, как отмечает Э. Б. Вадецкая, “это изделие случайно встречено лишь однажды” (Вадецкая, 1986б: 59). Все остальные комплексные находки ПНН I в Минусинской котловине связаны с погребениями каменоложского этапа — Аскиз, 1914 г. (раск. О. Ольсена), Бейская шахта, 1959 г. (раск. А. Н. Липского), Сабинка II, 1985 г. (раск. П. Г. Павлова), Ефремкино (Белокобыльский, 1986, рис. IV, 9) и др. (рис. 2, 13-15); и раннетагарского времени — Райков улус (Липский, 1956, рис. 53, 8), Черновая 1 (Максименков, Чижов, 1974а, рис. 3) и др. (рис. 2, 16-18). В качестве характерных предметов они фигурируют в сводных таблицах каменоложского и баиновского этапов (Грязнов, 1968: 193, №107; Вадецкая, 1986, табл. V, №32; VI, №16). Наиболее северная находка подобного рода происходит из Томского могильника (Комарова, 1952, рис. 20, 1). По времени своего расположения сибирские ПНН I синхронны западночжоуским, хотя окончательно утверждать это можно будет после установления более точной хронологии памятников каменоложского этапа. Происходит как бы пространственное, скорее всего, единовременное перенесение традиции изготовления ПНН I. Если в Китае, по свидетельству А. В. Варенова, “модели” бытуют только в иньское и западночжоуское время, а к эпохе Чуньцю (VIII-V вв. до н.э. — Д. С.) полностью исчезают” (Варенов, 1984: 45), то в Южной Сибири они продолжают существовать на баиновском и даже подгорновском этапах тагарской культуры. Как справедливо отметила Н. Л. Членова, “эволюция их заключалась в уменьшении их размеров и упрощении, в том числе и в утрате орнамента и выпуклостей на дугах” (Членова, 1972: 121). Таковы, например, экземпля-

Рис. 2. (на странице 60) Виды ПНН.

Возможные пути эволюции и некоторые предметные аналогии.

1-9 — ПНН II; 10-18 — ПНН I; 19-29 — ПНН III. 1, 2 — изображения на оленних камнях Монголии (по В. В. Волкову); 3 — рисунки на клевцах (по А. В. Варенову); 4 — предмет из могильника у г. Тапхар (по Г. П. Сосновскому); 5 — могильник Наньшаньгшень (по Н. Л. Членовой); обкладки эпохи Хань (по А. В. Ковалеву); 7 — тамги Причерноморья (по В. С. Драчуку); 8 — изваяние сарматского времени (по Н. А. Богдановой); 9 — керамика борхотуйской культуры из Забайкалья (по И. В. Асееву, И. И. Кириллову, Е. В. Ковычеву); 10 — ПНН I эпохи Инь (по С. В. Киселеву); 11 — ПНН I эпохи Западного Чжоу (по А. В. Варенову); 13 — Ефремкино (по Ю. Г. Белокобыльскому); 14 — Райков улус (по А. Н. Липскому); 15 — Аскиз, 17 — Саргов улус, 18 — Минусинск I (по Н. Л. Членовой); 16 — Черновая (по Г. А. Максименкову и В. Е. Чижову); 19 — Васьюковский могильник (по Ю. М. Бородкину); 20 — Тарлышкын (по М. Х. Маннай-оолу); 21 — Тагискен (по С. П. Толстову и М. А. Итиной); 22 — Ягуня (по А. И. Мартынову); 23 — Толстый мыс, у (по Г. Н. Курочкину); 24 — Береш (по А. В. Субботину); 25 — амулеты таштыкской культуры (по Л. Р. Кызласову); 26 — хуннские подвески из Иволгинского комплекса (по А. В. Давыдовой).

ры из могильников Минусинск I и Саргов улус, полностью лишённые деталей прежнего оформления (рис. 2, 17, 18). Одна из наиболее поздних моделей ПНН I происходит из могильника Кок-Хая, кург. 10 подгорновского этапа тагарской культуры (VII-VI вв. до н.э.). Несмотря на уменьшение размеров (длина предмета — 12 см) и отсутствие декоративных элементов, этот экземпляр, как и другие раннетагарские ПНН I, полностью сохраняет пропорции и характер очертаний более ранних полномасштабных предметов (рис. 1, 5). Подобная вотивизация, о чем писали многие исследователи, является следствием изменения практического использования предметов по пути преобладания знаковой, скорее всего, сакральной функции. При этом необходимо отметить, что вотивизация ПНН I происходила при сохранении их устойчивой исходной формы, не претерпевшей в процессе эволюции от иньских до раннетагарских образцов существенных конструктивных изменений (рис. 2).

ПНН II или “коромыслообразные предметы” изображены на оленных камнях Монголии как монголо-забайкальского типа, которые по изображенным на них предметам вооружения, скорее всего, синхронны эпохе Западного Чжоу; так и саяно-алтайского типа, хронологически соответствующих времени сооружения кургана Аржан (VIII-VII вв. до н.э.). Типология ПНН II не разработана. Их реальные прототипы должны были представлять собой два противопоставленных крючка, соединенных наверху узкой планкой, причем длина крючков обычно показана большей, чем ширина планки; поэтому “основная ось предмета имела не горизонтальное, как на ПНН I, а вертикальное направление. Судя по единственному предмету подобного рода, найденному Г. П. Сосновским в плиточной могиле у г. Тапхар в Забайкалье (рис. 2, 4), они крепились не перпендикулярно к твердой основе, а подвешивались на поясе оленных камней (Сосновский, 1941, рис. 14, 18). В одном ряду с ними подвешивались кинжал, чекан и другие предметы вооружения. Способы крепления ПНН II различны: на одном, на двух ремешках; в некоторых случаях изображение планки сливается с поясом изваяния; иногда крючки как бы соединены “спинками” вместе, наподобие буквы “Ψ”; встречаются и изображения одиночных крючков (рис. 2, 1, 2). Как и пластина из Тапхарского могильника, предметы, изображенные на оленных камнях, скорее всего, плоские; некоторые из них имеют достаточно вычурные очертания (Волков, 1981, табл. 113; Новгородова, 1989: 198). Иногда аналогичные рисунки нанесены отдельно на боковых гранях изваяний среди других предметов вооружения и фигур “летающих” оленей (Волков, 1981, табл. 8, 1; 12, 1).

Функциональное использование ПНН II в свете многочисленных гипотез о назначении ПНН I никем из исследователей специально не определялось. Учитывая постоянные случаи их нахождения на поясах оленных камней рядом с оружием, можно предполагать, что они также относились к предметам воинской экипировки — например, могли служить основой для наматывания аркана (или боевого лассо) и в этом качестве стали своего рода символом связи воина и его коня. О том, что подобного рода изображения очень рано получили определенное культово-магическое значение свидетельствуют аналогичные значки на обушках клеветцов типа “гэ” и “цэи” из погребения 2 могильника Байфу (рис. 2, 3). А. В. Варенов считает, что это “указывает на возможность сосуществования развитых изделий данного вида (ПНН I, найденных в ой же могиле — Д. С.) с их схематичными изображениями” (на оленных камнях — Д. С.) (Варенов, 1984: 48). Одна-

ко, на наш взгляд, это скорее свидетельствует об их различном назначении. Показательны с этой точки зрения и другие аналогии изображениям на оленных камнях: бронзовые и золотые накладки в виде двойных крючков из могильника Нань шаньгенъ (рис. 2,5), найденные также в Ордосе (Членова, 1976: 63, табл. XII,9) и доживающие до эпохи Хань (рис. 2,6) (Ковалев, 1987, рис.2,8). Ни один из них, естественно, не мог служить защитной поясной пряжкой для колесничего. Типологически близок им предмет из могильника Есино XVII, кург. 1, подгорновского этапа в Минусинской котловине, сделанный из узкой изогнутой пластины (рис. 1,4), хотя простота исполнения не позволяет отнести его к тому или иному виду ПНН.

Идя по пути формального сходства, следует отметить, что подобного рода схематичные изображения впоследствии встречаются на изваяниях сарматского времени (рис. 2,8), среди тамговых знаков Причерноморья (рис. 2,7), на керамике борхотуйской культуры в Забайкалье (рис. 2,9). Последняя аналогия, несмотря на отдаленность во времени, достаточно интересна. Если валик на плечиках сосуда изображает пояс, то расходящиеся от него вниз “усики”, например, на керамике хуннского и уйгурского времени в Туве, вполне могут оказаться потерявшим первоначальный смысл воспоминанием о загадочных предметах на поясах оленных камней.

Показательно, что во всех своих проявлениях, включая наиболее поздние модификации, ПНН II, так же, как и ПНН I, сохраняют исходную форму, как конструктивную основу узнаваемости именно данной категории предметов.

В свете всего сказанного явно не случайным представляется характер распространения двух основных видов ПНН. Все известные ПНН I происходят из Китая и Южной Сибири, где нет оленных камней; оленные камни с изображением ПНН II распространены в Монголии, где не найдены ПНН I. Можно назвать только один случай, когда предмет, по всем признакам совпадающий с ПНН I, изображен на оленном камне в Монголии (Эрдени-уул). Именно так, как “модель ярма”, интерпретирует его В. В. Волков (Волков, 1981, табл. 30: 108). Плавно изогнутый рогообразный предмет с вогнутой средней частью и зооморфными окончаниями дуг на оленном камне из Эрдени-уул (рис.2, 12) действительно больше всего напоминает ПНН I, хотя не исключено, что здесь представлено изображение целого лука, расположенного рядом с горитом. Обращает на себя внимание и то, что ПНН I эпохи Западного Чжоу и оленные камни с изображением ПНН II, судя по имеющимся датировкам, оказываются одновременными. Типологически ПНН I Китая и Южной Сибири, с одной стороны, и ПНН II Монголии — с другой, не связаны. Между ними нет переходных форм. Вряд ли возможно предположить, что форма предмета, возникшая раньше в Китае, трансформировалась в Монголии и затем вернулась к исходной в Минусинской котловине.

ПНН III или “змеевидные украшения” — наиболее поздний вид рообразно изогнутых предметов, область распространения которых ограничена Минусинской котловиной с прилегающими лесостепными айонами. Они представляют собой слабо изогнутый стержень, чаще всего круглый, реже прямоугольный или плоский в сечении, с рельефными, направленными в противоположные стороны, головками животных на концах. Головки животных, как считает большинство исследователей — лошадей, переданы вполне реалистически и в то же время с известной степенью

стилизации: подчеркнута линия нижней челюсти, круглый выпуклый глаз, мягкий как бы свисающий с морды, что придает им черты некоторой “ло-синообразности”, как на минусинских оленных бляхах. Как правило, показано отведенное назад и плотно прижатое ухо. Посередине предмета находится петелька или отверстие для подвешивания (рис.2,22,23). ПНН III — одна из наиболее характерных находок в памятниках сарагашенского этапа тагарской культуры (V-III вв. до н.э.) по всей территории ее распространения: в центральных (Вадецкая, 1986б, табл. VII, 4,6,9), северных (Курочкин, 1988, рис. 11), южных (Боковенко, Красниенко, 1988, рис. 8) районах; а также в соседней Кемеровской области (Мартынов, 1973, рис. 90; 1979, табл. 18). К этому же виду изделий относятся и находки из могильника Медведка I, кург. I и Есино VII, кург. I (рис. 1,1-3). В могилах они находят чаще всего около пояса погребенных, что является одним из аргументов в пользу функциональной, или уже только семантической близости их с ПНН I.

ПНН III появляются сразу в большом количестве и вполне сформировавшемся виде и в дальнейшем, на протяжении всего сарагашенского этапа, за исключением вариабельности отдельных экземпляров, не претерпевают существенных изменений. В гипотезе о генетической преемственности их от ПНН I, основанной на внешнем сходстве предметов и условиях их нахождения, тем не менее, остается много неясного. Так, изображения головок животных на концах дуг не характерны для ПНН I Южной Сибири. Как уже говорилось выше, эволюция их здесь привела к появлению полностью схематизированных знаков — символов, сохраняющих при этом первоначальные очертания предметов, отличных от ПНН III. В то же время известно, что культовые предметы с антиподально расположенными головками животных в предшествующее время были широко распространены во многих культурах Азии (Акишев, 1984, табл. VII). В Южной Сибири они встречаются с эпохи неолита; такова, например, подвеска с развернутыми в разные стороны головками медведей и отверстием для подвешивания, найденная также на поясе погребенного в Васьковском могильнике в Кемеровской области (рис. 2,19). На сохранение связей тагарского искусства с неолитическими традициями по материалам из Базахи уже указывала Н. Л. Членова и отмечала, что “это влияние начинает проявляться не с начала, а с середины тагарской эпохи, примерно с V в. до н.э.” (Членова, 1967: 134). Характерный прием передачи вытянутых, как бы прижатых, ушей на головах животных наиболее четко представлен в изображениях на каменных жезлах эпохи бронзы (рис. 2,20). Таким же образом оформлены изображения голов животных на некоторых ножах и костяных предметах тагарской культуры. Однообразное стилистическое оформление во всех случаях, скорее всего, было вызвано характером использования изображений, представляющих собой навершия — наиболее традиционную во всех отношениях группу произведений скифо-сибирского звериного стиля (Савинов, 1984б). Композиции с антиподально расположенными головками животных встречаются в памятниках предшествующего раннескифского времени Средней Азии (рис. 2,21) и Тувы. Вполне возможно, что именно эти древние традиции повлияли на характер оформления культовых предметов развитой тагарской культуры, какое-то время сосуществовавших в Минусинской котловине с наиболее поздними моделями ПНН I. О том, что такое сосуществование могло иметь место, свидетельствует одна из находок, приведенная Э. Б. Вадецкой, где конец рого-

образного предмета с петелькой для подвешивания оформлен в виде копыта (Вадецкая, 1986б, табл. VI,21).

В целом, создается впечатление, что ранние этапы генезиса ПНН III были связаны как с местными, достаточно глубокими традициями, так и влиянием со стороны соседних культур. Широкое распространение этих предметов следует рассматривать в одном контексте с теми инновациями, которые отличают памятники сарагашенского этапа от подгорновских: коллективные захоронения в деревянных камерах-срубках, появление “алтайских мотивов” в изобразительном искусстве, использование золотой фольги в погребениях, новые виды предметов — оленные бляхи, колоколовидные навершия и т.н. “штандарты” с фигурками горных козлов и др. Имеющиеся материалы указывают на западное происхождение этих инноваций. Что касается функциональной стороны использования ПНН III, то скорее всего, они не были тотемными по отношению к ПНН I, а изначально имели самостоятельное культовое значение в погребальном ритуале для определенного круга лиц. Частые случаи их нахождения в погребениях свидетельствуют о высокой степени сакрализации тагарского общества (Курочкин, 1989а: 64-65). В принципе, такое понимание назначения ПНН в целом наиболее близко мнению о различных возможностях их использования, высказанному Н.Л.Членовой (Членова, 1972: 121).

К концу существования тагарской культуры ПНН III схематизируются, на что указывают, например, особенности оформления аналогичного предмета из тесинского склепа в с. Береш (рис. 2,24) (Субботин, 1983: 65). В дальнейшем, как уже было ранее установлено, они послужили источником формирования амулетов с изображениями антиподально расположенных головок лошадей из склепов таштыкской культуры (рис. 2,25) (Кызласов, рис. 32,48,53; Комплекс 1979, рис. 56,67). Определенное влияние на оформление таштыкских амулетов, на наш взгляд, оказали также подвески из хуннских памятников Забайкалья (рис. 2,26) (Давыдова, 1985: 55, рис. XVI), которое можно рассматривать как одно из свидетельств участия хуннов в сложении таштыкской культуры (Вадецкая, 1984б). Видимо, с этого времени представления об особой роли двуглавых коней сохранились в героическом эпосе народов Южной Сибири (Сунчугашев, 1980).

Таким образом, ПНН — загадочные “предметы неизвестного назначения” — представляют собой более сложный источник, чем это кажется в настоящее время. Существующие лакуны между выделенными видами ПНН, появление их в различном оформлении на разных территориях в составе различных археологических культур свидетельствуют, скорее о многолинейной эволюции, чем последовательной трансформации одной категории предметов. Не исключена возможность и взаимного влияния разных видов ПНН, хотя в той или иной культурной среде они могли иметь различное назначение. Надо надеяться, что новые материалы помогут сделать в исследовании этих вопросов больше, чем в порядке наблюдений представлено в настоящей статье.

Dm.G.Savinov

OUP: NEW DATA AND OBSERVATIONS

“OUP” or objects of unknown purpose” are original objects made of bronze, shaped as plates with curved hornlike ends. They are known from the finds of In and Western Tchou periods (China), also from burial mounds of the late Age of Bronze (Southern Siberia), as well as from designs on deer stones (Mongolia and Trans-Baikal area). There exist different points of view as to their functional purpose. Objects similar in shape were found in excavations of the Tagar culture (Minusinskaya Hollow). The article gives a short review of the existing points of view as to their purpose and the conditions of their discovery. On the basis of the new data the author comes to the conclusion that there exist three types of OUP: 1) represented by bronze objects from China and from burial mounds of the late period of the karasuk culture (Minusinskaya Hollow); 2) designs on deer stones having analogies in the culture of Tombstone graves; 3) of the later period — going back to burials of the Tagar culture.

It may be supposed they could have been used for different purposes.

В. Ю. Зуев, Р. Б. Исмагилов

КОРСУКОВСКИЙ КЛАД

В 1979 году в окрестностях с. Корсуково Иркутской области, неподалеку от р. Жуя, при земляных работах был найден клад древних бронз, ныне хранящийся в Иркутском краеведческом музее (шифр: 12227/1-7). Он состоит из семи предметов: пяти наверший, “крючка” и небольшого котла. По словам бульдозериста, нашедшего клад, все вещи лежали в котле, который находился в земле кверху днищем. Часть предметов пропала, разойдясь по рукам находчиков. В 1982 г. вещи из клада, хранящиеся в Иркутске, были зарисованы одним из авторов, а их описание положено в основу данной публикации.

Миниатюрный котел (общая высота — 21,5; без ручек — 17; максимальный диаметр — 16 см) имеет яйцевидное тулово, высокий полый поддон в виде усеченного конуса и вертикальную подквадратную ручку (одна ручка была отломана в момент находки, тогда же был покорежен и поддон). Ручка приклепана к утолщенному наружу устью котла. Тулово орнаментировано тремя поясками, треугольными в сечении. В нижней части тулова по диаметру хорошо прослеживается литейный шов (рис. 1:3).

Навершие I (выс. 10,5 см) состоит из высокой конической втулки и шара, полого внутри. На втулке у основания два треугольных выреза, которые расположены друг против друга. Шар имеет четыре долевидных выреза. Внутри него — миниатюрный бронзовый шарик (рис. 2:3).

Навершие 2 (высота 9,5 см) в виде полой фигурки лосихи (или лося?) на невысокой, слегка расширяющейся книзу втулке, овальной в сечении с двумя равносторонними треугольными прорезями на широких гранях. Животное изображено стоящим “на пуантах”, ноги чуть согнуты. Мастеру удалось хорошо передать видовые особенности лося (выступающие лопатки, широкую грудь, массивную горбоносую морду и др.). Уши животного стоят торчком, глаза переданы небольшими сквозными отверстиями, ноздри — в виде запятой, а нижняя губа отделена прорезной полудугой, обозначающей рот. На крупе и лопатках с обеих сторон расположены треугольные вырезы с вогнуто-выпуклыми сторонами. По брюху животного проходит вырез, шириной 0,5 см. Тонкий вырез сделан также и на шее. Внутри этого навершия находится бронзовый шарик (рис. 2:2).

Навершие 3 (выс. 7,5 см) также изображает фигуру лосихи (лося?). По конструкции это навершие мало отличается от навершия 2, но имеет целый ряд особенностей. Так, расширяющаяся книзу втулка прямоугольного сечения оснащена с левой стороны боковым кольцом. На этой же грани втулки, по бокам от кольца, имеются отверстия диаметром 0,5 см. В середине противоположной грани сделан вырез в виде трапеции, боковые стороны которой в верхней части образуют острые углы. Ноги животного, стоящего “на пуантах”, подогнуты в коленях. Грудь небольшая и на ней отсутствует вырез. Вместо брюха — полое пространство. Шарик внутри фигурки отсутствует. Некоторые детали отличают и трактовку головы. Уши животного немного прижаты, а между ними в форме копытца изображена челка. Под нижней

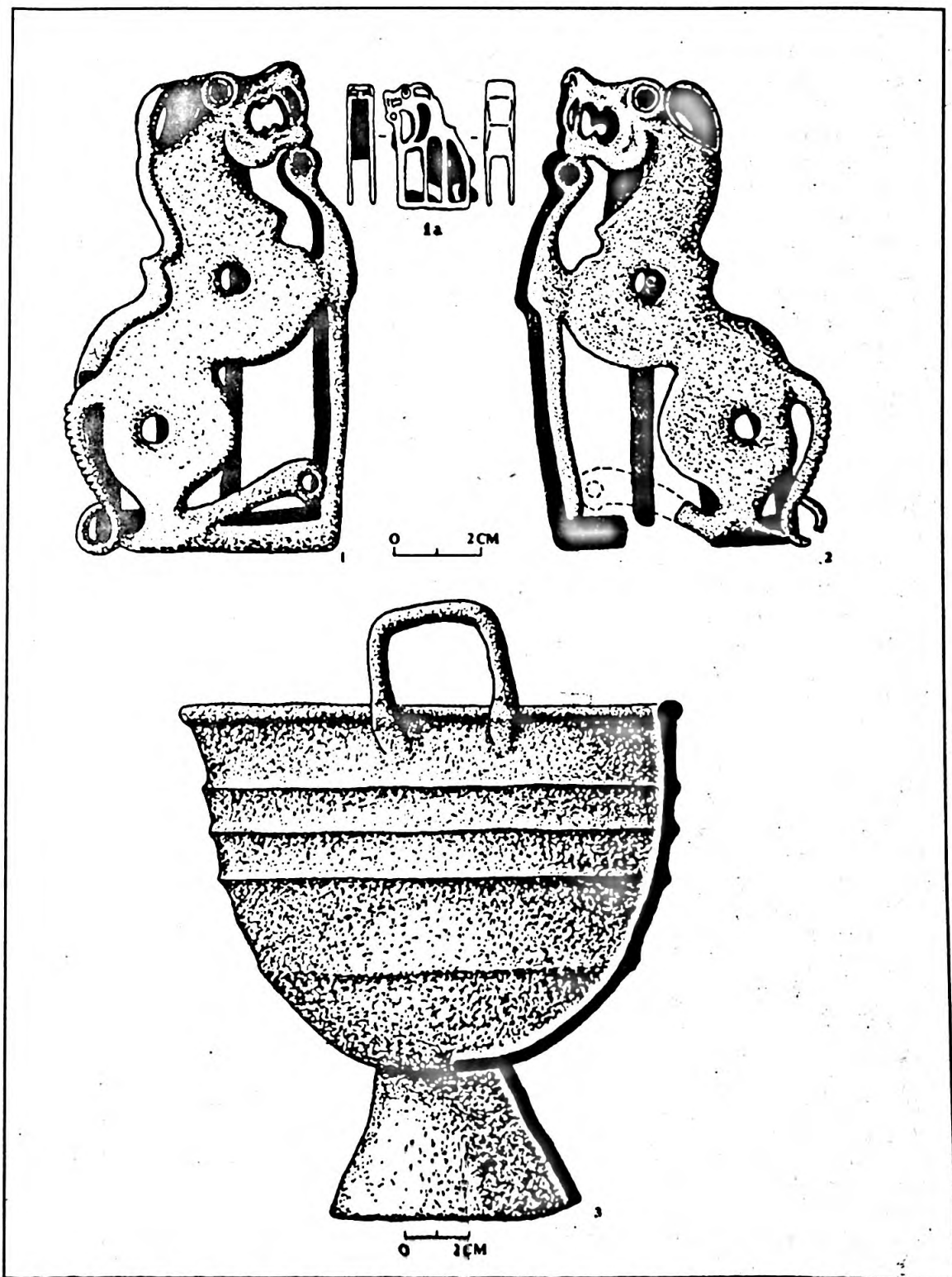

Рис.1 — Предметы Корсуковского клада:

1, 2 — бронзовые наверхия-накладки в виде пантер; 1а — схема оборотной стороны бронзовых наверхий-накладок; 3 — миниатюрный бронзовый котел.

губой — небольшой клин бороды. Вообще же, по сравнению с наверхием 2 эта фигурка более миниатюрна и приземиста (рис. 2:4).

Наверхия 4 и 5 (высота обеих 12,5 см) являются бронзовыми накладками на какую-то деревянную основу. На них изображены полустоящие в профиль хищники (пантеры). Оба наверхия имеют одну лицевую сторону в виде фигурки, и одну оборотную — в виде составленного из полосок каркаса, верхняя часть которого также повторяет форму головы пантеры (рис. 1:1a). Отмеченные конструктивные особенности доказывают, что мы имеем дело с геральдической симметричной композицией двух наверхий, крепившихся на одном основании. В трактовке фигурок обращает на себя внимание реалистическая пластика форм, сочетающаяся с условностью некоторых элементов (рифленый хвост, лапы в виде кольца, подчеркнутая заостренность плечевого выступа). На плечах и бедрах фигурок имеются круглые прорези (рис. 1:1,2).

Бронзовый предмет (“крючок”) (длина 16 см) изготовлен из круглого в сечении стержня, изогнутого в виде буквы “S”. Один из концов скручен в кольцо, другой оканчивается головой дракона с зубастой пастью, уши, глаза и ноздри которого переданы рельефными кольцами. Стержень “крючка”, утолщающийся к голове, несомненно, является хвостом, туловищем и шеей дракона. В месте наибольшего утолщения к стержню припаяна схематизированная фигурка свернувшегося в кольцо кошачьего хищника. Эта фигурка была вырезана из листовой бронзы по принципу зеркальной симметрии так, что животные соприкасались спинами. Затем их согнули и припаяли к стержню таким образом, что в профиль видна фигура только одного зверя. На другом конце “крючка” представлена композиция, состоящая из двух фигурок пантеры и лося в сцене преследования. Обе фигурки полые. Их головы отлиты в форме из восковой модели, тогда как тело и лапы (без отрыва от головы) выполнены из листовой бронзы, согнутой пополам по аналогии с фигуркой свернувшегося хищника. Фигурка лося припаяна к стержню в четырех местах (у копыт), а фигурка пантеры — в восьми местах (лапы), и, кроме того, к ней припаян литой рифленый хвост. Любопытна трактовка некоторых деталей этих двух фигурок. Так, на голове лося достаточно реалистично показаны молодые рога. Под нижней челюстью у него изображена бородка, аналогичная бородке на наверхии 3. Поза животного — “летающий галоп”. Фигурка пантеры, в свою очередь, живо напоминает изображение хищника на наверхиях-накладках. Мы видим тот же оскал пасти, те же кольца-лапы, те же сквозные отверстия в плечах и бедрах хищника и, наконец, тот же рифленый (сегментовидный) хвост, скрученный на конце в кольцо (рис. 2:1).

Если отмеченные детали позволяют нам говорить о стилистическом единстве всех предметов зооморфных бронз клада, то столь же очевидным нам кажется и значение этих вещей. Благодаря находке Корсуковского клада перед нами предстали уникальные предметы сакрально-культового назначения: бронзовый котел, наверхие-бубенец в виде шара, две пары наверхий, противостоящих друг другу в сцене, которая хорошо объясняется изображениями на загадочном предмете (“крючке”). Учитывая давно подмеченный скифологами факт того, что число ритуальных наверхий, встречающихся совместно, очень часто кратно “2” (или “2+1”), мы можем достаточно уверенно говорить о корсуковских бронзах, как о едином комплексе ритуальных предметов, часть которых (наверхия) кодируют пятичленное пространство космоса по схеме “центр (ось) плюс 4 стороны света”.

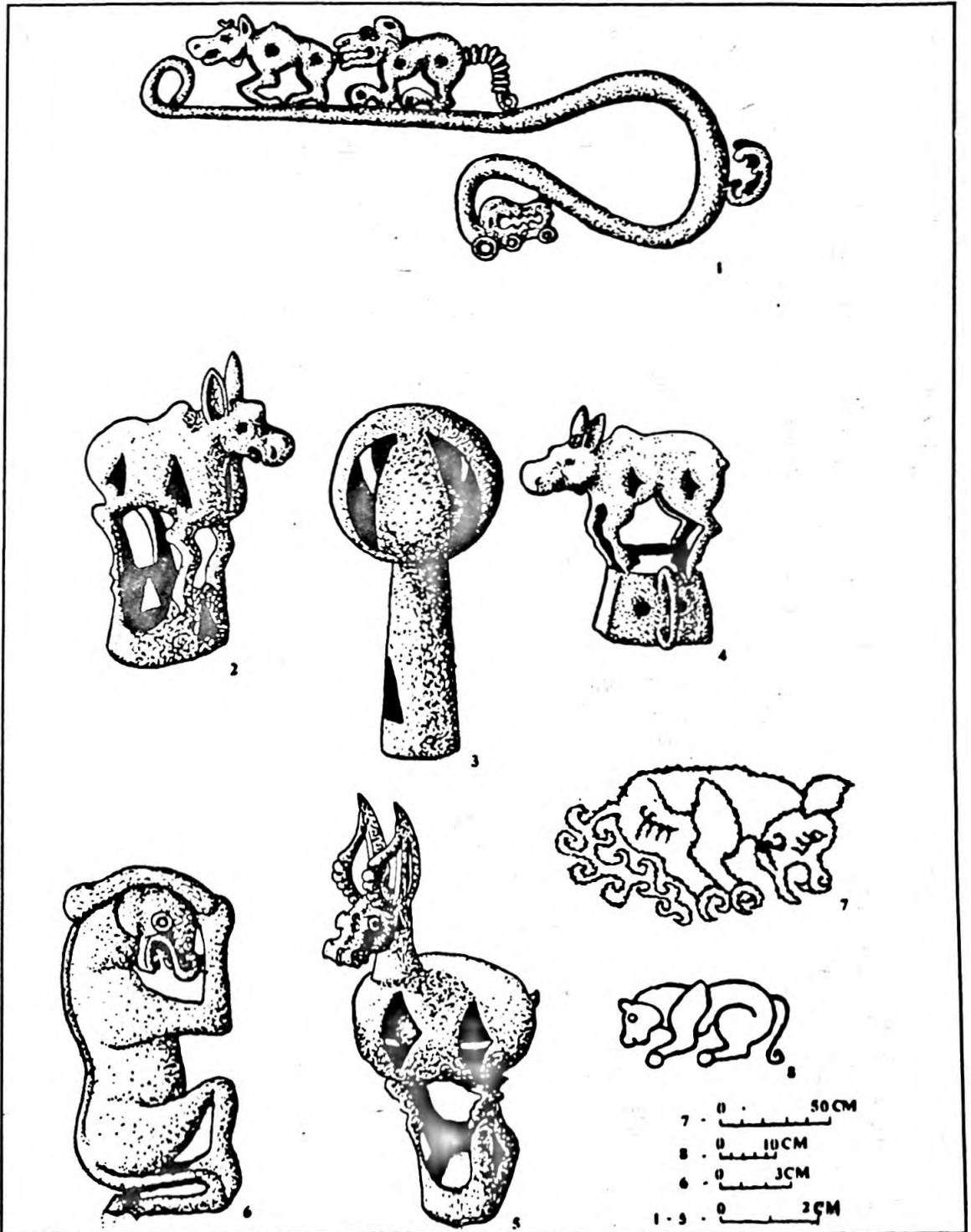

Рис.2 — Предметы Корсуковского клада и некоторые аналогии к ним;
 1 — бронзовый предмет ("крючек") со сценой преследования; 2, 4 — бронзовые навершия с фигурками лошадей; 3 — бронзовое навершие-бубенец; 5 — бронзовое навершие в виде козла;
 6 — бронзовая плита с изображением пантеры; 7, 8 — петроглифические изображения;
 1-4 — предметы из Корсуковского клада; 5 — Иркутский краеведческий музей (место находки неизвестно); 6 — Китай, раннежюуская эпоха; 7, 8 — Жалтырак-Тащ,

Значительно более трудным представляется нам определение возраста Корсуковского клада. Поиски аналогий предметам, составляющим клад, дают сложную картину. Так, например, форме и орнаментации котла из Корсуково практически невозможно найти точных аналогий среди евразийского материала. По классификации Н. Л. Членовой, тип этого котла является, скорее всего, промежуточным между выделенными ею типами А II/2 и А I/3, которые датированы, соответственно, VI-V — IV-III вв. до н.э. (Членова, 1967: 94,98,99; табл. 18,10,12,15). В более подробной типологической схеме Н. А. Боковенко котлы, близкие корсуковскому, включены в состав типа I E/3. Справедливо критикуя априорность дат, предложенных Н. Л. Членовой, Н. А. Боковенко скептически относится к возможности точной датировки этой категории археологических находок, указывая на то, что “изменение форм бронзовых котлов отражает, скорее всего, типологическое (конструктивное) развитие, а не хронологическое” (Боковенко, 1981а: 44-46). Что же касается территории распространения котлов, близкого по типу корсуковскому, то она, в основном, ограничена просторами Минусинской котловины, Ордоса, Забайкалья: Монголии, Тувы и Восточного Казахстана (Боковенко, 1981а: 46).

Обратимся к навершиям. Совершенно аналогичные навершию 1 вещи известны пока лишь далеко на западе — в Келермесском могильнике. Навершия эти еще недавно датировались временем рубежа VII-VI — концом VI вв. до н.э. (Ильинская, 1968: 157; Переводчикова, 1980: 26,39,40,43, рис. 3,1-6). Теперь в связи с удревлением даты памятников келермесско-краснознаменского этапа (Петренко, 1983: 44 сл.; Галанина, 1983: 37 сл.; Исмагилов, 1988: 46) дата этих наверший должна быть пересмотрена в сторону значительного удревления. Отложившиеся в археологическом комплексе где-то во второй половине VII в. до н.э. келермесские навершия до этого уже использовались значительное время, которое отразилось на степени их сохранности. Так, у одного из наверший (Переводчикова, 1980: 29, рис. 3,1) на верхней площадке шара имеется след от отломанной и неизвестной нам фигурки, венчавшей когда-то этот бубенец. У некоторых других наверший втулка заклепана вставными железными штырями, что свидетельствует о каких-то функциональных изменениях в процессе использования этих предметов. Кроме того, для вопроса определения времени келермесских наверший важную роль играют и круглые значки с ромбами на макушках некоторых из наверший, в которых легко угадываются реминисценции орнаментальных традиций новочеркасской эпохи, что также позволяет говорить о времени появления данных наверший как о времени, минимум, рубежа VIII-VII вв. до н.э.. Вопрос о месте зарождения традиций, в которых исполнены навершия келермесского типа, в настоящее время еще никем не рассматривался. Однако, в свете находки корсуковского навершия и общей ориентацией всего этого клада на культуру Ордоса, Северо-Западной Монголии и Китая (о чем еще будет речь), нам кажется далеко не случайным тот факт, что в Келермесских курганах мы имеем бронзовые шлемы так называемого “кубанского” типа, точные прототипы и аналогии которых в IX-VIII вв. до н.э. в большом количестве известны в северных провинциях Китая (Галанина, 1986: 169-183; Комиссаров, 1988: 79).

Более сложной является проблема поисков параллелей корсуковским навершиям 2,3 и 4,5, которые можно считать уникальными, так как других наверший с фигурками лосей и пантер в памятниках эпохи раннего железа мы пока не знаем. Единственную, но зато точную аналогию конструкции

втулки навершия 2 дают навершия, одно из которых хранится в Иркутском музее (место находки — неизвестно) (рис. 2:5) (см. также: Членова, 1967, табл. 29,41), а другое в Венском музее искусства и индустрии и происходит из Ордоса (Артамонов, 1973: 116, илл.162). На этих навершиях изображен стоящий “на пуантах” козел с овальным прорезным туловищем-погремушкой и с бронзовым шариком внутри. Голова козла со сквозными цилиндриками глаз и ноздрей и с вертикально поставленными ушами и рифлеными рогами повернута влево. Кроме аналогичной втулки в этих навершиях обращает на себя внимание прорезной орнамент на туловище, совершенно идентичный прорезям на фигурках лосей с корсуковских наверший 2 и 3. Эти детали позволяют говорить о стилистической и хронологической близости корсуковских наверший 2, 3 и архаических наверший-погремушек в виде козла, происходящих из Ордоса.

Очерчивая круг стилистически близких корсуковским бронзам предметов, трактованных в зверином стиле, мы считаем необходимым также отметить одну характерную деталь — небольшой значок в виде сердечка (или копытца), который отлит на лбу животного на навершии 3. Такими же значками украшены многие предметы, выполненные в зверином стиле из бронзы, найденные в сырдарьинских могильниках Тагискен и Уйгарак, и известные в памятниках тасмолинской культуры (Вишневская, 1973; Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Озарбаев, 1966: 300,332). Время бытования этих вещей также определяется VIII в. до н.э. (Грязнов, 1983).

Весьма интересным является вопрос об аналогиях корсуковским навершиям-накладкам 4 и 5. К сожалению, он может решать только в аспекте анализа стиля изображений пантер, так как однозначного объяснения функционального назначения этих предметов мы дать не можем (кстати, так называемые инкрустированные “подлокотники” с головами кошачьих хищников из Келермеса также не имеют рационального объяснения их назначения). Если верно наше предположение о том, что накладки одевались на одну основу — то перед нами предстает одна из древнейших геральдических сцен в скифском искусстве звериного стиля. Находка корсуковских накладок интересна именно тем, что до сих пор было принято считать, что геральдические сцены-символы зарождаются в скифском искусстве под влиянием Луристанских бронз, с которыми скифы познакомились только в результате проникновения в Малую Азию. Следует также отметить и тот факт, что в Корсуковском кладе мы впервые для центральноазиатского региона встречаем сочетание двух мотивов — пантеру в прыжке (накладки, “крючек”) и свернувшегося в кольцо зверя (“крючек”). В последнее время М. Н. Погребова и Д. С. Раевский защищают идею определенного хронологического приоритета мотива “развернутого” кошачьего хищника (или “в прыжке”) перед мотивом свернувшегося в кольцо зверя (Погребова, Раевский, 1992: 106). Основанием для подобной гипотезы им служит золотая бляха из Келермеса, прототипов которой они не видят в архаическом искусстве кочевников Центральной Азии. Остановимся поэтому подробнее на круге аналогий мотиву несвернутой в кольцо пантеры в мире древностей Центральной и Восточной Азии. Вопреки мнению М. Н. Погребовой и Д. С. Раевского, у этого мотива в данном регионе есть достаточно убедительные иконографические истоки. В качестве примера мы приводим бляху из Китая, датированную ранней чжоуской эпохой (XI-VIII вв. до н.э.) (рис. 2:6) (Варга, 1979, вклейка перед с.129). В ней привлекает наше внимание трактовка головы хищника, лап животного, изобра-

женных в виде незамкнутого полукольца, а также — его хвост, оканчивающийся петлей. Кроме этого, иконографические параллели корсуковским навершиям-накладкам, с одной стороны, и некоторым произведениям звериного стиля из Келермеса (прежде всего — золотой пантере), с другой стороны, имеются в большой серии петроглифов Жалтырак-Таша, обследованных экспедицией под руководством Я. А. Шера (Шер, Миклашевич, Самашев, Советова, 1987). Наконец, в качестве параллели следует упомянуть также гравировку раннескифского времени со сценой геральдического противостояния двух пантер на одной из галек, найденной в Туве (Шер, 1994: XVIII-XIX, fig. 20; См. здесь рис. 3 — по оригиналу М. Килуновской).

Воспроизведенные нами образцы (рис. 2: 7, 8) наглядно демонстрируют существенные элементы трактовки кошачьего хищника — оскаленная пасть, выделенный выступ плеча животного, незамкнутые месяцеvidные и кольцевидные окончания лап пантер, а также расчленение хвоста животного на ряд сегментов (o'la Келермес). На наш взгляд, находка корсуковских бронз, а также некоторые им параллели, привлеченные нами из круга памятников Центральной Азии, убедительно доказывают настоятельную необходимость вести поиски истоков данного мотива в мире кочевых культур Центральной Азии, где имеются памятники, предвосхищающие не только реперторий, но и саму трактовку скифского звериного стиля западных провинций Евразии (Зуев, 1994: 90-94). В находках же корсуковских наверший-накладок мы имеем иконографические прототипы образа “развернутой” пантеры из Келермеса с оскаленной пастью, кольчатými лапами и разделенным на сегменты хвостом — причем, именно прототипы, так как корсуковские навершия имеют аналогии

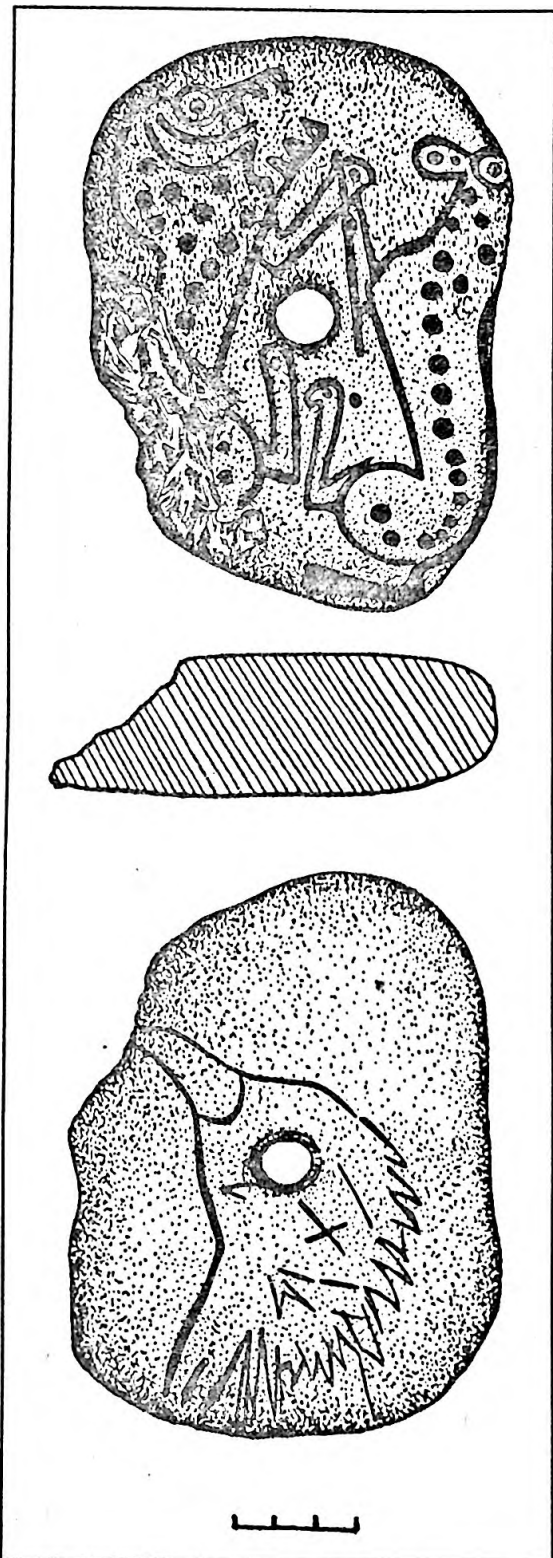

Рис. 3 Галька с гравированным изображением противостоящих пантер. Тува.

в кругу более древних, чем Келермес, памятников. В этом отношении весьма примечательная черта корсуковских хищников (пантер с наверший 4 и 5 и с “крючка”) — хвост в виде изогнутого рифленого шнура также находит полные аналогии среди ордосских бронз, опубликованных в свое время академиком М. И. Ростовцевым (Ростовцев, 1929, табл. VII; Ростовцев, 1993: 72; 39).

И, наконец, последний предмет клада — “крючок” — уникальное произведение художественного литья. Аналоги этой вещи имеются в коллекциях китайских бронз, хранящихся в музеях США (Благодарим за устное сообщение А. А. Ковалева). Определенное сюжетно-стилистическое сходство сцены преследования (терзания) на корсуковском “крючке” мы видим и на оленных камнях №№ 4 и 15 из Ушкийн-Увэра в северо-западной Монголии (Новгородова, 1989: 134, 178).

По всей видимости, перед нами предмет, который соединил в себе традиции двух культур — кочевнической и китайской. На последнее указывает мотив дракона — чрезвычайно древнего и устойчивого изображения в мифологической, религиозной и художественной жизни населения Восточной Азии и Дальнего Востока. Весьма многообразный и плодотворный характер взаимоотношений древнего Китая с миром северных варваров в последнее время выявляется все полнее и настойчивее (Комиссаров, 1988).

В свое время Я. А. Шером в качестве наиболее выразительных стилистических признаков раннего этапа звериного стиля Евразии (IX-VIII вв. до н.э.) указаны круглые глаза, уши в виде заостренных овалов, кольчатые лапы, треугольный выступ на холке и т.д. (Шер, 1980: 338-347, рис. 1). Все эти признаки полностью представлены в художественных бронзах Корсуковского клада. Бесспорная близость иконографии различных животных из Корсуковского клада и особенно поразительное единство стилистических приемов, очевидно, позволяют говорить о принадлежности вещей данного комплекса руке одного мастера. Этот вывод, может быть, справедлив даже и по отношению к бронзовому котлу, который, в противном случае, являясь самым поздним компонентом Корсуковского клада, маркирует всего лишь время попадания в землю набора культовых предметов, жизнь которых в силу их ритуальных функций, была значительно более долговечна.

Корсуковский клад древних бронз, на первый взгляд, нельзя отнести к числу выдающихся комплексов Евразии раннего железного века. Тем не менее, этот уникальный комплекс способен ставить и, действительно, уже ставит множество непростых вопросов. Главный из них — это вопрос, который не слишком давно поставили перед исследователями курган Аржан в Туве и Гумаровский курган в Южном Приуралье: о кажущейся противоречивости аналогий западных по отношению к восточным и наоборот.

Восточная линия синхронизации корсуковского клада, в целом, как мы видели, дает выход на пласт памятников начала I тыс. до н.э., среди которых одним из позднейших является курган Аржан середины VIII в. до н.э. Западная линия выводит нас на прикубанские древности келермесско-краснознаменского типа середины — второй половины VII в. до н.э. Признание объективного характера hiatusа, продолжительностью около века между центральноазиатскими и южнорусскими комплексами, с чем категорически не хотят соглашаться сторонники поволжско-причерноморской гипотезы происхождения скифов, неизбежно влечет за собой и признание азиатских корней скифской культуры.

Хронологическая лакуна, соответствующая “темному периоду” скифской истории, начинает уже заполняться алтайскими, минусинскими, среднеазиатскими и приуральскими памятниками второй половины VIII — начала VII вв. до н.э., маркирующими пути движения мигрирующего на запад восточно-иранского этноса (Чиликта, Уйгарак, Тагискен, Берсуат, Графские развалины, Гумарово и др.). Едва ли не каждый новый ранний комплекс, происходящий из восточных районов степной Евразии, раздвигает рамки казавшихся незыблемыми представлений о протоскифах и их материальной культуре, содержание и объем которой отнюдь не сводится к компонентам “скифской триады”. Не является исключением в этом отношении и клад конца IX — первой половины VIII вв. до н.э. из с.Корсуково.*

*) Когда формировался сборник, появилась публикация этого клада в статье “Скифо-сибирский стиль в художественной бронзе Верхней Лены” (Бердникова, Ветров, Лыхин, 1991: 196-207). Отдавая должное этой публикации и находя многие выводы, к которым пришли ее авторы, близкими нашим, мы сочли все же возможной публикацию нашей статьи, написанной в 1990 году, по двум обстоятельствам. Первое из них относится к качеству иллюстраций в журнале “Советская археология”. Мы полагаем, что наше воспроизведение рисунков уникальных предметов Корсуковского клада является полиграфически более качественным. Вторым обстоятельством, побудившим нас оставить статью в составе этого сборника, являются те выводы, которые отличают нашу работу от публикаций уважаемых иркутских коллег. Прежде всего это наша дата Корсуковского клада, которая в относительном выражении близка дате Аржана, а в абсолютном — на полтора-два века древнее предложенной В.И.Бердниковой, В. М. Ветровым и Ю. П. Лыхиним. Не потерял своего значения и наш вывод о присутствии в составе инвентаря Келермесских курганов комплекса вещей центральноазиатского происхождения (бронзовые шлемы, часть наконечников стрел, бронзовые шаровидные навершия). Последние исследования А. В. Варенова и А. Ю. Алексеева (Варенов, 1992: 100-104; Алексеев, 1992: 9) только подтверждают наше наблюдение. И, наконец, еще одно обстоятельство. В своей статье иркутские археологи привели интересные сведения о находках культовых бронз скифского облика в бассейне р. Лены, чем вписали Корсуковский клад в определенный археологический контекст. К приведенному ими перечню нам хотелось бы добавить еще одну находку, сделанную, правда, чуть западнее. Речь идет о кладе аржанского времени у с. Штабки на р. Обь (Уманский, 1970: 169-171). Все эти находки, сделанные в подтаежной зоне к северу и западу от Байкала, ставят, на наш взгляд, очень серьезную проблему культовой практики шаманского типа у создателей древнейшей скифской (центральноазиатской) культуры. Культовой практики, с которой, по всей вероятности, связано происхождение собственно скифской космогонии и космографии, а также, м. б., древнейшие географические представления о локализации “страны блаженных”, священного водоема “моря Ворукаша” и других пунктов восточно-иранского мифологического мира.

V. Yu. Zuev, R. B. Ismagilov

KORSUKOVO TREASURE

The article is to the publication of the cult's bronzes on river Szuya at Korsukovo village (Siberia, Irkutsk region). The treasure contained a bronze cauldron; two bronze plates in the shape of a panther (Pl. 1); two tops in the shape of an elk; one ball-shaped top and a bronze hook with figures of an elk and panthers on it (Pl. 2).

The analysis of the style of the objects from the treasure enables us to compare it with the arzhano-majemire style and to assign the find to the second half of the ninth, the first half of the eighth centuries B.C.

The treasure of Korsukovo is one of earliest monuments of the early Scythian culture in Central Asia.

Н. А. Боковенко, П. И. Сорокин

НОВЫЕ ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ НАЧАЛА I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э. НА ЮГЕ ХАКАСИИ

В настоящее время проблема сложения культур скифо-сибирского типа остается одной из актуальных в силу целого ряда причин. Во-первых, археологические источники конца эпохи бронзы и раннескифского времени пока исследованы в недостаточной степени, во-вторых, современные археологические периодизации неадекватно отражают сложные культурные процессы в переходные периоды от одной исторической эпохи к другой, в-третьих, археологические критерии, характеризующие ту или иную культуру, разработаны не совсем четко, что усложняет воссоздание исторических процессов в том или ином регионе.

Эти же факторы важны и при понимании переходного периода от карасукской культуры эпохи поздней бронзы к тагарской культуре уже скифской эпохи на юге Красноярского края. По этой проблеме существуют две точки зрения: 1 — генетическая преемственность карасукской и тагарской культур неоспорима, но требует уточнений (Максименков, 1975; Комплекс..., 1979); 2 — сосуществование нескольких культурных групп и культур от середины II тыс. до н.э. до сер. I тыс. до н.э. (Членова, 1967; Она же, 1972).

В результате работ сибирских экспедиций ЛОИА АН СССР удалось подтвердить общую схему развития культур в этом регионе (долины р. Черновой, р. Карасук, горы Тепсей, стоянка Тоора-Даш и микрорайон Койбальской степи), но в то же время выявились локальные особенности, не укладывающиеся пока в концепцию простой смены культур при однокультурности в каждый исторический период (Паульс, 1983: 70-72). Хотя последовательность культурно-исторических этапов сейчас установлена достоверно (Карасукский-каменноложский-баиновский или атипичный) в то же время не исключена возможность кратковременного сосуществования некоторых памятников при сохранении общей тенденции их развития. Выделенный среди этих памятников единый карасук-тагарский культурный пласт, свидетельствует о сложности и многоплановости происходивших процессов, о зарождении ряда характерных тагарских черт на каменноложском этапе карасукской культуры. Так, по сходству ряда черт погребального обряда, надмогильных конструкций и сопроводительного инвентаря памятники каменноложского, баиновского, частично подгорновского этапов тесно связаны между собой (Кузьмин, 1979: 44-47; Паульс, 1983: 70-72; Он же, 1985: 62-64). Н. Ю. Кузьмин считает возможным выделить единый ранне-тагарский период, включающий баиновский и подгорновский этапы, которые в совокупности вместе с каменноложским этапом карасукской культуры датируются IX-VI вв. до н.э.

Поэтому ввод нового материала переходного периода в этом регионе весьма важен как для уточнения хронологической схемы юга Хакасии, так и для поиска генетических импульсов культурных инноваций на Среднем Енисее.

Ниже приводим краткое описание погребальных памятников каменноложского этапа карасукской культуры (X-IX вв. до н.э.), исследованных в

результате последних лет в зоне новостроек в Бейском (курганы в могильниках Колок и Уй) и Аскизском (могильник Кызлас) районах Хакасии.

Могильник Кызлас расположен к северу от дороги с. В. Аскиз-Кызлас, на сильно распаханном поле. курганы невысокие, едва достигающие 0,3-0,5 м высоты. Количество курганов предположительно около 10. Исследован один объект, попадающий под разрушение при расширении дороги.

Курган 1 находится в южной части могильника. Распаханная насыпь достигала высоты 0,5 м и диаметра 6-8 м. Камни ограды выступали над современной поверхностью в основном в восточной части насыпи. Ограда подквадратной формы 6,5×7 м, из врытых вертикально-каменных плит, которые сохранились в некоторых случаях на высоту до 1 м. Ориентировка ограды сторонами практически по странам света. Плиты ограды в большинстве случаев отклонены наружу, что может свидетельствовать о наличии земляной насыпи, которая расплылась со временем до границ ограды. С западной стороны пристроена меньшая ограда (3×4 м), которая также сложена из вертикальных плит (рис. 1, 1).

Могила 1 расположена в центре большой ограды и представляла собой каменную цисту прямоугольной формы (2,5×3,5 м), из положенных друг на друга плит на древнюю погребенную почву (рис. 2, 1). Внутри нее — каменный ящик (1,4×1,8 м), составленный из нескольких вертикальных плит так, что северная и южная стенки были поставлены на древнюю погребенную почву и держались за счет плит подпиравшей цисты, а западная и восточная врыты в погребенную почву на глубину 40 см. Циста сохранилась достаточно хорошо в нижней части, а верхняя часть ее разрушена и плиты завалились наружу. Реконструируемая высота стенок цисты — 0,8-1 м.

Покрытие ящика нарушено, и могила ограблена. В заполнении и среди камней цисты обнаружены фрагменты от каменноложского сосуда с орнаментом в виде косых насечек на венчике (рис. 3, 1); полусферическая бляшка и фрагменты шила. В заполнении также встречены небольшая полусферическая бляшка раннетагарского облика (рис. 4, 3), кости мужчины 45-55 лет, остистый отросток позвоночника крупного копытного и лопатка овцы. В западной части могилы в беспорядке — череп и кости женщины 40-50 лет, левые бедренные кости двух овец, с СЗ углом лежал небольшой сосуд на поддоне и с каннелюрами на тулове (рис. 3, 4), рядом — бронзовое шило (рис. 4, 1).

Могила 2 расположена в центре пристройки. Это каменный ящик, составленный из четырех плит, врытых на глубину до 20 см. Покрытие состояло из нескольких небольших плит. На дне — два детских захоронения, частично потревоженные грызунами. Погребенные лежали на спине, головой на З-Ю-З, в вытянутом положении. Слева от погребенного ребенка А (ребенок 5 лет) был поставлен шаровидный сосуд с небольшим венчиком и орнаментом в виде спускающихся треугольников (рис. 3, 2). В сосуде обнаружены позвонки рыбы. Справа от черепа — три проволочные бронзовые кольца с подвесками (рис. 4, 6, 7, 9). Между правым локтем и туловом погребенного — небольшая бронзовая бляшка с петелькой на обратной стороне, в районе левой лопатки — еще три бляшки (рис. 4, 10) и кончик лезвия ножа (рис. 4, 4); на поясе — большая бронзовая бляшка с солярным орнаментом (рис. 4, 8).

Погребенный Б (ребенок 4-5 лет) был уложен севернее погребенного А в аналогичной позе. Между правым локтем и туловищем — две проволочные

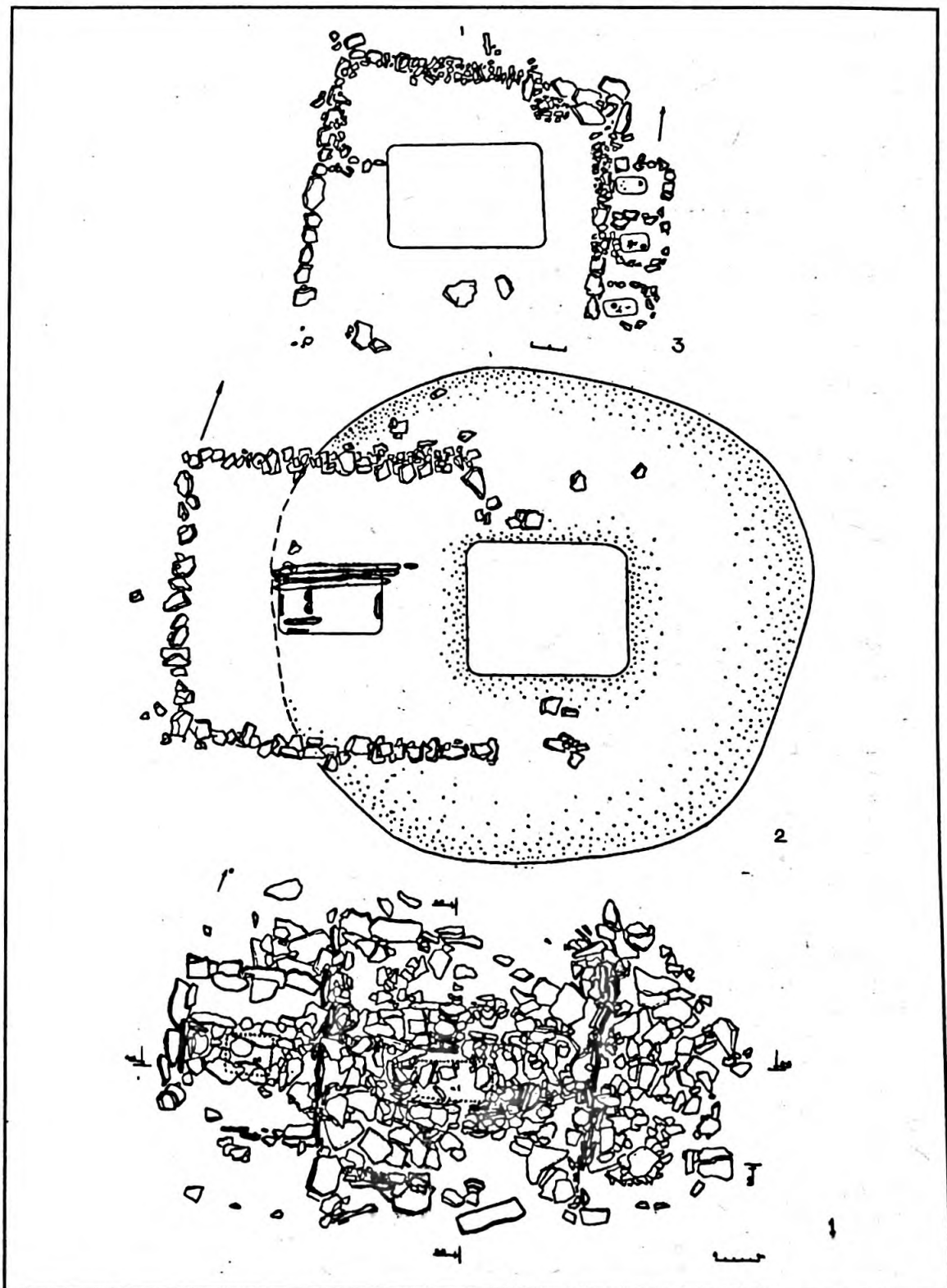

Рис.1. Планы оград погребальных памятников юга Хакасии: 1 — курган I могильника Кызлас, 2 — курган I объекта Уй, 3 — курган 10 могильника Жолук.

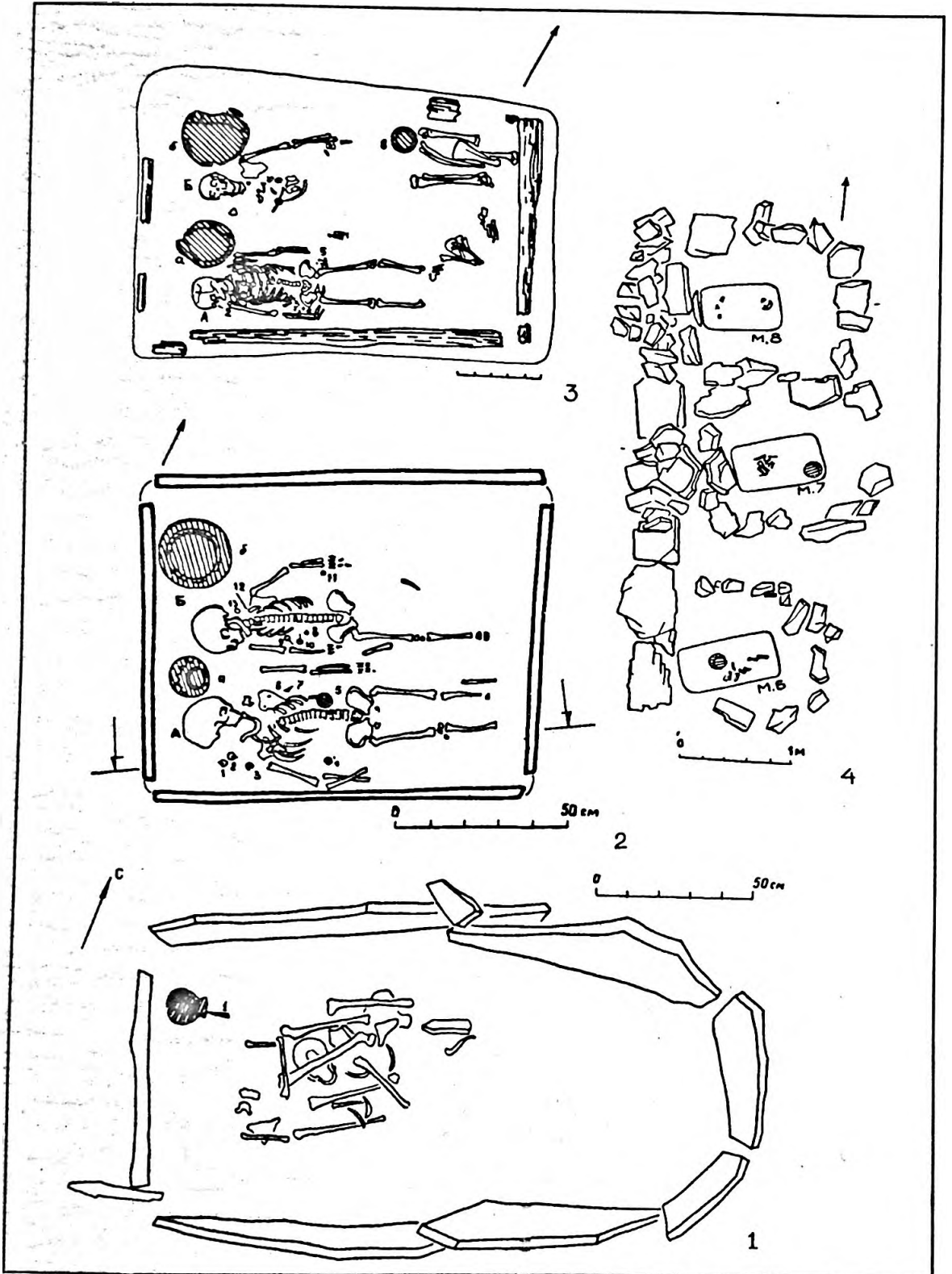

Рис.2. Планы могил: 1 — могила I, кург.1, могильника Кызлас; 2 — могила 2, там же; 3 — курган I объекта Уй; 4 — могилы 6, 7, 8 — кургана 10 могильника Колок.

лочные серьги с длинными цилиндрическими подвесками на кожаном ремешке (рис. 4,11,13); бронзовая полусферическая бляшка, у левого виска — небольшая бронзовая серьга с бусиной (рис. 4,14,12), рядом — обломок лезвия бронзового ножа (рис. 4,5); у левой кисти — небольшая полусферическая бляшка с петелькой на обратной стороне (рис. 4,15), игла (рис. 4,26). Слева от черепа стоял сосуд на небольшом поддоне (рис. 3,3).

Вся совокупность материалов позволяет реконструировать следующую последовательность захоронений: курган был сооружен в каменоложское время, куда в цисту был погребен мужчина 45-55 лет с большим сосудом и набором вещей, затем пристроена ограда с детьми. В раннетагарское время могила 1 потревожена и ограблена, кости мужчины и сосуд выкинуты к ЮВ от цисты, затем, видимо, сооружен ящик (?) и захоронена женщина 40-45 лет, ей поставлен сосудик с канелюрами, положены вещи (шило и т. д.). Значительно позже могила снова ограблена.

Курган Уй. расположен на распахиваемых полях в 2 км СЗ с. Новокурское (Боковенко, 1981б). Состоит из каменоложского кургана, восточную часть ограды которого разрушила могила сарагашенского этапа тагарской культуры.

Курган 1 (каменоложский) имел ограду подквадратной формы 8×8 и высотой до 5 м (рис. 1,2). Ориентировка сторонами практически по странам света. Ограда сложена в основании из массивных плоских камней, во втором и третьем рядах лежали камни меньшего размера.

Могила 1 — в центре ограды, слегка трапециевидной формы 1,8×2,5 м, глубиной 0,3 м, ориентирована по линии ЗЮЗ-ВСВ. Могила перекрыта бревнами, уложенными в широтном направлении. В центре могилы обнаружены остатки от двух столбов диаметром 20 см, видимо, врытых с вершины насыпи курганов. Могила потревожена. В заполнении встречены кости человека, 5 спиралевидных бронзовых подвесок и обломки шила (рис. 4,20-24, 26). Вдоль стенок у дна могилы находились остатки от деревянных конструкций (сруба или рѣмы?) (рис. 2,3).

На дне — остатки двух погребенных, уложенных в вытянутом положении а спине головой на ЗЮЗ. Скелет А, практически не потревоженный, принадлежал девушке (рис. 2,3-а). У нее под правым виском — бронзовая цилиндрическая пронизка, в области ключицы — подтреугольная подвеска, такая же — между ребрами и правым локтем (рис. 4,17,18). Здесь же три маленькие бронзовые бляшки с петелькой на обратной стороне, такие же, надетые на тонкий кожаный ремешок, находились на запястье левой кисти (рис. 4,27). Севернее головы — яйцевидный сосуд с орнаментом в виде насечек под венчиком (рис. 3,5). В ногах кости овцы (два ребра, лопатка, нога) и маленький уголек.

Погребенный Б (юноша) в значительной степени потревожен в грудной и поясной части. Севернее головы находился яйцевидный сосуд также с характерным орнаментом (рис. 3,6); севернее коленок — сосуд меньшего размера, но с плоским дном. В ногах — лопатка, ребра и нога коровы. В области шейных позвонков — одна полусферическая бляшка.

Могильник Колок находится на распахиваемых полях в 3 км западнее г. Саяногорска. Состоит из 15 курганов, 11 из которых уже исследованы и относятся к тагарской культуре (Боковенко, 1981б; Худяков, 1980; Пшеницына, Молодин, Полосьмак, Поляков, 1980). Один из них (№ 10) сооружен в каменоложское время и после ограбления использовался для захоронения на протяжении длительного периода (рис. 1,3).

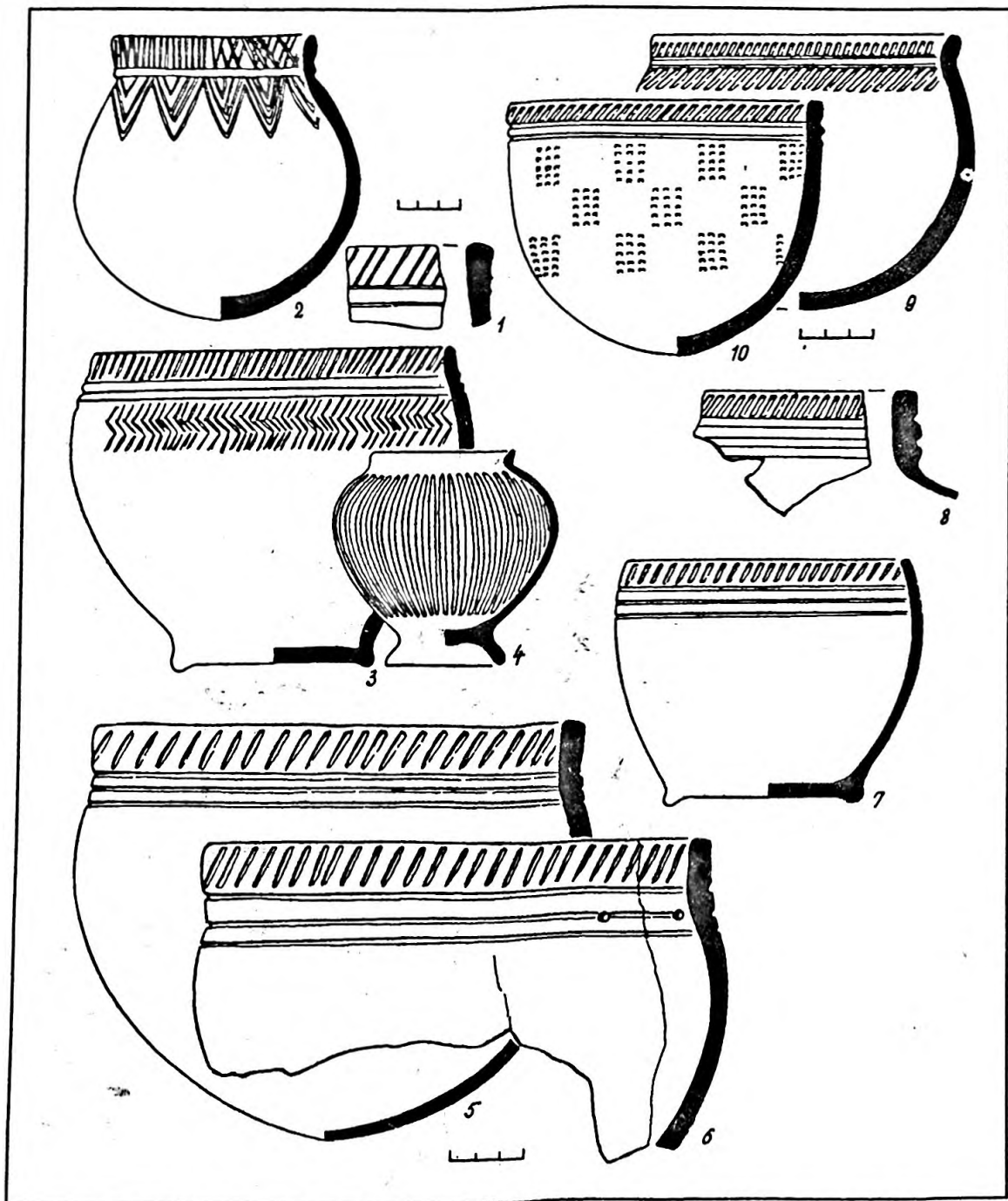

Рис. 73. Посуда из погребальных памятников: 1-4 — курган I, могильника Кызлас; 5-7 — Уй (5 — у погребенного А, 6-7 — у погребенного Б), 8-10 — курган 10 могильника Колок (8 — мог. 1, 9 — мог. 6, 10 — мог. 7).

Курган 10 располагался в ЮЗ части могильника до 0,7 м высотой и диаметром 15 м. Под насыпью находилась ограда квадратной формы 8,5×8,5 м, ориентированная сторонами по странам света. Она сооружена из плит и рваного камня, положенных плашмя друг на друга до высоты 0,6-0,9 м. По

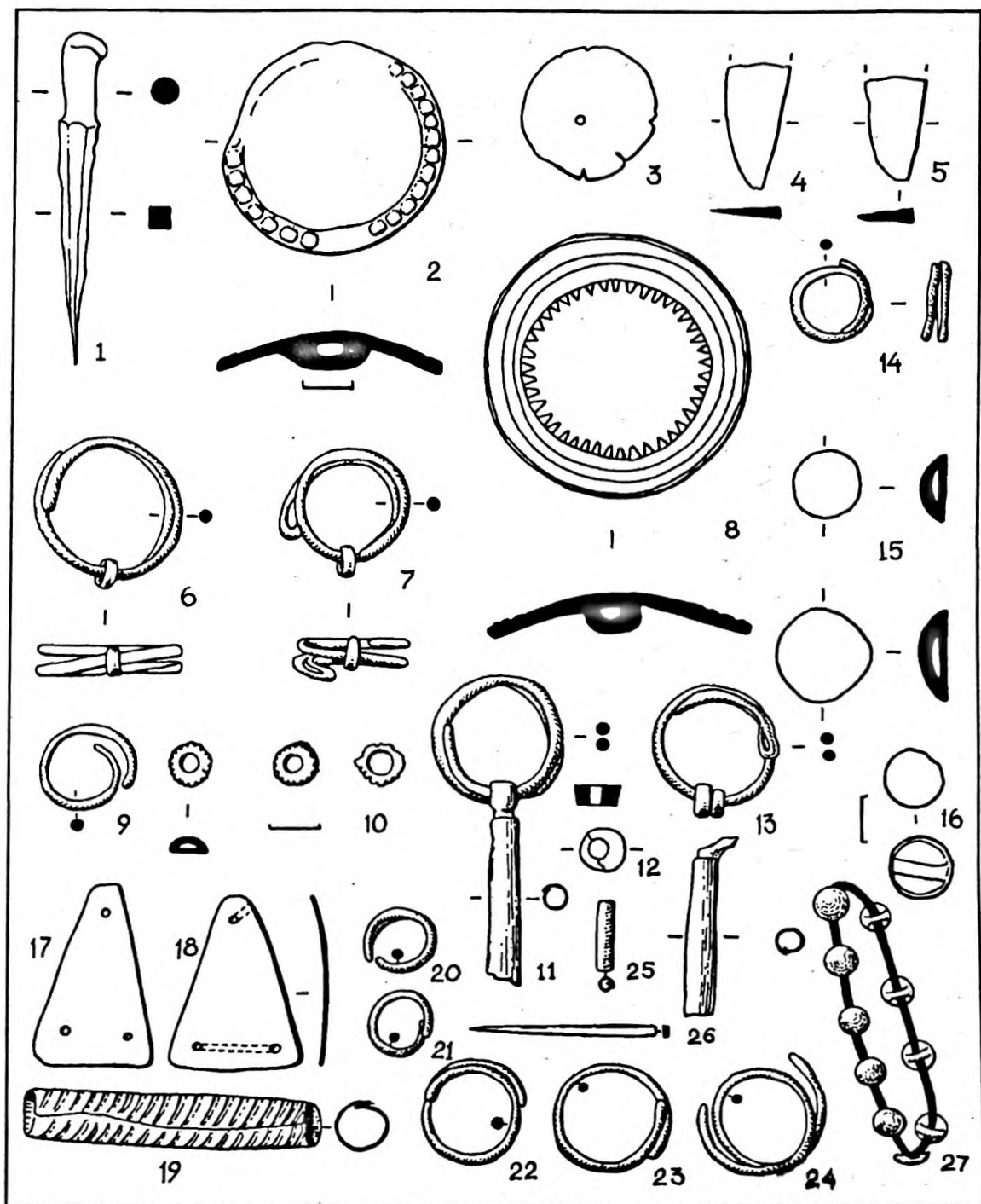

Рис.4. Вещи из комплексов:

1-15 — Кызлас (1-2 — в насыпи, 3 — шило из позднего тагарского захоронения, 4-5 — фрагменты лезвий ножей, 6-7 — серьги, 8 — поясная бляха, 9-10 — подвески, 11 — серьга, 12 — бусина, 13 — серьга, 14 — спиральное украшение, 15 — полусферические бляшки); 4, 6-10 — у погребенного А, 5, 11-15 — у погребенного Б; 16 — полусферические бляшки из мог.б могильника Колок; 17-27 — вещи из кургана 1 объекта Уй (17-18 нашивные пластинки, 19 — рифленая подвеска, 20-24 — спиральные подвески, 25 — цилиндрическая пронизка, 26 — обломок иглы, 27 — наручный браслет из наременных бляшек.

Все — бронза, кроме 6, 7, 12; 6, 7 — бронза и яшмовидные породы.

углам обнаружены следы от вытасненных более массивных угловых камней, а также следы достройки, видимо, в тагарское время. С восточной ограды выявлены три пристройки, содержащие по одной детской могилке. Всего в кургане зафиксировано 12 могил. К каменоложскому этапу относится разрушенная могила 1 и три детских в индивидуальных оградах.

Могила 1 (центральная) — полностью разрушена в тагарское время. Сохранились размеры прямоугольной ямы (3,1×4,5 м), ориентированной сторонами по странам света. Первоначальная глубина не более 0,4 м, а затем в позднее время для тагарских захоронений увеличена до 1,5 м. Среди камней покрытия на краю ямы обнаружены лишь фрагменты от сосуда с орнаментом в виде косых насечек на венчике и желобков под ними (рис. 3,8).

Могила 6 — самая южная из пристроенных к восточной части ограды. Сооружена в небольшой ограде прямоугольной формы (1,4×1,4 м) из мелких камней. В центре — могила прямоугольной формы, размеры 0,5×0,5 м, глубина 15 см. Покрытие состоит из небольших плиток. Могила потревожена, видимо, грызунами. В центре — круглодонный сосуд с орнаментом в виде косых насечек и двумя желобками между ними (рис. 3,9). Рядом — разбросанные кости новорожденного, позволяющие предположить лишь ориентировку погребенного головой на ЗЮЗ. Среди костей обнаружены две маленькие бронзовые бляшки с петельками на обратной стороне (рис. 4,16).

Могила 7 находится в 40 см севернее ограды 6. Ограда прямоугольной формы (1,6×1,6 м) также сложена из камней в один ряд. В центре — могила 0,45×0,8 м, глубиной 15 см. В середине могилы — кучка костей новорожденного ребенка и лопатка барана, в юго-восточном углу поставлен круглодонный сосуд с характерным орнаментом в виде косых насечек на венчике (рис. 3,10).

Могила 8 вплотную примыкает к северной части ограды могилы 7. Размеры оградки 1,6×1,8 м. В центре, чуть ближе к западному краю — могила прямоугольной формы (0,5×8 м), глубиной 20 см, ориентированная длинными сторонами по оси З-В. Могила потревожена. На дне — несколько фрагментов черепа от новорожденного ребенка, на северном борту — еще бедро от него же. Никаких вещей не обнаружено.

Вышеописанные памятники по погребальным конструкциям и сопроводительному инвентарю достаточно типичны для каменоложского этапа карасукской культуры: подквадратные ограды с большими прямоугольными неглубокими ямами в центре и детскими пристройками, показательный керамический комплекс из шаровидных и плоскодонных сосудов с характерным орнаментом в виде желобков и косых насечек на венчике и под ним, провололочные височные подвески различных размеров, полусферические бляшки с петелькой на обратной стороне — все находит достаточно четкие аналогии в других комплексах Хакасии этого периода (Грязнов, Максименков, Пяткин, 1968: 181; Максименков, 1975, рис. 15,5). Эти черты позволяют объединить между собой каменоложские памятники в могильниках Кызлас, Уй и Колок, хотя выделяется ряд элементов в конструкции и сопроводительном инвентаре, характерных только для могильника Кызлас.

Во-первых, это наличие оград, оставленных из вертикальных, до 1 м высотой, плит. Во-вторых, наличие цисты из плитняка, сложенной для захоронения на уровне древнего горизонта. В-третьих, присутствие в сопроводительном инвентаре больших полусферических поясных круглых блях с солярной символикой на внешней стороне. Все эти признаки достаточно

характерны для памятников дандыбай-бегазинского типа Центрального и Восточного Казахстана (Маргулан, 1979, рис. 36, рис. 22) и могут свидетельствовать в пользу существующей гипотезы об андронидности карасукских племен на Енисее, что также подтверждается и антропологическими исследованиями (Рыкушина, 1979). Видимо, казахстанские импульсы в карасукскую культуру на разных ее этапах существовали постоянно. Этому не противоречит и нахождение в кургане Уй остатков от двух вертикальных столбов-стел над каменоложской могилой, которые также достаточно типичны для погребальных памятников конца эпохи бронзы Казахстана (Бегазы, мавзолей 1), где они известны в том же контексте (Маргулан, 1979, рис. 45 и др.). Видимо, эта традиция установки стел над могилами или вблизи от них, зародившаяся еще в эпоху бронзы, продолжается в скифскую эпоху в виде оленных камней на достаточно обширной территории от Казахстана до Монголии.

Необходимо отметить, что представленные комплексы по всем определяющим признакам имеют значительно больше связи с тагарской культурой, чем с собственно карасукской, что позволяет поставить вопрос о правомерности отнесения их к последней. Малочисленность материала пока не позволяет определенно решить проблему адекватности отражения культурно-исторических событий на юге Хакасии в начале I тыс. до н.э. в существующих археологических периодизациях.

N. A. Bokovenko, P. I. Sorokin,

NEW FUNERAL SITES OF EARLY I MILL. B.C. IN THE SOUTH KHAKASIA

The problem of the origin of Tagar culture (VIII-I c. B.C.) in the South Siberia can only be solved after accumulating enough sources of the end of the Bronze Age. Expedition in the Middle Jenissey region discovered 3 burial sites (Kyzlas, Ui, Kolok).

The monuments had small square stone fences. Usually such monumets contained a grave in the centre of the mound for the adult with the children's grave beyond the fence. The Kyzlas mound used contain a stone box with the removable upper cover before it was devastated by the robbers during ancient times. Remaining in the adult grave only some fragments of vessels while the children's grave lay intact.

The latter preserved a good deal of bronze decorations. In the Ui and Kolok mounds the dead were burried in superficial graves. They were found bying on the back, head to the West. the graces also contained clay vessels and bronze decorations.

The Ui mound is distinguished for its having a wooden roof with 2 fragments of wooden posts above.

The monuments can be dated by the X-IX c. B.C. (Kamenolodgsky stage). Some elements of stone and loy structures strongly suggest the origin there of from the Kazahstan and Mongolian cultures of the Later Bronze Age.

Н. А. Боковенко

НОВЫЙ ПАМЯТНИК АРЖАНСКОГО ЭТАПА В ЦЕНТРЕ АЗИИ

“Царский” курган Аржан, который сейчас достаточно надежно датируется VIII веком до н.э. (Грязнов, 1980, с. 54 ; Марсадолов, 1985, с.10) в значительной степени восполняет представления о сложении культур скифского типа в Центральной Азии, но долгие годы он оставался практически единственным всадническим комплексом столь раннего времени в этом регионе. Только спустя 10 лет после раскопок Аржана, автору удалось раскопать одиночный погребальный памятник в могильнике Баданка IV, аналогичный с ним по конструктивным элементам и расположенный в соседней северной Усинской долине. Краткая информация о нем уже опубликована (Боковенко, 1986а; Он же, 1986б, с. 46-47), но требуется подробная информация об особенностях памятника.

Могильник Баданка IV состоит из 30 курганов и находится в центральной части высокогорной Усинской межгорной долины Западного Саяна, в 4 км юго-западнее с.Верхнеусинское, у подножия горы Баданка. Курганы вытянуты цепочкой по оси ЮЗ-СВ и находятся на первой надпойменной террасе. Они представляли собой земляные насыпи 5-15 м в диаметре и до 1-1,5 м высотой, хотя большинство насыпей едва возвышались над поверхностью. Так как могильник сильно распахивался, то в 1985 году начались исследоваться курганы, которым грозило уничтожение в первую очередь. Везде на пашне и около курганов валялись камни от расташенных оград и покрытий. Было исследовано 6 курганов, относящихся к раннескифскому времени, один из которых по своим конструктивным особенностям представляет особый интерес.

Курган 17 находился в центральной части могильника и практически не имел никакой насыпи, лишь кое-где выступали сильно задернованные камни ограды. После снятия насыпи выявилась следующая конструкция кургана: круглая в плане каменная ограда 10 м в диаметре, сложенная из массивных валунов (70×50×40 см и менее), поставленных на древнюю погребенную почву в два ряда; внутри ограда заполнена более мелким гравием и галькой (рис. 1-3). Лучше всего сохранилась ограда в северной части и практически полностью распахана в южной и юго-восточной части кургана. Среди камней засыпки ограды и за ее пределами зафиксировано 22 скопления фрагментов от различных сосудов. Встречена керамика двух типов: 1 — фрагменты красноватого цвета с гребенчатым орнаментом по всей плоскости и на верхнем срезе венчика (эта керамика всегда находилась ниже уровня погребенной почвы, на которой воздвигалась ограда скифского времени), 2 — фрагменты неорнаментированной керамики красноватого и сероватого цвета, более грубой и толстостенной, по сравнению с 1 типом. Керамика этого типа обнаружена поверх каменной насыпки и с керамикой 1 типа вместе не встречается. Все эти скопления не являются развалами целых сосудов, даже в тех случаях, когда обломков достаточно много. Керамика 1 типа (гребенчатая) находит достаточно четкие аналогии в орнаментальных мотивах посуды II окуневского слоя стоянки Тоора-Даш

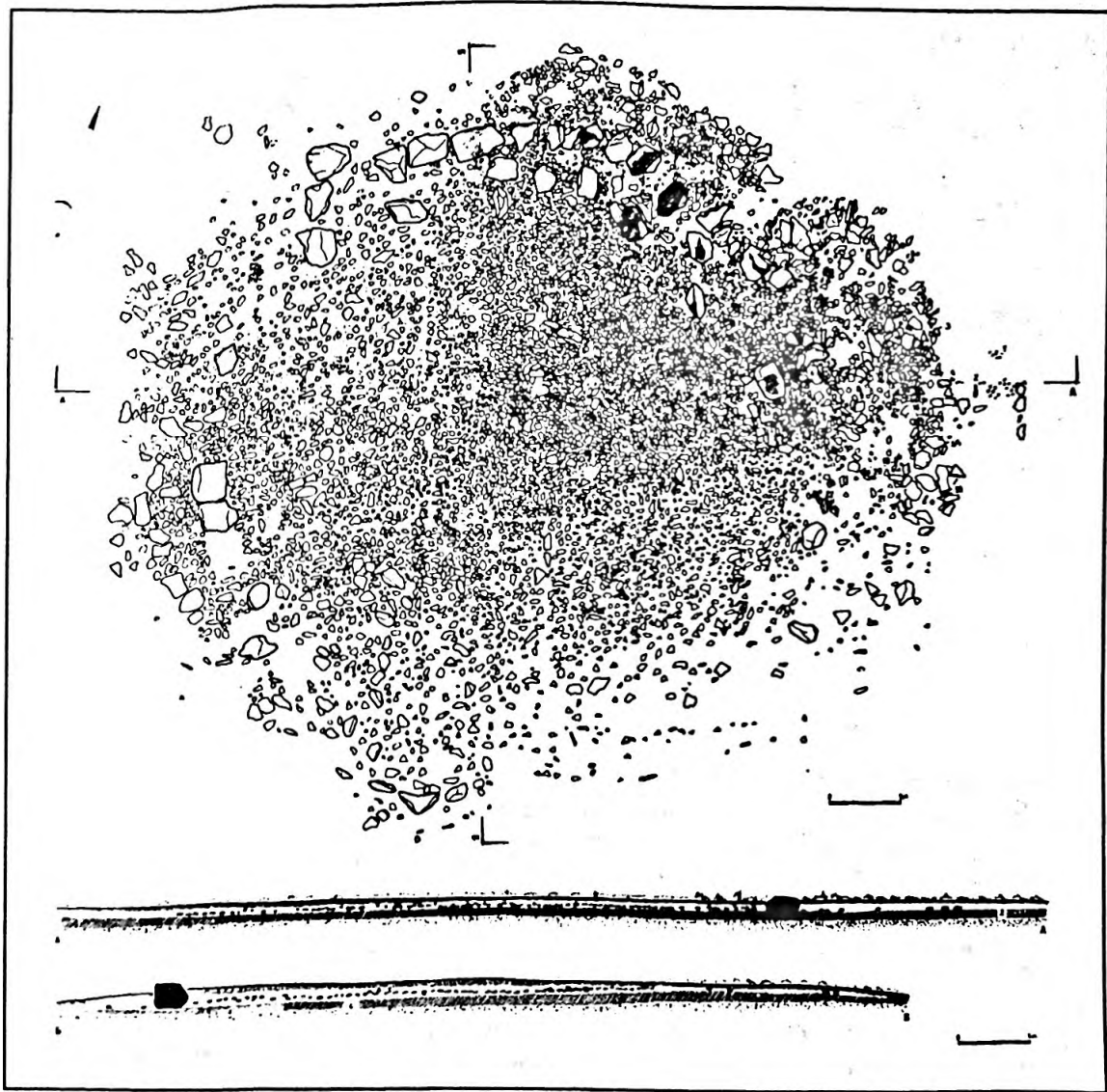

Рис. 1. Могильник Баданка IV, курган 17. План ограды и каменного покрытия: цифрами указано местоположение фрагментов керамики.

в Туве (Семенов, 1983, с. 22, рис.35-36) и следовательно, может датироваться этим же временем. Керамика 2 типа, судя по условиям залегания, либо синхронна кургану (результат погребальной тризны), либо относится к несколько позднему времени (результат поминальных тризн). Происхождение керамики же 1 типа можно связывать с культурным слоем эпохи бронзы, который находится под курганом на этой террасе.

После снятия каменной засыпки внутри ограды, обнаружилось остаток захоронения человека с конем на уровне древнего горизонта (рис. 2). Могила была нарушена, видимо, в результате ограбления и поздними распашками поля. Так на месте, в нетронутом состоянии находились лишь длинные кости человека, остальные кости полностью отсутствовали, за исключением нижней челюсти взрослого человека 25-30 лет. Судя по расположению костей ног, погребенный был уложен в центральной части

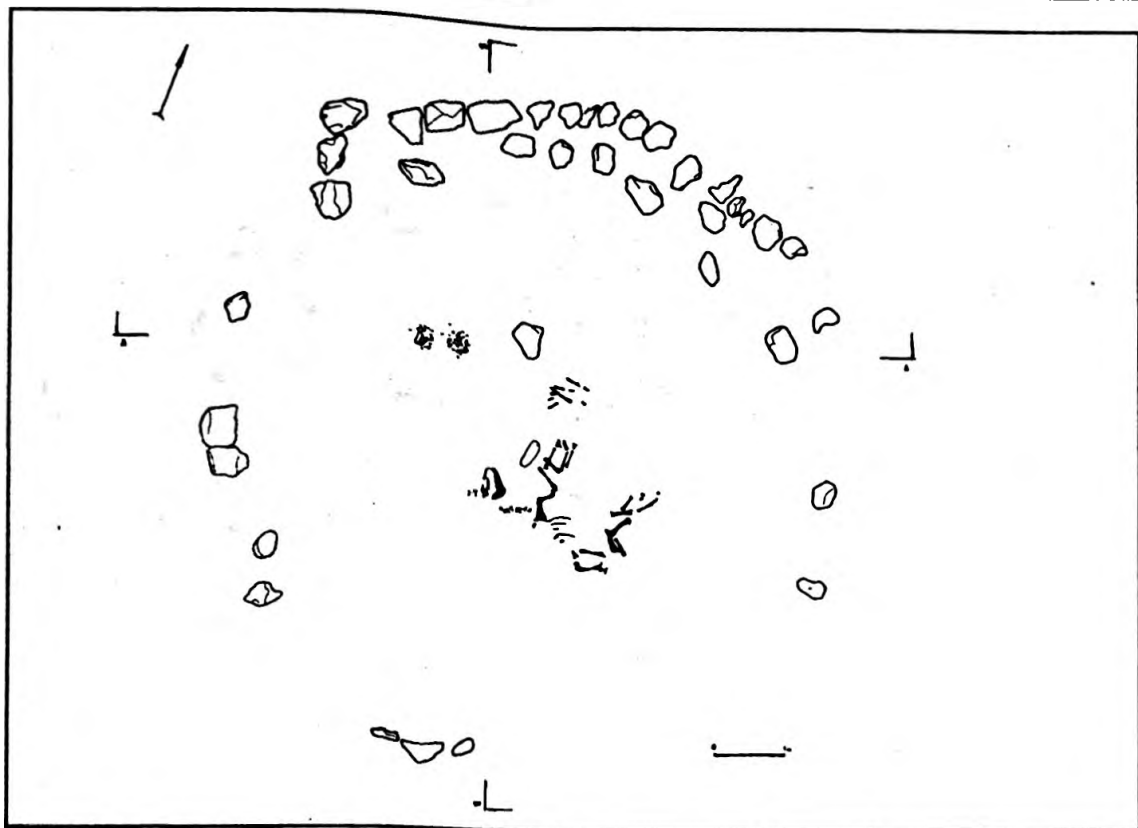

Рис. 2. План ограды и захоронение человека с конем на уровне древнего горизонта:
I-IV — расположение роговых блях узды под черепом коня.

ограды, на левом боку, в скорченном положении, головой на ЮЗ. Южнее, за его спиной находился скелет старого жеребца. Конь был уложен на левом боку с вытянутыми ногами, головой на запад. Длина пястной кости соответствует по таблице В.О.Витта высоте коня в холке примерно 140 см (Витт, 1952, с.194). Сохранность костей человека и коня очень плохая.

В 1,3 м к западу от костей человека зафиксированы скопления углей от двух небольших костров (диаметр около 25 см). Здесь же, среди угольков были мелкие камешки и галька. На уровне древнего горизонта также зафиксировано два камня: один лежал между кострищами и человеком, другой — между человеком и конем. Скорее всего, можно говорить об остатках очистительного обряда, совершенного либо до погребения человека, либо непосредственно во время акта захоронения.

Под черепом коня обнаружено пять предметов от верховой уздечки (рис. 4: 1-5). Четыре бляхи сделаны из клыков кабана, а одна — из когтя медведя. Одна из кабаньих блях имеет тонкий резной орнамент вокруг отверстий и восьмеркообразный выступ на широкой плоскости. Близкие по форме бляхи встречены в Аржане.

Комплект главных элементов узды, скорее всего, состоял из ременных удил и деревянных псалиев, от которых ничего не сохранилось из-за близкого расположения погребения к современной поверхности. Такой комплект уздечки сохранился у одного из коней в Аржане. Остальные ременные роговые бляхи узды, находившиеся под черепом коня, являлись

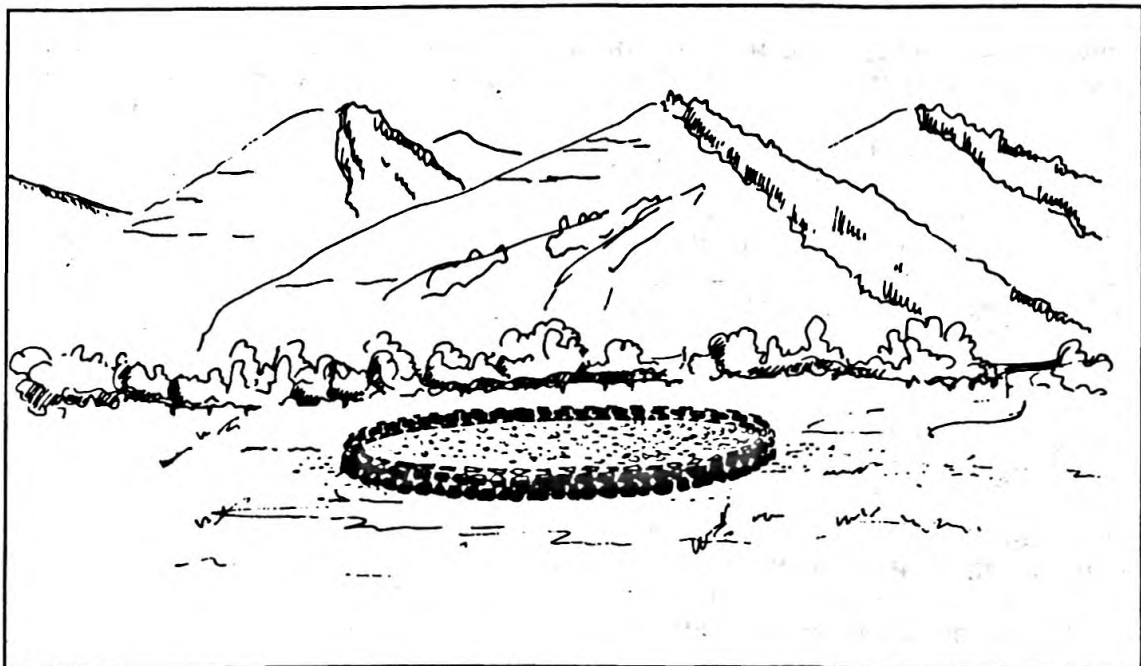

Рис.3. Реконструкция каменных погребальных сооружений
(Н. А. Боковенко, И. В. Гуско).

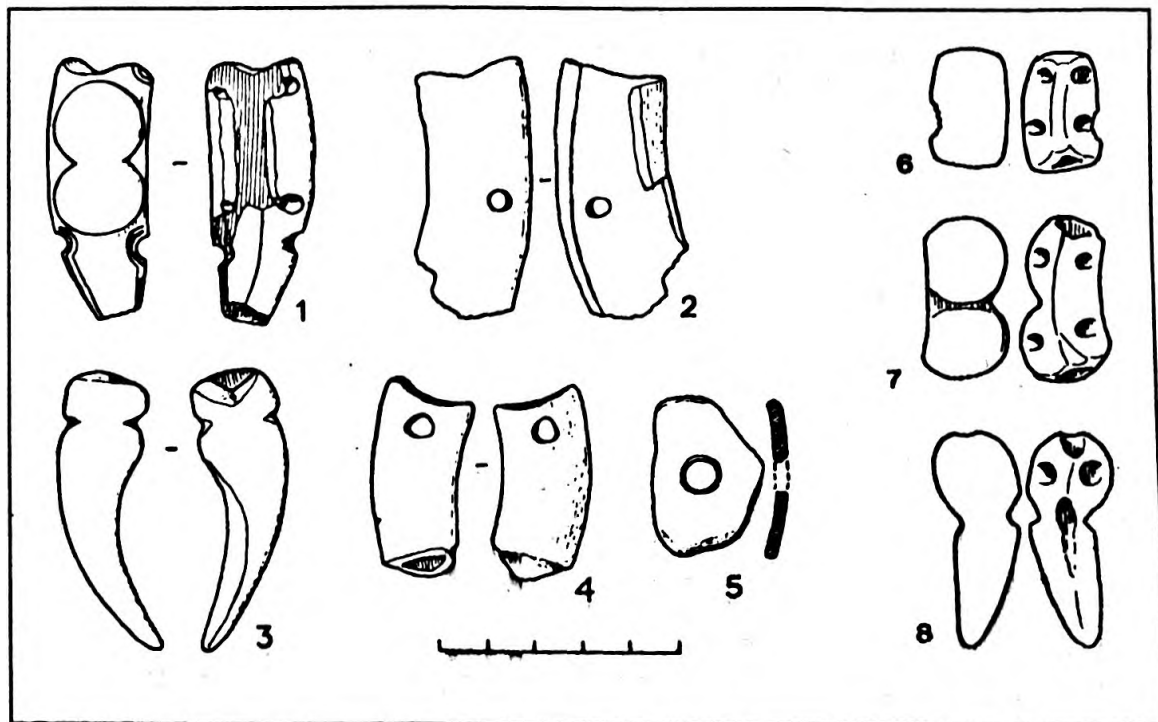

Рис.4. Костяные бляхи от узды коня: 1-5 — из кургана 17 могильника Биданка IV,
6-8 — из кургана Аржан (1-2, 4-7 — клык кабана; 3,8 — коготь медведя).

нащечными и развилками — двойниками. Выше уже отмечалась близость их к аржанским (рис. 4: 6-8). Наиболее интересна бляха-развилка, аналогичная восьмеркообразным бляхам из камеры 26 кургана Аржан (Грязнов, 1980, рис. 24: 3-4). На бадановской развилке восьмеркообразный вырез едва возвышается над плоскостью клыка кабана, а боковые отверстия и края обоймы подчеркнуты тонкой резной двойной линией (рис. 4: 1). Резной орнамент наиболее характерен на роговых вещах, в том числе и на псалях, и деталях узды, происходящих из памятников эпохи поздней бронзы Казахстана (Алексеевское, Шортанды-Булак, Атасу и др.), которые датируются XIII-VIII вв. до н.э. (Маргулан, 1979, рис. 232). Среди многочисленных подобных блях из Аржана такой орнаментации не обнаружено, что позволяет считать комплекс кургана 17 Баданка IV немного более ранним, чем аржанский. Предварительная его датировка — конец IX-начало VIII вв. до н.э. Этому не противоречит и конструкция погребального сооружения (колцевая ограда) и обряд захоронения (человека с конем на уровне древнего горизонта). Видимо, в период становления раннескифской обрядности практика захоронения в грунтовых ямах еще не сложилась, эта традиция выработается с конца VIII — начала VII вв. до н.э.

Таким образом, можно вполне уверенно говорить о существовании в Западном Саяне культурного комплекса аржанского этапа, содержащего не только богатые элитные захоронения, но и погребения рядовых кочевников. Немногочисленность подобных комплексов в Центральной Азии объясняется спецификой захоронения на уровне древнего горизонта, что не позволяет в настоящий момент определенно выяснить их происхождение. Конструктивные особенности этих сооружений, погребальный обряд и детали конской уздечки отчасти связаны с памятниками эпохи бронзы Казахстана, но монгольское происхождение их также исключать полностью нельзя из-за малоизученности этого региона.

N. A. Bokovenko

A NEW MONUMENT OF ARZHAN STAGE IN CENTRAL ASIA

For a long time the royal kurgan Arzhan (VIII c. B.C.) was unique a horseman complex of early Scythian time in Central Asia. Only in 1985 year the autor was luckly to discover such a complex of horseman burial in the Us valley of the West Sayan which is of the same period as Arzhan stage.

Badanka the IV cemetery kurgan 17, containing a man and a horse grave with circle stone fence on the ancient top soil, was investigated there (fig. 1-3). The kurgan had been ploughed up, therefore headpiece of horse was preserved. It consists from fire bone details (fig. 4). They have good analogy as in royal Arzhan kurgan as in earles bronze epoch archaeological monuments in Kazakhstan.

The monument Badanka IV (kurgan 17) can be dated back to the late IX st. c.B.C. — early VIII st. c. B.C.

А.А. Ковалев, С.В. Хаврин

РАСКОПКИ КУРГАНА РАННЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ НА СЕВЕРНОЙ ОКРАИНЕ СЕЛА АСКИЗ

В 1989 году Аскизская экспедиция Ленинградского научно-исследовательского археологического объединения ЛФ ЦЭНДИСИ при АН СССР производила раскопки курганов раннескифского времени, оказавшихся под угрозой разрушения на территории производственной базы ПО "Агропромхимия" на северной оконечности села Аскиз Хакасии. Курганный могильник, в состав которого входят исследованные курганы, располагается по краю первой надпойменной террасы реки Абакан в трех километрах к северу от с. Аскиз и насчитывает не менее 80 погребальных сооружений эпохи поздней бронзы — раннего железа. Некоторые из курганов, судя по их современному внешнему виду, были раскопаны в научных целях в конце XIX — начале XX вв. Скорее всего, это были раскопки О. Ольсена в 1914 году, место проведения которых совпадает, по описанию, с расположением могильника (Членова, 1972: 90-91). Таким образом, данный могильник имеет в своде археологических памятников Э. Б. Вадецкой наименование Аскиз VI (Вадецкая, 1986: 105). В настоящее время могильник находится под угрозой уничтожения, по его территории проходит дамба, защищающая село Аскиз во время разливов Абакана, а также шоссе Абакан-Ак-Довурак, многие курганы оказались в пределах участков, отведенных под строительство без промышленных и строительных организаций и предприятий Аскизского района. В процессе раскопок курганная группа, в которую входят исследованные в 1989 году курганы, получила название Сельхозхимия 1.

Курган 2 представлял собой округлую в плане земляную насыпь высотой около 70 см и диаметром 14 м, более пологую в юго-восточной части, через которую проходила разъезженная внутренняя дорога ПО "Агропромхимия". После снятия насыпи была зачищена квадратная каменная ограда, ориентированная углами по сторонам света, которая была сооружена из плиток песчаника толщиной до 10 см, длиной от 40 до 120 см и высотой до 30 см, углубленных примерно на 10-15 см от древней дневной поверхности. По углам ограды были установлены массивные камни высотой около 40 см, размерами в плане до 50×50 см, также вкопанные в землю на глубину до 15 см. В середине северо-западной и северо-восточной стенок ограды на глубину 50 см были вкопаны подквадратные в плане камни высотой, соответственно, 90 и 70 см от древней дневной поверхности. Судя по наличию разрывов в середине двух других сторон ограды, там также находились аналогичные каменные столбы, утраченные при выравнивании поверхности двора производственной базы.

В центре ограды находилась подквадратная в плане могильная яма, ориентированная углами по сторонам света, размерами 2,5×2,5 м, глубиной 1,1 м от уровня древне дневной поверхности. Могильная яма была первоначально перекрыта листовенничными бревнами, уложенными в направлении северо-восток — юго-запад, диаметром до 20-25 см в два наката (иногда прослеживался третий ярус). Вдоль северо-восточной и юго-запад-

ной стен могилы были проложены две поперечные балки, на которых держались бревна перекрытия. Концы балок были вкопаны на глубину до 20 см от уровня древней дневной поверхности и перекрыты для укрепления плитами песчаника, уложенными плашмя на поверхности погребенной почвы. В северном, восточном и южном углах под этими плитами вдоль балок с обеих сторон были вкопаны более мелкие плитки. Со всех четырех сторон от ямы прослеживался мощный выкид высотой до 40 см, два верхних слоя которого были сложены из материкового желтого и красно-лилового суглинка. Выкид начинался с расстояния около 50 см от края ямы, так что плиты первоначального каменного панциря его не перекрывали.

Поверх деревянного перекрытия был сооружен каменный панцирь из крупных песчаниковых плит, уложенных плашмя в два-четыре слоя таким образом, чтобы поверхность сооружения была горизонтальной. Панцирь высотой 30 см и размерами 5,2 м с юго-запада на северо-восток и 3,8 м с северо-запада на юго-восток имел в плане подпрямоугольные очертания. В западной части панциря под камнями на поверхности погребенной почвы было обнаружено захоронение пятки и астрагала коровы в сочленении (все определения костей, обнаруженных в кургане, произведены А. В. Громовым).

Как показал основной разрез, каменный панцирь и выкиды были перекрыты земляной насыпью, сложенной из светло-серого суглинка, мощностью от 20 до 50 см, прослеживающейся только внутри ограды. В северо-западной части кургана поверхность этого слоя практически горизонтальна, в юго-восточной части он прослеживается близ могилы на ту же высоту, а далее исчезает, видимо, в результате того, что с этой стороны верхняя часть насыпи была разрушена дорогой. Таким образом, первоначально курган имел вид квадратной каменной ограды с плоской, квадратной в плане, насыпью высотой 50 см внутри, вплотную примыкающей к стенкам ограды.

В процессе раскопок было выявлено, что спустя некоторое время в насыпи кургана была выкопана прямоугольная яма, первоначальный каменный панцирь был в середине разобран, в юго-восточной части могилы из деревянного перекрытия вытянуты несколько бревен. После этого лаз перекрывается не менее чем десятью лиственничными бревнами диаметром 10-15 см в один накат, так что ширина нового перекрытия составляет 1-1,2 м. Поверх этого перекрытия в пределах выкопанной ямы был сооружен второй каменный панцирь прямоугольной формы с ровными сторонами размерами в плане 5×2,4 м и той же ориентации, что и первоначальный. Этот новый панцирь сложен из более мелких в среднем камней разбросанной формы, уложенных хаотично на высоту, соответствующую высоте первоначальной насыпи, заполняя таким образом выкопанную яму. Не исключено, что затем курган был перекрыт второй насыпью мощностью 10-15 см до уровня современной его поверхности, однако это невозможно однозначно установить при нынешнем состоянии памятника.

Взаимоотношение первоначального и вторичного сооружений стало возможным определить в результате фиксации основного и трех дополнительных разрезов, выполненных параллельно основному по краям надмогильного сооружения, а также последовательной зачистки каменных панцирей с их полной графической и фото-фиксацией (рис.1).

После обрушения перекрытия и заполнения западины землей в центре кургана была выкопана яма с целью ограбления погребения. Яма размерами 2×1,3 м разрушила перекрытие в южной части.

На дне могильной ямы был сооружен квадратный сруб из лиственных бревен диаметром 10 см в три венца размерами 2,5×2,5 м. При зачистке дна ямы выявлено, что в могиле были совершены последовательно два погребения. Первоначально здесь было захоронено 5 человек: женщина 50-60 лет, мужчина 45-55 лет, мужчина 20-25 лет, подросток 12-13 лет и новорожденный ребенок (погребение 1). Их разрозненные кости были раскиданы по всему дну могилы, однако наибольшее их количество (включая черепа) было сложено в кучу в южном углу. При этом по крайней мере кости голени и стопы мужчины 20-25 лет были перемещены в тот момент, когда связки полностью не истлели, и сохранились в сочленении. В неповрежденном состоянии сохранились лишь кости левой ноги, правой стопы, таза, крестца и левой руки подростка, лежащего у северо-западной стены, перекрытые материковым заплывом. Судя по расположению этих костей, погребенный был уложен в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад.

Вместе с человеческими костями были перемещены также кости лошади, коровы и двух овец в стандартном наборе, сопровождавшие погребение.

К инвентарю первоначального погребения относятся обнаруженные в различных частях могилы бронзовый нож с двукольчатым навершием, украшенный с одной стороны орнаментом в виде двух вертикальных рядов треугольников и знака в виде "копыта" на переходе от рукоятки к лезвийной части, Бронзовый ПНН со следами кожаного поперечного ремешка в средней части, бронзовое шило с ярусным навершием, 14 плохо сохранившихся полусферических бляшек, четыре черешковых и одна втульчатая костяные стрелы, пять белых пастовых пронизок, три

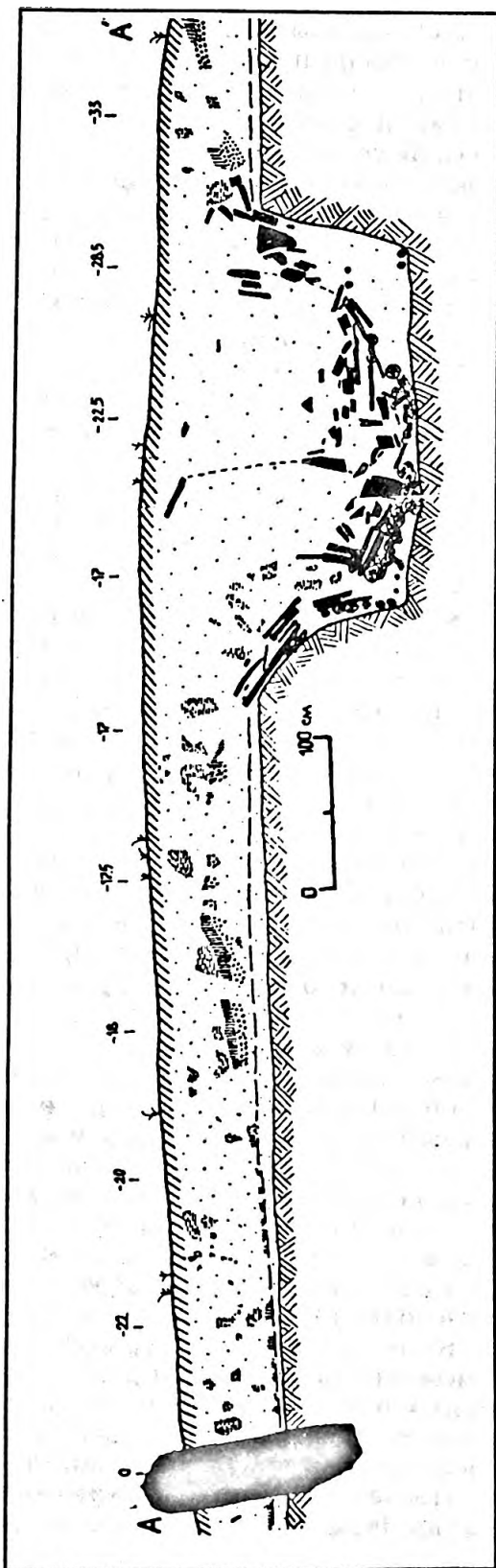

Рис. 1. Аскиз VI. Стратиграфия кургана 2

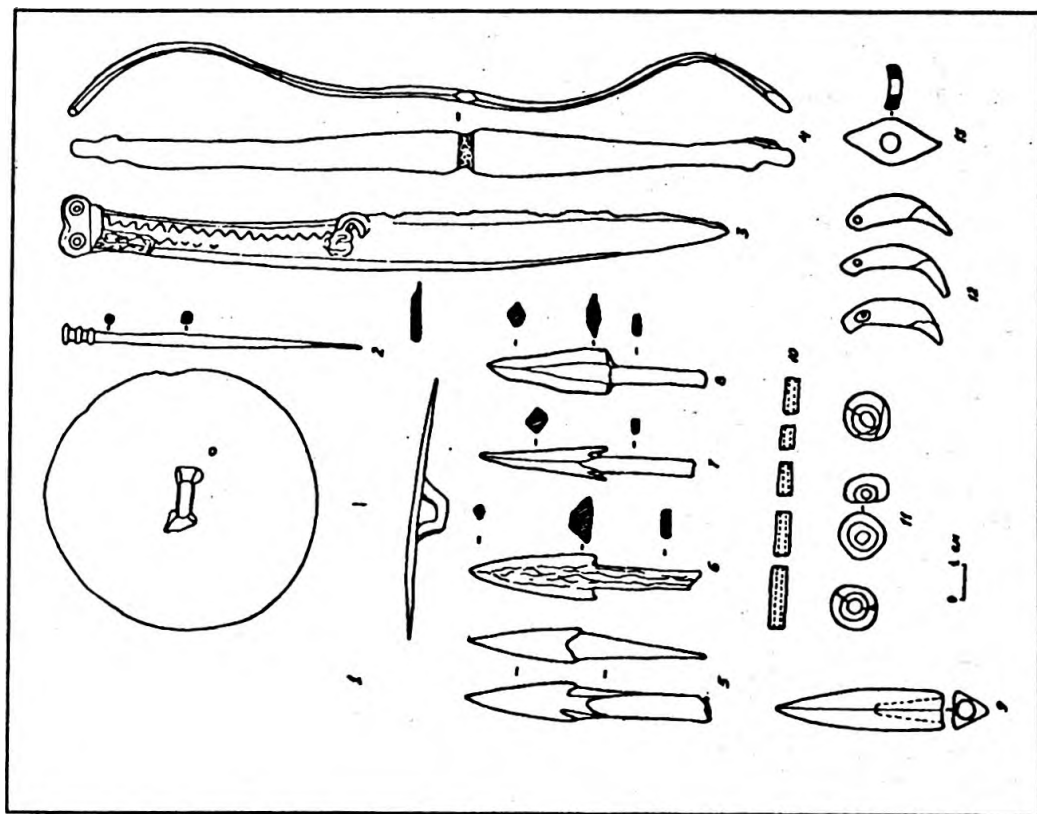

Рис. 2. Аскиз VI. Курган 2. Погребение 1. Инвентарь погребения

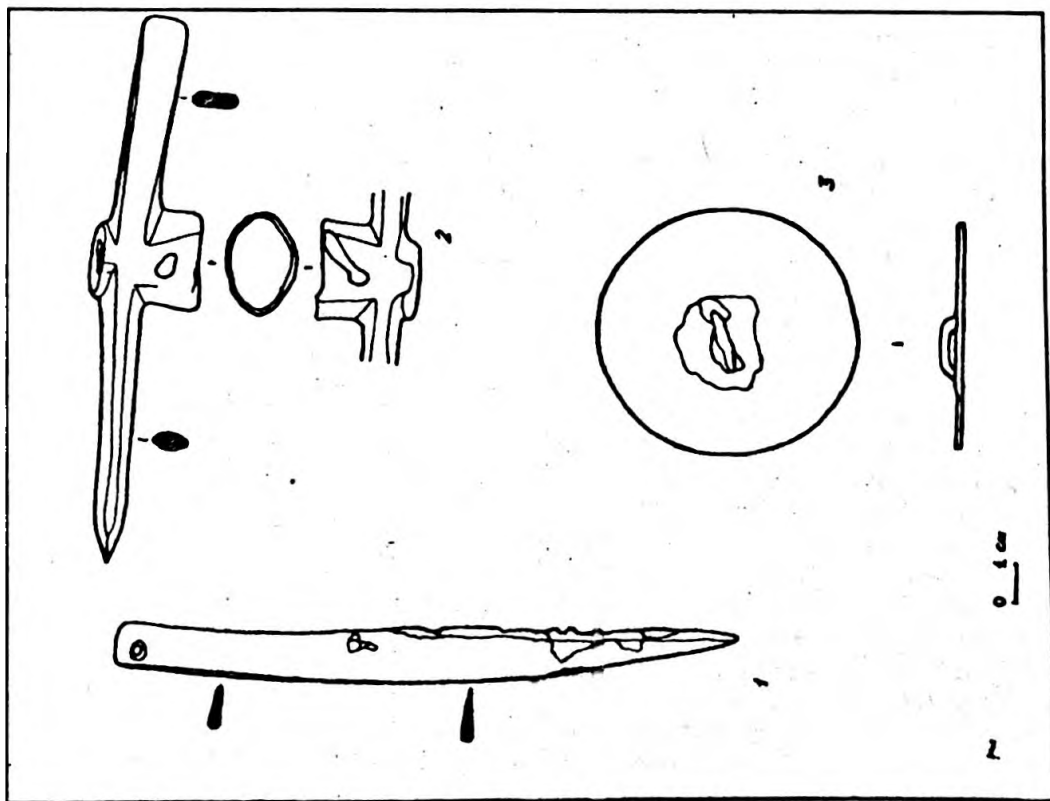

Рис. 3. Аскиз VI. Курган 2. Погребение 2. Инвентарь погребения

глазчатые стеклянные бусины розовато-белого цвета и три подвески из клыков хищника, одна — из клыка кабарги, а также фрагмент небольшого светло-коричневого лощеного плоскодонного сосуда открытой формы, орнаментированного под венчиком группами мелких косых насечек (рис. 2:2-12). Слева от таза подростка *in situ* были обнаружены относящиеся к этому погребенному крупное выпуклое зеркало и плоская костяная подвеска или пряжка ромбической формы (рис. 2:1,13).

В северо-западной части могилы, поверх материкового заплыва, перекрывающего частично костяк подростка, было устроено сохранившееся *in situ* погребение мужчины 25-30 лет, положенного в вытянутом положении на спине головой на юго-запад (погребение 2). Погребение сопровождалось стандартным набором костей овцы, располагавшимся слева от костяка на уровне костей плеча погребенного у стенки могилы. На ребрах овцы лежала небольшая бронзовая полусферическая бляшка диаметром около 3 см (не сохранилась). Поверх костей левого предплечья лежал бронзовый чекан, рукоятью направленный к ногам погребенного, рядом с ним, ближе к кисти — бронзовый нож. Между костями левого предплечья и стенкой могилы располагалось небольшое плоское бронзовое зеркало с центральной петелькой (рис. 3). Все предметы, относящиеся к этому погребению, располагались, как и оно само, на поверхности материкового заплыва, и, соответственно, на 5-10 см выше уровня дна.

Все вышеизложенное дает основания утверждать, что первоначальное погребальное сооружение создавалось для устройства погребения 1 и было частично разобрано и перестроено для захоронения нового погребенного (погребение 2). При этом костяки первоначально погребенных были разрушены и кости в основном собраны в южном углу, самом дальнем от места вторичного погребения. Погребение 2 было совершено, скорее всего, через несколько десятилетий после погребения 1, поскольку в этот момент еще не обрушилось первоначальное перекрытие, а связки костей стопы одного из погребенных еще не полностью разрушились. Интересен и тот факт, что при захоронении нового погребенного из могилы не были взяты бронзовые вещи, относящиеся к первоначальному погребению. Грабители, впоследствии пытавшиеся проникнуть в могилу и пробившие с этой целью яму немалых размеров, вышли как раз на груду костей в южном углу и, к счастью, завершили на этом свою работу в уверенности, что могила полностью ограблена.

Если инвентарь погребения 2 можно отнести с достаточной степенью уверенности к середине подгорновского этапа тагарской культуры, то инвентарь погребения 1 (особенно бронзовые вещи) типично тагарским никак не назовешь. Выпуклое бронзовое зеркало находит себе аналогии в памятниках эпохи финальной бронзы Китая, Забайкалья и Хакассии (Хамзина, 1981: 45, Варенов, 1985: 164,165), прямые аналогии шилу с многоярусным навершием, ПНН, ножу трудно привести, хотя ножи с двукольчатым навершием традиционно относят к "предтагарскому" времени (см. напр. Членова, 1972: 49, Тянь гуаньцзинь, 1986: 20,24), а знак в форме копыта, изображенный на нем — к тагару (Завитухина, 1983: 8-12). Глазчатые бусы являются типичным инвентарем погребений раннескифского периода Минусы, Алтая, Тувы, а также более западных областей и могут считаться только лишь датирующим инвентарем. По конструкции ограды курган близок к соседним памятникам, раскопанным Ольсенем, которые по инвентарю отнесены Н. Л. Членовой к лугавской, а Э. Б. Вадецкой — к баиновской группам (Членова, 1972: 121, Вадецкая, 1986; 105).

Как бы то ни было, исследованный памятник позволил провести уникальные стратиграфические наблюдения, позволяющие говорить с определенностью не только об относительной хронологии подгорновских и "предтагарских" памятников, но и о протяженности временного разрыва между ними. Если учесть, что вторичное захоронение относится уже к поздним подгорновским памятникам, то придется признать, что первоначальный комплекс формировался одновременно с памятниками раннего подгорновского и типичного баиновского этапов тагарской культуры, что говорит о сосуществовании разнокультурных групп населения на территории Хакасии и даже в пределах нынешнего Аскизского района в VII-VI вв. до н.э.

A. Kovalev, S. Khavrin

EXCAVATION OF THE BARROW OF THE EARLY SCYTHIAN PERIOD AT THE NORTHERN END OF THE VILLAGE OF ASKIZ

The article speaks of the excavation of the barrow of the Early Scythian period in the village of Askiz (Khakasia) which was realized in 1989 by the expedition of Leningrad Scientific-Research Archaeologic Association (Selhozhimia 1, mound 2). As the result of the unique stratigraphic survey it became possible to establish the fact that two burials were made in this barrow, and that the second one was made 30-50 years (not more!) later than the first one. The latest burial contains grave goods typical for the Late Podgornovo period of Tagar culture (Pl. 3) while grave goods found in the earliest one are close to the bronzes of "Pre-Tagar" period (Pl. 2). So the material of the studied barrow proves synchronous existence of "Early Tagar" and "Pre-Tagar" cultures on the territory of Minusa Basin in VIII-VII-th centuries B.C.

Ю. А. Заднепровский

МОГИЛЬНИК НОМАДОВ СИНЬЦЗЯНА ЭПОХИ ХАНЬ

Работы китайских археологов на могильнике Чаухугоу позволили выявить две новые археологические культуры кочевого населения Синьцзяна сакского и хунно-сарматского времени. Огромный могильник Чаухугоу, насчитывающий около 2000 курганов, расположен в 30 км к северо-западу от Хеджо (Карашар) на южных склонах Восточного Тянь-шаня, на северо-востоке Синьцзяна. Он состоит из четырех групп. В двух из них исследованы могилы ранних кочевников сакского круга (Каогу Сюебао, 1988, № 1; Заднепровский, 1992). Третья группа — могильник Чаухугоу III относится к ханьскому времени. В нем раскопано 20 курганов (Каогу Сюебао, 1990, № 10: 882-889; Заднепровский, Лубо-Лесниченко, 1992). Полученные материалы позволяют впервые охарактеризовать особенности культуры номадов Синьцзяна хунно-усуньского периода.

Прежде всего обращает на себя внимание разнообразие устройства погребальных сооружений, которые можно свести к трем основным типам М. Количественно преобладают грунтовые могилы прямоугольной формы с заплечиками и с погребением в деревянных гробах. Все погребения одиночные, ориентированы на В. Они могут быть подразделены на два подтипа — более широкие могилы и узкие. Этот основной тип составляет 80% всех раскопанных могил.

Ко второму типу относятся подбойные могилы широтной ориентации, с подбоем в северной стенке входной ямы (рис. 1). Вход закрыт палками и сырцовыми кирпичами. Погребенные лежат вытянуто на спине, головой на восток с отклонениями к югу. У левого плеча остатки деревянных блюд с костями и головами овец. Слева же у ноги клались черепа и кости четырех ног лошадей. Погребения безинвентарны. Всего вскрыто четыре таких могилы (20%). Подбойные могилы находят прямые аналогии в одновременных памятниках Семиречья (Западный Тянь-шань), где они составляют вторую по численности группу после грунтовых могил. При этом совпадает также широтная ориентация и расположение подбоев в северной стенке. Отличаются они только ориентацией погребенных на запад и по составу мясной ритуальной пищи (Акишев, Кушаев, 1963: 249-250).

Аналогичные по устройству подбойные могилы широко распространены также в соседней с Синьцзяном Ферганской долине (Заднепровский, 1960: 113). Здесь преобладают подбои меридиональной ориентации, но имеются могилы с широтной ориентацией (Литвинский, 1972). Также характерно использование кирпича для закрытия входов.

В третий тип можно выделить уникальное погребение в овальной грунтовой яме под курганной насыпью из камней. В середине овальной ямы была вырыта узкая прямоугольной формы могила так, что образованы уступы (заплечики). Стенки могилы были выложены сырцовым кирпичом, поставленным на ребро. Продольные стенки сложены из четырех кирпичей, поперечные из одного. Размеры кирпича варьируют — 34-60×28-32×12 см. Таким образом, создано было в могиле подобие каменного ящика, раз-

мером 1,96×0,4-0,5×0,3 м. На дне его находился костяк женщины 50 лет, головой на восток. Справа от туловища в стенке могилы ниже заплечиков и на уровне верхнего края кирпичного ящика была вырыта овальная ниша. В ней были найдены кости и голова овцы и рядом железный нож. Эта могила не находит прямых аналогий в материалах Средней Азии.

Несмотря на разнообразие погребальных сооружений, в обряде погребения много общего. В могилах разного типа погребения одиночные и только в одном случае двойные. Все костяки лежат вытянуто на спине головой на восток, иногда с отклонением к югу. Однородность культуры и обряда особенно заметно отражена в характере сопровождающей мясной пищи (положение в могилу части туши и голов овец). В двух случаях кости были обнаружены на остатках деревянных блюд. Наряду с костями и головой овцы в широких прямоугольных могилах и в подбоях были найдены также головы и кости ног лошадей, что, по всей вероятности, можно рассматривать как пережиток древней традиции конских сопровождающих захоронений. В погребальном обряде рассматриваемой группы выявляется еще одна яркая особенность — захоронение умерших в деревянных гробах разного устройства. Остановимся на этом подробнее.

Гробы своеобразной конструкции обнаружены в к. 7 и 8 в прямоугольных могилах. Приведем описание к.8. Насыпь из камней диаметром 5 м, высотой 0,4 м. Под нею неглубокая овальная яма больших размеров, окаймленная каменным кольцом. В середине ее вырыта широкая прямоугольная могила, ориентированная по линии З-В. Размеры ее 2,75×1,44×0,9 м. Заплечики выражены менее четко, чем в к. 7. На дне могилы, в середине ее, располагается деревянная конструкция, состоящая из двух продольных брусьев и 7 поперечных дощечек (рис. 2). Костяк мужчины 40-50 лет лежит вытянуто на спине в позе всадника. Левая нога в колене, также как откинута левая рука, выходят за пределы продольного бруса. Головой погребенный обращен на В с отклонением к югу. У западной стенки могилы (у ног) находится череп лошади (в к. 7 также кости ног лошади). В могиле обнаружены только обломки железного предмета.

В обоих курганах оказались одинаковые деревянные сооружения, назначение которых удалось определить при сопоставлении с лучше сохранившейся и хорошо документированной конструкцией Мечетсайского могильника (погребение 9 в к.7 в долине Илека — Южное Приуралье). Здесь оказался такой же по форме и сходный по устройству деревянный каркас. Совпадает даже количество поперечных планок, которые также выступают за края продольных брусьев. Концы их у головы также выступают. Кстати, в этих могилах головы погребенных покоятся на крайней поперечной планке. Близки их размеры: в Чаухугоу — 1,95×0,78, Мечетсае — 1,9×0,6 м). Деревянный каркас Мечетсае — это остатки дна гроба. К.Ф.Смирнов верно заметил, что обнаруженное деревянное ложе, возможно, представляло не гроб, а погребальные носилки или катафалк, сверху покрытый кощмой или войлоком (Смирнов, 1975: 122).

Аналогичные решетчатые гробы (катафалки) наряду с долблеными колодами широко распространены в раннесарматских прохоровских могильниках IV-III вв. до н.э. и употреблялись у сарматов вплоть до I-II вв. н.э., судя по материалам могильника у с. Политотдельского на левом берегу Волги (Смирнов, 1959: 274).

Прототипом подобных гробов, очевидно, могут служить решетчатые, устланные камышом, носилки, открытые в могильнике Уйгарак VII-V вв.

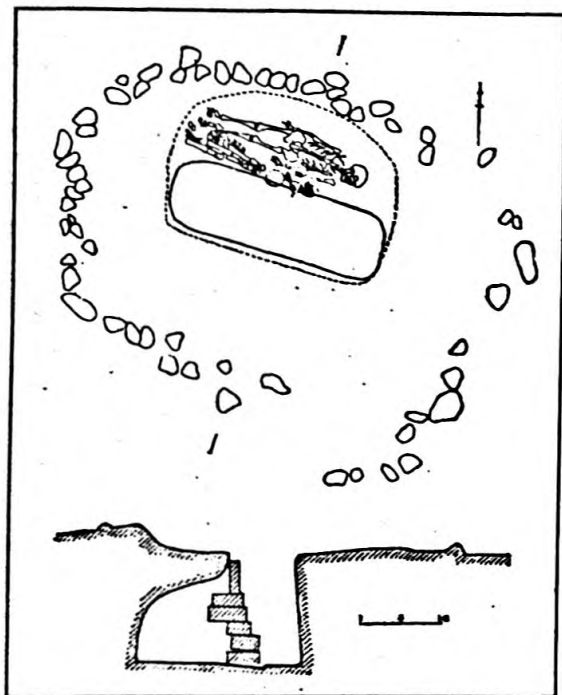

Рис. 1. Курган № 7

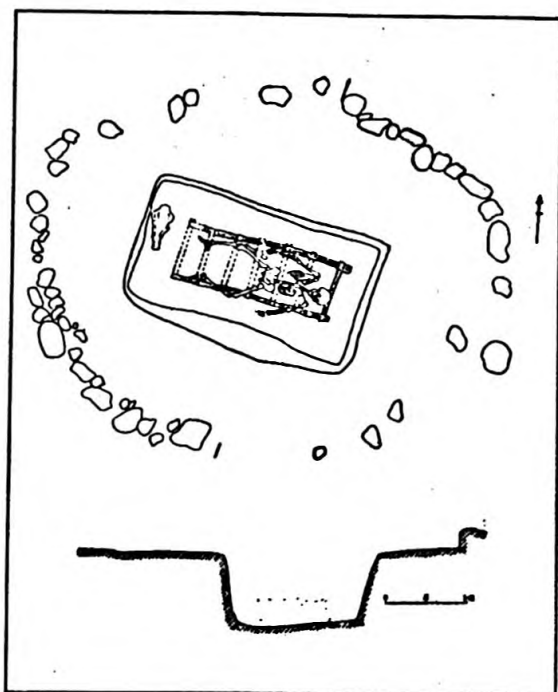

Рис. 1. Курган № 8

до н.э. (Приаралье) (Вишневская, 1973: 50). Отметим совпадение количества поперечных планок. Однако они отличаются значительно большими размерами — $2,7 \times 2,4$ м. Сходный по конструкции и точнее соответствующий определению решетчатый гроб выявлен в погребении на поселении Актобе 2 на средней Сыр-Дарье (Южный Казахстан) (Древности Чардары, 1978: 72). Дно его образовано семью поперечными планками, вставленными в пазы продольных брусьев. Размеры $2,1 \times 0,6 - 0,42$ м. Подобные погребальные лежа — гробы, порожденные традициями кочевого населения (ср. с устройством переносного сборного жилища — юрты: деревянный каркас и войлочное покрытие) были распространены на обширной территории от Волги и до Восточного Тяньшаня и использовались на протяжении длительного периода.

Обратим внимание на то, что в к. 7 сходно с к. 8 по устройству могилы и погребальному обряду (положение покойного в таком решетчатом гробу с такой же восточной ориентировкой, в сопровождении костей и головы овцы у правой руки и костей и головы лошади в ногах в северо-западном углу могилы). В к. 7 находился костяк молодой женщины 22-24 лет с ханьским зеркалом на груди, каменными бусами на шее и двумя золотыми накладками с зооморфными изображениями, возможно, от головного убора и с костяной шпилькой. Это женское захоронение было самым богатым в Чаухугоу и единственным, в котором найдено зеркало. Кстати, обломок зеркала этого же типа с несколько более простым узором найден в одной из катакомб в юго-западной Фергане (Заднепровский, 1960: 95).

Вторая разновидность деревянного гроба — долбленая колода происходит из к. 17. В середине овальной ямы большого размера выкопана узкая прямоугольная могила, размером $2,44 \times 0,8$ м, вытянутая с З на В. Могила с четко выраженными заплечиками. Костяк мужчины 30 лет лежал в долбле-

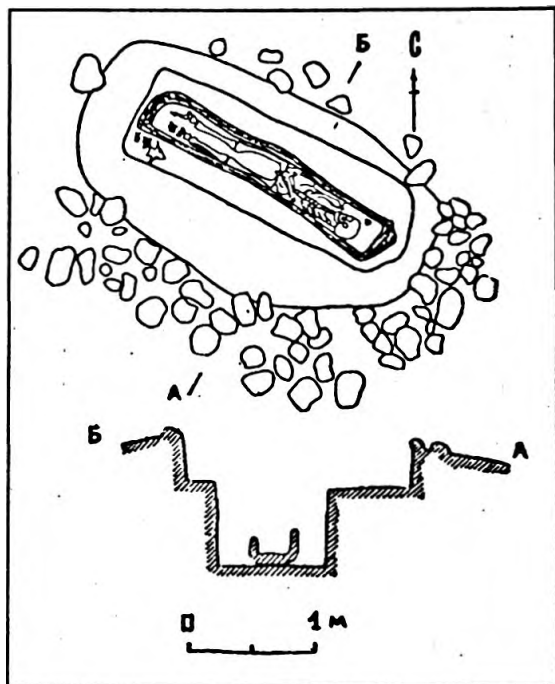

Рис. 3: Курган № 17.

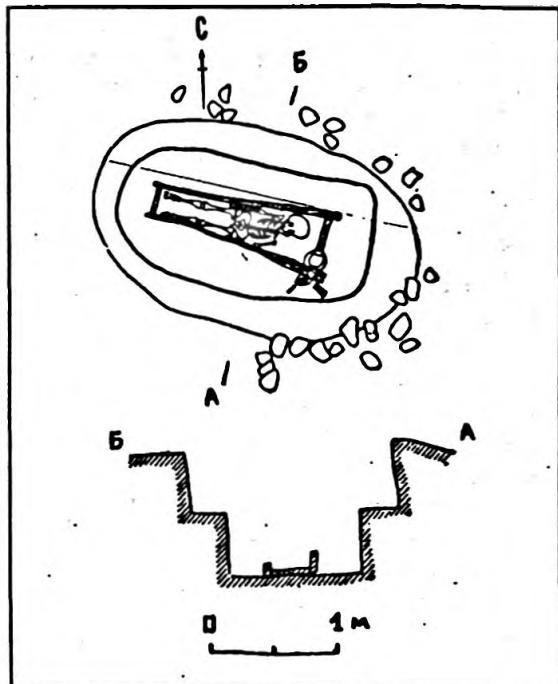

Рис. 4: Курган № 18.

ной колоде из ствола изогнутого, кривого дерева с массивными грубо обработанными торцовыми стенками. Погребенный обращен головой на ЮВ. На голове и туловище остатки шелка. В ногах, в юго-западном углу могилы положены кости и голова овцы (рис. 3).

Обряд погребения в колодах широко распространен у кочевых народов степей Евразии, и они появились, очевидно, почти одновременно в разных районах. Наиболее ранние колоды обнаружены в известном княжеском кургане Аржан в Туве VIII-VII вв. до н.э. (Грязнов, 1980), а также в курганах Алтая и в скифских могилах Северного Причерноморья, начиная, по крайней мере, с V в. до н.э. (Ольховский, 1991). Широко распространены захоронения в колодах в прохоровских комплексах IV-III вв. до н.э. (Мошкова, 1963: 22). Этот обычай сохраняется на протяжении длительного периода, судя по материалам Кокзельской культуры в Туве первой половины I тыс. н.э. (Вайнштейн, 1970), а также Западного Тяньшаня (Кибиров, 1959: 114), и Ферганы (Литвинский, 1972: 74). Изредка они встречаются в могильниках хунну Забайкалья и даже в Северной Корее (Заднепровский, 1991: 57). Колоды-гробы различаются по форме, размерам, породе дерева и характеру обработки. Особо выделяются пазырыкские колоды — саркофаги с проушинами и художественной резьбой на поверхности, представляющие подлинные произведения прикладного искусства. Колода из Чаухугоу относится к рядовым изделиям. Традиция использования колоды кочевниками Синьцзяна генетически восходит к более раннему периоду соседнего Саяно-Алтая. Отметим, что в рассматриваемое время обряд погребения в колоде распространен на Восточном и Западном Тяньшане и в Фергане.

Третья разновидность деревянного гроба представлена в к.18, относящимся к тому же типу, что и к.17 с колодой. В узкой могиле с заплечика-

ми, на дне стоял досчатый гроб, от которого сохранилось дно и части стенок. Размеры его $1,45 \times 0,58 - 0,3$ м. Гроб расширяется к голове. Продольные доски выступают за пределы поперечных стенок с обеих сторон (рис. 4). В гробу находился костяк ребенка 8 лет. В углу гроба был найден разбитый кувшин с ручкой, украшенный по тулову прорезным узором. За пределами гроба лежали кости и голова овцы. Дощатые гробы подобного типа, распространенные у кочевников, различались по своей форме и конструкции, в частности по способу крепления. По ряду признаков гроб из к.18 сходен с типичными гробами хунну Забайкалья (Коновалов, 1976: 156), относящимися практически к тому же времени, что и Чаухугоу III.

Как видим, в рассматриваемом могильнике представлены три отличающиеся по существенным особенностям разновидности деревянных гробов, и все они однотипны с теми, что встречаются во многих памятниках кочевников степей Евразии и, прежде всего у племен, обитавших в соседних областях Саяно-Алтая, Семиречья (Западный Тяньшань) и Ферганы. По устройству погребальных сооружений и обряду погребения наибольшая близость наблюдается между номадами Восточного Тяньшаня и Семиречья — Ферганы.

Погребальный инвентарь беден. Особо мало оказалось глиняной посуды, и это отличает поздние могилы от ранних — сакского времени. Мало было и предметов вооружения — лишь в двух могилах. Особый интерес вызывает к.10, в котором оказался железный двулезвийный кинжал без навершия, трехперый наконечник стрелы с черешком и костяная накладка на лук. Этот комплекс вооружения сходен с набором, характерным для Ферганских погребений (Сорокин, 1961: 150-151) и могильников на Средней Сыр-Дарье (Древности Чардары, 1968: 184), относящихся к первым вв. н.э. Из других железных изделий можно назвать ножи и кольца. Также мало было бронзовых предметов. Особо выделяется прекрасной сохранности ханьское зеркало типа TLV, обычно датируемое I в. н.э. Отметим бронзовую пряжку овальной формы с подвижным язычком и прямоугольной обоймой, закрепленной заклепками на ремне. Форма пряжки широко распространенная. Имеется несколько украшений из золота и серебра, в том числе две упомянутые золотые накладки из к.7. Найден деревянный гребень, одно прясло. Довольно много было остатков шелка.

В инвентаре могильника отсутствуют находки, которые позволяли бы выявить особенности материальной культуры, характерные только для номадов Синьцзяна. Среди них нет, исключая упомянутое ханьское зеркало, точно датированных предметов. Поэтому китайские археологи в определении хронологии могильника Чаухугоу III опираются на семь радиоуглеродных дат, охватывающих период от 2155 ± 70 до 1855 ± 75 в пределах от 100 г. до н.э. и до 145 г. н.э. Это соответствует началу династий Восточных Хань. Вызывает некоторое сомнение лишь нижняя дата — I в. до н.э. На современном уровне археологической изученности культуры кочевников Центральной Азии более оправдано было бы расширение хронологических рамок и датировка в пределах от II в. до н.э. до II в. н.э.

Чтобы определить место и значение могильника Чаухугоу III для изучения малоизвестной истории номадов Синьцзяна, а также для постановки вопроса об их этнической принадлежности, следует охарактеризовать историческую обстановку эпохи. В Центральной Азии период II в. до н.э. — II в. н.э. — это время почти непрерывной и на первых порах успешной борьбы могущественной кочевой державы хунну с соседними кочевыми

народами и прежде всего с юечжи и усунями. В результате ее, потерпев поражение, юечжи и усунь вынуждены были переселиться из глубин Азии на Запад. Путь их проходил через Западный Край (ныне Синьцзян). Они не могли миновать Восточный Тяньшань в своем движении в Семиречье (Западный Тянь-Шань). Здесь усунь, вытеснив юечжей, закрепились и основали независимое сильное кочевое владение. На их территории обитали и сосуществовали потомки местного сакского населения, оставшаяся здесь часть юечжей и сами усунь. Об этом сообщают китайские источники. Основная часть юечжей прошла Фергану и достигла Северной Бактрии.

В истории Западного Края Усунь и юечжи сыграли важную роль и появление их на этой территории, несомненно, должно было отразиться в археологических памятниках.

Рассматриваемый период характеризуется также ожесточенным соперничеством хунну и Ханьской империи за господство в Западном Крае, за контроль за караванными дорогами Великого Шелкового пути.

Вполне понятно, почему китайские археологи, открывшие такой выразительный могильник кочевников ханьского времени, высказали предположение о принадлежности Чаухугоу III хуннам. Как я уже отметил, с таким заключением нельзя согласиться, поскольку по основным признакам могильник отличается от погребальных памятников, типичных для хунну.

Учитывая исторические сведения о разнородности кочевого населения Семиречья, можно допустить, что в Западном Крае, в частности в в предгорной полосе Восточного Тяньшаня, в это же время обитали представители этих же этнических групп — потомки местных саков, оставшаяся часть пришлых юечжей и усунь, владения которых на востоке простирались до районов к северу от Яньци-Карашара.

Комплекс погребений Чаухугоу III резко отличается от курганов сакского времени в ранних частях могильника. Из этого следует вывод об отсутствии преемственности между ними и о хронологическом разрыве. Пока в Чаухугоу III не обнаружено достоверных погребений потомков сакского населения, имеются веские основания вслед за китайскими археологами, говорить о новой археологической культуре, связанной с появлением нового пришлого населения, каковым могли быть юечжи и усунь.

Проблема этнической атрибуции памятников юечжей и усунь встречается значительные затруднения и до сих пор не решена для Средней Азии (Заднепровский, 1971: 27-36) и для Западного Края (Синьцзяна).

Независимо от этого, материалы Чаухугоу III, близкие памятникам Семиречья и Ферганы, имеют особое значение, поскольку документируют факт появления новой волны кочевников в Западном Крае (Синьцзяне) и позволяют охарактеризовать важный этап в их миграции на запад. Между отдельными группами погребений с могилами разной формы, представленными двумя основными типами — грунтовыми прямоугольными ямами и подбойными, вполне вероятно, имелись этнографические различия, обусловленные сложной социальной структурой общества и этнической разнородностью населения. Однако в нашем распоряжении отсутствуют основания для отождествления их с конкретным этносом. В этой связи следует обратить внимание на факт распространения подбойных могил на рубеже н.э. (II в. до н.э. — II в. н.э.), которые ныне изучены на основных участках переселения юечжей: Синьцзян — Семиречье — Фергана — Северная Бактрия. Памятуя о недостаточности и уязвимости заключений об этнической принадлежности, основанной только на форме погребений, все же мне

представляется, что распространение могильников с захоронениями в подбоях можно было бы рассматривать как отражение процесса расселения и передвижения юечжийских племен (Заднепровский, 1975: 295).

Yu. Zadneprovsky

NOMADS CEMETERY OF THE HAN PERIOD IN XINJIANG

The Chinese archaeologists last decades made the very successful excavations in Xinjiang among them the most interesting are cemetery 3 at Chawuhu Pass near Hejing (Karachar). There are excavated tumulus with pit grave, undercut (podboj) and other. Especial important that many dead put in wooden coffin of the three different kind. The cemetery 3 belong to important epoch in the history of the Eastern Turkestan is aptly named the Hunno-Sarmatian period. Grave and funeral custom nomads are similar with Sarmatian tribes. This cemetery in my opinion probably belong to the Yuch-chih-mysterious people of the Central Asia.

С. В. Красниенко, Е. Л. Кириллов

МОГИЛЬНИК КОШКОЛЬ

В 1987-1988 гг. авторами в составе Сибирской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР были проведены раскопки могильника Кошколь в Шарыповском районе Красноярского края, в 35 км к северо-востоку от г. Шарыпово. Могильник располагался на склоне сопки у северного берега озера Ближний Кошколь. Через могильник с запада на восток проходит автомобильная дорога Шарыпово-Ужур, при прокладке которой грунт для отсыпки насыпи брался на месте, что повлекло уничтожение части могильника. В сохранившейся части памятника выявлены и исследованы 9 обособленных погребальных комплексов, включавших захоронения андроновской и тагарской культур. Курганы выделялись на современной поверхности вершинами угловых и простеночных камней оград; высота надмогильных земляных сооружений незначительна — до 0,8 м. Статистические сведения о курганах и могилах содержатся в таблицах 1 и 2.

Таблица 1

Курган	Размеры насыпи в плане	Высота, м	Ориентировка	Количество оград	Количество могил
1	19×15	0,8	С-Ю	1	7
2	23×12	0,4	ССЗ-ЮЮВ	5	10
3	8×6	0,4	С-Ю	2	5
4	8×7	—	ССЗ-ЮЮВ	1	1
5	12×6	—	ССЗ-ЮЮВ	2	2
6	6,5×6,5	—	С-Ю	1	3
7	12×12	0,3	С-Ю	1	3
8	21×18	0,75	ССЗ-ЮЮВ	4	7
9	11×9	0,5	ССЗ-ЮЮВ	1	3

Курган 1

Ограда содержит в центральной части могилы 1 и 1а. При сооружении могил 2 и 3 были разрушены соответственно северная и южная стены ограды.

Могила 1. Была перекрыта бревнами, положенными в направлении С-Ю, опиравшимися на 3 поперечные балки и края ямы; на бревнах лежал мощный слой плиток песчаника. Могила ограблена, о чем свидетельствует большое количество костей и погребального инвентаря в заполнении. Судя по фрагментам керамики на дне, погребенные были уложены головой на восток; у западной стены найдены останки погребенных с северной ориентировкой. В числе погребенных — не менее 7 детей. Обнаруженный инвентарь включает: 10 керамических сосудов (баночной формы и миски), изделия из бронзы, в том числе 4 ножа, 4 шила, фрагмент кинжала, нако-

Таблица 2

Курган	Могила	Размеры могилы, м	Тип внутримогильного сооружения	Количество погребенных	Ориентация
1	1	3,6×3,6×1,6	сруб, 2 венца	22*	В
	1-А	1,9×0,8×0,8	ящик	1	З
	2	3,75×3,75×1,8	сруб	26*	-
	3	3,3×3,0×1,5	сруб, 3 венца	8*	З
	4	0,6×0,5×0,1	ящик	—	-
	5	1,0×0,6×0,4	ящик	1	З
2	6	1,4×0,7×0,25	ящик	1	Ю
	1	2,15×1,20×0,75	—	1	З(?)
	2	2,05×1,15×0,75	сруб, 2 венца	3	ЮЮЗ
	3	1,65×0,80×0,75	ящик	1	ЗЮЗ
	4	2,40×1,60×0,8	сруб, 3 венца	1	З
	4а	2,40×1,60×1,60	циста	—	З(?)
	5	1,95×1,20×1,10	ящик	5	З
	6	2,30×1,30×1,10	сруб	1	З
	7	0,8×0,4×0,55	—	1	ЗЮЗ
3	8	0,95×0,60×0,55	ящик	1	ЗЮЗ
	9	0,85×0,45×0,60	ящик	2	З
	1	2,1×1,6×1,0	сруб, 5 венцов	4	З
	2	2,75×1,8×1,4	сруб, 3 венца	7	З
	3	0,9×0,5×0,45	ящик	1	З
	4	0,65×0,4×0,65	ящик	1	З
	5	—	—	1	СЗЗ
	4	2,7×1,6×1,0	сруб, 4 венца	3	З
	5	1	2,6×1,7×1,4	сруб	4
2		3,0×1,95×1,4	сруб, 3 венца	5	ЮЗ
6	1	1,95×0,95×0,85	ящик	3	З
	2	2,9×2,0×1,25	—	1	З
	3	1,10×0,65×0,80	—	1	З
7	1	2,0×1,0×1,1	ящик	1	З
	2	2,6×1,8×1,4	циста	1	З
	3	0,4×0,4×0,3	ящик	1	?
8	1	4,3×3,6×1,3	сруб	10*	С
	2	3,9×3,5×1,5	сруб	12*	В,С
	3	0,8×0,6×0,6	ящик	-	
	4	0,9×0,5×0,3	ящик	1	СЗ
	5	1,0×0,7×0,6	ящик	2	З
	6	0,95×0,7×0,35	ящик	2	З
	7	2,0×1,4×1,25	циста	1	СЗ
9	1	3,6×3,0×1,5	сруб	4	В
	2	1,0×0,9×0,7	ящик	2	З

*Минимально возможное количество погребенных

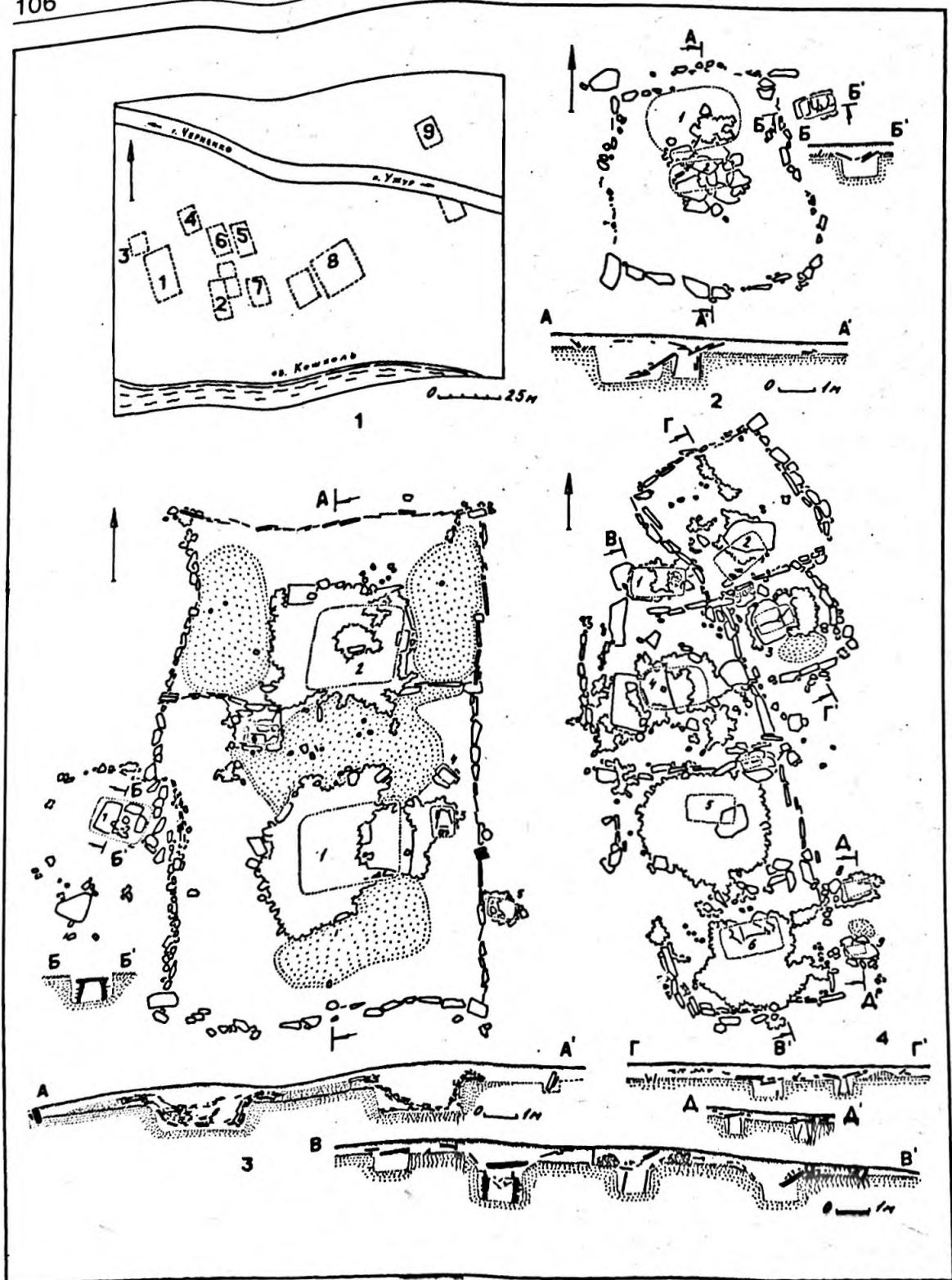

Таблица 1. Могильник Кошкоть: 1 — план могильника; 2 — курган 8 (план и разрез); 3 — курган 6 (план и разрез); 4 — курган 2 (план и разрез),

нечник стрелы, чекан, вток, 2 браслета, “предмет неизвестного назначения”, полусферическая бляшка, конические и цилиндрические пронизки, 12 костяных наконечников стрел, подвеска из клыка кабарги. Найдены кости крупного рогатого скота, лошади, овцы.

Могила 1а. Каменное покрытие могилы 1 простиралось далеко на юг и накрывало большую каменную плиту, лежавшую поверх могилы 1а. Могила — каменный ящик. На дне ящика — лежащий на спине непотревоженный костяк в сопровождении бронзовых кинжала (у левого плеча), зеркала (в области таза) и 3-х полусферических бляшек (у черепа). В головах — 2 глиняных сосуда баночной формы, в ногах — кости теленка.

Могила 2. Была перекрыта 15 бревнами, уложенными в направлении 3-В на края ямы и 3 поперечные балки, и каменными плитами, положенными на бревна. Между камнями и деревом выявлены фрагменты бересты. Могила сильно ограблена. Ориентировка погребенных, среди которых не менее 11 детей, не определена. В числе находок — глиняные сосуды и бронзовые изделия (шило, 2 ножа, полусферические бляшки, фрагмент браслета).

Могила 3. Была перекрыта 18-20 бревнами, положенными в направлении 3-В на края ямы и на 2 поперечные балки, и каменными плитами, уложенными на бревна. Сильно ограблена. Частично сохранившиеся на дне могилы костяки лежали головами на запад. В числе погребенных не менее 12 детей. Среди находок — глиняные сосуды, бронзовые изделия (2 набора из ножа, шила и иглы: один найден на сосуде, второй при погребенном; полусферические бляшки, пронизки), 4 костяных наконечника стрел, бусы, а также кости лошади, овцы, коровы.

Детские могилы 4-6 находились восточнее могилы 1, внутри ограды.

Могила 4. Перекрывалась одной каменной плитой. Останки погребенного не сохранились.

Могила 5. На дне найдены зубы младенца.

Могила 6. В южной части ящика — череп ребенка.

Курган 2

Составлен системами оградок могил 4-6 и, возможно, 1 и примыкавшими с востока оградками могил 2 и 3.

Могила 1. Отдельной оградки не имела. На перекрытии из каменных плит выявлена линза материковой глины, наброшенной из могилы 2. Могила ограблена. Найдены бронзовые нож и шило, глиняный сосуд (баночной формы), кости овцы.

Могила 2. Была перекрыта мощной плитой. Сильно ограблена. В числе погребенных — взрослый, подросток и ребенок. Найдены 2 глиняных сосудов, цилиндрическая пастовая бусина, кости двух овец.

Могила 3. Перекрыта массивной плитой. Погребенный подросток, лежавший на спине, был присыпан материковой глиной. Найдены 2 глиняных сосуда, 2 бронзовые, кости овцы.

Могила 4. Впущена на перекрытие андроновской могилы 4а. Западная часть могилы полностью уничтожена при ограблении. Сохранились кости левого голеностопа погребенного. Найдены бронзовые нож и шило, 3 глиняных сосуда, кости коровы и двух коз.

Могила 4а. Циста, сложенная из подогнанных плиток песчаника, высотой 0,77 м, насчитывает 13 рядов кладки (в западной части сохранился 1 ряд). Останки погребенного отсутствуют,

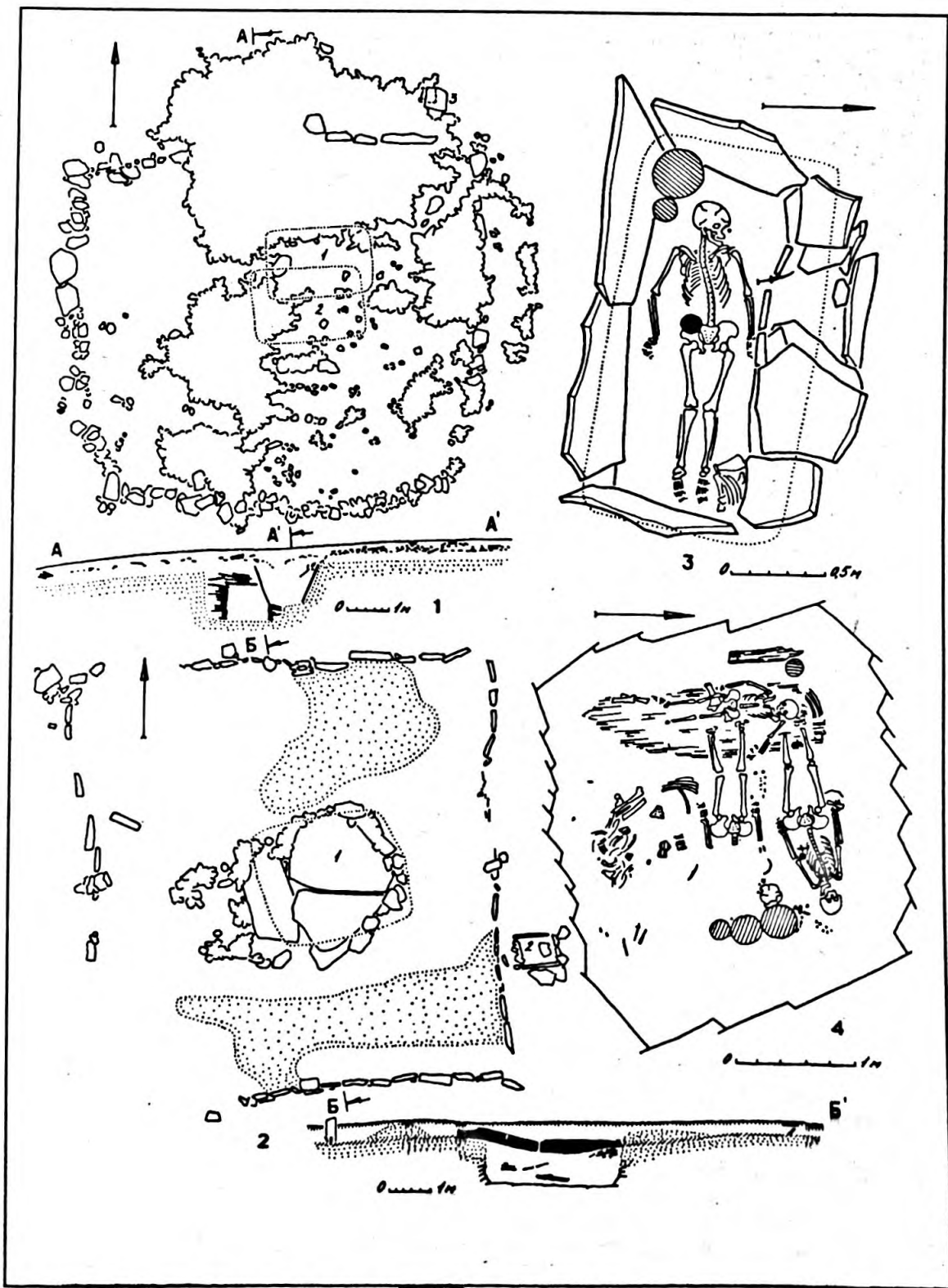

Таблица 2. Могильник Кошкоть: 1 — курган 7 (план и разрез); 2 — курган 9 (план и разрез); 3 — курган 1, могила 1-А (план); 4 — курган 9, могила 1 (план).

Могила 5. Погребение ограблено. Среди погребенных 1 ребенок. Найдены 2 костяных наконечника стрел, бронзовое шило, фрагменты глиняных сосудов.

Могила 6. Перекрыта мощными каменными плитами, положенными на деревянные балки. Могила ограблена. Найдены 3 бронзовые бляшки, глиняный сосуд.

Могила 7. Внутри ограды могилы 5. Найдены останки ребенка без вещей.

Детские могилы 8 и 9 обнаружены с внешней стороны восточной стены ограды могилы 6.

Могила 8. Трапециевидный в плане каменный ящик содержал останки ребенка. Найдены фрагменты венчика глиняного сосуда.

Могила 9. На дне могилы скелеты 2-х детей и 2 глиняных сосуда.

Курган 3

Первоначально была сооружена ограда могилы 1, к которой с южной стороны была пристроена ограда могилы 2, причем при сооружении этой могилы была разрушена часть южной ограды могилы 1. Детские могилы 3 и 4 находились с внешней стороны восточной стены ограды могил 1.

Могила 1. Ограблена. В числе находок 3 глиняных сосуда, бронзовые нож, шило и 7 пронизок, костяной гребень, пастовые бусы, подвески из зубов животных, в т.ч. медведя, кости овцы и коровы.

Могила 2. Была перекрыта массивными плитами, положенными на деревянные балки. Использовалась для подхоранивания по меньшей мере 3 раза. При погребенных найдены 4 глиняных сосуда, изделия из бронзы (3 ножа, зеркала, бляшка, пронизки, миниатюрный кельт), 5 костяных наконечников стрел, бусы, кости двух овец.

Могила 3. На дне ящика несколько костей ребенка и кости овцы.

Могила 4. На дне ящика скелет ребенка.

Могила 5. Впущена в северо-восточную полу насыпи кургана. Погребенный (ребенок 7-8 лет) лежал на спине со слегка подогнутыми в коленях ногами. При нем — железные нож и игла.

Курган 4

Единственная могила в центре ограды была перекрыта массивными плитами, ограблена. Функционировала в два этапа. Найдены 2 глиняных сосуда, костяной наконечник стрелы, бронзовые нож, пронизки и бляшка, кости коровы и овцы.

Курган 5

Состоял из двух смежных оград.

Могила 1. В центре северной оградки. Была перекрыта массивными плитами. На дне найден скелет подростка, лежавшего на спине, и три компактных скопления человеческих костей. В могиле найдены 6 глиняных сосудов, 4 костяных наконечника стрел, костяная булавка, изделия из бронзы (шило, 3 ножа, зеркало, кельт, бляшка, изображающая козлика, полусферические бляшки), кости овцы.

Могила 2. Внутри южной оградки, ограблена. На дне, помимо оставшихся в непо потревоженном состоянии отдельных костяных останков имелись компактные скопления костей, а также 5 глиняных сосудов во фрагментах, бронзовые бляшки и пронизки.

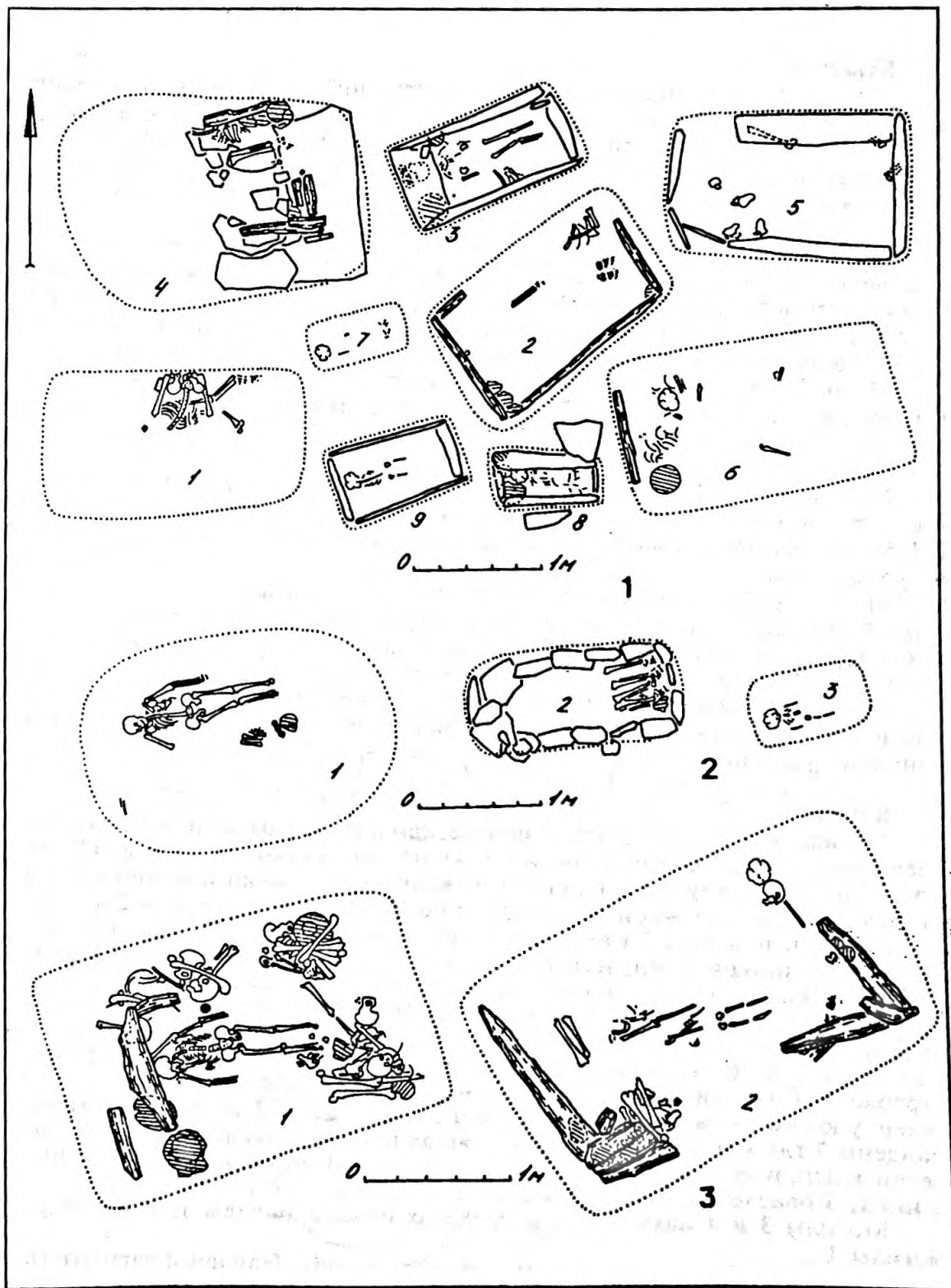

Таблица 3. Могильник Кошколь. Планы могил: 1 — курган 2; 2 — курган 6; 3 — курган 5.

Курган 6

Могила 1. Каменный ящик, конструктивной особенностью которого являются плиты, поставленные на узкие стороны по 5 вдоль длинных стен и по 3 вдоль коротких. Могила ограблена: на дне в непо потревоженном состоянии лежали лишь кости голеностопов 3-х человек. Найдены 2 глиняных сосуда во фрагментах, бронзовые пронизки и бляшки, кости овцы.

Могила 2. В 0,3 м к северу от могилы 1 находилась овальная в плане яма, заполненная землей, перемешанной с материковой глиной. Останков перекрытия и внутримогильной конструкции не обнаружено. У погребенного, лежавшего на спине, отсутствовали кости правого предплечья и кисти. Найдены бронзовые нож и шило, глиняный сосуд, кости овцы.

Могила 3. Располагались с внешней стороны восточной стены ограды. На дне найден лежавший на спине скелет ребенка.

Курган 7

Могила 1. На дне ограбленного каменного ящика найдены кости голеностопа погребенного. У северной стенки компактно лежали 29 костяных и 1 бронзовый наконечники стрел. Ящик был впущен в могилу андроновского времени.

Могила 2. Каменная циста, сложенная из подогнанных плиток, с северной стороны была разрушена при сооружении могилы 1. Погребенный лежал на левом боку в скорченном положении, кисти рук и стопы окрашены охрой. В изголовье стоял орнаментированный сосуд.

Могила 3. Располагалась с внешней стороны ограды, за северной стеной и содержала скелет ребенка (в сидячем положении) и миниатюрный орнаментированный сосуд.

Курган 8

Могила 1. Располагалась в центре каменной ограды и перерывалась бревнами, поверх которых были уложены песчаниковые плиты. Сильно ограблена. На дне могилы в непо потревоженном состоянии найдено 4 скелета, лежавших в восточной части на спине, головами на север, в 2 яруса. В могиле были найдены 5 глиняных сосудов, 5 лежавших компактно костяных наконечников стрел, изделия из бронзы (нож, кинжал, вток, 2 зеркала, пронизки, бляшки), пастовые бусы, кости овцы.

Могила 2. Располагалась внутри ограды, пристроенной с севера к ограде могилы 1. Была перекрыта бревнами, поверх которых лежали каменные плиты. В насыпи над перекрытием найден железный нож. Могила ограблена. Сохранившиеся у западной стены костяки лежали головами на север, у южной — на восток. В числе погребенных — 2 младенца. В могиле найдены 7 глиняных сосудов, 15 костяных наконечников стрел, бусы, подвески-клык, изделия из бронзы (3 чекана, вток, 3 зеркала, 5 ножей, 2 шила, 2 иглы, 5 браслетов, полусферические бляшки).

Могилы 3 и 4 находились в пределах ограды могилы 1, к востоку от могилы 1.

Могила 3. Останки погребенного отсутствуют. Найден фрагмент глиняного сосуда.

Могила 4. На дне скелет младенца, лежавший на спине. В изголовье стоял миниатюрный глиняный сосуд.

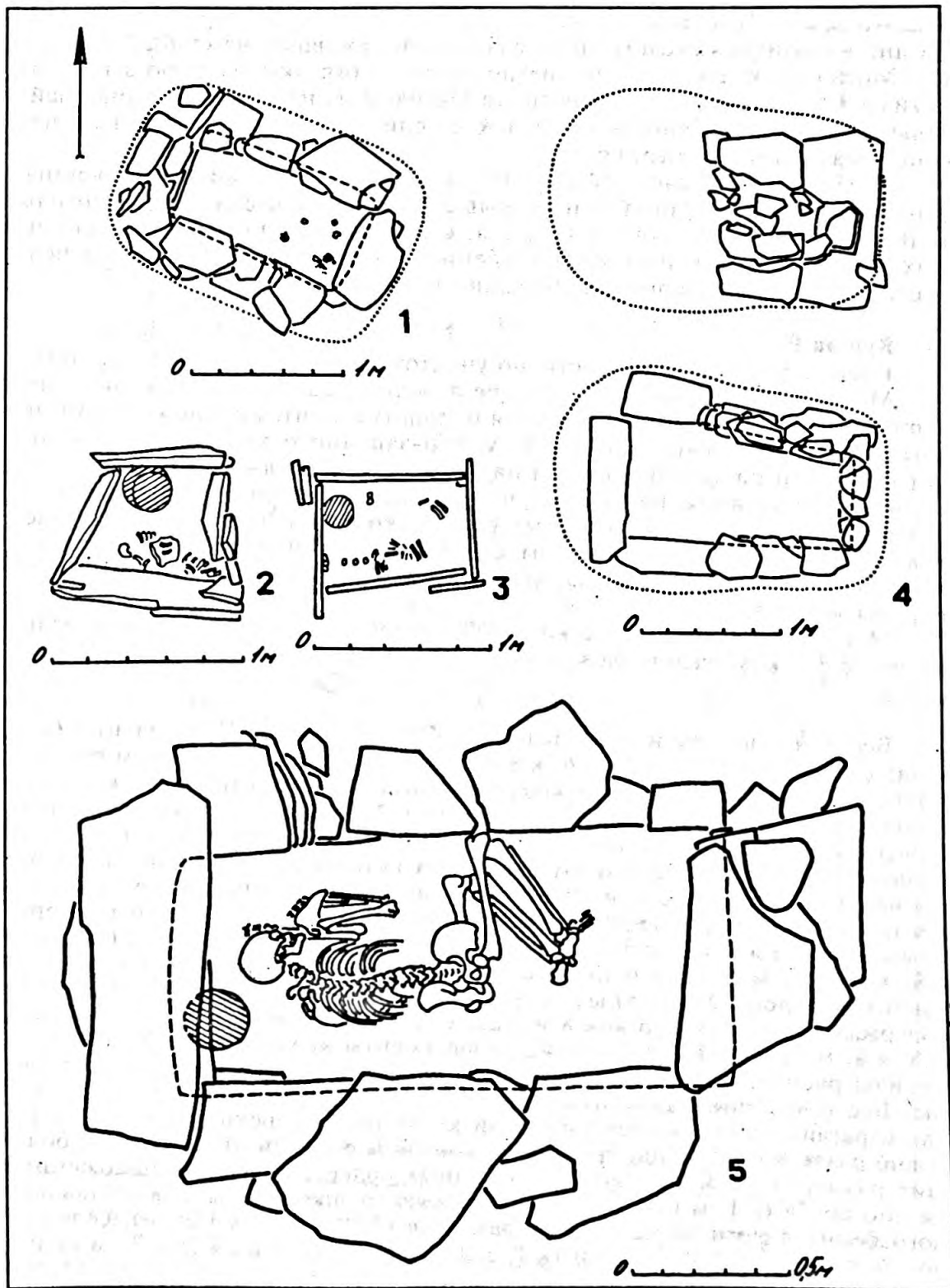

Таблица 4. Могильник Кошколь. Планы могил: 1 — курган 8, могила 7; 2 — курган 7, могила 3; 3 — курган 8, могила 6; 4 — курган 2, могила 4-А; 5 — курган 7, могила 2.

Могила 5. Находилась с внешней восточной стены ограды могилы 1. На дне находились скелеты двух младенцев, лежавшие на спине.

Могила 6. Располагалась внутри двойной оградки к северо-западу от могилы 1 и была частично перекрыта выкидом из нее. На дне ящика найдены 2 скелета младенцев, лежавших на спине; в изголовье стоял глиняный орнаментированный сосуд.

Могила 7. Располагалась внутри ограды в юго-западной части кургана. Западную стену этой ограды перекрывала восточная стена ограды могилы 1. Внутри ямы была сооружена циста, сложенная из подогнанных каменных плиток высотой 0,65 м. Погребение ограблено: найдены кости подростка и фрагменты орнаментированного сосуда.

Курган 9

Насыпь и ограда были частично уничтожены строительными работами.

Могила 1. Размещалась в центре ограды. Яма была вырублена в материковой скале и перекрыта двумя большими плитами, уложенными на лаги и на борта ямы. На борту, у юго-западного угла найден скелет погребенного на спине, головой на юго-восток. На дне могилы 3 скелета лежали головами на восток, четвертый на их ногах — головой на север. Были найдены 4 глиняных сосуда, костяной головной нож, пастовые бусы, изделия из бронзы (чекан, вток, “предмет неизвестного назначения”, зеркало, 2 ножа, шило, игла, 2 браслета, пронизки), кости коровы и овцы.

Могила 2. Находилась с внешней стороны восточной стены ограды. На дне 2 детских скелета, лежавшие на спине. В изголовье стоял глиняный сосуд.

Всего на могильнике исследовано 40 погребений. Пять из них (к.2, м.4а; к.7, м.2; к.7, м.3; к.8, м.6; к.8, м.7), судя по конструктивным особенностям могил и характерной керамике, несомненно, относятся к андроновской культуре. Впускное погребение к.3 (м.5), вероятно, тесинское. Подавляющее большинство комплексов — 34 — представляют тагарскую культуру. Значительную группу среди них (13) составляют детские погребения. Это, как правило, погребения в каменном ящике, сооруженном в неглубокой яме (исключения — к.2, м.7 и к.6, м.3, где плитой была перекрыта яма без ящика), с западной ориентировкой. В трех случаях (к.1, м.9; к.8, м.5; к.9, м.2) погребенных было двое, причем в могиле 9 кургана 2 было поставлено 2 глиняных сосуда баночной формы. По одному сосуду содержали могила 4 кургана 8 и могила 2 кургана 9; в двух случаях (к.2, м.8; к.8, м.3) в могилах обнаружены фрагменты керамики. В семи случаях могилы располагались за пределами основной ограды с восточной стороны. Все погребения являются типичными как для подгорновского, так и для сарагашенского этапов тагарской культуры. Тагарские погребения условно разделяются на две группы. Это могилы с ямами относительно больших размеров с количеством погребенных более 10 человек, положенных на дно сруба (к.1, м.1-3; к.8, м.1,2). Вторую группу комплексов составляют погребения в могилах небольших размеров (2,50 x 1,50 x 1,20 м), содержащих в себе каменные ящики (к.1, м.1а; к.2, м.3,5; к.6, м.1; к.7, м.1) или срубы (к.2, м.4,6; к.3, м.1,2; к.4; к.5, м.1,2), в которых помещались от 1 до 7 погребенных, все с западной ориентировкой. К этой же группе типологически близки могила 1 кургана 2 и могила 2 кургана 6, т.к. не исключено,

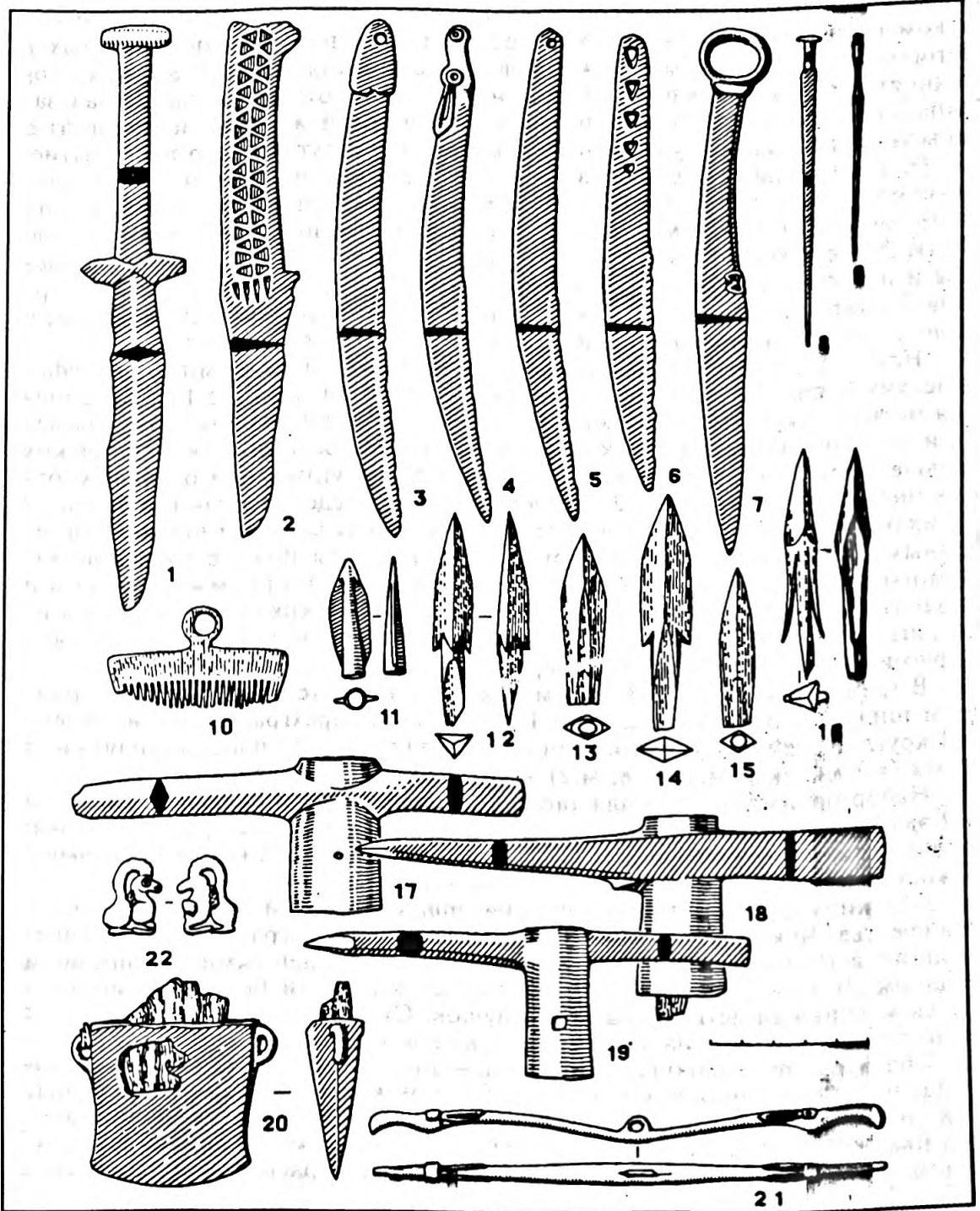

Таблица 5. Могильник Кошколь.

Находки (1-9, 11, 17-22 — бронза; 10, 12-16 корт); 1. кинжал № 1 (к.1, м.1-А); 2. нож № 3 (к.1, м.2); 3. нож № 6 (к.3, м.2); 4. нож № 7 (к.3, м.2); 5. нож № 13 (к.3, м.2); 6. нож № 23 (к.3, м.2); 7. нож № 31 (к.8, м.2); 8. шило № 18 (к.5, м.1); 9. шило № 5 (к.5, м.1); 10. гребень № 6 (к.3, м.1); 11. наконечник стрелы № 30 (к.7, м.1); 12. наконечник стрелы № 27 (к.7, м.1); 13. наконечник стрелы № 28 (к.7, м.1); 14. наконечник стрелы № 24 (к.7, м.1); 15. наконечник стрелы № 20 (к.7, м.1); 16. наконечник стрелы № 22 (к.7, м.1); 17. чекан № 32 (к.8, м.2); 18. чекан № 13 (к.9, м.1); 19. чекан № 1 (к.8, м.2); 20. кабант № 12 (к.5, м.1); 21. "предмет неизвестного назначения" № 6 (к.1, м.1); 22. ременная накладка № 7 (к.8, м.1).

что здесь срубы не сохранились из-за почвенных условий. Несколько особняком стоит могила 1 кургана 9, восточная ориентировка погребенных в которой напоминает нам положение в сарагашенских могилах. К числу особенностей в погребальном обряде данной группы относится частичная засыпка могилы 3 кургана 2 глиной, взятой из этой же ямы, и полностью засыпанная могила 2 кургана 6, где, к тому же, отсутствовало перекрытие.

Керамический материал тагарских погребений однороден: его составляют сосуды баночной формы с уплощенным венчиком, варьирующие по размерам от 10 до 60 см высотой, и миски из придонных частей сосудов. Почти все сосуды изготовлены из грубого теста с большой примесью дресвы и плохо обожжены. Исключением является сосуд II из могилы 3 кургана 2 — красноватого цвета, из хорошо отмученного теста, на поддоне, с выделенной шейкой и каннелированным туловом.

Наиболее часто встречавшимся изделиям из бронзы, помимо полусферических бляшек и пронизок, являются ножи — 24. Нож № 1 из заполнения могилы 2 кургана 1 несомненно относится к каменоложскому времени и вряд ли связан с тагарским комплексом погребения. Среди тагарских больше всего ножей с выгнутым обушком и с круглым или овальным отверстием на рукояти — их 12, причем находки их сделаны как и в больших могилах курганов 1 и 8, так и в небольших срубах с малым числом погребенных. Только в больших курганах были найдены ножи с трапезиевидным навершием (3 экз.), с кольчатым навершием (1) и прямым обушком и отверстием в верхней части рукояти (5). К числу редких относятся ножи из могилы 2 кургана 3, один из которых имеет навершие в виде головы лося, а другой — пять треугольных отверстий на рукояти.

В трех случаях (к.1, м.3; к.6, м.2; к.9, м.1) вместе с ножами были найдены шилья. Общее их число 11. Все шилья четырехгранные, с выделенной круглой шейкой; 8 из них имеют навершие в виде плоской шляпки, а у трех (к.1, м.1; к.2, м.5; к.8, м.2) — двухъярусное навершие.

Набор оружия обычен для тагарских комплексов и включает кинжалы — 2 экз. (к.1, м.1а; к.8, м.1), 5 чеканов (к.1, м.1; к.8, м.2; к.9, м.1), 4 втока; вероятно, боевой кельт (к.5, м.1), 2 бронзовых (к.1, м.1; к.7, м.1) и свыше 50 костяных наконечников стрел.

Оба кинжала имеют валиковое навершие рукоятки и горизонтальное перекрестье. Чекан из кургана 1 имеет прямой шестигранный боек, переходящий в обушок; чекан из кургана 8 — с уплощенными и бойком, и обушком. Чекан из кургана 9 имеет четырехгранный боек и расширяющийся массивный четырехгранный обушок. Судя по весу и размерам, этот чекан вполне функционален. У всех чеканов высокие втулки.

Оба бронзовых наконечника стрел — втульчатые, двухлопастные. Подавляющее большинство костяных наконечников стрел — пирамидальные трех- и четырехгранные, черешковые; зафиксированы 3 втульчатых наконечника (к.2, м.5; к.7, м.1, №№ 27,28). Свообразными являются четырехгранные наконечники с комбинацией черешка и расщепленного насада (к.7, м.1, №№ 9,11,22).

Типичными образцами скифского звериного стиля являются бляшка, изображающая козла (к.5, м.1), головки лося на окончаниях "предмета неизвестного назначения" (к.1, м.1) и рукоятки упоминавшегося уже ножа (к.3, м.2).

Подытоживая вышеизложенное, можно сказать, что тагарский комплекс Кошколь содержит памятники сарагашенского этапа (к.1, м.1-3; к.8,

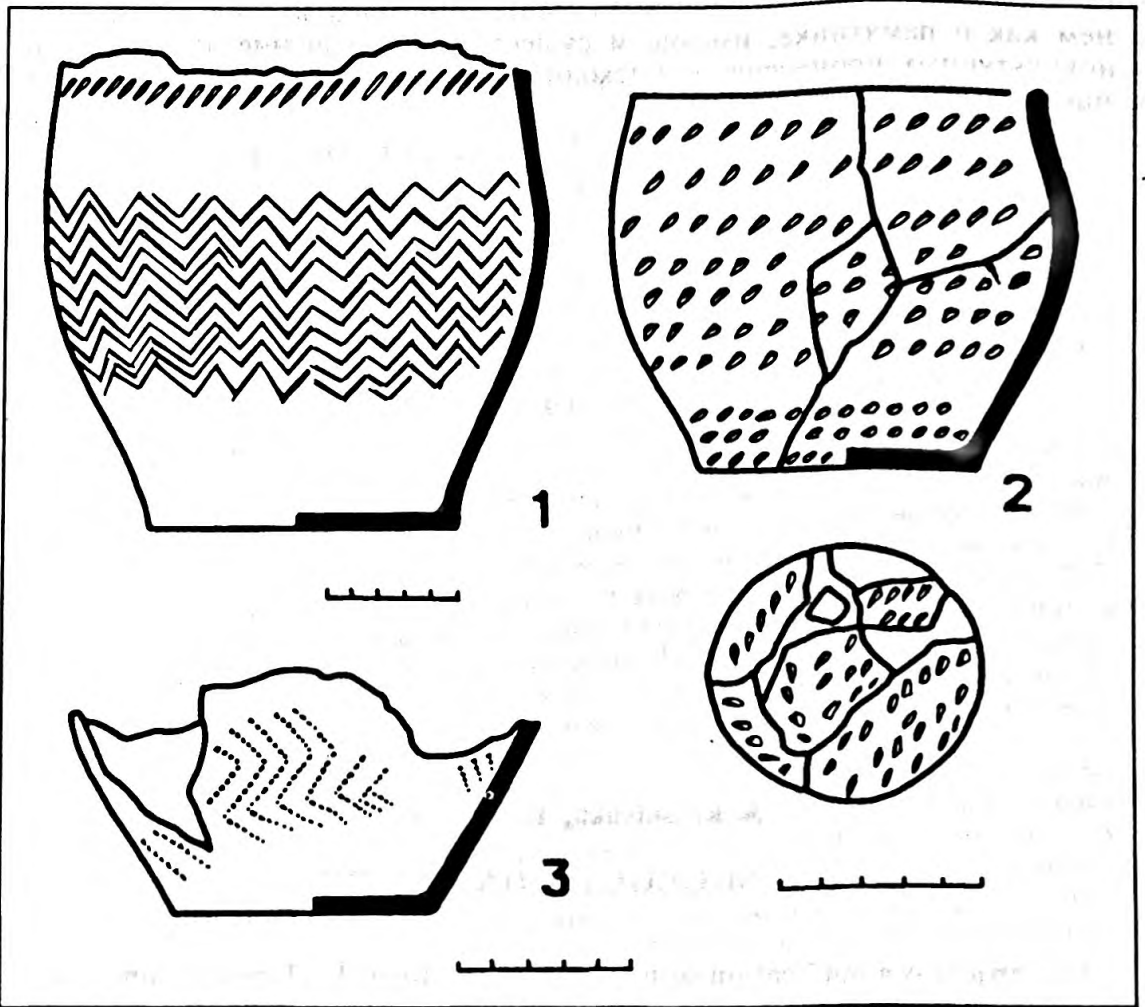

Таблица 6. Могильник Кошколь. Керамика андроновского времени: 1. курган 7, могила 2; 2. курган 8, могила 7; 3. курган 7, могила 3.

м.1,2 и, возможно, к.9) и подгорновского. Однако некоторые категории вещей, в частности, шилья с двухъярусным навершием, кинжал (к.1, м.1а), считающиеся поздними, найдены в данном случае в погребениях подгорновского (по характеру могильных конструкций) облика. Возможно, в данном случае мы имеем дело с памятником переходного типа, с чертами "размывания" подгорновского погребального обряда и формирования сарагашенского. Косвенным свидетельством этого может служить полное отсутствие оленних блях в комплексах больших курганов, тогда как в сарагашенских памятниках Назаровской котловины они являются почти обязательным атрибутом.

Андроновские погребения имеют аналогии на восточных и южных территориях (памятники Орак, Пристань и др). Возможно, это самый западный памятник, включающий погребения в цистах, известный в Восточной Сибири.

Географическое положение могильника Кошколь в контактной зоне степи и лесостепи, в сочетании с имеющимися в его составе погребальными-

ми комплексами от эпохи бронзы до тесинского этапа дает право говорить о нем как о памятнике, имеющем существенное значение для изучения этнокультурных процессов, происходивших в Назаровской котловине в конце II — начале I тыс. до н.э.

S. Krasnienko, E. Kirillov

THE KOSHCKOL BURIAL GROUND

This article is a publication of materials of the Koshckol burial ground excavated by authors in 1987-1988. The site is located near the city Sharypovo at the south-western part of Krasnoyarsk region. There were investigated 9 burial complexes which included 40 graves of the Bronze Age (Andronovskaya Culture) and Iron Age (final stage of the Tagarskaya Culture). Excavations showed the great diversity of the burial traditions and constructive details of the graves. At least, two barrows were touched by thieves and burial inventory was complete there. The materials from the graves of the Bronze Age is represented by typical forms of pottery decorated by specific ornaments. Inventory from Scythian burials are ordinary: bronze knives, axes, mirrors, bone and bronze arrowheads. "Scythian animal style" is represented by bronze miniature capricious miniature head of elk upon the handle of bronze knife. The Koshckol burial ground was functioning during about one and a half thousand years.

М. Н. Пшеницына

РАННЕТАГАРСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ В МОГИЛЬНИКЕ АФАНАСЬЕВА ГОРА НА ЕНИСЕЕ

Предлагаемая статья посвящена публикации материалов раскопок пяти необычного типа раннетагарских могил, обнаруженных при исследовании Красноярской экспедицией ЛОИА АН СССР под руководством М. П. Грязнова в 1963-64 гг. могильника Афанасьева Гора. Это тот могильник, в котором С. А. Теплоухов в 1920-23 гг. раскопал 18 могил и именем которого назвал открытую им афанасьевскую культуру (Теплоухов, 1927: 76; Он же, 1929: 41-62). Он располагается на узкой полосе первой надпойменной террасы под Афанасьевской горой близ бывш. села Батени. В настоящее время могильник полностью затоплен водами Красноярского водохранилища. На поверхности террасы, на протяжении 380 м, было отмечено около 40 кругов из едва видимых на поверхности камней. Диаметр кругов — 2-7 м. Они представляют собой остатки развалившихся каменных надмогильных сооружений и круглых оград вокруг них. Раскопана 41 могила, из них 35 принадлежат афанасьевской культуре, одна — первого тысячелетия н.э. (могила 23) и 5 — подгорновскому этапу тагарской культуры (могилы 19-22, 40).¹ До того, как были раскопаны эти могилы, никто и не подозревал, что они могут быть не афанасьевскими. Только могила 19, покрытая массивной плитой, казалась нам необычной. Однако после окончания раскопок, рассматривая их чертежи и фотографии, можно было заметить некоторые отличия в характере остатков каменных сооружений. Довольно ясно, что развалы этих могил имеют форму не круга, как это характерно для афанасьевских могил, а прямоугольника. Наиболее отчетливо это видно на могиле 22. Можно предполагать, что это развалы небольших прямоугольных оград. Поскольку ограды были сооружены не из плитняка, а из бутового камня, они очень плохо сохранили свою форму и сейчас невозможно определить их первоначальные размеры.

Могила 19 (рис. 1, 2). Каменный ящик из вертикально поставленных плит, размерами 160×70 см, высотой 60 см, дно на глубине 95 см; ориентировка СВ-ЮЗ. Покрит большой плитой (280×160 см), уложенной на нескольких рядах горизонтально положенных плиток. В заполнении ящика, около его юго-восточной стенки — скелет младенца, на спине, головой на ЮЗ.² Младенец, очевидно, погребен после ограбления основного захоронения в могиле (или одновременно с ним). В заполнении и на дне, преимущественно в северной половине ящика — кости взрослого человека (череп, длинные кости ног и рук, тазовые, позвонки). Среди них — черепки глиняного горшка баночной формы, две бронзовые полусферические бляшки и кости овцы (б. берцовая, лопатка, ребро).

¹ Раскопки тагарских могил, полевые наблюдения и дневники велась М. Н. Пшеницыной. Ею же написан соответствующий раздел в отчете М. П. Грязнова за 1964 г. Вещи из раскопок хранятся в Государственном Эрмитаже, коллекция 2467.

² Определения пола и возраста погребенных, а также костей животных, найденных в могилах, сделаны М. П. Грязновым.

Могила 20 (рис.1,2). Развал камней над могилой образует прямоугольник размерами 4,5×3,5 м, ориентированный с ЮЗ на СВ. Посередине западина. Могила 255×255 см, глубиной 200 см, ориентированная с ЮЮЗ на ССВ. Провалившиеся камни заполняли ее почти до самого дна (до глубины 170 см). Заполнение ямы у дна необычное. Здесь ясно были видны комья земли светлого материкового суглинка и темного, почти черного, гумуса, размерами по 10-15 см в диаметре. Местами между комьями оставались даже щели. Вместе с тем масса земли здесь не производила впечатление недавно набросанной, а по структуре своей, она была однородной, комья плотно слежавшиеся. Здесь же сохранились куски дерева (от жердей?), вероятно, от перекрытия ямы. В заполнении найдены 4 обломка черепа взрослого человека, крестцовая кость женщины (?), обломки 5 ребер взрослого и ребро ребенка. Части черепа и крестцовая кость совершенно определенно не относятся ни к одному из лежавших на дне могилы скелетов.

На дне могилы 7 скелетов — 4 в ряд головами на ЮЮЗ, 3 — у них в ногах. Никаких следов их нарушения грабителями или повторных захоронений не наблюдалось (план могилы на приложенном чертеже ошибочно повернут на 90°. Истинная ориентировка показана стрелкой).

Скелет 1, первый с запада. Мужчина старческого возраста. На спине, руки вдоль тела, ноги согнуты в коленях, повернуты налево. В головах слева — половина горшка, положенная в могилу в качестве чаши. Другая половина этого горшка, поставленная также в качестве чаши, находилась в головах скелетов 2 и 3, возможно, слева у головы скелета 3. Однако составить вместе и склеить эти две половинки не удалось, так как края этих половинок, очевидно, для придания им более аккуратного вида, были обломаны, выравнены. Справа в ногах кости коровы (теленка): лопатка, 3 ребра, бедренная и б.берцовая с пяточной. На черепе — три бронзовых полусферических бляшки — на лбу, левом виске и правой скуле (рис.3,18,20,21). Под правой глазницей сердоликовая бочонковидная бусина (рис.3,10). Справа на локте и грудной клетке бронзовый кинжал (рис.3,1). Здесь же, рядом с локтем, бронзовый кельт с остатками дерева во втулке (рис.3,19) и фрагменты грудной кости теленка. При скелете найдено 4 роговых наконечника стрел (Рис.3,2,3,6,7). Один под кинжалом, между ребрами и левым локтем. Два у позвоночника, причем один из них засел между первым и вторым поясничными позвонками., отломив остистый отросток первого позвонка. Наконец, четвертый наконечник лежал под крылом правой тазовой кости. Все 4 наконечника лежали в поперечном положении по отношению к костяку и остриями были направлены справа налево (погребенный убит выстрелами справа?).

Скелет 2, рядом с первым. Женщина 40-60 лет. На правом боку, со слабо согнутыми ногами, руки вытянуты вперед. При скелете найдено два роговых наконечника стрел. Один маленький втульчатый — между плечевыми костями, у локтя (рис.3,16). Большой, черешковый — у таза, вдоль левого бедра (а может быть поперек тела, сзади?) острием вниз (рис.3,5).

Скелет 3, лицом к предыдущему. Женщина 25-40 лет. На левом боку, со слабо согнутыми ногами, руки перед грудной клеткой, левая неестественно согнута. В головах слева половина горшка, упомянутого уже при описании скелета 1, а справа бедренная кость коровы (теленка) и кости молодой овцы: лопатка, бедренная и б.берцовая. Между двенадцатым грудным и первым поясничным позвонками — роговой наконечник стрелы,

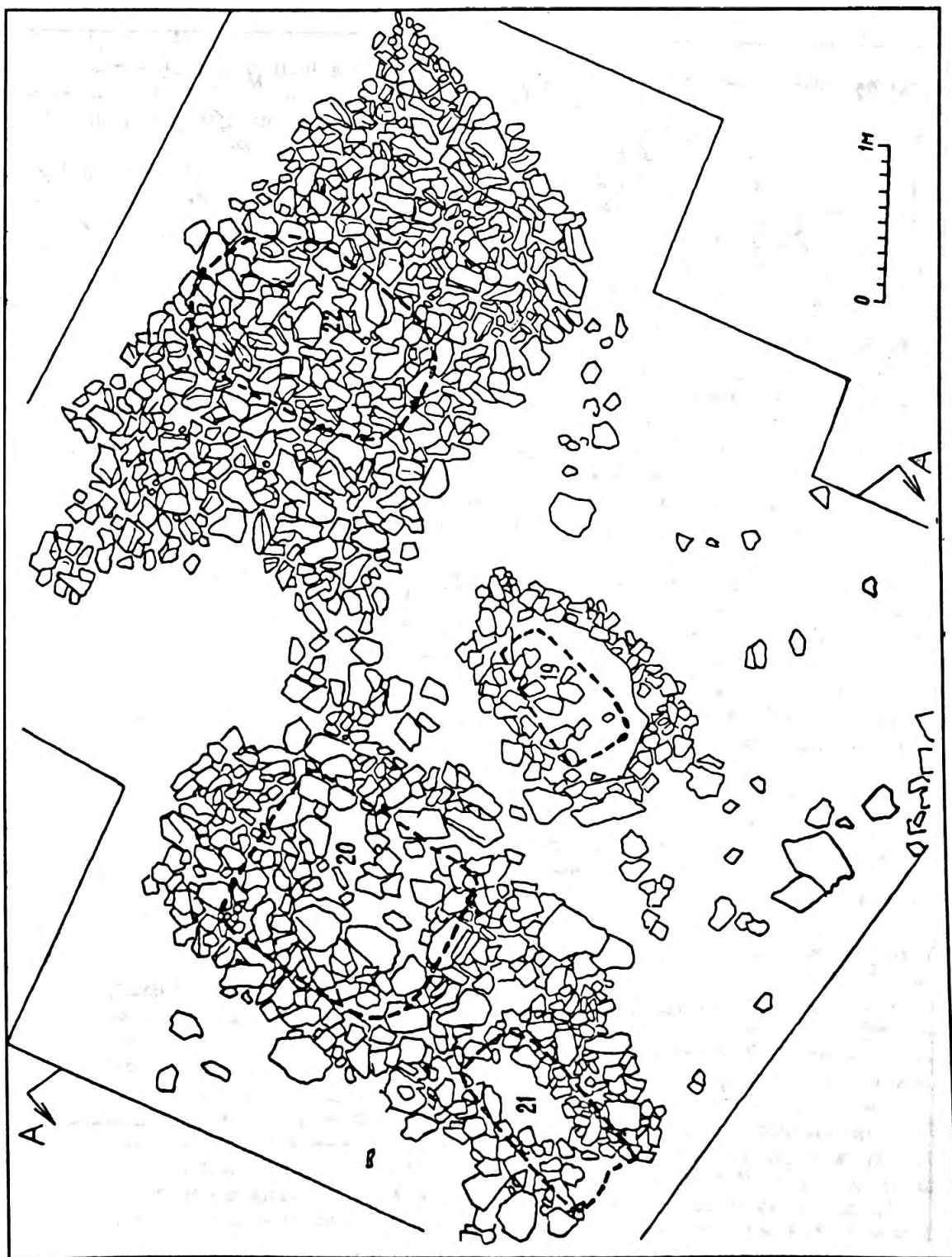

Рис. 1. Каменные конструкции могил

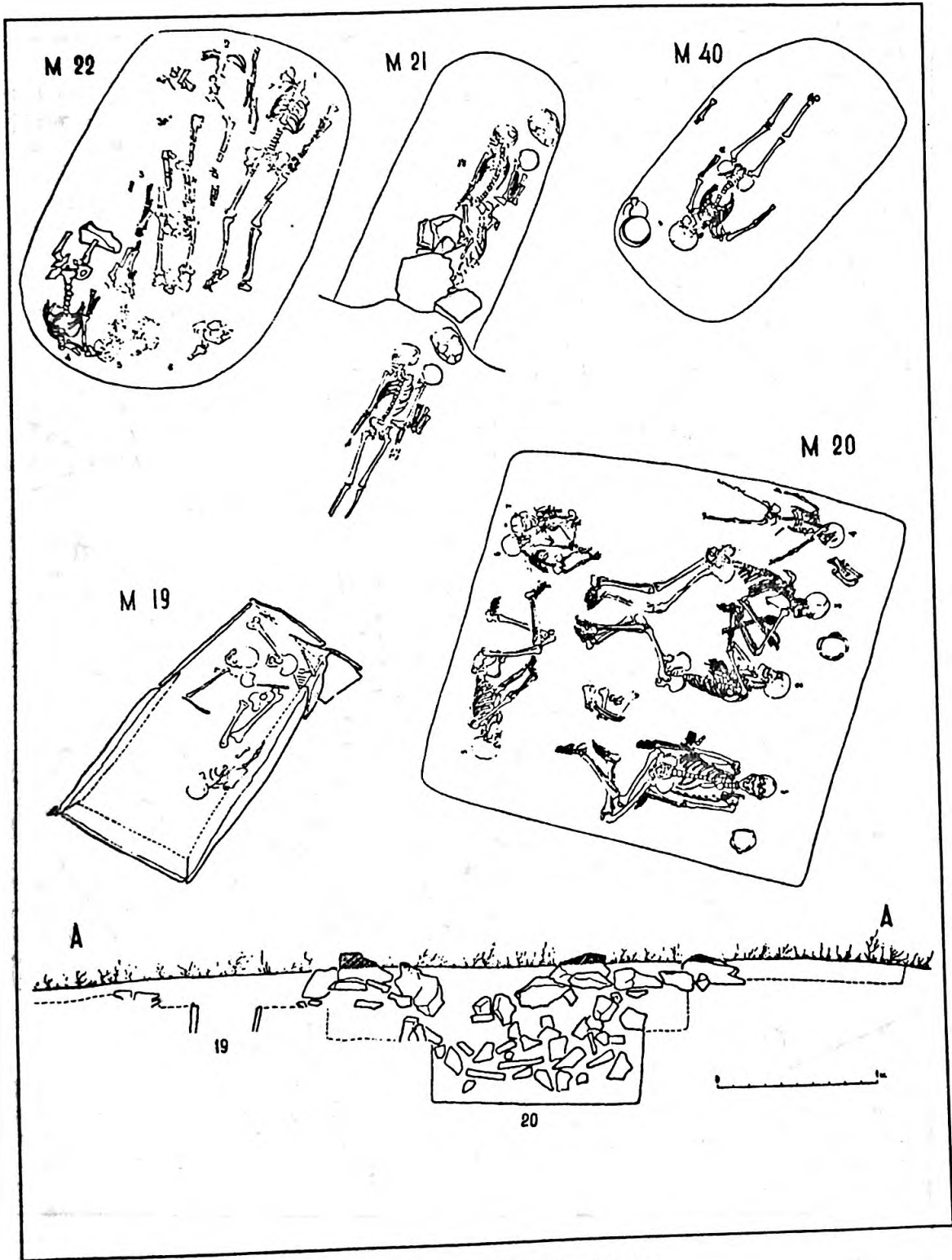

Рис. 2. Планы и разрезы могил

по-видимому, засевший в сочленении позвонков в направлении спереди назад (рис.3,4).

Скелет 4, последний в первом ряду. Ребенок 6 лет. На спине, руки и ноги раскинуты. Под черепом — роговой наконечник стрелы (рис.3,8). В области поясницы на уровне четвертого поясничного позвонка — бронзовое шило (рис.3,14).

Скелет 5, вдоль северо-восточной стенки ямы. Женщина 40-60 лет. На правом боку, ноги согнуты, руки протянуты к коленям. Перед шеей и верхней частью груди пара шнурков с нанизанными на каждом из них по длинной медной пронизке. Затем каменная бусина. Далее шнур делится на три нити с маленькими бусинками на них и по медной литой биконической бусине на конце (рис.3,11,13). Череп имеет следы ударов острым орудием.

Скелет 6, в северо-восточном углу могилы. Ребенок 4 лет. Ничком, на животе, ноги и руки вытянуты вдоль тела, вещей нет.

Скелет 7, рядом с предыдущим. Ребенок 6 лет. На спине, руки сложены на груди, правая нога откинута в сторону и голень ее находится под голенью скелета 6, левая нога поднята кверху и лежит на животе. Между тазовой костью и шейкой правого бедра роговой наконечник стрелы (рис.3,9). За черепом — две бронзовые полусферические бляшки (рис.3,15,17); у левого виска — обломок черешка от рогового наконечника стрелы (рис.3,12).

Могила 21 (рис.1,2). Развал ограды вплотную примыкает к развалу могилы 20. Размеры его 3,5×2,5 м. В середине — западина. Могильная яма подпрямоугольная с закругленными углами, 190×90 см. На дне два скелета. Кости верхнего лежат непосредственно на костях нижнего.

Скелет 1, верхний. Женщина (40-60 лет?). На левом боку, ноги согнуты, головой на ЮЗ. Кости плохо сохранились. Недостает правой ноги и многих частей других костей. У таза бронзовая полусферическая бляшка (очень плохо сохранившаяся), вероятно, от нижнего скелета.

Скелет 2, нижний. Женщина 40-60 лет. На спине, головой на СВ. Слева, в головах два горшка. Слева же у локтя, частью на локте, кости овцы: лопатка, 5 ребер, бедренная и б.берцовая с таранной и пяточной. На черепе — две плохо сохранившиеся бронзовые сферические бляшки.

В заполнении, внизу ямы найдены черепок горшка и кости овцы (б.берцовая и обломок таза), вероятно, относящиеся к верхнему скелету.

Могила 22 (рис. 1,2). Развал ограды прямоугольной формы, размерами 6,5×4 м, состоящий в отличие от других из относительно мелкого камня. Ориентирован с СЗ на ЮВ. Под развалом, на глубине 25 см от поверхности, в гумусном слое 6 скелетов на площади размерами 2,5×1,5 м. Центральная часть понижена до 60 см. Создается впечатление, что это провал над находящейся ниже ямой. Действительно, ниже оказалась яма прямоугольных очертаний, но после раскопки ее на два штыка пошел нетронутый материк.

Кости скелетов плохой сохранности, однако определилось наличие 6 скелетов, положенных в два ряда по три в каждом, ногами друг к другу. Так три скелета (№№ 1-3) лежат на спине, головами на СВ, три (скелеты 4-6) — головами на юго-запад. Ногами они перекрывают друг друга. Первыми, очевидно, были положены скелеты 1-3, а затем скелеты 4-5, так как кости ног скелета 3 перекрыты костями ног скелета 5, а скелета 2-го, костями скелета 6.

Скелет 1. Взрослая женщина (?). Полный скелет, недостает лишь черепа, шейных позвонков, ключиц и левой лопатки, разрушившихся, веро-

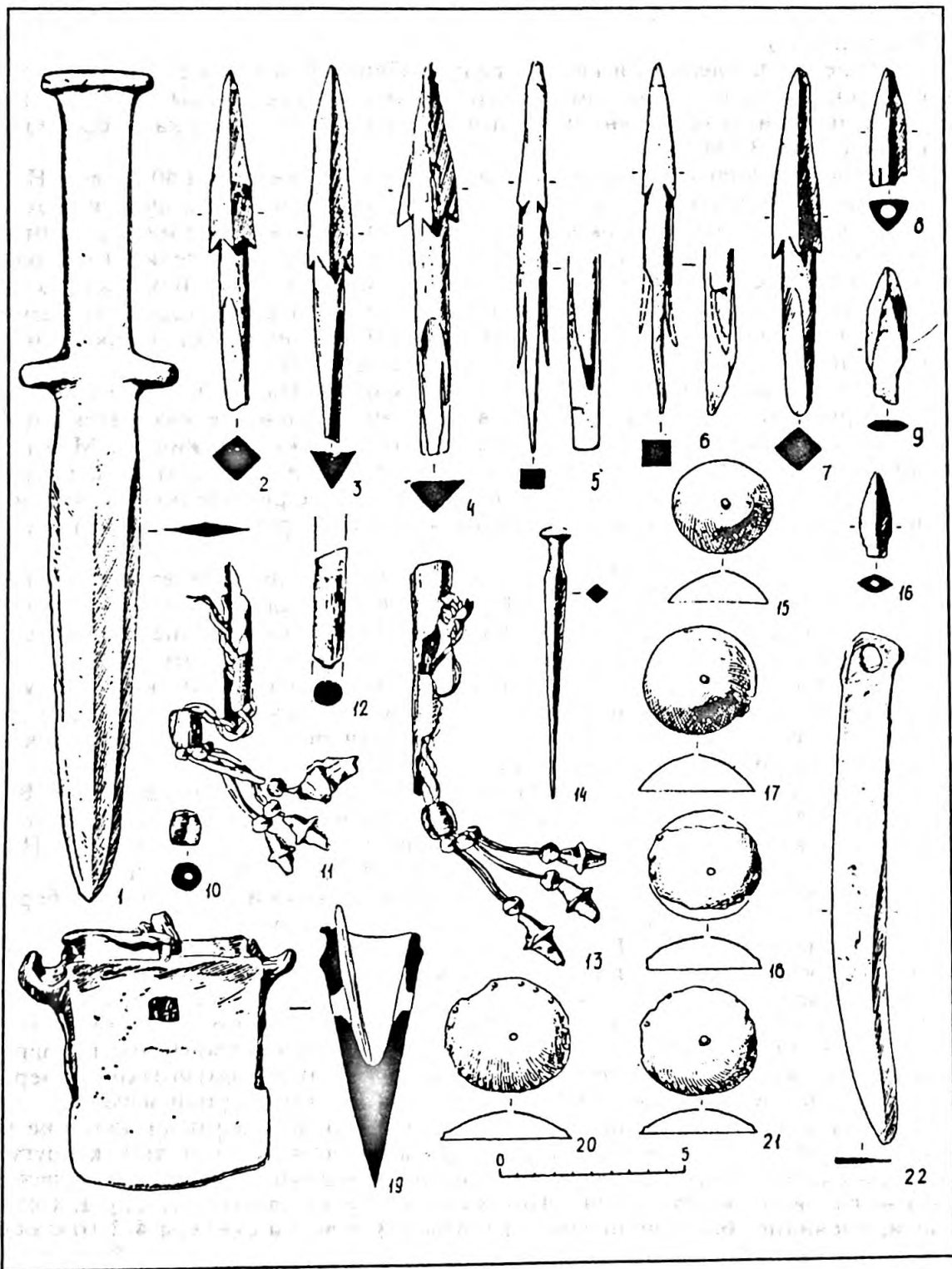

Рис. 3. Вещи из могил

ятно, как и у других скелетов, благодаря более низкому положению к поверхности.

Скелет 2. Взрослый человек. Хуже сохранившийся, особенно в области грудной клетки. Черепа и костей правой руки нет.

Скелет 3. Взрослый человек. Сохранились на своем месте только кости ног во фрагментах: бедренная, 2 больших и одна малая берцовая (на чертеже показаны черными). Там, где должна была находиться грудная клетка, в беспорядке фрагменты лопатки, двух плечевых и локтевой.

Скелет 4. Взрослая женщина. Сохранилась часть скелета — кости туловища, правой руки и верхних бедренных. Нет черепа, костей левой руки и обеих ног.

Скелет 5. Взрослый человек. На месте сохранились кости рук, несколько ребер, тазовые кости и кости ног, все во фрагментах. Череп смещен, лежит во фрагментах в верхней части груди.

Скелет 6. Подросток 9 лет. На месте сохранились кости таза и ног. Фрагменты плечевых костей смещены, череп у колен между бедрами.

В ногах скелета 1 череп взрослого мужчины (во фрагментах), возможно, от скелета 5.

Могила 40 (рис. 2), в 5 м к востоку от предыдущей. На поверхности виднелись три камня. От надмогильного сооружения осталось лишь немного беспорядочно разбросанных камней на площади 5×5 м. Могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами, близкая к овальной. Размеры 200×120 см, глубина 60 см. Ориентирована с ЮЗ на СВ. На дне скелет юноши (14-15 лет) на спине, головой на ЮЗ. Слева, в головах черный баночный сосуд, украшенный двумя широкими желобками и маленький красный горшочек с тремя сосцевидными выступами-ножами. Между черепом и горшочком бронзовая полусферическая бляшка, на тазовых костях бронзовый нож (рис. 3,22). Слева, против бедра, у стенки ямы б.берцовая кость овцы, с таранной и пяточной.

Открытие на Афанасьевском могильнике погребений тагарской культуры, и при этом необычного типа, было неожиданным. В пяти исследованных могилах захоронено 18 человек: 7 женщин, мужчина старческого возраста, 4 взрослых, один юношеского возраста (14-15 лет), подросток, 3 ребенка, младенец. Погребальный инвентарь, представленный предметами вооружения и орудиями труда (бронзовый кинжал, кельт, нож, шило, роговые наконечники стрел)6 украшениями и глиняными сосудами, характерен для памятников подгорновского этапа тагарской культуры (Грязнов, 1968: 89-190, 193). Бронзовые кинжал, кельт и шило из могилы 20 аналогичны таким же из могильника Каменка I (Шер, Прокофьева, 1966: 58-59; рис.17,2,5,7). Еще один такого же типа кельт обнаружен в кургане 5, могиле 2 могильника Барсучиха V (Завитухина, 1966: 228-229; рис.1,2). Оба названных могильника являются типичными памятниками подгорновского этапа тагарской культуры и датируются VI в. до н.э. (Завитухина, 1979: 78-83). Для этого периода характерны могильники, состоящие из нескольких или нескольких десятков небольших курганов, по углам прямоугольных оград которых поставлено по высокому камню. Ограды же могил, исследованных в Афанасьевском могильнике, не имела угловых камней и сохранились настолько выразительно, что сначала они были приняты за афанасьевские могилы. Ограды расположены очень тесно, что также необычно (рис.1). Необычен и характер могил. Две из них производят впечатление братских могил с захоронением в одной из них (могила 22) шести

человек, в другой (могила 20) семи. Причем в последней, можно предполагать, погребены все убитые стрелами или ударами острого орудия по голове. Очевидно, надо признать факт, что на подгорновском этапе тагарской культуры наряду с "обычными" кладбищами, существовали небольшие кладбища, где хоронили в каких-то особых случаях и особую категорию умерших.

M.N.Pshenitzyna

**EARLY TAGAR BURIALS "AFANASYEVA GORA"
CEMETERY ON YENISSEY**

The article "Early Tagar burials of Afanasyeva gora' cemetery on Yenissey river" by M.Pshenitzyna makes public the digging materials from five unusual early tagarian graves. It is obvious, that alongside with ordinary cemeteries there existed the cemeteries which would be used on special occasions to bury certain categories of the for which burials the older graves and cemeteries would have been utilized.

Д. Г. Савинов, В. И. Молодин, Н. В. Полосьмак

МЕДВЕДКА I — МОГИЛЬНИК САРАГАШЕНСКОГО ЭТАПА НА ЮГЕ ХАКАСИИ

В результате археологических работ Среднеенисейской экспедиции ЛОИА АН СССР на юге Хакасии в зоне строительства Означенской оросительной системы (Бейский район Хакасии) была открыта и исследована серия могильников сарагашенского этапа тагарской культуры. Сложившиеся представления о погребальных комплексах этого времени базируются в основном на материалах из цен тральных районов Хакасии, в первую очередь, полученных в результате работ Красноярской экспедиции. Исследования памятников тагарской культуры на юге Хакасии не только дали возможность “полнее ознакомиться с обрядом захоронения, особенностями погребения, социальным составом древнего общества, материальной культурой того времени” (Лисицын, 1983: 70), но и позволили вплотную подойти к постановке вопроса о выделении своеобразного, бейского или койбальского, варианта тагарской культуры, существовавшего в рамках общетагарских культурных традиций. Однако для решения этого вопроса необходима, в первую очередь, полная публикация всех имеющихся материалов.

Многое в этом направлении уже сделано. Помимо кратких сообщений в “Археологических открытиях в СССР”, начиная с 1978 года опубликованы материалы могильников Медведка I, кург. 1, 3, 4; Уй, кург. 2 (Боковенко, Седых, Красниенко, 1983); Долгий, кург. 3 (Седых, 1985) и кург. 4, 5, 6 (Худяков, Хаславская, Тетерин, 1988); Колок, кург. 3 (Пшеницына, Поляков, 1989: 58-66) и кург. 6 (Хаславская, 1980); Медведка II, кург. 1, 2, 3 (Боковенко, Красниенко, 1988).

Вновь открытые памятники учтены в общей сводке данных по тагарской культуре (Вадецкая, 1986б: 122-123). Проведен сравнительный анализ материалов отдельных могильников (Красниенко, Седых, 1985; Павлов, Седых, 1985). Отмечены основные особенности в конструкции погребальных сооружений и в наборе предметов сопроводительного инвентаря (Боковенко, Седых, Красниенко, 1983: 79-81; Боковенко, Красниенко, 1988: 42-45).

В русле этих работ представляется немаловажной публикация материалов трех курганов могильника Медведка I (кург. 1, 5, 6), еще не введенных в научный оборот. Могильник находится в 2 км к СЗ от с. Новокурское у подножия г. Медведка и состоит из 6 земляных курганов, расположенных среди распаханного поля слева от дороги из г. Саяногорска в с. Бею.¹ Не исключено, что часть курганов могильника Медведка I к моменту исследования была уже распахана. Приблизительно в 400 м от него к В находится полностью исследованный, состоящий из трех курганов, могильник Медведка II. Возможно, что оба могильника “в прошлом составляли одно могильное поле” (Боковенко, Красниенко, 1988: 23), на котором всего, таким образом, раскопано 9 курганов. Материалы могиль-

¹ План могильника Медведка I (без кургана 6) и общую ситуацию на могильном поле у подножия г. Медведка см.: Боковенко, Красниенко, 1988, рис. 1.

ника Медведка II и кург. 1, 3, 4 могильника Медведка I уже опубликованы. В 1981 году на могильнике Медведка I В. И. Молодиным и Н. В. Полосьмак были раскопаны кург. 2 и 5. Позднее в составе могильника был открыт кург. 6, раскопанный в 1985 году Д. Г. Савиновым. На этом исследовании группы курганов у подножия г. Медведка было завершено.

Курган 2. Расположен в западной части могильника. Под земляной насыпью округлой формы, вытянутой в направлении СЗ-ЮВ, находилась одна погребальная камера, сдвинутая к ЮЗ полю кургана. На уровне древней поверхности с ЮЗ и СЗ сторон сохранились остатки наземного деревянного покрытия, размеры которого превышали размеры могильной ямы. Расположение покрытия и могильной ямы — углами по странам света с небольшим смещением по оси СЗ-ЮВ. На дне ямы находился сруб прямоугольной формы, ориентированный, как и погребальная камера в целом, углами по странам света. Плахи перекрытия сруба сохранились фрагментарно; пол был выстлан досками шириной 20 см, положенными в поперечном направлении. Снаружи между срубом и стенками могильной ямы с ЮВ и ЮЗ сторон на расстоянии 0,3-0,4 м друг от друга были вкопаны вертикально тонкие бревна для укрепления стенок сруба. Погребение ограблено. Кости погребенных, предположительно 16-17 человек, перемешаны и сконцентрированы в трех местах — посередине, в СВ и ЮЗ частях сруба. Немногочисленные предметы сопроводительного инвентаря — бронзовый чекан (рис. 1,17), дисковидное зеркало с петелькой на обороте, обломки двух бронзовых пластинчатых ножей, бронзовая втулка (рис. 1,20), фрагменты керамики — найдены в СВ части сруба.

Курган 5. Расположен в южной части могильника. Сооружен на месте кургана каменноложского этапа, от которого сохранились остатки ограды, фрагменты керамики с косой насечкой по венчику и две бронзовые подвески. Насыпь тагарского кургана округлой формы вытянута в направлении СЗ-ЮВ. В основании насыпи была выявлена разрушенная ограда из крупных отдельно лежащих камней. Точная форма и размеры ограды не восстанавливаются. Под одним из камней в В части обнаружены остатки деревянного столба, толщиной 18 см и высотой сохранившейся части около 25 см, рядом с которым лежали обломки челюсти медведя. Под насыпью находилось две погребальных камеры (мог. 1,2), расположенные по оси СЗ-ЮВ и несколько смещенные относительно друг друга. Судя по стратиграфическим наблюдениям, сначала была сооружена мог. 1, находящаяся посередине более раннего каменноложского кургана и затем к ЮВ от нее на расстоянии 1,5 м — мог. 2.

Могила 1. На уровне древней поверхности находилось двойное деревянное покрытие из крупных бревен толщиной до 60 см, положенных перпендикулярно друг другу. Верхний слой состоял из 17, нижний из 13 более массивных бревен. Концы бревен покрытия выступали за стенки могильной ямы. В В части покрытие было прорублено, и бревна здесь не сохранились. Могильная яма подквадратной формы, ориентированная, как и покрытие, углами по странам света. За ЮВ стенкой сруба сохранились нижние части трех вертикально вкопанных столбов. Перекрытие прорублено. Пол состоял из досок, шириной около 20 см, уложенных в направлении СЗ-ЮВ. На полу, преимущественно в 3 части сруба, находились в беспорядке кости, судя по количеству черепов, не менее 7 человек. Положение одного из частично сохранившихся скелетов у ЮВ стенки сруба — на спине, головой на СЗ. Предметы сопроводительного инвентаря были сдвинуты с пер-

воначальных мест и группировались в пределах сруба следующим образом: посередине находился раздавленный глиняный сосуд на низком поддоне; оленняя бляха (рис. 1,14); бронзовый стержень со шпеньком, напоминающий “предмет неизвестного назначения”; два обломка костяных наконечников стрел, на одном из которых нанесен крестовидный знак. Рядом с ними с одной стороны лежали бронзовое зеркало (рис. 1,10), проколка (рис. 1,7) и две иглы; с другой — еще одно зеркало. У В стенки сруба найдено бронзовое зеркало; в 3 углу — чекан с фигурками горных козлов на обушке (рис. 1,15); в СЗ углу — нож с трапециевидной рукояткой (рис. 1,2), обломки бронзовой диадемы и бронзовый наконечник стрелы (рис. 1,5); у 3 стенки — вток от чекана (рис. 1,21).

Могила 2. Следов деревянного покрытия нет. Могильная яма со скругленными углами, слегка смещена относительно мог.1. На дне ямы находился двухвенцовый сруб прямоугольной формы, вытянутый в направлении СЗ-ЮВ. Погребальная камера была сожжена. Стенки могильной ямы и ее заполнение прокалены. Перекрытие сруба не сохранилось. Плахи пола, уложенные в направлении СВ-ЮЗ, обуглены. Однако, само погребение оказалось непо потревоженным. Несмотря на плохую сохранность костей, в данном случае можно более определенно судить о количестве и положении погребенных. Всего в срубе было похоронено 7 человек, шесть из которых положены в ряд, на спине, головой на ЮЗ; а седьмой — в ногах у ниХ, головой на ЮВ. Распределение предметов сопроводительного инвентаря следующее.

Скелет 1 (у ЮВ стенки сруба) — вещей нет. скелет 2 — бронзовая оленняя бляха на груди (рис. 1,11); рядом зеркало, нож (рис. 1,3) и шило с одноярусной головкой (рис. 1,8); около черепа — фрагменты бронзовой диадемы.

Скелет 3 — у правой лучевой кости — обломок бронзового ножа; справа у таза — зеркало (рис. 1,9), слева — обломок “предмета неизвестного назначения”. Вероятно, к этому же погребенному относится еще один бронзовый нож, проколка и зеркало.

Скелет 4 — у черепа оленняя бляха в окружении мелких бусинок справа у пояса — бронзовый чекан (рис. 1,16), ниже у бедренной кости — нож и бусина, между бедренными костями — вток от чекана.

Скелет 5 — обломки диадемы около черепа, на груди бронзовая оленняя бляха (рис. 1,12); около пояса лежал “предмет неизвестного назначения”, бусина, нож (рис. 1,1) и зеркало; справа у бедра — костяной наконечник стрелы (рис. 1,6).

Скелет 6 (у СЗ стенки) — на груди бронзовая оленняя бляха (рис. 1,13), ниже у пояса два чекана (рис. 1,18,19). К этому же погребенному, возможно, относятся два лежащих рядом “предмета неизвестного назначения” и два втока (рис. 1,22).

Скелет 7 (в ногах остальных погребенных) — бронзовый нож (рис. 1,4), зеркало и шило.

В головах скелетов 2, 3, 4, 6 и ЮЗ части сруба находились раздавленные глиняные сосуды баночной формы на низких поддонах.

Курган 6. Расположен в 150 м к В от кург. 5. До начала раскопок представлял собой сильно распаханную насыпь округлой формы, вытянутую в направлении СЗ-ЮВ. Под насыпью находилось две погребальных камеры, расположенных по одной линии в направлении ССЗ-ЮЮВ на расстоянии 2,5 м друг от друга.

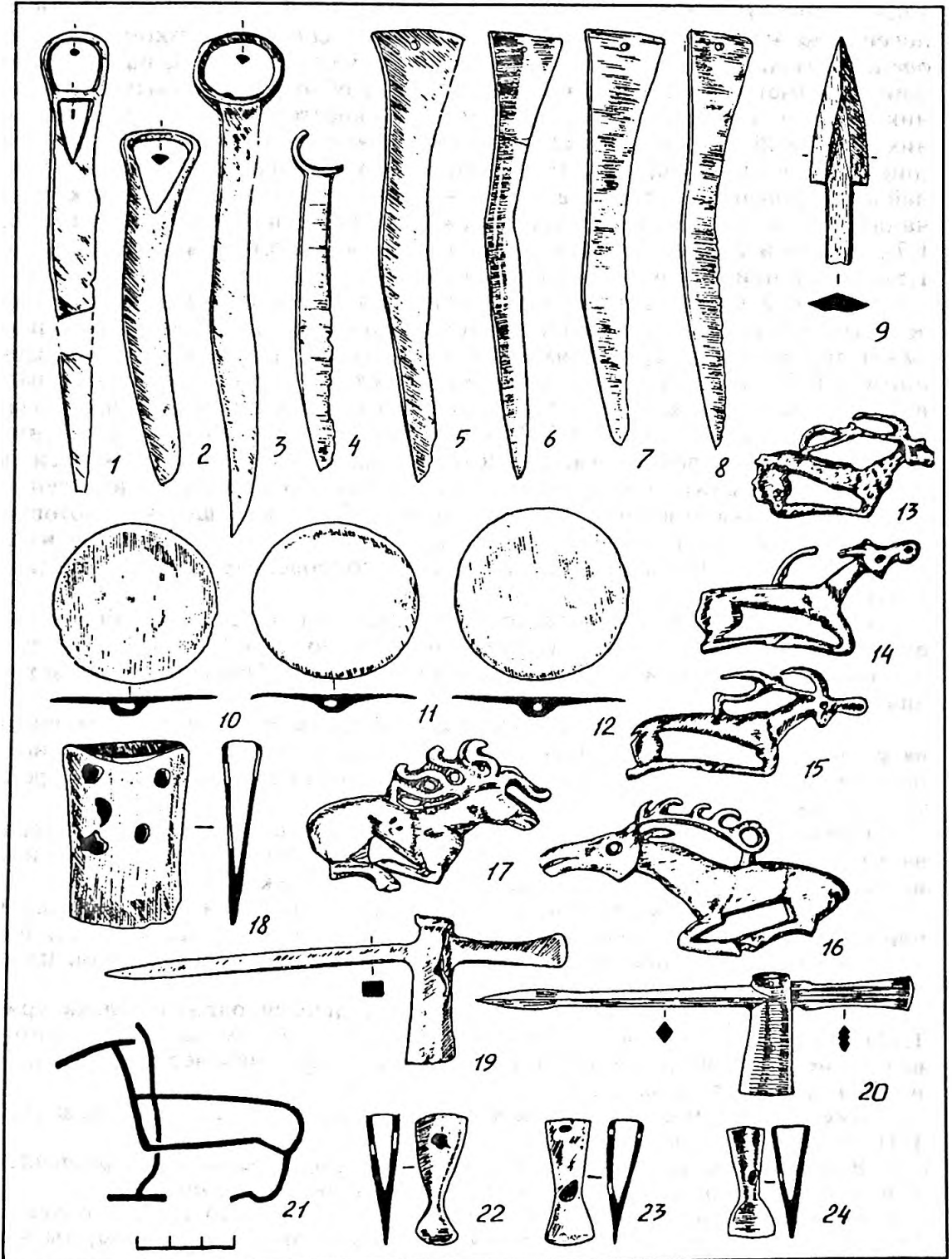

Рис.1. Медведка 1, курганы 2 и 5. Предметы сопроводительного инвентаря.
 17, 20 — кург.2; 2, 5, 7, 10, 14, 15, 21 — кург. 5, мог.1; 1, 3, 4, 6, 8, 9, 11, 12, 13, 16,
 18, 19, 22 — кург.5, мог.2 (6 — кость, остальное — бронза).

Могила 1 (северная). Наземное покрытие в виде рамы из массивных лиственничных бревен, выступающих за края могильной ямы на 0,35-0,5 м, поверх которой сделан настил из лежащих вплотную деревянных плах. Сверху наземное сооружение было покрыто берестяными полотнищами, остатки которых сохранились по всей площади покрытия. Посередине находился проруб, размером 2×1,25 м, оставленный грабителями. В прорубе, непосредственно под покрытием, лежал скелет человека; положение — на спине, головой на СВВ. Предметов сопроводительного инвентаря с ним не обнаружено. Могильная яма квадратной формы, ориентированная, как и наземное покрытие, углами по странам света. В заполнении могильной ямы найден бронзовый чекан (рис. 2,20). На дне ямы находился трехвенцовый сруб квадратной формы, ориентированный, как и все сооружение, углами по странам света. Перекрытие сруба состоит из положенных в направлении ЮЗ-СВ плоских плит. Плахи пола, плохо сохранившиеся, были уложены в том же направлении на две поперечные лаги, расположенные на расстоянии 0,5 м от стенок сруба. В верхней части сруба по всей площади, особенно посередине и на месте проруба, выявлено скопление разрозненных костей, принадлежащих, судя по количеству черепов, не менее 25 скелетам. Среди них без какого-либо порядка в расположении найдены фрагменты керамики, бронзовый кельт-лопатка (рис. 2,18), ножные пластинчатые браслеты, оленья бляха (рис. 2,17), два втока (рис. 2,23,24), три зеркала (рис. 2,10), два “предмета неизвестного назначения”, 2 два бронзовых ножа, проколка, шило, три подвески из клыков собаки. В одном случае три предмета (зеркало, нож и “предмет неизвестного назначения”) найдены вместе в одном “комплекте”. Ниже, под скоплением разрозненных костей находились остатки еще пяти погребенных, два из которых сохранились в относительно непотревоженном состоянии — вытянута, на спине, головой на ЮЮЗ. С ними найдены четыре бронзовых зеркала, шесть ножей (рис. 2,4,7,8), два шила, серия бронзовых полусферических бляшек и цилиндрических пронизок. Некоторые из них (нож, шило, зеркало) были найдены в “комплектах”.

Могила 2 (южная). Наземное покрытие прямоугольной формы, основу которого составляют два массивных бревна длиной 5 и 6 м, положенных по краям могильной ямы с СВ и ЮЗ сторон. Поверх них в перпендикулярном направлении уложены плоские плахи покрытия. Посередине покрытия находился проруб неправильной формы, доходящий до уровня перекрытия сруба. С ЮЗ стороны на краю могильной ямы непосредственно под плахами покрытия находился раздавленный глиняный сосуд на низком поддоне. Могильная яма неправильно-прямоугольной формы со скругленными углами, расширяющийся к придонной части, ориентированная таким же образом, как и наземное сооружение. В заполнении ямы на разной глубине найдены костяной наконечник стрелы (рис. 2,9), два бронзовых ножа (рис. 2,2), два шила, фрагменты керамики. На дне ямы находился трехвенцовый сруб прямоугольной формы. Перекрытие сруба и плахи пола сохранились фрагментарно. Погребение коллективное, причем захоронения помещались как внутри сруба, так и за его пределами. Центральное погребение полностью разрушено. В ЮВ половине сруба находилось скопление костей 3-4 человек. Отсюда же, вероятно, происходят кости, лежащие сверху над Ю углом сруба. Здесь же были найдены бронзовый нож (рис. 2,5) и шило в одном “комплекте”. Предметы, найденные внутри сруба, разбросаны по всей площади и не связываются со скелетами. Здесь

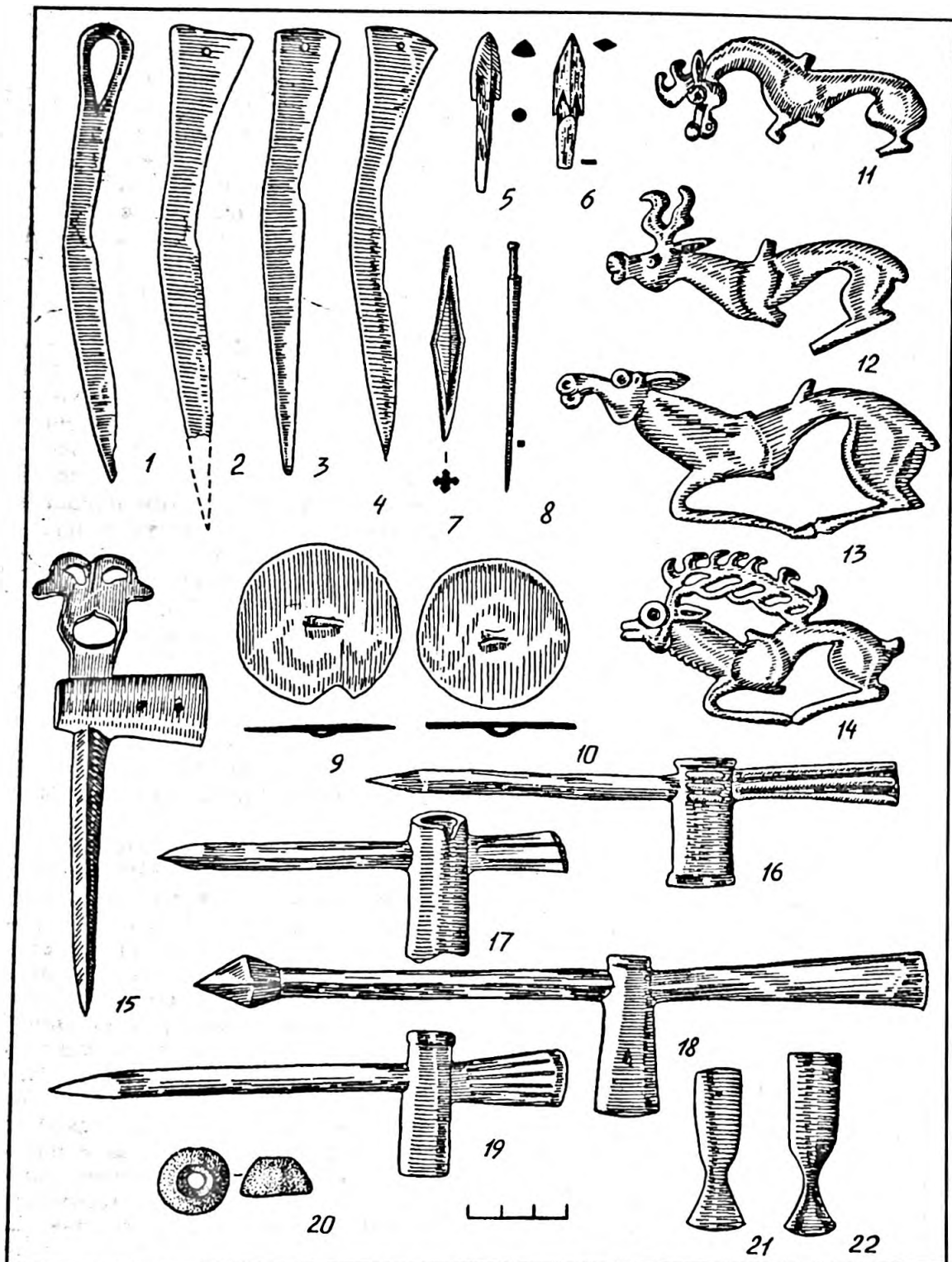

Рис.2. Медведка I, курган 6. Предметы сопроводительного инвентаря.
 4, 7, 8, 10, 17, 18, 20, 21, 23, 24 — могила I; 1, 2, 3, 5, 6, 9, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 19,
 22 — могила 2 (9 — кость, 21 — рисунок на керамике, остальное — бронза).

найлены фрагменты керамики, бронзовый вток (рис. 2,22), три оленные бляхи, лежащие в ряд у ЮЗ стенки сруба (рис. 2,13-15), нож с кольчатым навершием (рис. 2,3), шило, два зеркала (рис. 2,11-12), Бронзовые пронизки и полусферические бляшки, целые и во фрагментах. За СВ стенкой сруба находилось скопление костей, также, вероятно, происходящих из центрального погребения. Среди них найдены два бронзовых ножа (рис. 2,6) и шило в одном “комплекте”, бронзовый чекан (рис. 2,19). Ниже выброшенных костей на ограниченной площади размером 2,5 x 0,5 м находились остатки 10 скелетов, которые лежали непосредственно друг на друге. Преобладающая ориентировка их — головой на СЗ. Положение погребенных различно: верхние, на уровне верхних венцов сруба, вытянуты на спине; ниже них — на правом боку с подогнутыми ногами; еще ниже, на уровне нижних венцов сруба (одно погребение) — на животе, ничком, головой на ЮВ. С погребенными верхнего яруса найдены предметы сопроводительного инвентаря, аналогичные найденным внутри сруба — бронзовый нож (рис. 2,1), шило, оленная бляха (рис. 2,16), зеркало, бронзовые полусферические бляшки. За ЮВ стенкой сруба находилось три погребенных. Сверху два взрослых на спине, ориентированные головами в противоположные стороны — на СВВ и ЮЗЗ. Ниже них ребенок, головой на ЮЗЗ. В ногах детского скелета были положены вырубленные из грудной клетки ребра взрослого человека. Предметов сопроводительного инвентаря здесь не обнаружено. За ЮЗ стенкой сруба находилось 5 черепов и длинные кости, возможно, выброшенные из центрального погребения. Предметов сопроводительного инвентаря здесь также не найдено. За СЗ стенкой находились два погребенных, лежащих на животе и ориентированных в противоположном направлении — на ЮЗ и СВ. Под ними, на самом дне могильной ямы, находилось захоронение человека, лежащего на животе, лицом вниз, явно связанного при погребении, так что колени были вплотную подтянуты к подбородку, головой на ЮЗ. Никаких вещей с ним не обнаружено. Таким образом, в целом в мог.2 было похоронено около 30 человек, имевших различное положение, ориентировку и степень оснащенности предметами сопроводительного инвентаря, хотя точное количество погребенных из-за ограбленности центральной камеры установить трудно.

По комплексу предметов сопроводительного инвентаря, из которых наиболее показательны ножи с кольчатой и плоской трапециевидной рукояткой (рис. 1,1-4; 2,1-8), небольшие дисковидные зеркала с петелькой на обороте (рис. 1,9-10; 2,10-12), плоскообушные втульчатые чеканы (рис. 1,15-19; 2,19-20), “предметы неизвестного назначения”², оленные бляхи (рис. 1,11-14; 2,13-17) и др., раскопанные курганы, как и в целом могильник Медведка I, относится к сарагашенскому этапу тагарской культуры (по М.П.Грязнову — IV-III вв. до н.э.), скорее всего, к концу указанного периода. С такой датировкой согласны все исследователи, обращавшиеся к материалам земляных курганов тагарской культуры на юге Минусинской котловины.

Из своеобразных форм предметов, найденных в кург. 2, 5, 6 могильника Медведка I, можно отметить крупный чекан с утяжеленным ромбическим в сечении бойком (рис. 1,18), втки с лопаткообразной нижней частью (рис. 1,21-22; 2,22-24), кельт-лопатку из кург. 6 (рис. 2,18). Обращают на себя внимание разнообразные приемы стилистического оформле-

² Рисунки этих предметов см.: Савинов Д. Г. ПНН: новые материалы и наблюдения, рис. 1,2,3 в настоящем Сборнике.

Сводные данные по курганам 2,5,6 могильника Медведка I

	курган 2	курган 5		курган 6	
Размер насыпи (м)	21,5×17	22×17		20×16	
Высота насыпи (м)	0,7	0,8		0,65	
Количество камер	1	2		2	
Размеры покрытия (м)	6,5×4,5	могила 1	могила 2	могила 1	могила 2
		5,2×5,0	—	5,0×5,0	6,0×4,5
Количество плах покрытия	?	17, 13	—	16	16-17
Размер мог. ямы (м)	3,7×4,8	4,4×4,5	4,4×4,6	4,0×4,0	4,0×4,0
Глубина ямы (м)	1,6	1,85	2	1,6	1,55
Размер сруба (м)	3,0×4,0	3,6×3,6	3,6×4,0	3,75×3,75	3,5×3,0
Количество плах перекрытия	?	?	—	19-20	?
Количество плах пола	10	17-18	18 (?)	18-19	?
Количество венцов	?	2	2	3	3
Общее количество погребенных	16-17	7	7	20	30 (?)

ния оленних блях (рис. 1,11-14; 2,13-17), что, при условии относительной одновременности погребений, из которых они происходят, еще раз указывает на необходимость осторожного подхода к определению формально-типологических признаков при классификации подобного рода изделий. Керамика из раскопанных курганов (всего около 20 реконструируемых сосудов) отчетливо делится на два типа — крупные плоскодонные баночные сосуды и такой же формы сосуды на низком поддоне, которые условно могут быть названы “кубкообразными”. Орнаментация отсутствует или представлена тонкими горизонтальными желобками по верхней части сосудов, как тогоб так и другого типа. На одном из фрагментов венчика сосуда из кург.6, мог.1 тонкими линиями, сделанными еще по сырой глине, нанесено схематическое изображение лошади (?) — довольно редкая находка, представляющая традиционно-бытовое направление тагарского искусства (рис. 2,21).

С точки зрения погребального обряда, учитывая ограниченный характер полученной информации из-за сильной степени ограбленности курганов, наибольший интерес представляют: ситуация, прослеженная при расчистке ограды кург.5 — возможно, череп (или шкура) медведя были подвешены здесь на вертикально установленном столбе; полное сожжение погребальной камеры в кург.5, мог.2; хорошо сохранившиеся остатки тына (?) в кург.2; явная “комплектность” некоторых видов предметов сопроводительного инвентаря; “засрубные” захоронения в кург.6, мог.2. На стратиграфии и особенностях погребального обряда последних следует остановиться особо.

Сверху, на стенках и углах сруба, находились остатки скелетов, переброшенных при ограблении центральной камеры. Погребенные верхнего

яруса, находящиеся на уровне верхних венцов сруба, уложенные на спине и снабженные предметами сопроводительного инвентаря, по всем признакам близки погребенным в центральной части сруба и, скорее всего, одновременно наиболее поздним из них. Расположенные ниже и, соответственно, сделанные раньше, захоронения с иным положением погребенных (на правом боку с подогнутыми ногами, без предметов сопроводительного инвентаря), вероятно, относятся к другой (более древней?) группе населения, для которой была характерна такая погребальная обрядность. Погребенные нижнего яруса, находящиеся на уровне нижних венцов сруба и уложенные на животе ничком, также без предметов сопроводительного инвентаря, явно относятся к группе населения, занимавшей подчиненное положение. В одном случае (за СВ стенкой сруба) под ними ниже уровня пола лицом вниз, на животе, находился скелет связанного человека, скорее всего, “закладной жертвы”, сделанной еще до начала строительства погребальной камеры. На противоположной стороне, за ЮВ стенкой сруба, на этом же уровне находились детское захоронение и в ногах у него — часть грудной клетки взрослого человека, происхождение которых можно объяснить, исходя из этих же предположений. Одним из авторов данной статьи уже высказывалось мнение о принадлежности этих погребений социально-зависимым группам населения (Савинов, 1987а: 221), положение которых определяло не свойственные для тагарской культуры особенности погребального обряда.

Можно предполагать, что именно в это время в Южной Сибири закладывались основы общественных отношений, которые для более позднего времени были определены как система социально-этнического подчинения (Савинов, 1988).

Суммарная характеристика могильника Медведка I достаточно противоречива: например, в одинаковых по конструктивным особенностям погребальных сооружениях здесь встречается различное количество погребенных — от 2 (кург. 1, мог. 2) и нескольких десятков (кург. 6, мог. 1,2) до 50 (кург. 1, мог. 3) и даже более 100 (кург. 3, мог. 3) человек; наряду с весьма архаическими формами некоторых предметов (например, желобчатые застежки в кург. 3, мог. 1,2) фиксируется раннее появление обычаев сожжения погребальной камеры (кург. 5, мог. 2), расчленения трупа (кург. 6, мог. 2) и установки тына по дну могильной ямы (кург. 2,3). При этом однообразие большого количества бронзовых изделий и керамики, а также отсутствие четко выраженных миниатюр, не позволяет считать эти особенности хронологическими. Не случайно, очевидно, и явное проявление социально-этнической стратификации, отразившейся в “засрубных” захоронениях в кург. 6, мог. 2. Скорее всего, материалы могильника Медведка I, как и других памятников этого времени на территории Означенской оросительной системы, показывают, что чрезвычайно сложные и пока еще малоизученные этнокультурные процессы, предшествующие хуннскому завоеванию в Южной Сибири, раньше охватили южные районы Хакасии, что, возможно, и определило их своеобразие по отношению к другим районам распространения тагарской культуры.

Dm. G. Savinov, V. I. Molodin, N. V. Polosmak

**MEDVEDKA — I — A BURIAL MOUND
OF SARAGASHAN TYPE IN SOUTHERN KHAKASIA**

The article gives information on three burial mounds "Medvedka — I" (IV-III c, c, BC) excavated by the authors in 1981 and 1985. Each burial mound contained several interments in which a great number of clay vessels, bronze implements and objects of art were found. Of special interest are the accompanying interments of socially subordinated individuals displaying a high level of social differentiation. The data received together with the other information testifies to the existence of an original local variant of the Tager culture in Southern Khakasia.

А. В. Субботин

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПЕРИОДИЗАЦИЙ ТАГАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В истории изучения тагарской культуры едва ли не самой сложной и спорной является проблема ее хронологии и периодизации. Количество научных работ, в той или иной степени затрагивающих данную тему, чрезвычайно велико, причем предметом для высказывания авторами своих взглядов являются как динамика развития культуры, то есть определенная последовательность смены ее “этапов”, “стадий”, “периодов” либо “хронологических групп”, так и вообще время существования всей культуры в целом.

Так, начальная дата в разных работах колеблется от X века до н.э. (Киселев, 1929: 257-266; Мартынов, 1967: 37) до VI века до н.э. (Мартынов, 1979: 74), хотя большинство ученых сходятся на утверждении, что VII век можно считать временем начала формирования культуры. В последнее время, в связи с раскопками кургана Аржан и ряда раннескифских памятников в Европейской части СССР, сначала М.П.Грязнов (1983: 3,10), а затем и еще ряд исследователей предложили углубить начальную дату тагарской культуры до VIII или даже IX вв. до н.э. (Боковенко, 1986: 18; Курочкин, 1989б: 63).

Не менее дискуссионным представляется вопрос о времени завершения существования культуры. Некоторым исследователям оно представляется в конце III века до н.э. (Кызласов, 1960: 25; Членова, 1964; Мартынов, 1979: 86 и др.), тогда как другие авторы относят его к рубежу нашей эры (Грязнов, 1968: 187) или к началу нашей эры (Теплоухов, 1929: 49). По мнению Э. Б. Вадецкой — возможно даже III н.э. (Вадецкая, 1983: 55), хотя эта дата только для северных районов распространения тагарской культуры.

Последняя точка зрения, однако, была впоследствии подвергнута резкой, но достаточно обоснованной критике (Максименков, 1985: 293).

Крайне разноречивые суждения выявляются также при сопоставлении всех имеющихся схем периодизации с точки зрения сравнения количества предложенных разными авторами этапов, хронологических границ каждого этапа и, наконец, терминологии (этап, стадия, период, хронологическая группа).

С. В. Киселевым число этапов определяется тремя, а если точнее, то даже двумя, так как сам исследователь третью стадию культуры называет переходной и считает, что собственно тагарская эпоха в Хакасско-Минусинской котловине закончилась в III веке до н.э. (Киселев, 1951: 276-282, 472). В ленинградской школе Сибирской археологии наблюдается увеличение количества этапов до семи (Комплекс..., 1979: 4) или даже восьми, поскольку М. П. Пшеницына в своей диссертации предложила разделить тесинское время на два периода (Пшеницына, 1975а: 25). Таким образом, сложилась ситуация, при которой для тагарской эпохи оказалась определенной на столетием отрезки с чрезвычайно слабо обоснованными критериями их выделения.

Здесь следует вспомнить по аналогии одну работу Н. Л. Членовой (1964), где эпоха с VII по III вв. до н.э. была разбита автором на пять частей по веку каждый. Явно выраженная классификационная направленность многих работ этого исследователя отмечалась не раз (Кызласов, 1979: 8; Вадецкая, 1986б: 101). К тому же при анализе тагарского инвентаря этот формально-типологический подход может быть логически оправдан только в том случае, если он продиктован желанием на основе столь дробной периодизации и относительной хронологии создать по возможности более подробную хронологию тагарского материала. Для периодизации всей культуры он явно ошибочен.

Механистичность и необоснованность схемы, в которой на 8 веков существования культуры приходится восемь же сменяющих друг друга этапов уже отмечалась некоторыми авторами (Субботин, 1979: 53; Кузьмин, 1987а: 68).

Подытоживая краткий обзор различных мнений и суждений о хронологии культуры, можно констатировать, что время ее бытования определяется разными авторами либо тринадцатую (X век до н.э. — III век н.э.), либо четыремя (VI—III века до н.э.) веками, а количество этапов насчитывает от двух до восьми. Столь значительное расхождение практически по всем вопросам динамики изменения тагарской культуры можно попытаться объяснить следующими причинами:

а) Явно выраженным эволюционным подходом к истории культуры без учета всего многообразия явлений, отраженных в археологическом материале.

б) Использованием для типологических построений результатов раскопок отдельных курганов в разных могильниках и механическим смешением материалов из них. При этом игнорируется своеобразие каждого памятника или группы памятников. В связи с последними исследованиями (появление материалов из целиком раскопанных могильников) это обстоятельство может стать решающим и ключевым в решении всего комплекса проблем периодизации в новом, более объективном русле.

в) Априорно принятым мнением, что развитие и изменение отдельных видов вещей в тагарской культуре шло строго параллельно западным, в частности скифским и ананьинским. Однако это положение никем не доказано и мало того, материал, особенно добытый в последнее время, его не подтверждает.

г) Широким привлечением серий случайных находок, в большей мере слабопаспортизированных, подавивших в ряде случаев курганные комплексы. На существенные отличия между этими двумя массивами тагарского вещественного материала в последнее время начинают обращать внимание (Субботин, 1989).

д) Отсутствием в большинстве работ, где в той или иной мере затрагивается вопрос хронологии и периодизации, четко выраженной позиции автора к предыдущим работам на эту тему. За редким исключением (Кузьмин, 1987а: 68-71) критический разбор и анализ предшествующих работ не делается.

В последние десятилетия, в связи с лавинообразным ростом археологического материала, который произошел в основном в результате работ крупных новоэпохных экспедиций на юге Сибири, вновь полученные данные зачастую вступают во все более серьезные противоречия с известными схемами периодизации. Появление целиком исследованных памятников позво-

лило убедиться, что в каждом из них присутствуют вещи одного назначения, но отличающиеся существенными деталями. В одном и том же могильнике и даже порой в одном комплексе встречаются вещи как ранние, так и свойственные более позднему времени. Существуют типы и варианты типов погребального инвентаря, характерные только для одного памятника.

Огромный рост количества материалов и новых полевых наблюдений выявил, что существующие схемы периодизации тагарской культуры сейчас уже отражают лишь умение исследователя разобраться в этом материале и разделить его по хронологическим группам, скорее необходимые на первом этапе изучения культуры, нежели раскрывающие истинные перемены в развитии тагарского общества. В настоящий момент задача создания периодизации культуры по-прежнему остается актуальной и первоочередной. Однако решаться она должна в новом, значительно более широком материале и, в основном, опираясь на монографически раскопанные могильники. Четкая типология всего инвентаря и погребальной архитектуры, системный подход к массовой обработке данных ЭВМ дадут возможность проследить эволюцию тагарского инвентаря и выявить особенности каждого более или менее полно раскопанного могильника даже во временных границах одного периода, не говоря уже о том, что при сопоставлении памятников разных этапов, может проявиться динамика развития всей культуры, подлинных, наиболее важных, перемен в ее истории. Безусловно, столь объемная работа требует предварительной критики источников, то есть подробного анализа всех известных ныне периодизаций как с точки зрения методологии каждой из них, так и в аспекте сопоставления и сравнения всех схем между собой.

В каждой из периодизаций очередной этап, стадия, период или хронологический отрезок характеризуется определенным, как правило, только этому времени присущим набором черт погребального обряда, сопроводительного инвентаря, над- и внутримогильной архитектурой и т.д., причем характер изменений, их динамика и количество практически никем из авторов не рассматриваются и не анализируются. Между тем, даже исходя из перечня признаков (там где он имеется) выделяемых этапов, можно сделать вывод о неравнозначности перемен в погребальной обрядности и инвентаре в течении всего времени бытования тагарской культуры. Опираясь только на сравнение между собой приведенных в описаниях этапов признаков можно убедиться, что наиболее существенные и весомые отличия разделяют тагарские памятники на две большие хронологические группы с рубежом, приходящимся на середину I тыс. до н.э. Смена признаков, характеризующих культуру на том или ином этапе как до V века до н.э., так и после него, по мнению многих исследователей, носила скорей "эволюционный", нежели "революционный" характер.

Кардинальные изменения, произошедшие в V веке, не ограничиваются появлением оленных блях, наиболее известных всем исследователям, а также широким распространением "алтайского стиля" и сменой популярных образов изображаемых животных. Так например, в числе находок перестает встречаться изображение свернувшейся пантеры. По мнению М. П. Завитухиной, в Хакасско-Минусинской котловине в V веке формируется новое направление в искусстве (Завитухина, 1983: 23-24), характеризующееся новыми сюжетами, стилистическими приемами, композиционным построением и ритмическим строем. Уходит статичность изображаемых животных и массивность их форм.

Начиная с этого времени тагарцы резко изменяют многие черты погребального обряда. На смену индивидуальным могилам, сооруженным, как правило, в каменных ящиках или прямоугольных могилах с небольшими в 1 венец рамами по дну, приходят коллективные захоронения в больших, в основном квадратных, ямах с мощными, иногда до 5-6 венцов срубами и до 3 накатов бревенчатыми перекрытиями. Массивная каменная плита над могилой уступает место каменному перекрытию из мелких плит песчаника. Вход в ограду, где он есть, переносится с восточной ее стены на западную, исчезают контрфорсы, а сама ограда становится менее тяжеловесной. Количество угловых и простеночных камней достигает 8-12 штук. Многими исследователями отмечается значительное увеличение высоты насыпи. Начиная с сарагашенского времени, курганы становятся метровой и более высоты. Именно в V веке до н.э. появляются первые следы огня в могилах, впервые используется береста для перекрытия и доски для пола ямы, хотя все эти признаки получили широкое распространение позднее.

Существенным образом меняются практически все категории тагарского инвентаря. Не говоря о начавшейся с этого времени миниатюризации бронзовых предметов и появлении первых биметаллических и железных кинжалов и чеканов, в могилах начинают встречаться ножи с трапецевидной и ажурной ручками, новые типы бронзовых стрел, втоков, чеканов, кинжалов, шильев. В то же время, среди погребального инвентаря исчезают кинжалы с прямым перекрестьем, ножи с "аркой на кронштейне" и вкладышевые ножи, гвоздиковые шилья и некоторые другие типы вещей, характерные для баиновско-подгорновского времени. Диаметр зеркал уменьшается с 8-12 до 5-7 см. В тагарских комплексах, хоть и крайне редко, но начинают встречаться предметы конского убора, находят котлы так называемого семирченского типа — то есть предметы, которые по мнению некоторых исследователей, могут иметь восточно-казахстанское происхождение (Члепова, 1967; Мартынов, Алексеев, 1986: 36). По мнению последних авторов, с V века у тагарцев начинает оформляться культ огня (там же). Значительно изменяется тагарская керамика (Подольский, 1980: 131). На ней почти полностью пропадает орнаментация, появляются первые сосуды на поддоне. В бронзовых изделиях мышьяк вытесняется оловом (Пяткин, 1977: 32). Недостаточность антропологического материала, серьезные расхождения археологов по поводу границ и количества этапов, а также малая величина краниологических отличий не позволила А. Г. Козинцеву получить четкие представления об особенностях физического типа на каждом этапе существования тагарской культуры, но, тем не менее, позволило ему разделить материал на две группы с рубежом в самом конце VI-V веках до н.э. (Козинцев, 1977: 43), что лишь подтверждает известные археологические данные.

Отмечаемые многими исследователями неравномерность изменений в динамике развития тагарской культуры, относительная устойчивость традиций на баиновском и подгорновском этапах — если пользоваться периодизацией М. П. Грязнова — и резкие изменения, произошедшие в начале сарагашенского времени (Вадецкая, 1986б: 83; Киселев, 1951; Мартынов, Алексеев, 1986: 36), находят некоторое косвенное подтверждение при анализе всех пятнадцати предложенных схем периодизации. В одиннадцати из них, то есть в абсолютном большинстве, на начало или середину V века до н.э. падает рубеж между этапами. Ни один другой век существования та-

гарской культуры, сколько бы их ни было, не признается этапным столь единодушно.

Еще одним фактом, свидетельствующим о большей значимости перемен, произошедших в середине I тыс. до н.э., чем в другое время, является достаточно широкое применение в работах по тагарской культуре таких терминов как “раннетагарский! — объединяющий либо баиновский и подгорновский, либо касающийся только подгорновского этапа, или “ранняя стадия тагарской культуры” (Курочкин, 1989б: 64). В последнем термине подразумевается тот же период. Общераспространенными можно назвать и следующие сочетания: “развитый тагар”, “позднетагарский”, “среднетагарский”, в основном затрагивающие только сарагашенское, но нередко также и тесинское время, что зависит от позиции автора по вопросу о принадлежности последнего к скифской или гунно-сарматской общностям. Так, в одной из недавних работ все упомянутые термины были применены к 3 этапам культуры с рубежами в V и III веках до н.э. (Кузьмин, 1987а: 71).

Представленная в данной работе таблица включает в себя около 50 признаков, наиболее часто упоминаемых в работах по периодизации тагарской культуры для характеристики этапов. Существование во времени того или иного из этих признаков, несмотря на некоторые разночтения у исследователей в деталях, как видно из таблицы, наглядно отражает неравнозначность перемен, произошедших в культуре за всю историю ее существования. (Таб.1)

Почти полная смена основных черт погребального обряда в середине I тыс. до н.э., появление новых типов сопроводительного инвентаря и кардинальное изменение над- и внутримогильной архитектуры, безусловно, свидетельствует об иных религиозных представлениях и общественных отношениях, а также социальной структуре тагарского общества, появившихся в V веке до н.э. Довольно значительные перемены произошли также на рубеже III и II вв. до н.э. Что касается раннетагарских памятников, то можно сказать, что в последнее время наметилась тенденция к выделению баиновского этапа в отдельный переходный карасук-тагарский этап, однако эта проблема является другой, достаточно сложной темой и выходит за рамки нашей работы.

К вопросу о развитии всей тагарской культуры в целом, а также динамике и этапности ее изменений относятся данные подсчетов, проведенные автором данной работы и касающиеся роста численности тагарского населения. Вне всякого сомнения они имеют во многом приблизительный характер, но, тем не менее, их результаты в какой-то мере отражают реальные изменения, которые произошли в культуре на сарагашенском этапе.

Подсчеты проводились по опубликованному недавно своду памятников Хакасско-Минусинской котловины (Вадецкая, 1986б), где были учтены данные раскопок тагарских объектов более чем за 250 лет. Эта выборка довольно объективно отражает реальное соотношение и изменение численности населения на разных этапах тагарской культуры, учитывая, что полевые работы проводились очень длительное время многими авторами (св.30) с разными научными интересами и приоритетами.

Результаты подсчетов представлены в таблице 2.

Каким бы ни было объяснение столь значительного (почти семикратного) увеличения количества тагарцев (миграцией, демографическим взрывом, сменой ведущего образа хозяйственной деятельности) сам этот факт, даже если сделать большую скидку на неточность расчетов, свидетельству-

Таблица 1

	БАЙНОВСКИЙ	ПОДГОРНОВСК.	САРАГАШЕН.	ТЕСИНСКИЙ
ОГРАДЫ ВЫСОКИЕ	—	—	—	—
ОГРАДЫ НИЗКИЕ	—	—	—	—
ПРЯМОУГОЛЬНАЯ МОГИЛА	—	—	—	—
КВАДРАТНАЯ МОГИЛА	—	—	—	—
КАМЕННЫЙ ЯЩИК	—	—	—	—
КАМЕННОЕ ПЕРЕКРЫТИЕ	—	—	—	—
ДЕРЕВЯННОЕ ПЕРЕКРЫТИЕ	—	—	—	—
СРУБ	—	—	—	—
ПОДСТИЛКА ПО ДНУ	—	—	—	—
ДОЩАТЫЙ ПОЛ В МОГИЛЕ	—	—	—	—
БЕРЕСТА	—	—	—	—
ОГОНЬ В МОГИЛЕ	—	—	—	—
ОРИЕНТИРОВКА НА ЗАПАД	—	—	—	—
ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ	—	—	—	—
КОЛЛЕКТИВНЫЕ	—	—	—	—
МАСКИ	—	—	—	—
КОСТИ ЖИВОТНЫХ	—	—	—	—
ВОТИВНАЯ БРОНЗА	—	—	—	—
МЫШЬЯКОВИСТАЯ БРОНЗА	—	—	—	—
ОЛОВЯНИСТАЯ БРОНЗА	—	—	—	—
ЖЕЛЕЗО	—	—	—	—
ТРАПЕЦИВИДНЫЕ НОЖИ	—	—	—	—
НОЖИ С АРКОЙ НА КРОНШ.	—	—	—	—
НОЖ С ТОНКИМ КОЛЬЦОМ	—	—	—	—
ШИЛО С 1 ШЛЯПКОЙ	—	—	—	—
ШИЛО С 2 И 3 ШЛ.	—	—	—	—
ЧЕКАНЫ ГРАНЧАТОБУШ.	—	—	—	—
ЧЕКАНЫ ПЛОСКОБУШ.	—	—	—	—
ЧЕКАНЫ ФИГУРНЫЕ	—	—	—	—
ЗЕРКАЛА Д. 8—12 СМ	—	—	—	—
ЗЕРКАЛА Д. 5—7 СМ	—	—	—	—
ЗЕРКАЛА МЕДАЛЕВИДНЫЕ	—	—	—	—
ШТАНДАРТЫ	—	—	—	—
ОЛЕНИ	—	—	—	—
НАВЕРШИЯ	—	—	—	—
КИНЖАЛЫ С ПРЯМЫМ ПЕРЕКР.	—	—	—	—
КИНЖАЛЫ С БАБОЧКОВИДН. ПЕР.	—	—	—	—
СТРЕЛЫ ВТУЛЬЧАТ. КОСТ.	—	—	—	—
СТРЕЛЫ ЧЕРЕШКОВ. КОСТ.	—	—	—	—
СТРЕЛЫ ЗАЖИМНЫЕ КОСТ.	—	—	—	—
ОРНАМЕНТАЦИЯ СОСУДОВ	—	—	—	—
СОСУДЫ НА ПОДДОНЕ	—	—	—	—
СОСУДЫ СО СЛИВОМ	—	—	—	—

ет о крупных изменениях в тагарской культуре, произошедших в середине I тыс. до н.э.

Таблица 2

Этапы	Баиновский	Подгорновский	Сарагашенский
пункты	54	113	86
курганы	170	435	200
могилы	370	1000	400
количество людей	400	около 1000	около 7000

Примечание: Данные по тесинскому этапу не внесены в таблицу из-за невозможности определить число захороненных в могилах с сожжением.

S. A. Subbotin

THE PRELIMINARY ANALIZ OF TAGAR'S CULTURE PERIODISATIONS

Periodisation or hronological classification is a most important question in the research of the tagar culture. Now we have about twenty versions of Tagar culture's dinamic. Analysis of the whole schemes show us, that author of periodisations use for a describe of culture stages no more, when fifty sings in the diverse combinations. The list with all of these sings display, that considerable alterations for the most part took place in tagar culture only at the end of "podgor-novo", and begining of "saragasch" stages. The development of culture before this moment, and after it is characterized more as evolution.

Г. Н. Курочкин,

П. Г. Павлов

ПОСТ-ТАГАРСКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ТЕРРАКОТА

В 1987 г. Новоселовским отрядом Средне-Енисейской экспедиции под руководством Г. Н. Курочкина был исследован последний, третий курган могильника Толстый Мыс V. Могильник тагарской культуры Толстый Мыс V, состоявший из 3-х больших курганов, был расположен к северо-западу от шоссе Абакан-Красноярск, в 2-х км от поворота с трассы на дорогу к пос. Толстый Мыс Новоселовского района Красноярского края и далее к пос. Шира. Курганы 1 и 2 этого могильника раскопаны Средне-Енисейской экспедицией Ленинградского отделения Института археологии АН СССР в 1984 г. Курган 1 содержал под насыпью высотой 3 м квадратную, сложенную из плитняка, ограду 20×20 м и в ней три могильных ямы с коллективными захоронениями, с большим количеством погребального инвентаря — керамики, бронзовых изделий, украшений, а также уникальной коллекцией деревянных предметов. Две камеры по инвентарю отнесены к сарагашенскому этапу тагарской культуры — конец VI-IV вв до н.э., а третья, сожженная и содержащая бронзовые миниатюрные модели вещей — к т.н. лепешкинскому этапу (конец IV-III вв. до н.э.) (Курочкин, 1988). Курган 2 (или Большой Новоселовский курган) под насыпью высотой 4,5 м содержал каменную крепиду 35×35 м, внутри которой находилась могильная яма 6×6 м и глубиной 3 м. В погребальной камере сложной конструкции сохранились останки нескольких знатных покойников — в основном мужчин зрелого возраста — и большое количество золотых украшений (Курочкин, 1989б). Курган принадлежит тагарской племенной знати и по аналогиям в богатых алтайских курганах пазырыкского этапа может быть датирован IV - началом III вв. до н.э.

Третий курган расположен в 1,5 км к югу от кургана 1 и в 650 м к ЮЗ от кургана 2. Диаметр насыпи 30-35 м и высота 3 м. Под насыпью выявлена прямоугольная в плане ограда размером 23×25,5 м высотой до 0,9 м из плит известняка, положенных горизонтально. Вертикальных камней в ограде не было. Пространство внутри ограды было заложено дерном на высоту 4-5 м. Впоследствии земляные конструкции оплыли и образовалась насыпь с пологими склонами. Впускных погребений в насыпи не было.

В центре ограды расчищено деревянное покрытие могильной ямы 9×10 м. Перекрытие состояло из бревен в два наката (верхний — в направлении СЗ-ЮВ, нижний — СВ-ЮЗ) и было покрыто травой и хворостом, а затем несколькими слоями бересты. К юго-западу от могилы находится вход для последовательного захоронения: на лежащие на краю ямы полубревна поставлены два "пилона" из вертикальных бревен высотой 1,6 м по 9 бревен (3×3) в каждом "пилоне". Между "пилонами" — проем шириной около 1 м. "Пилоны" зафиксированы бревнами верхнего наката и перекрыты настилом из бревен. Погребальная камера с последовательными коллективными захоронениями и вход в нее функционировали долго, так что полубревна на полу входа диаметром до 50 см оказались растоптанными до земли. Вход был закупорен каменной "пробкой".

Внутри могильной ямы 6×6 м (по низу — 5,5×5,5 м) и глубиной 3 м был сооружен невысокий (в один ряд бревен диаметром 0,3 м) сруб-рама с полом из тонких плах поверх бересты. После того как пространство внутри сруба заполнилось погребенными, поверх бревен сруба была положена в середине проема поперечная плаха в направлении СЗ-ЮВ, а затем настил из плах в направлении СВ-ЮЗ (этот настил обозначен далее как “полати”). После этого был наращен еще один венец сруба. В западном углу за срубом выявлен тын из вертикальных бревен.

При разборке останков покойников на полатах в восточном углу расчищен единственный сохранившийся скелет взрослого человека, лежавшего на спине, головой на С. Череп набит травой (следы мумификации). Нигде более — ни на полатах, ни на полу — не обнаружено целых костяков, только в редких случаях прослеживаются отдельные связки костей — позвоночный столб, рука или нога в сочленении. Как правило, почти везде фиксируется только спрессовавшийся костяной прах в виде однородной массы. Судя по некоторым признакам (остатки нескольких гипсовых масок, травяная масса в заполнении черепов), покойники перед захоронением мумифицировались, кроме того реконструировался их внешний облик (изготавливалась кукла, манекен). Костяки перед этим подвергались каким-то процедурам, скорее всего вываривались, и именно этим объясняется плохая сохранность останков погребенных.

Пространство могилы, за исключением впущенного с верха насыпи грабительского лаза, нарушившего в центре покрытие могилы, оказалось непо потревоженным, за исключением нескольких предметов, перемещенных в процессе последовательного захоронения. Глиняная посуда представлена небольшими моделями котлов на поддоне с 2-мя ручками у венчика, чашами на поддоне или без него, т.н. “курильницами” — небольшими сосудами округлой или прямоугольной формы с перегородкой внутри. Сосуды иногда имеют косые вдавления под венчиком, наклепные валики, каннелюры или бороздки. Найдены также керамические круги диаметром 6–8 см с концентрическим орнаментом, назначение которых неизвестно. Обнаружено большое количество фрагментов крупных железных изделий; по наиболее сохранившимся экземплярам можно сделать вывод, что железные вещи в основном были представлены кинжалами и ножами с кольчатым навершием. Иногда по отпечаткам дерева видно, что кинжалы находились в ножнах. Из бронзовых изделий следует назвать серию зеркал двух разновидностей — традиционные для тагарской культуры зеркала с петельчатой ручкой на оборотной стороне и т.н. “медалевидные”, которые в Средней Азии, например, распространяются с усуньского времени, т.е. с III века до н.э. В районе пояса одного из погребенных найдены бронзовые подвески в форме пирамидок. Найдены три ажурных “штандарта”, надевавшихся на деревянные древки; изображения ковлов на этих “штандартах” отсутствуют. Найдены миниатюрные бронзовые модели ножей, кинжалов и чекана. Обнаружены значительное число бус из бирюзы, нефрита, сердолика (в т.ч. большая круглая с протравленным зигзагом), альмандина, одна бусина из золота (полный шарик), но более всего из стекла. Найдена бронзовая бляшка с умбоном.

Наиболее примечательной категорией находок является большая серия поделок из обожженной глины. Среди них — небольшие конусовидные “пуговицы” (рис. 1,15) или более крупного диаметра уплощенные бляшки (рис. 1,18); последние найдены в районе головы и связаны с головным

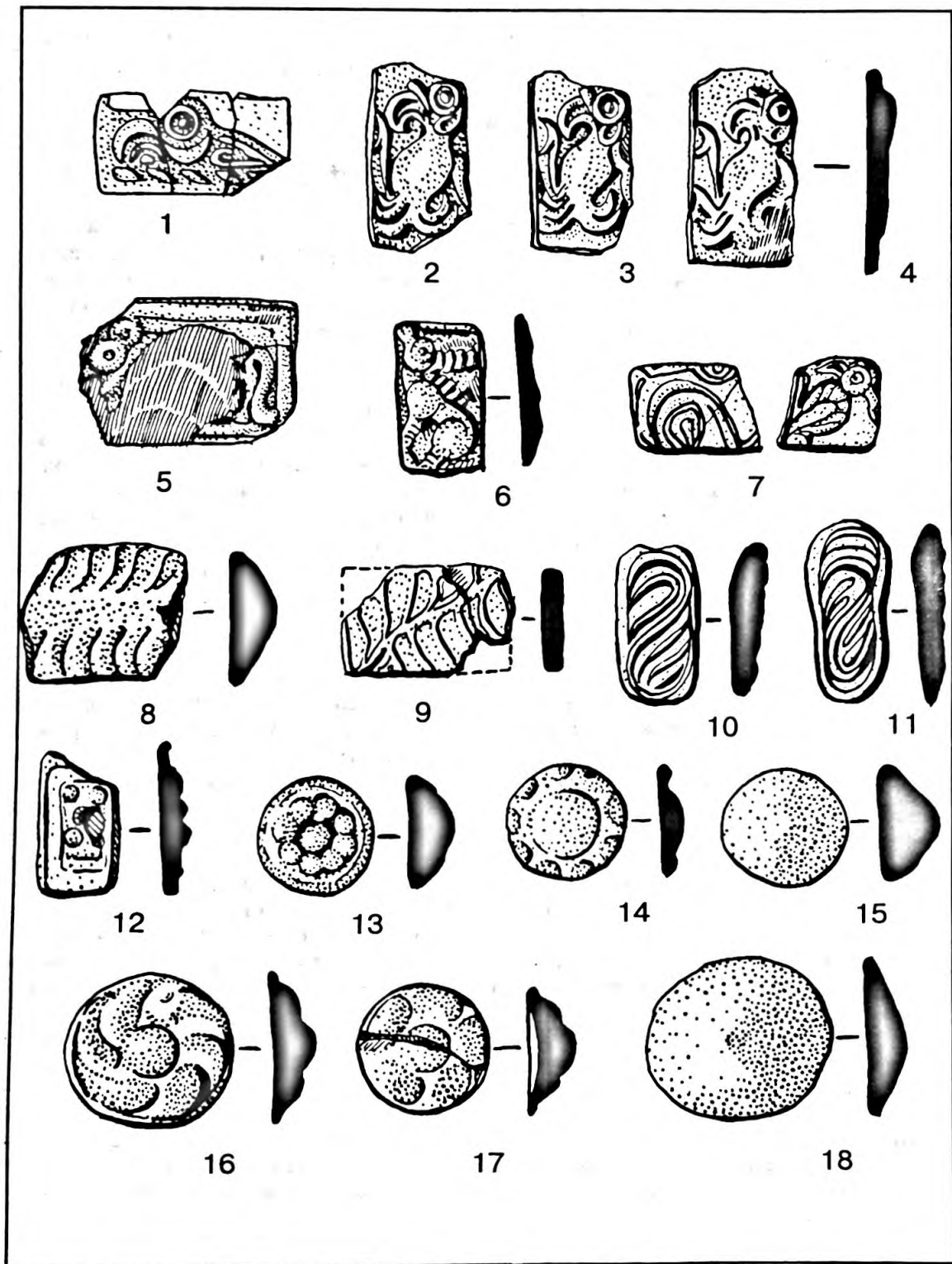

Рис.1. Глиняные плакетки и пуговицы из кургана 3 могильника Толстый Мыс V (раскопки Г.Н.Курочкина, 1987 г.).

убором. Иногда круглые бляшки имеют более сложную форму и украшены в центре и по краю выпуклинами или рельефным узором в виде вихревой розетки (рис. 1,13,14,16). Чаще всего встречаются овальные плакетки с рельефным узором в форме латинской буквы "S" (более 20 целых и, кроме того, фрагменты); в одном случае ряд таких плакеток найден среди нижних позвонков и тазовых костей, т.е. скорее всего был связан с оформлением пояса. Иногда терракотовые пластинки украшены растительным узором (рис. 1,8,9). Наибольшее внимание привлекают пластинки с изображением животных — в одном случае это стоящий или идущий хищник (рис. 1,5 — к сожалению, в середине пластинка вышерблена еще в древности и потому на изображении можно различить только ухо и глаз, а также заднюю лапу и хвост), но чаще всего встречаются изображения фантастического существа — ушастого грифа. Имеется с десятков рельефных изображений этого существа целиком, с лапами и хвостом на плакетках прямоугольной формы, а также некоторое количество фрагментов таких плакеток (рис. 1,2-4). Судя по деталям, эти изображения оттиснуты несколькими штампами. Имеется одна пластинка с более уплощенным рельефным изображением головы ушастого грифа (рис. 1,1). Найдены также изображения козла в высоком рельефе (одна целая плакетка и два обломка (рис. 1,6). Есть несколько фрагментов плакеток с неясными (зооморфными или вегетативными) сюжетами. Многие из пуговиц и плакеток первоначально были покрыты слюдой золотистого цвета, вероятно, имитирующей золотое покрытие и позднее осыпавшейся.

В целом, по конструкции погребального сооружения и инвентарю курган 3 могильника Толстый Мыс V продолжает традиции, характерные для тагарской культуры, в частности, для двух более ранних курганов этого могильника, но хронологически он относится уже к переходной, тагаро-таштыкской или тесинской эпохе, с которой связано проникновение на юг Сибири какого-то нового поселения. Ориентировочно мы датируем этот курган в диапазоне между концом III — началом I вв. до н.э. и считаем его раннетесинским по дате, но принадлежащим остаткам тагарского населения.

Впервые глиняные пуговицы и пластинки с геометрическим или растительным узором были обнаружены сто лет назад при раскопках Большого Тесинского и Уйбатского курганов. Большой Тесинский курган, раскопанный в 1889 г. И. Аспелиным и опубликованный А. М. Талльгреном (Tallgren, 1921; см. также: Дэвлет, 1961), имел большую, сложной конструкции, камеру, в которой погребено свыше 100 человек. Среди инвентаря в публикации упомянуты железные предметы (топор, ножи, кинжалы, крюк), бронзовые медалевидные зеркала, булавки, покрытые золотой фольгой, 4 золотые серьги, стеклянные бусы, глиняные фигурки животных и т.д. (см. табл. 1), а также бляшки из глины и коры, покрытые золотой фольгой (не исключено, что за фольгу было принято слюдяное покрытие золотистого цвета). Глиняные бляшки из Большого Тесинского кургана представлены на рис. 2,1,4,7 — это овальные плакетки с растительным или геометрическим орнаментом и пуговица с 8-ю выпуклинами по окружности и одной в центре.

В 1889-90 гг. Д. А. Клеменцом был раскопан траншеей большой курган Уйбатского чаатаса. В могильной яме площадью около 60 м² с деревянно-берестяными конструкциями, наряду с железными изделиями, миниатюрными бронзовыми удилами, золотой серьгой и пуговицей, обломками гипсовых масок, найдены также украшения из глины в форме продолгова-

тых пластинок "с орнаментом в виде изогнутых ветвей и листьев", обложенные слюдой и листочками золота, а также глиняные розетки с 4-мя и 7-ю лепестками, выпуклые пуговицы и другие фрагменты (Архив ЛОИА АН СССР, ф.1, 1888-89, д.23).

Спустя значительный промежуток времени аналогичные изделия — круглые с выпуклинами и конусовидные пуговицы, а также овальные с геометрическим декором пластинки — были обнаружены при раскопках Шестаковского могильника лесостепного варианта тагарской культуры. К сожалению, качество публикации оставляет желать лучшего. Даны только грубые схематические прорисовки овальных терракотовых пластинок из 2-го кургана со спиральным, S-видным и скобчатым орнаментом (Мартынов и др., 1971, рис. 11). В этом же кургане (мог.1) имеются железные предметы, бронзовые модели вещей и в т.ч. котелок-курильница, золотые сережки, глиняные котловидные сосуды и чаша с перегородкой (курильница), костяные головки медведя и птицы и т.п. В разграбленной могиле кургана 9 вместе с некоторыми железными изделиями найдены также конусовидные пуговицы и бляшки с выпуклинами, сделанные из обожженной глины (Мартынов и др., 1971, рис. 85-86). Большие керамические пластины с отверстиями для крепления, моделирующие какие-то элементы одежды или доспеха, найденные в этом кургане, имеют близкие аналогии в материалах Иволгинского городища, где датируются II-I вв. до н.э. (Мартынов, 1979: 88 и табл.37).

В 1977 г. среди прочих памятников у горы тепсей, красноярской экспедицией ЛОИА АН СССР был раскопан большой курган тесинского времени Тепсей XVI. В склепе этого кургана М.Н.Пшеницыной найдены некоторые глиняные украшения, в частности, круглая, с выпуклинами бляшка (данные об этом кургане см. в табл.1) (Комплекс..., 1979: 83).

Наибольшее число глиняной бижутерии было найдено в 1982 г. Э. Б. - Вадецкой при раскопках кургана в с. Береш Шарыповского района Красноярского края (рис. 2). Среди этих украшений наибольший интерес представляют плакетки с зооморфными изображениями, в частности, фигурами кошачьих хищников (рис. 2,3,6). Некоторые из пластинок на первый взгляд украшены растительным орнаментом, но при более внимательном рассмотрении возникает вопрос, а не могут ли подобные изображения быть стилизованными, превратившимися в орнаментальную схему, фигурками птицы (рис. 2,2,5; ср. рис. 1,2-4). Благодаря тому, что в Берешском кургане хорошо сохранилась органика, удалось установить назначение продолговатых плакеток, которые рядами крепились на погребальное покрывало, в которое заворачивали мумифицированного покойника (Вадецкая, Гультов, 1986: 98, рис. 5). В этом кургане найден такой же инвентарь, что и в других раннетесинских склепах, но особенно много было обнаружено деревянной посуды (корытца, плошки), найден также роговой псалий.

К сожалению, декоративные глиняные пластинки из второго, запаханного кургана в с.Береш сохранились плохо (Субботин, 1983). Курган интересен тем, что в нем, наряду с типично тесинскими предметами (например, 8-образные железные пряжки), имеются вещи, характерные для среднего, сарагашенского этапа тагарской культуры (штандарт с козлами, коромыслообразный предмет с головками коней на концах, золотые бляшки с изображением козла).

Пока до сих пор остается неопубликованным Лисий курган, исследованный в 1983-84 гг. П.Г.Павловым в окрестностях с.Сабинка Бейского

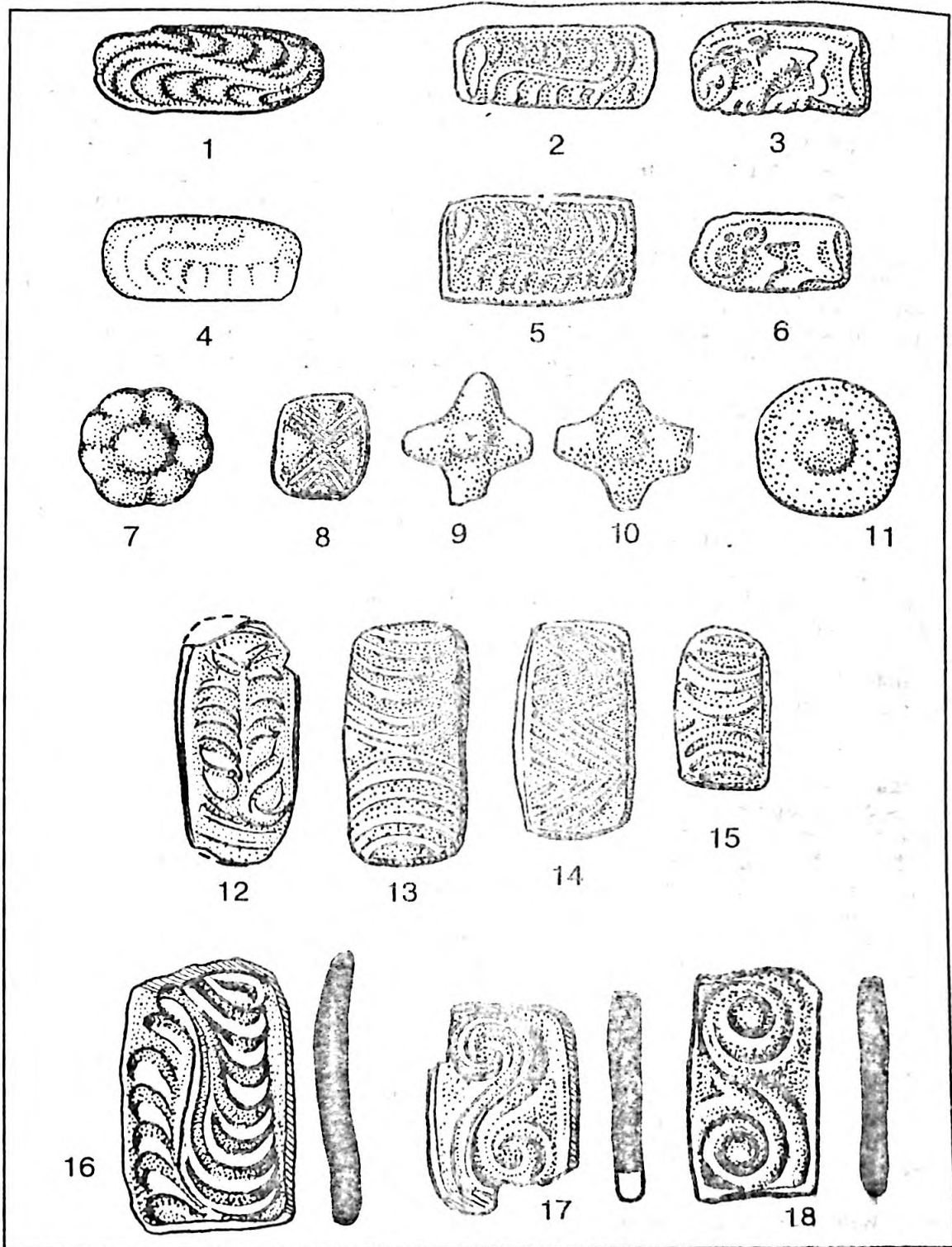

Рис.2. Глиняные плакетки и пуговицы из различных курганов Южной Сибири:
 1, 4, 7 — большой Тесинский курган (раскопки И.Аспелина, 1889);
 2, 3, 5, 6, 8-15 — Берешский курган (раскопки Э.Б.Валецкой, 1982 г.);
 16-18 — Лисий курган (раскопки П.Г.Павлова, 1983-84 гг.).

района Хакасской АО. Этот курган содержал наибольшее, известное до настоящего времени количество погребенных (около 350). Улавливаются определенные хронологические различия в погребальном снаряжении покойников, положенных на полу, и покойников, лежащих на полатях. В частности, на полу среди ранней группы погребенных найдено большое количество миниатюрных votивных кинжалов, ножей, проушных чеканов; головка коня или оленя от деревянного коромыслообразного предмета, глиняная курильница с перегородкой и т. д., а также связанные с оформлением нагрудников и поясов глиняные бляшки в золотой и слюдяной обкладке, в т.ч. полусферические гладкие и с выпуклинами (около 50 экз.), бляшки с изображением волны, спирали, растительным узором, S-видным (рис. 2,16). Многие из них сохранились плохо, в обломках. На полатях найдено около 20 сферических бляшек с выпуклинами по краям и в центре, в слюдяной обкладке, а также несколько прямоугольных с биспиральным орнаментом (рис. 2,17,18). У некоторых покойников, лежавших на полатях, имелись на лицах раскрашенные гипсовые маски.

Из неучтенных в таблице 1 курганов упомянем еще курган 21 Березовского могильника в Шарыповском районе Красноярского края. Этот наиболее поздний в могильнике курган, раскопанный в 1979 г. Э. Б. Вадецкой и Г. Н. Курочкиным, в единственной сожженной могиле размером 8×4 м, содержал более 110 погребенных. Курган относится к т.н. “лепешкинскому”, постсарагашенскому периоду тагарской культуры и является эталонным для этого периода. Он содержал большое число бронзовых миниатюрных ножей, кинжалов, чеканов; медалевидные зеркала, котелок-курильницу, наиболее позднее бронзовое изображение оленя, обернувшегося назад, глиняные котловидные сосуды, глиняные и деревянные полушаровидные бляшки, обложенные золотистой слюдой (в публикации неправильно говорится о золотой облицовке) (Вадецкая, 1983: 51-53).

Собранные в таблице 1 данные, дополняющие друг друга, позволяют создать “собирательный образ”, своего рода идеальную модель кургана посттагарского времени, содержащего глиняную бижутерию. Это большой курган с одиночной камерой объемом до 150 м³. Камера имеет тын, невысокий сруб с полом и потолком, мощное перекрытие, вход для последовательного захоронения, для обкладки пола, стен, покрытия широко использовалась береста (из нее же сделаны многочисленные туески, коробочки, “ошейники” погребенных и т.п.). По некоторым признакам камеры функционировали очень долго (до ста лет и даже более). Останки наиболее ранних покойников лежат на полу, более поздние — на надстроенных полатях. Покойники подвергались мумификации (растительные остатки в черепках, обмазка лица глиной или гипсом, ивовые прутья, пропущенные сквозь позвоночник и т.п.). Инвентарь, за исключением железных предметов, в основном специально изготавливался для погребения — миниатюрные котелки, votивное бронзовое оружие, “одноразовые”, сделанные из плохо обожженной глины украшения одежды и т.п. Многие изделия свидетельствуют о появлении новых культурных и технологических традиций. Для тагарской культуры, например, изготовление художественных изделий из глины было нехарактерным. В рассматриваемых посттагарских, переходных памятниках засвидетельствовано широкое использование глины для этих целей: реставрация облика умершего путем моделировки лица по черепу, большое число бляшек и плакеток с различными изображениями, в т.ч. с изображениями животных и птиц, глиня-

ные скульптурки животных (Большой Тесинский курган), элементы одежды или доспеха (кург. 9 Шестаковского могильника, Берешский курган 1982 г.).

Новые культурные и технологические традиции (в числе которых употребление принципиально новых орудий труда и оружия из железа) связаны с появлением нового населения. В южных районах Хакасии выявлены грунтовые могильники, принадлежащие пришельцам, в более северных районах до обнаружения таких могил пока приходится говорить только о культурном и политическом влиянии со стороны иммигрантов по отношению к потомкам тагарцев. На раннетесинском этапе (преимуществ. II в. до н.э.) степень отчуждения (или даже противостояния) старого и нового населения была достаточно высока; на следующем же этапе (I в. до н.э.), представленном такими эталонными памятниками как Кальский могильник и Мочаги (Кузьмин, 1987в, 1988), происходит частичная ассимиляция двух этнических компонентов путем перекрестных браков. Двойственный статус некоторых представителей нового населения, с одной стороны, породившихся с местным населением, а с другой — сохраняющих принадлежность своему прежнему роду, породил такое своеобразное явление как парциальные захоронения, когда тела некоторых умерших покоятся в склепах, продолжающих тагарские традиции, среди новой родни, а отдельные кости (височная, грудина, коленные чашечки) захораниваются среди могил ближайших предков на грунтовых кладбищах мигрантов.

Глиняные декоративные бляшки и пластинки II-I вв. до н.э. с точки зрения технологии являются инновацией, но сюжеты, которые они несут (фигуры пантер, грифов, козлов и др.), во многом продолжают тагарские традиции. Показательно, что в грунтовых тесинских могилах такие декоративные плакетки не встречены.

G. N. Kurochkin,

P. G. Pavlov

POST-TAGARIAN ARTISTIC TERRACOTA'S PLATES

Big barrows of the Southern Siberia dated by the 2-1 centuries B.C. — 1-2 centuries A.D. with collective interments within large burial chambers contents often a such remarkable category of finds as small plates or bars of a terracota. A number of these plates have been excavated in Lisij barrow (P. G. Pavlov's excavation in 1983-1984), the barrow n.3 of the cemetery Tolstyj Mys-1 (G. N. Kurochkin's excavation in 1987), the Big Beresh barrow (E. V. Vadetzka's excavation in 1983) and others. Plates of the terracota have been used as a decor of the special funeral dress. Animal and geometrical motifs of the terracota's plates continue traditions characteristic for the Tagar culture of the Scythian epoch (VIII-III centuries B.C.).

Н. Ю. Кузьмин

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ТЕСИНСКИХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ ХАКАСИИ

Одним из направлений археологических работ Среднеенсейской экспедиции ЛОИА АН СССР стало изучение погребальных комплексов гунно-сарматской эпохи, представленных в степях Хакасии памятниками тесинского этапа тагарской культуры (традиционно II-I вв. до н.э.). Количество таких памятников, раскопанных в 1979-1989 гг., сопоставимо с общим числом погребальных комплексов, исследованных за предшествующие 90 лет, прошедших со времени раскопок И. Р. Аспелиным Большого Тесинского кургана в 1889 году.

Полученный материал обладает большим информативным потенциалом, определяемым единым уровнем полевой методики и фиксации, постановкой и решением в процессе раскопок конкретных задач (ориентированность на проблему), представившейся возможностью почти полного изучения тесинских и более ранних памятников на одной, относительно ограниченной в географическом отношении территории (Бейский район, Означенская Ориентальная Система).

Результаты, изложенные в работе, основаны на анализе сарагашенских и тесинских памятников, исследованных в 1979-1985 гг. на Означенской ОС, они дополнены материалами раскопок 1985-1989 гг. и проверены на всей совокупности известных ранее источников (1889-1978 гг.).

Планиграфия, стратиграфия и хронология памятников

Погребальные памятники тесинского этапа представлены на Означенской ОС курганами-склепами, отдельными грунтовыми могильниками, а также погребениями, впущенными в насыпи карасукских и тагарских курганов, включая и тесинские курганы-склепы.

Серийные раскопки курганов-склепов позволили обосновать на новом материале предположение М. Н. Пшеницыной о наличии ранней (с бронзовыми миниатюрами) и поздней (с железными вещами) группы тесинских курганов (Пшеницына, 1975а: 26). Были выделены признаки (см. ниже), характеризующие особенности конструкций, обряда, инвентаря той и другой группы, а также предложена их датировка: ранней — II в. до н.э., поздней — I в. до н.э. — I в. н.э. (Кузьмин, 1987а: 112-116; 1987б: 68-71).

В расположении всех типов памятников на системе и их соотношении видны определенные закономерности. Ранне-тесинские курганы-склепы (Маяк, курган 8, Медведка I, курган 4 — верхний слой, Сабинка II, курганы 1,2, Сабинка III — курган “Большое Русло”, Сабинка II, курган “Лисий” — нижний слой, Степановка II, курган I) находятся на периферии системы (Подольский, Кузьмин, 1980: 226-227; Боковенко и др., 1983: 77-79; Кузьмин, 1986: 183-184; Павлов, 1987: 109-112; Ефимов, Паульс, 1987: 67-69). Каждый из них, видимо, функционально соответствует находящемуся поблизости отдельному курганному могильнику предшествующего сарагашенского этапа.

Поздне-тесинских склепов раскопано по системе два ("Мочаги" и "Лисий" — верхний слой). Возможно, к этому времени могут относиться один или два неисследованных кургана в могильнике "Маяк". В любом случае количество поздних склепов, по сравнению с ранними, уменьшается.

По своему расположению грунтовые могильники, включая и впускные погребения, также тяготеют к периферийной зоне, т.е. к месту нахождения склепов. Существует, видимо, определенная взаимосвязь между поздними склепами и отдельными грунтовыми могильниками. Последние расположены в пределах 1 км в юго-западном секторе от склепов. Некоторые из них (Маяк, курган I, Сабинка II) могут быть впущены в насыпи курганов предшествующего времени, находящихся в этой зоне. Просматривается и определенная закономерность в устройстве впускных могильников в насыпях курганов, внутри оград ранне-тесинских склепов. В поздних склепах впускные погребения чаще всего находятся в насыпях за оградой. Некоторые могильники и впускные погребения со склепами не связаны, т.е. если наличие позднего склепа детерминирует появление грунтового могильника, то обратной связи нет.

Отсутствие четкой типологии грунтовых могильников и их относительной хронологии затрудняет объяснение ситуации. Исходя из стратиграфических данных, можно лишь предположить наличие грунтовых могил, синхронных ранним склепам (II в. до н.э.), четко обозначить группу могильников, одновременных поздним склепам (I в. до н.э. — I в. н.э.) и наметить ряд погребений, существовавших позднее склепов (см. ниже).

Курганы-склепы (эволюция конструкций и обряда, хронология)

Одним из спорных вопросов является в настоящее время вопрос о происхождении тесинских склепов. При его решении по-разному трактуются отдельные особенности конструкций и погребального обряда, что приводит к неоднозначному пониманию социальных, культурных и этнических процессов (Кызласов, 1960: 25, 162; Грязнов, 1968: 187-196; Пшеницына, 1975а; Кузьмин, 1979: 44-47; Вадецкая, 1986: 79-101).

Для выявления истоков тесинской погребальной практики был проведен сравнительный анализ тесинских склепов и сарагашенских курганов, раскопанных на Означенской оросительной системе в могильниках Маяк, Колок, Долгий Курган, Медведка I, II, Кирбинский Лог (Подольский, Кузьмин, 1980: 226-227; Пшеницына и др., 1980: 229; Хаславская, 1980: 187-193; Боковенко, 1981: 167-168; Боковенко и др., 1983: 75-81; Лисицын, 1983: 66-70; Седых, 1985: 158-167; Павлов, Седых, 1985: 60-61; Боковенко, Красниенко, 1988: 23-45; Худяков и др., 1988: 46-54; Пшеницына, Поляков, 1989: 58-66; Сабиров и др., см. наст. сборник).

Установлено, что: 1) сарагашенские курганы существенно изменяются от начала к концу этапа, охватывающего V-III вв. до н.э.; 2) в эволюции памятников можно выделить не менее 3-х периодов — ранний, средний и поздний; 3) поздние памятники соотносятся с курганами лепешкинско-го этапа, выделенного С. А. Теплоуховым; 4) наиболее устойчивое сходство в конструкциях и обряда прослеживается между поздне-сарагашенскими (лепешкинскими) курганами и ранне-тесинскими склепами (Теплоухов, 1929: 41-62; Кузьмин, 1987а: 112-116; Кузьмин, 1987б: 68-71).

Таким образом, появление ранне-тесинских склепов, особенности их конструкций и погребального обряда определяются изменениями в погреб-

бальной практике сарагашенского населения. Одной из основных причин этих изменений было, на наш взгляд, усложнение социальной структуры общества (Киселев, 1949: 108-176; Грязнов, 1968: 187-196; Кулемзин, 1980: 164-169; Поляков, 1984: 53-54; Поляков, 1987: 99-101; Вадецкая, 1986: 94-161; Курочкин, 1989: 62-65; Кузьмин, 1989: 23-27). Анализ тесинских курганов-склепов, исследованных на Означенской ОС, позволяет обосновать предположение М. Н. Пшеницыной о наличии двух хронологически последовательных групп памятников-курганов с бронзовыми миниатюрами и с железными вещами. При этом выяснилось, что присутствие бронзового или железного инвентаря является лишь одним из признаков памятников этих групп.

Наиболее существенными признаками, характерными для ранне-тесинских (Означенских — по месту их концентрации) курганов-склепов, являются: 1. Одинокое расположение в стороне от сарагашенских могильников: Маяк, курган 8, Сабинка III, курган Большое Русло; Сабинка II, кург. I и 2 (Подольский, Кузьмин, 1980: 226-227; Кузьмин, 1986: 183-184; Павлов, 1987: 109-112; Ефимов, Паульс, 1987: 67-69). Каждый из этих курганов, видимо, функционально соответствует отдельному сарагашенскому могильнику. При этом, отмеченной “парности” двух сарагашенских могильников (Кирбинский лог и Медведка II), интерпретируемых как кладбище двух брачующихся родов, может соответствовать и парность двух склепов, расположенных на расстоянии 1-1,5 км друг от друга (Сабинка II, Сабинка III). Возможно, что эта пара курганов с коллективными захоронениями родовых общинников соотносится с погребениями родовой знати в 2-х курганах пункта Сабинка I.

В одном случае ранне-тесинское захоронение было совершено в сарагашенской могиле. В кургане 4 могильника Медведка I коллективное погребение на дне, датируемое по вещам сарагашенским временем, было перекрыто настилом, и в могиле погребено еще около 100 человек с инвентарем ранне-тесинского времени (Боковенко и др., 1983: 77-79). Такая же ситуация была отмечена М. Н. Пшеницыной во время раскопок кургана 3 могильника Разлив I (Пшеницына и др., 1975б: 228-230). Возможно, в том и другом случае погребения совершались в тот период, когда отдельный тесинский курган-склеп еще не был сооружен. Факт подхоронения свидетельствует также о возможной преемственности населения этих регионов.

2. Насыпи до 2-х метров высотой, сложенные в форме усеченной пирамиды из кусков нарезанного дерна.

3. Впускные грунтовые могилы в насыпях и среди камней ограды.

4. Каменные ограды, сооруженные из вкопанных на ребро массивных плит и дополненные изнутри кладкой из плитняка, скальных обломков, уплощенных окатанных камней.

5. Одна могильная яма размерами до 6,0×6,0 м глубиной до 3,0 м. Стены обшиты плахами и укреплены вертикальными стойками. В других случаях установлен сруб с тыном. Земляной пол покрыт досками и берестой. Могила перекрыта плахами или бревнами, уложенными взаимноперпендикулярно в два или три слоя, поверх них береста. Наземный вход в камеру находится с западной стороны.

6. Отсутствие поджога камер (Новосарагашенский курган и курган 3 в пункте Разлив I были сожжены).

7. В могилах захоронено 100-200 человек взрослых и детей. Преимущественной ориентировки погребенных не наблюдается. Скелеты пере-

кряивают друг друга без определенной системы. Вероятно, это связано с тем, что скелеты “скатывались” вниз с несохранившихся до времени раскопок помостов или полатей (Ефимов, Паульс, 1987: 67-69). Положение скелетов, лежащих на спине или ничком, вытянуто, с прижатыми руками, позволяет предположить, что трупы были раньше спеленуты. Положение на спине или на боку скорченно с согнутыми руками можно объяснить нахождением трупов в мешках в связанном состоянии. Черепа многих скелетов трепанированы в височной, реже в затылочной и теменной части. Внутри черепов найдены остатки растительной массы бурого цвета. Видимо, трупы подвергались мумификации.

8. В могилы укладывались шкуры животных, а не мясная пища: найдены черепа лошадей, овец, горных козлов.

9. Погребальный инвентарь немногочисленен по сравнению с числом погребенных и найден, в основном, на дне могилы. Характерны небольшие баночные, кубковидные и котловидные сосуды черноглиняные и красноглиняные с наlepным и резным орнаментом. Специфичен орнамент в виде треугольников, заполненных ямками. Характерны бронзовые изделия — миниатюрные кинжалы, чеканы, ножи, зеркала; своеобразны 4-х гранные парные подвески, 4-х гранные проколки, иглы, стеклянные бусины разного цвета. Мелкие поделки из коры, дерева, глины, бусины и бронзовые вещи нередко покрыты золотой фольгой. На глиняных таблeтках сохранились рельефно выполненные растительные орнаменты, фигурки животных. Похожие животные отпечатались на золотых накладках. Встречено много обрывков золотой фольги с остатками элементов геометрического орнамента. Золотые серьги и стеклянные бусы имеют аналогии в Причерноморье и могут датировать эти комплексы.

Среди 3-х памятников, выделяемых М. Н. Пшеницыной в раннюю группу (Пшеницына, 1975а), два (Новый Сарагаш и впускной склеп в могилу 2 кургана 3 пункта Разлив I) близки описанному. Факт отсутствия в них трепанации черепов позволяет наметить центр распространения новых обрядов мумификации — южные районы Хакасии. Отнесение кургана, раскопанного в пункте Разлив III к ранней группе, представляется ошибочным в связи с наличием в нем ряда железных вещей и ажурных бронзовых блях гуннского типа.

Наличие обряда мумификации трупов в ранне-тесинское время пока лишь предположение, основанное на факте трепанации черепов, небольшом количестве надколенных чашечек, найденных в кургане Большое Русло (при общем числе погребенных около 200), “спеленутости” скелетов и хорошей изученности аналогичных действий в более поздних памятниках.

Основываясь на фактах захоронения в поздне-сарагашенских курганах частей трупов и костей, освобожденных от мышечных тканей, можно предположить, что между смертью и похоронами существовал большой временной разрыв. Тогда обряд мумификации или же очистки трупа от мягких тканей и скрепление костей (“спеленутость”) должен был возникнуть закономерно в силу необходимости сохранить скелет до погребения. Поэтому не удивительно, что куски гипса, видимо, от масок, были обнаружены А. В. Адриановым в сарагашенских курганах (Адрианов, 1902-1924: 48,58).

В этой связи актуальным становится вопрос об одноактности или последовательности захоронений в склепах. Кажется вероятным, что погребе-

ния совершались в несколько приемов и хоронили умерших группами, но для доказательства этого нужны дополнительные данные.

Два из исследованных на Означенской ОС кургана относятся к поздней группе тесинских: курган Новые Мочаги и Лисий (верхний уровень). В обоих курганах удалось проследить операции, совершенные с трупами умерших: скрепление костей скелета, освобожденного от мягких тканей, обряжение в погребальные одежды, трепанацию черепа и обмазку его глиной и гипсом (Кузьмин, 1985а: 216-217; Павлов, 1987: 109-112; Кузьмин, Варламов, 1988: 146-155). Некоторые операции ранее были отмечены Э. Б. Вадецкой при раскопках кургана Береш (Вадецкая, 1984: 97-99).

В кургане Новые Мочаги было также зафиксировано отсутствие некоторых частей скелетов: височных косточек, части ребер, надколенных чашечек. Автором было высказано предположение о том, что, в так называемых, “частичных” могилах, обнаруженных в находящихся неподалеку грунтовых могильниках, захоранивались мягкие ткани с отдельными косточками или обломками костей, которые срезались с трупов умерших при подготовке последних к захоронению в склепах (Кузьмин, 1985б: 47-48). Если эта гипотеза верна, то одновременность поздних склепов и находящихся поблизости грунтовых могильников не подлежит сомнению (курган Мочаги и могильник у д. Калы, курган Лисий и могильник в пункте Сабинка II).

Преимущество обрядов ранних и поздних памятников четко установлена в Лисьем кургане. Здесь на дне могильной ямы разм. 6,0×6,0 м, глубиной 2,7 м в срубе были найдены остатки не менее 118 скелетов. Черепа погребенных были трепанированы. Инвентарь (бронзовые миниатюры) характерен для раннетесинских склепов. Второе захоронение 195 человек было совершено после перестройки склепа — уложен настил, возведены новые опорные столбы, средний пролет. Здесь зафиксированы указанные выше операции с трупами умерших. Находки бронзовых вещей в верхнем слое единичны, зато найдены изделия из железа — ножи, пряжки (Павлов, 1987: 109-112).

В конструкции кургана — каменная ограда, сруб, тын, пол, опорные столбы, двойной накат, берестяное покрытие, вход в могилу, поджог камеры — сочетаются все элементы ранних и поздних “классических” тесинских памятников — Большой Тесинский, большой Уйбатский, Кызыль-Куль, курган 8 (Киселев, 149: 161-166). Обращает на себя внимание “двухэтажность” Лисьего кургана и еще одного, исследованного ранее М. Н. Пшеницыной в пункте Барсучиха I (Пшеницына, 1975а). Истоки этого явления можно увидеть во впускных раннетесинских склепах, сооруженных на покрытии сарагашенских могил — Разлив I, курган III; Медведка I, курган 4 (Пшеницына и др., 1975: 228-230; Боковенко и др., 1983: 77-79). Возможно, что стремление “выйти на поверхность” реализовалось в наземной конструкции склепа Новые Мочаги, а в дальнейшем — в незначительной глубине могил некоторых таштыкских склепов. Курган-склеп Новые Мочаги является единственным тесинским курганом с наземной конструкцией при наличии всех других характерных элементов — каменная ограда, вход в склеп, сруб, укрепленные стенки, берестяной пол, опорные столбы, тройной накат с берестой, поджог деревянного входа в камеру. Примечателен и обычай разведения костров над камерой после того, как она была присыпана землей. Здесь среди углей и фрагментов обгоревшего дерева найдены обломки глиняной обмазки черепов. Вполне вероят-

но, что на этом месте происходили операции с трупами умерших и выставлялись их муляжи во время прощальных церемоний.

Среди раннетесинских памятников можно выделить предположительно курганы с захоронением родовой знати, характеризующиеся меньшим числом погребенных и обилием золотых украшений. На Означенской ОС такими, видимо, были два расположенных рядом кургана в пункте Сабинка I. Им, вероятно, соответствуют два кургана с большим числом погребенных — рядовых членов двух родов (Сабинка III, курган Большое Русло; Сабинка II, Лисий курган — нижний уровень).

Близкая ситуация отмечена Э. А. Севастьяновой во время раскопок в 1973-1974 гг. двух, на наш взгляд, раннетесинских курганов в районе ст. Шира (Севастьянова, 1976: 119-122). В одном из них обнаружено захоронение свыше 50 человек с немногочисленным инвентарем, в другом, находящемся в 3,5 км от первого — останки около 20 погребенных пожилых людей, с инвентарем из листового золота. Черепа последних были трепанированы. Автор исследований считает, что во втором кургане похоронены “особо почетные члены рода, возможно, его старейшины” (Севастьянова, 1976: 122).

Для позднетесинских курганов различий социального порядка не выявлено. Перечисленные выше факты свидетельствуют о непрерывной линии развития конструкций и погребального обряда от сарагашенских курганов до позднетесинских склепов. Однако, является ли это развитие внутренним, чисто эволюционным, пока не ясно. Проникновение ряда элементов культуры в Минусинскую котловину с территории сакских племен в VI-V вв. до н.э. уже отмечалось ранее (Членова, 1967: 219). А. И. Мартынов предполагает, что в V-IV вв. до н.э. часть сакского населения продвинулась на территорию Южной Сибири (Мартынов, 1979: 81). Он же считает возможным, что в конце IV-III вв. до н.э. кочевые племена Южного Приуралья и Казахстана могли проникнуть на территорию, занимаемую лесостепной тагарской культурой (Мартынов, 1979: 85). Факты возможного влияния с территории Алтая и Тувы в позднесарагашенское время отмечались выше. Кажется вероятным, что изменение погребального обряда в сарагашенское время, приведшее в итоге к появлению тесинских курганов-склепов, определялось и рядом инноваций, степень воздействия которых еще предстоит выяснить.

Относительная хронология тесинских склепов устанавливается довольно четко, абсолютная разработка пока недостаточно. Опорными датами для хронологии, в основном, служат аналогии вещам в памятниках хунну, сарматских погребениях и в Причерноморье. В широком диапазоне устанавливается дата II в. до н.э. — I в. н.э. Учитывая, что в раннетесинских памятниках аналогий хуннским вещам практически нет, а монеты “ушу” найдены в грунтовых могилах, одновременных поздним склепам, ряд вещей из которых имеет аналогии в памятниках хунну, начиная с I в. до н.э., в настоящее время представляется возможным датировать раннюю группу склепов II в. до н.э., позднюю — I в. н.э.

Следует подчеркнуть, что верхняя хронологическая граница до сих пор остается достаточно условной, т.к. не подтверждена твердо датированными вещами. Представляется вероятным, что среди поздних тесинских склепов возможно выделить, по крайней мере, два позднейших склепа (Уйбатский, Туимский), которые могут датироваться (черешковый нож, миниатюрные удила, серьги) позднее I в. н.э. и занимать промежуточное положение между тесинскими и таштыкскими склепами.

Грунтовые могильники (типы конструкций, обряд, датировка)

Как отмечалось выше, грунтовые могильники на Означенской ОС сооружены отдельно или впушены в насыпи карасукских и тагарских курганов, включая ранне- и поздне-тесинские. На материале раскопок 60-70 гг. М. Н. Пшеницына выделила в третий тип памятников "впускные погребения в подобиях каменных ящиков", сооруженные "на сухих древних кладбищах" и расположенные "либо вокруг больших курганов этого времени", либо "рядом с одновременными им могильниками" (Пшеницына, 1975б: 162).

Новые материалы не подтверждают правомерность таких утверждений. Во-первых, на юге Хакасии впускные погребения чаще совершались не в подобиях каменных ящиков, а в грунтовых могилах или срубках. Во-вторых, тесинские кладбища, устроенные в насыпях карасукских курганов (пункт Сабинка II), сарагашенских (Маяк, кург. I), раннетесинских курганов-склепов (Большое Русло) по погребальному обряду и наличию характерных вещей ничем не отличаются от отдельных грунтовых могильников, таких как: Маяк, пункт 9, у дер. Калы, около кургана Новые Мочаги, курган 2 могильника Долгий Курган.

В-третьих, как показали стратиграфические наблюдения во время раскопок кургана Новые Мочаги, грунтовые могилы за оградой были впушены в расплывшуюся насыпь и, следовательно, являются более поздними. Видимо, такая же ситуация была в курганах Барсучиха I и Тепсей XVI, исследованных М. Н. Пшеницыной: могилы за оградой не одновременны склепу, а впушены позднее в расплывшуюся за ограду насыпь. Это подтверждается небольшой глубиной могил по отношению к древнему горизонту и тем, что четыре такие же могилы были впушены в насыпь внутри ограды кургана Тепсей XVI (Пшеницына, 1975б: 150-162; Комплекс..., 1979: 83). Следовательно, наличие впускных погребений в насыпях тесинских курганов следует объяснять хронологическими, а не социальными причинами (Пшеницына, 1975б: 162).

На Означенской ОС встречены и отдельные, как правило, безинвентарные погребения взрослых и детей, также впушенные в насыпи курганов предшествующих эпох — каменоложских, сарагашенских.

Культурная атрибуция таких могил крайне затруднена из-за малочисленности инвентаря. Их, как правило, относят к тесинскому этапу условно. Возможно, что данные погребения синхронны захоронениям, впушенным в насыпи поздних склепов, и представляют группу наиболее поздних могил.

Таким образом, грунтовые могилы, впушенные в насыпи поздне-тесинских склепов, а также часть впускных могил в насыпях более ранних курганов характеризует, видимо, позднейшую группу грунтовых погребений, которые, вероятно, синхронны позднейшим склепам (Уйбатский, Туимский), существующим после I в. н.э.

Полученные на Означенской ОС стратиграфические данные позволяют наметить относительную хронологию грунтовых могильников и впускных погребений.

1. Нет ни одного стратиграфического наблюдения, позволяющего предположить наличие грунтовых могильников в раннетесинское время (II в. до н.э.). Этот факт не исключает возможности их существования, но ставит проблему выявления признаков (в обряде и инвентаре) таких погребений.

2. Основная часть грунтовых могильников, включая ряд впускных, синхронна поздним склепам (I в. до н.э. — I в. н.э.). Это подтверждается наличием в тех и других памятниках ряда однотипных вещей: 4-х гранных сосудов, железных ножей и пряжек, ложечковидных застёжек, бронзовых блях и др. Некоторые из таких могильников находятся в пределах 1 км в юго-западном секторе от курганов-склепов и несомненно связаны с ними. Данное явление кажется универсальным и подтверждается, помимо памятников, исследованных на Означенской ОС, во всех случаях, кроме ранних раскопок, где проверить такого рода наблюдения уже невозможно (курганы Большой Тесинский, Большой Уйбатский: Кызыл-Куль, курган 8, Туимский). В таких могильниках, помимо погребений по обряду труположения, всегда находятся т.н. частичные могилы (Кузьмин, 1988: 55-82).

С определенной долей достоверности можно утверждать, что в частичных могилах захоранивались мягкие ткани с отдельными костями, отчлененные в процессе подготовки трупов к погребению в склепе.

В грунтовых могильниках, не связанных со склепами, также единично встречаются частичные захоронения (Каменка III, Теренчи, кург.1) (Шер и др., 1967:145-147; 1968: 150-151; Худяков, 1989: 103-126). Их появление можно объяснить тем, что специфический обряд операций с трупами умерших, характерный для склепов, проникает в среду населения, оставившего грунтовые могильники. В могильнике Каменка III найдены погребения с трепанированными черепами и масками. Трупы, видимо, также подвергались операциям, а мягкие ткани и отдельные косточки захоранивались в других могилах. В одной из двух могил в пункте Теренчи, кург.1 находился скелет мужчины, у которого отсутствовали: затылочная часть черепа, верхние части подвздошных костей, выступы бедренных, коленные чашечки. Во второй могиле найдены обломки неопределенных костей и две коленные чашечки. Видимо, в данном случае труп также подвергался очистке от мягких тканей, которые вместе с обломками отрезанных костей захоронены в соседней могиле (Худяков, 1989: 107-108).

Общая характеристика погребального обряда и вещевого инвентаря грунтовых могильников, исследованных до 1975 г., дана М.Н.Пшеницкой (Пшеницына, 1975а). В 1979 г. она частично опубликовала материалы более поздних раскопок у горы Тепсей (Комплекс..., 1979: 70-89).

Дополняя указанные источники материалами раскопок на юге Хакасии, укажем кратко лишь наиболее характерные особенности конструкций и обряда грунтовых могильников I в. до н.э. — I в. н.э. (вещевой инвентарь из-за ограниченного объема статьи не рассматривается). Могильники этого времени обычно насчитывают от 5 до 100 и более могил, расположенных поблизости одна от другой. Наземные сооружения представлены: небольшими каменными оградками, сооруженными из вкопанных на ребро плит с надмогильным покрытием из плиток; оградами из массивных высоких плит, овальными, круглыми или подпрямоугольными каменными выкладками из небольших валунов и скальных обломков, прямоугольными или овальными оградами, сложенными из каменных глыб и плит по контуру могил и заложенными внутри камнями.

По устройству внутримогильные сооружения различаются:

1 — ничем не укрепленные грунтовые ямы; 2 — каменные ящики; 3 — подобия каменных ящиков из камней, уложенных на дне по стенкам могилы; 4 — ямы, стенки и пол которых обтянут берестой; 5 — срубы, рамы, колоды; 6 — ямы с нишами в нижней части одной из стенок; 7 — ямы с

подбоями. Могилы чаще всего перекрыты плитами, продольными бревнами или бревнами и плитами.

Для обряда погребения характерны:

а) труположение 1-9 и более человек в одной могиле; при подхоронениях в просторных могилах погребенные уложены рядом, в более узких — один поверх другого; отмечены случаи, когда кости ранее погребенного сдвигаются, и на освободившееся место укладывается труп следующего; в одной из могил, впущенных в насыпь раннетесинского склепа (Маяк, кург.8), в могиле были захоронены части тел не менее чем 48 человек.

Положение погребенных, как правило, вытянутое на спине, головой чаще на запад, реже — на восток, с отклонениями к северу или югу. Возможно, что скорченное положение погребенных коррелируется с южной и северной ориентировкой; наблюдается закономерность между положением рук погребенного и полом: у женщин руки согнуты, кисти лежат на груди или животе, у мужчин — вытянуты или незначительно согнуты, тогда кисти лежат ниже лобковых костей; набор и размещение инвентаря в могилах с обрядом труположения изучен достаточно полно (Пшеницына, 1975а: 70-89; Кузьмин, 1983б: 72-75; 1988: 55-82).

б) частичные захоронения впервые отмечены Я. А. Шером (Шер и др., 1967: 145-147; 1968: 150-151); серийное исследование и интерпретация выполнены автором (Кузьмин, 1982: 108-111; 1985б: 47-48); в таких могилах чаще находятся фрагменты височной кости черепа, ребра, лежащие в анатомическом порядке, надколенные чашечки, реже, дополнительно к упомянутым, встречаются подъязычная, обломки тазовых костей, крестца, обломок пяточной, фрагменты боковых и остистых отростков позвонков; как уже упоминалось, предполагается, что в таких могилах захоранивались мягкие ткани, срезанные с тела умершего вместе с фрагментами костей (в местах крепления мышц); в могилах найден инвентарь — бронзовые и железные вещи, керамика, а также черепа животных;

в) захоронения остатков кремированных трупов встречаются единично.

К особенностям погребального обряда грунтовых могильников относятся также кенатафы, поминальные ямы, а также захоронения собак.

Реальной задачей в настоящее время кажется выявление локальных особенностей отдельных могильников и их более дробной хронологии.

3. Могилы, найденные в насыпях внутри и за оградами позднетесинских склепов, характеризуют позднейшую группу грунтовых могил. Признаки, выявленные при их анализе, возможно, позволят обнаружить и другие поздние погребения, найденные вне насыпей склепов или впущенные в насыпи более ранних курганов. Отметим один примечательный факт: среди позднетесинских могил, найденных в расплывшейся за ограду насыпи кургана Новые Мочаги, обнаружена могила с таштыкской керамикой.

Реконструкция обрядов и верований

Сразу же после того, как стали известны результаты первых раскопок на Енисее коллективных склепов с трепанированными черепами, обмазанными глиной (тесинские), и маски (таштыкские), началась научная полемика по поводу их объяснения и интерпретации, поиск этнографических параллелей (Спицын, 1899; Горошенко, 1899; Кузнецов, 1906; Харлампович, 1908).

Интерес к этой проблеме не пропал и позднее (Tallgren, 1921; Теплоухов, 1929; Киселев, 1949; Липский, 1956; Кызласов: 1960). В интересую-

шем нас аспекте наиболее перспективные идеи высказал А. А. Спицын, предположив, что могилы представляли собой родовые склепы, рассчитанные не на одно поколение, а трупы до погребения в склепах хранились в другом месте и захоранивались окончательно в разной степени разложения (Спицын, 1899: 138-139).

Обычай хранения трупов до похорон исследователь сопоставил с учением Зороастра, “выродившегося на сибирской почве в шаманизм” (Спицын, 1899; 140).

Антрополог К. И. Горощенко отметил, что трепанация черепов производилась на “свежем” черепе, а глиной моделировался череп, уже освобожденный от тканей (“истлевший”), после чего, как труп долгое время находился вне кургана (Горощенко, 1899; 177-185).

На материалах новых раскопок начальник Красноярской экспедиции М. П. Грязнов предположил, что трупы умерших обрабатывались для длительного хранения, “череп трепанируется, удаляются головной мозг и мягкие покровы лица, череп обмазывается глиной и поверх этого покрывается гипсовой маской, довольно реально передающей черты лица умершего” (Грязнов, 1968: 195).

М. Н. Пшеницына, основываясь на том, что 12 скелетов с “трепанованными” и обмазанными глиной черепами, обнаруженные в могильнике Каменка III и V, находились в анатомическом порядке, повторила выводы М. П. Грязнова о консервации трупов, трепанации черепов, удалении тканей, обмазке черепов глиной сразу же после смерти (Пшеницына, 1975в: 44-49). Указанные факты, по мнению исследователей, опровергают предположения К. И. Горощенко, А. М. Талльгрена, С. В. Киселева и Л. Р. Кызласова о том, что, спустя значительное время после того, как трупы истлевали, черепа обмазывались глиной и останки захоранивались (Пшеницына, 1975в: 47-48).

Та же аргументация была повторена М. Н. Пшеницыной, несмотря на то, что для этнографической параллели исследователь ссылается на выставку, где демонстрировалась погребальная статуя рамбарамп с острова Малекула (Новые Гебриды), у которой имитацию тела из глины на бамбуковом каркасе венчает череп человека, моделированный глиной (Пшеницына, 1984: 132).

В 1982-1984 гг. Э. Б. Вадецкая, автор статьи и П. Г. Павлов в трех тесинских склепах исследовали похожие манекены с трепанированными и обмазанными глиной черепами, кости скелетов были скреплены прутьями и обернуты травой (Вадецкая, 1984а: 97-99; Кузьмин, 1985а: 216-217; Павлов, 1987: 109-112; Кузьмин, Варламов, 1988: 146-155).

После этих исследований удалось выяснить насколько сложен и специфичен обряд погребения в склепах, включающий операции по освобождению тела и черепа от мягких тканей, скрепление костей скелета и изготовление нового “тела” манекена, моделировку черепа глиной и гипсом, раскраску, скрепление глиняной головы с “телом”, окончательное оформление манекена (Кузьмин, Варламов, 1988: 146-155). Мягкие ткани с отдельными костями и фрагментами костей, срезанными в процессе очистки, захоранивались в находящейся поблизости от склепов грунтовых могильниках (частичные захоронения). Манекены, после церемоний прощания, погребались в склепах. Такой обряд характерен для поздне-тесинских склепов. В ранне-тесинское время зафиксирован обычай трепанации черепов. Операций по очистке трупов умерших от мягких тканей не про-

слежено, хотя указанная “спеленутость” скелетов может объясняться этой причиной.

Несомненно, специфика и сложность погребального обряда должна определяться и своеобразной системой религиозно-мировоззренческих представлений, для которой, видимо, был характерен синкретизм местных верований и элементов более развитых идеологических систем иранского круга; более сложные, по сравнению с предшествующим временем, представления о душе или душах, загробном мире и пути к нему (Кузьмин, 1984: 148-151). Эта тема требует отдельного изучения.

Вопросы исторической интерпретации

Изменения, фиксируемые в погребальном обряде населения степей Хакасии в конце сарагашенского и в тесинское время, не могут быть объяснены только внутренним развитием. Катализатором этих явлений были исторические события, происходившие в эпоху становления новой гунно-сарматской эпохи.

Первое воздействие (возможно, приток населения), приведшее к усложнению сарагашенских памятников, связано с событиями, происходящими на западе: походами Александра Македонского, образованием эллинистических государств, передвижением сакских и массагетских племен, началом сарматской активности (Киселев, 1949: 177). Такое влияние с запада в III в. до н.э. на лесостепную тагарскую культуру отмечает А. И. - Мартынов (Мартынов, 1979: 84-85). Для памятников степной части данный вопрос требует специального анализа.

В тесинское время происходит замена западного центра внешних воздействий на восточный, где основные исторические события определялись военно-политической экспансией хунну.

В свете этих событий, отраженных в китайских хрониках, и производилась историческая интерпретация различных типов тесинских памятников. Л. Р. Кызласов, считая тагарцев динлинами, определил захоронения в склепах как динлино-гяньгуньские, а грунтовые могилы отнес к динлинам (Кызласов, 1960: 162).

Сотрудники Красноярской экспедиции на материалах раскопок 60-70-х годов определили склепы как погребения местного тагарского населения (Грязнов, 1968; Пшеницына, 1975а; Вадецкая, 1981: 95-101).

Анализируя материалы новых раскопок, автор настоящей статьи пришел к выводу о том, что тесинские склепы продолжают местные культурные традиции, а грунтовые могилы связаны с проникновением из Тувы нового населения, неоднородного в этническом отношении (Кузьмин, 1983б: 75; 1983а: 30).

Д. Г. Савинов, детально рассмотрев историческую ситуацию, отметил широкое распространение в Саяно-Алтае погребений в каменных ящиках. Памятники улуг-хемской культуры Тувы и тесинского этапа в каменных ящиках или “близких им по культуре погребений” принадлежат, по мнению исследователя, гяньгуням (Савинов, 184а: 13-17). Позднее захоронения в каменных ящиках были отнесены им к динлинам (Савинов, 1987б: 40). Ю. С. Худяков пришел к выводу о том, что ни гяньгуни, ни динлины не могли быть на Енисее в хуннское время, варибельность обрядности в могильниках не следует объяснять только присутствием пришлого населения, а для определения этнокультурной принадлежности конкретного об-

ряда необходимо проделать большую классификационную работу (Худяков, 1987б: 139-142; 1987а: 136-139; 1989: 103-106).

В связи с вышесказанным необходимо подчеркнуть некоторые аспекты той же проблемы. Проникновение нового населения в степи Хакасии происходило, скорее всего, с юга (с Алтая и Тувы) и не было разовым явлением. Различные группы могли быть неоднородны и этнически, что, видимо, объясняет специфические особенности наиболее крупных могильников (Каменка III, Тепсей VII, могильник у дер. Калы).

Недостаточно ясен процесс взаимоотношений местного и пришлого населения. Возможно, некоторые пришельцы вступали в браки с аборигенами. Вошедшие в местный род должны были быть похоронены в склепах по специфическому обряду. Тогда наличие частичных захоронений в грунтовых могильниках можно объяснить как возвращение в свой родовой могильник части субстанции умершего. Обратная ситуация была, видимо, более редкой. Лишь единицы из местного населения, соорудившего склепы, вступали в род пришельцев и захоранивались на их кладбищах, но по обряду, свойственному своему роду (мумификация). Вероятно, что в таштыкское время местное население полностью ассимилирует пришельцев, и грунтовые могильники исчезают.

N. Kuzmin

THE RESULTS, PROBLEMS AND AIMS OF THE STUDY OF TES'BURIAL MONUMENTS IN HAKASSIA

In consequence of expansion Hunnu's tribes to the west in the end of I millennium BC for Ke place the transformation and disappearance series southern-Sibirian culteres.

In the steppes of the Middle-Yenissei region tagar's culture known accoding to burrial monuments had been modification since II century BC.

The monumental mound tombs with collective Burials 100-200 mummy corpses and cemeteris where ixist ceremony inhume and partial Burials are appeared.

Accoding to the results investigation in South Siberia during last 12 years author grounds new interpretation all material. In the base of stratigraphical data are suggested theirs periodic and chronology (II century BC — II century AD). Special attention is devoted to the burial ceremony, and burial constructions, and historical reconstruction is offered as well.

Accoding to author opinion, new (Tes) culture arised on the Middle-Yenissei in this time.

Э. Б. Вадецкая

ТАШТЫКСКИЙ МОГИЛЬНИК “СОКОЛОВСКИЙ РАЗЪЕЗД”

До настоящего времени вопросы датировки памятников таштыкской культуры, хронологическое соотношение их с культурой енисейских кыргызов и длительность существования тагарских традиций остаются окончательно не разрешенными.

В связи с этим важное значение имеют результаты раскопок части таштыкского могильника, проведенных в 1987-88 годах Сибирской экспедицией ЛОИА АН СССР в Шарыповском районе Красноярского края. В материалах раскопок не обнаружено ни тагарских черт, ни существенных отличий от других таштыкских памятников Минусинской котловины. Значит, таштыкцы проживали в северном лесостепном районе, но очень долго одновременно с тагарцами. Эти контакты, очевидно, и отразились в особенностях Михайловского могильника (Мартынова, 1985).

Представляемая краткая и предварительная публикация касается нового таштыкского могильника, расположенного на гребне широкой и пологой гривы в 4-5 км от д. Косонголь и в 8 км к западу от оз. Белое. Грива покрыта густым травостоем, поэтому памятники практически на поверхности земли не заметны, но повсюду видны скальные выходы. Под гривой проходит железная дорога, связывающая г. Шарыпово со ст. Красная Сопка. Здесь раньше был переезд, названный местными жителями по имени обходчика “Соколовский”. Напротив могильника на железнодорожной линии имеется отметка: 49,7. Могильник открыт и назван С. Б. Гультовым “Соколовский разъезд”. В 1987 г. С. Б. Гультов раскопал один склеп и 18 каменных выкладок, под которыми либо около которых обнаружены 5 тризн, 3 детские могилки, ямка с захоронением кремированных остатков нескольких человек, а также места, где совершали ритуальные обряды. В 1988 г. в 200 м от раскопок С. Б. Гультова, на северо-восточном участке могильника мной был заложен раскоп площадью 455 м², охвативший 2 склепа и два детских кладбища, в количестве 31 могилы. Предположительно раскопана 1/4 часть могильника, состоящая из 4-х категорий памятников: склепы, детские кладбища, тризны и поминальные приношения, культовые захоронения. Объем статьи позволяет дать лишь суммарное их описание.

Склепы. В результате развала стен склепы приобрели вид круглых каменных насыпей, диаметром 9-10 м. Когда развалы убрали, все сооружения оказались квадратными, 8×8 м, или почти квадратными, 8×7,5 м, ориентированными на З-В или ЮЗ-СВ (рис.1). Они состояли из котлована-камеры и стены, окружавшей камеру с поверхности земли. Ширина стен от 1,5 до 3 м. Стены сложены из плит разного размера, сохранившихся в 1-4 ряда на высоту 30-60 см. Снаружи камни ровно подобраны, уложены на древнюю поверхность и часто над выходом скальника. В этих случаях под стены подсыпана красная материковая глина. Вход в камеры с западной стороны в виде незначительного спуска, где в качестве ступенек уложены 5-6 бревен или досок. Ступеньки выложены поверх материковой подсыпки. Камеры склепов квадратные, 4,5×4,5 м и 4×4 м, глу-

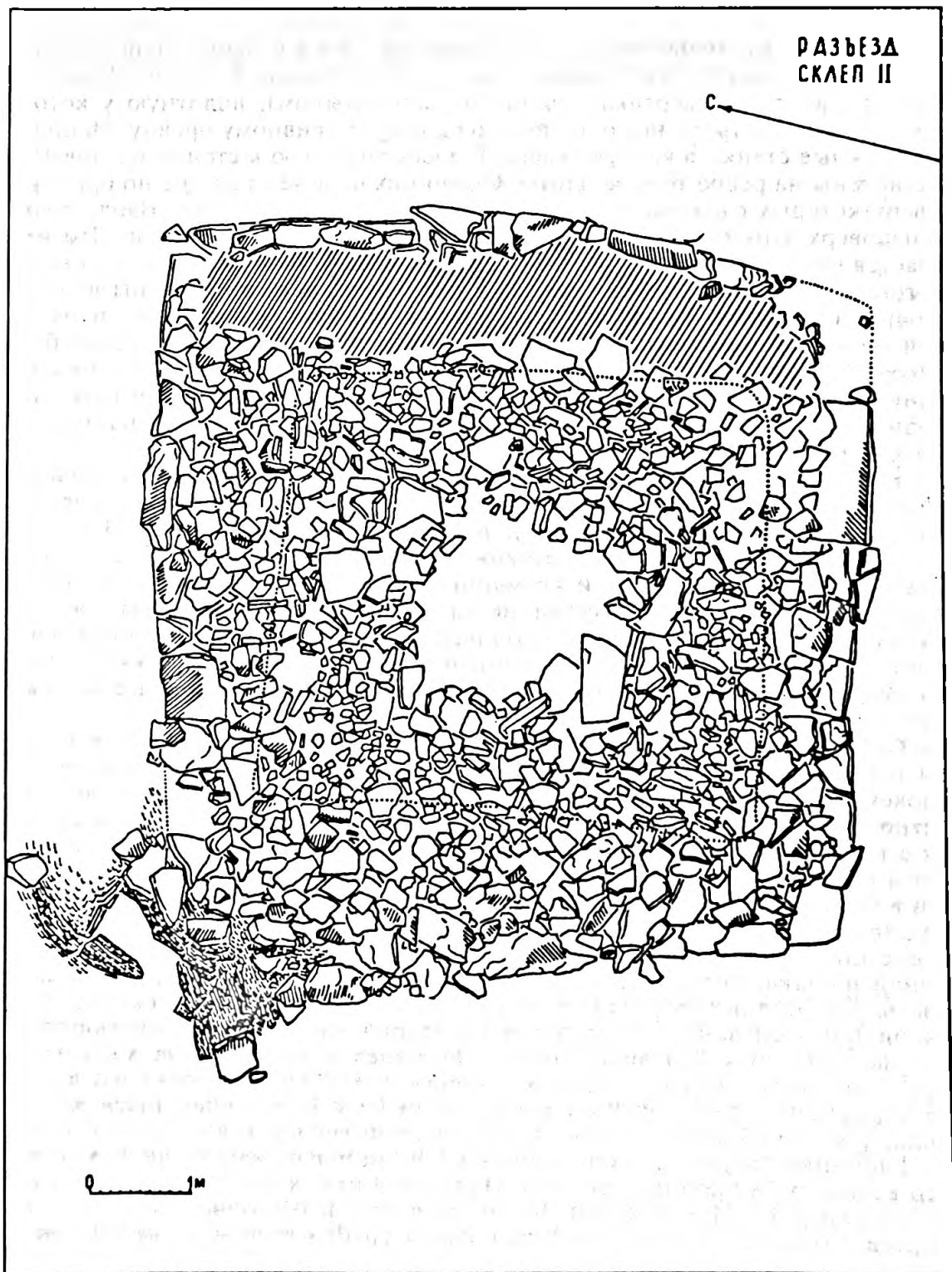

Рис. 1. Внешний вид склепа 2 после расчистки

биной от 0,4 до 0,8 м) в зависимости от близости скальных выходов и толщины подсыпки материка. Для облицовки стен в склепе 1 использованы брусья и доски, они практически не сохранились. В склепе 2 стены камеры обставлены вертикальными бревнами (тыном), вплотную у которых сложена клеть, от нее остались по одному массивному бревну. Наиболее сложные стенки в камере склепа 3. Здесь вплотную к стенам котлована поставлены на ребро тонкие плиты. Около них положено на дне по бревну, поверх которых сложена стенка из двух рядов мелких плиток. Вдоль трех стен поверх этих плиток поставлены вертикально обрубки бревен. Что же касается четвертой, северной, стенки, то на мелкие плитки сначала уложено горизонтально еще одно бревно, а уже поверх него поставлены вертикальные бревешки. Таким образом, стенки комбинированные из плит и горизонтально и вертикально уложенных бревен. Дно камеры покрыто берестой и поверх нее горбылями. Камеры сожжены, обугленные бревна сохранились лишь в нижней части, но, по-видимому, нижний потолок, на уровне земли, был в один-два наката и опирался на столбы, вкопанные в центре ямы (рис.2).

В двух склепах захоронены только останки кремированных людей. Выявлены 11 и 14-15 кучек пепла, но могло их быть больше, т. к. в склепах много костного шлака (склеп 2, 3). В склепе 1 расчищены лишь 3 кучки пепла, но здесь встречены разрозненные и поломанные кости от двух человеческих скелетов. Останки кремации расположены вдоль трех стенок, исключая вход. Их нет и в середине камер, где складывали либо костер, для того чтобы поджечь камеру, либо нечто "алтаря". В качестве последнего в склепе 3 использован естественный выступ скалы в виде аккуратной многоугольной плиты, вокруг которой положены вещи: железные котлы, деревянные модели оружия, плошка, модели удил.

Особое внимание нами было обращено на то, в каких упаковках захоронены остатки кремации. Выяснено несколько вариантов. Во-первых, пепел человека мог быть помещен внутри берестяной куклы, набитой травой. В частности, у восточной стенки склепа 3 лежал крупный берестяной сверток с травой и пеплом. Крупные куски свернутой бересты были в склепе 2 рядом с фрагментами гипсовой маски. Во-вторых, пепел мог быть помещен в глиняный сосуд, на деревянное блюдо, в плошку, в ящичек. Об этом свидетельствуют следующие наблюдения: сожженные косточки находились на дне глиняного сосуда под просочившейся туда землей, а также в деревянной плошке; под многими кучками пепла обнаружены фрагменты дерева или строганные палочки от изделия; чистая кучка косточек, т.е. без всякой примеси земли, была внутри подобия каменного миниатюрного ящичка, под плиткой. Причем, очевидно, пепел человека сначала ссыпали в мешочек, а потом этот мешочек помещали на блюдо, в сосуд и т.д. На это указывают куски костного шлака из склепа 3, т.е. спекшиеся кучки пепла, с хорошо сохранившимися отпечатками грубой ткани.

Глиняные сосуды ставили рядом с кучками пепла, как правило, у нижнего венца сруба либо поверх него. Найдено 9 целых сосудов и фрагменты от еще около 10. Преобладают банки, лощеные и без орнамента, но есть черепки, украшенные вдоль венчика полосой грубых ямок или овалов. Один сосуд горшковидный с раздутыми боками, на которых глубоко прорезаны концентрические круги (рис.4,1-2). Среди черепков три поддона, видимо, от кубков и крупный фрагмент сероглиняного горшка из грубого теста, с примесью дресвы. Сосуд с высоким горлом, напоминает керамику из чаа-

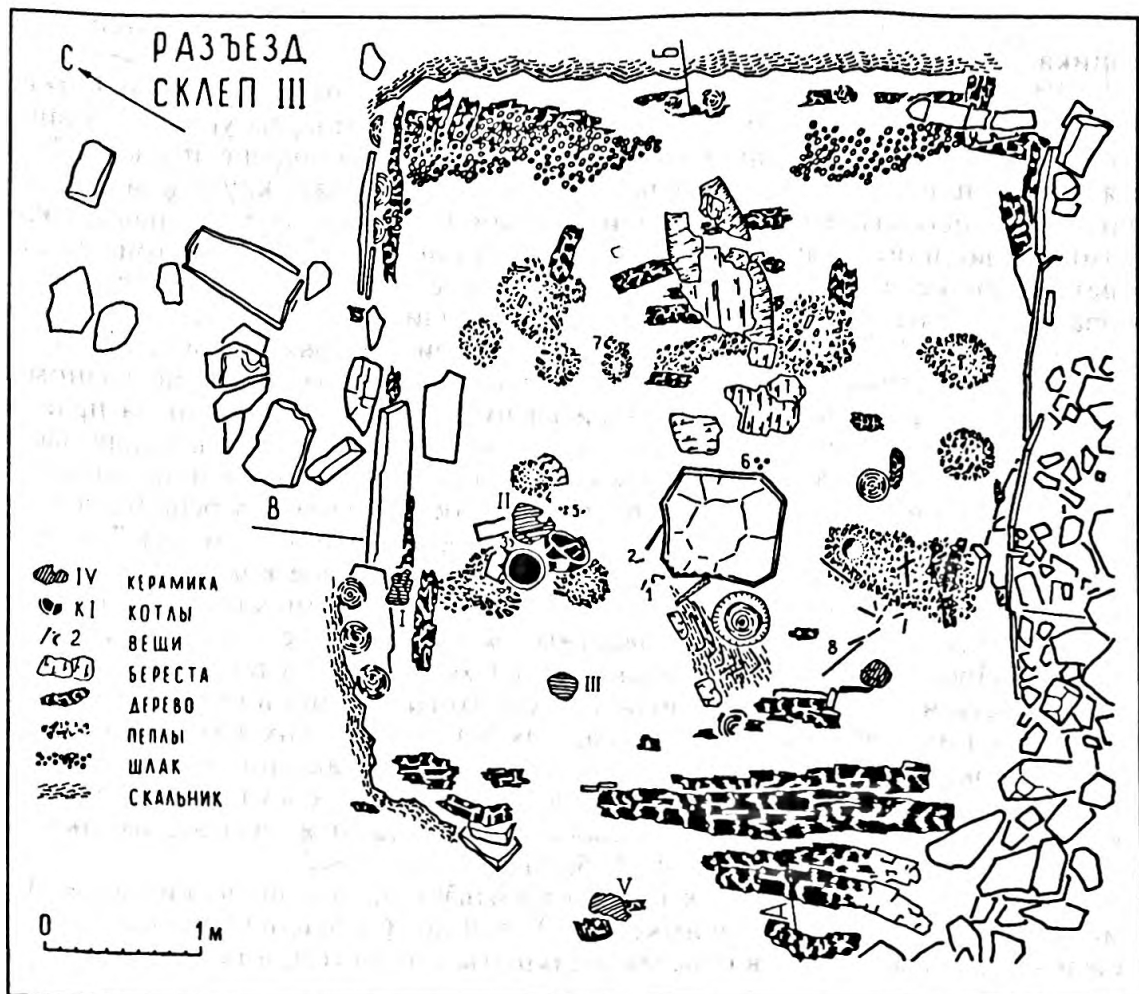

Рис. 2. План дна камеры склепа 3

тас. К редким находкам относятся два кованых железных котла. Один на высоком поддоне и без ручек, второй — круглодонный с двумя вертикальными ручками (рис.5). Железные котлы были ранее найдены только в таштыкском склепе на р. Чулым (Худяков, 1985, рис.3).

Как всегда практически отсутствовали вещи, кроме деревянной доски и миски, 3-х деревянных моделей ножен, обломка удил и железного крюка от колчана, крупной деревянной шестигранной пуговицы. Больше вещей, преимущественно украшений, собрано из заполнения склепа 1. Бронзовые украшения: колечко, обломок пряжки с волютами, четыре тонких подвески, в том числе в виде фигурки животного и птички. Кроме того — 2 колчанных крюка, костяной наконечник стрелы, просверленный астрагал овцы (рис.6).

Детские кладбища расположены около каждого из склепов. Больше их раскопано у склепов 2 и 3. Площадь могильников не выяснена, т.к. могилы безусловно продолжают за пределами раскопа. Похоронены дети преимущественно младенческого возраста: новорожденные, до 0,5 года и до 1,5 - 2-х лет. Из 34 могил только в трех были похоронены дети в возрасте 5-ти лет. Все могилки индивидуальные. Для их вырыты ямки глубиной 30-

60 см. Их стенки обложены берестой или обставлены плитками, наподобие ящика.

Размеры могил соответствуют возрасту ребенка от 55×25 см до 110×65 см. Сами ямки закрыты одним рядом плит, а выше них, на уровне древней поверхности уложен второй ряд плит, по площади больше первого. Эти наземные плиты в свою очередь оконтурены по овалу, кругу или прямоугольнику небольшими брусковидными плитками. В результате над могилами возводились каменные выкладки, приблизительно высотой 20 см, превышающие размеры вырытых ямок. Последние расположены скучено, образуя группы. Каменные выкладки расплылись со временем и слились между собой. В каждой группе могил своя ориентировка на ЮЗ, ЗЮЗ, З, ЗСЗ. Соответственно ориентированы младенцы, уложенные по-разному: вытянуто на спине или с поднятыми вверх коленями, скорчено на правом или левом боку. Иногда под голову подложена плитка, тогда верхняя часть тела чуть приподнята. Иногда ребенку положен только один или два куска баранины, но в 5-ти могилах поставлено по сосуду, а одному ребенку, самому большому в возрасте 5-6 лет, железный черешковый нож (м. 24). Ребенок имел пояс, от которого сохранилась пряжка — железное кольцо (рис. 3).

Сосуды разнообразной формы: крынка, высокая миска, 2 банки с отогнутым венчиком, ваза типа известных в чаатас, но с очень раздутыми боками. Последняя (м. 25) вылеплена из хорошо отмученного теста, на поверхности нанесен узор (полосы гребенчатого штампа и спирали) прокатыванием цилиндрического штампа, как на кыргызских вазах, но кроме этого по окружности сосуд украшен налепами, характерными для богато орнаментированных таштыкских сосудов. Остальные сосуды также по тесту и небрежной лепке сходны с простыми сосудами из чаатас, однако их поверхность подлощенная (рис.4, 3, 5, 7).

Одна из детских могил (м. 23) вызывает этнографические ассоциации. В вырубленной в скале ямке, 55×35×30 см, ССЗ-ЮЮВ, уложен новорожденный, завернутый в бересту и закрытый берестой, а поверх могилки, на уровне древней поверхности, положен берестяной сверток наподобие фунтика, длиной 22 см и шириной 6-15 см, диаметром в широкой части 16 см. Внутри свертка стебельки травы. Эта своеобразная куколка в свою очередь прикрыта берестой и придавлена плитой 120×80 см, обложенной как самостоятельная могилка мелкими плитками. Широко известные в сибирской этнографии “куклы мертвого”, т.е. заменители умерших, тоже в определенных случаях захоранивали в могилу либо клали поверх могилы покойника, которого они изображали. Возможно, что перед нами еще одна прямая аналогия к обычаям, зафиксированным этнографами. До сих пор вероятные прототипы “куклам мертвого” были найдены в Западной Сибири в могилах V-VII и XI вв.

Тризны. Остатки похоронных и поминальных тризн сконцентрированы преимущественно на южном участке могильника, у склепа I. Тризны оставляли прямо на месте совершения обрядов, а также клали на землю под камни либо в специально вырытые ямки. Видимо, это зависело от смысла пиршества. Под развалами стен склепов собраны более 600 костей животных и черепки сосудов. Были и черепа животных, принесенных в жертву: двух коров, двух овец, лося и медведя. Среди ритуального костра, расположенного около одного из погребений, лежали слегка обожженные челюсти 16 быков и коров. На двух челюстях просверлены с какими-то целями круглые отверстия. Части трех коров, трех лошадей и овцы, види-

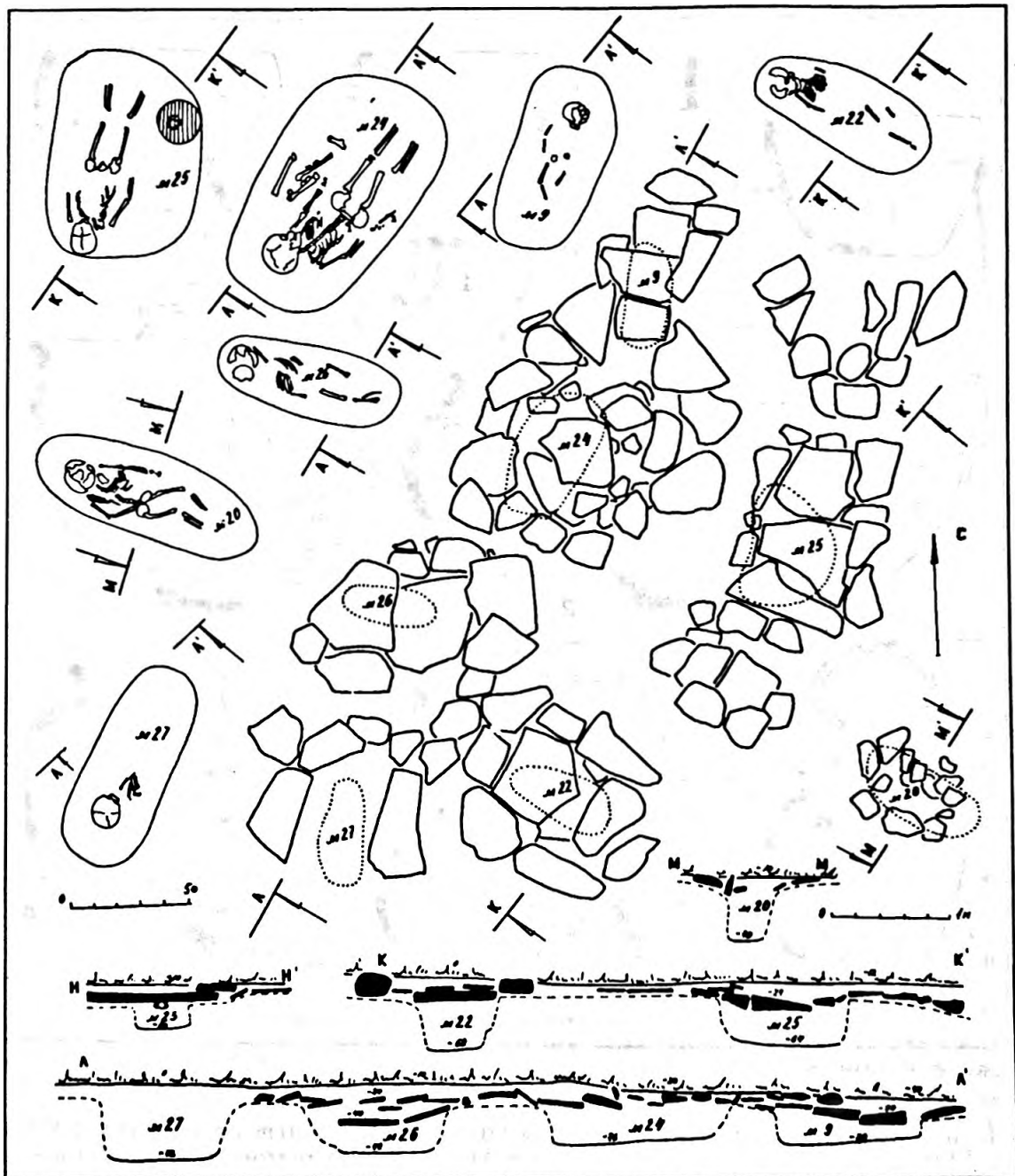

Рис. 3. Группа детских могил под каменными выкладками

мо, с головами (сохранились челюсти) были закрыты специальной каменной вымосткой.

В трех специальных ямках, прикрытых вымостками, зарыты: туша овцы, разрубленная на части, сосуд и два сосуда, один закрыт плиткой. Сосуды из ямок с приношениями отличаются от керамики склепов и детских могил. Это горшки с четко выраженными плечиками и нешироким отогнутым венчиком, толстостенные, вылеплены из красной глины, нелощенные.

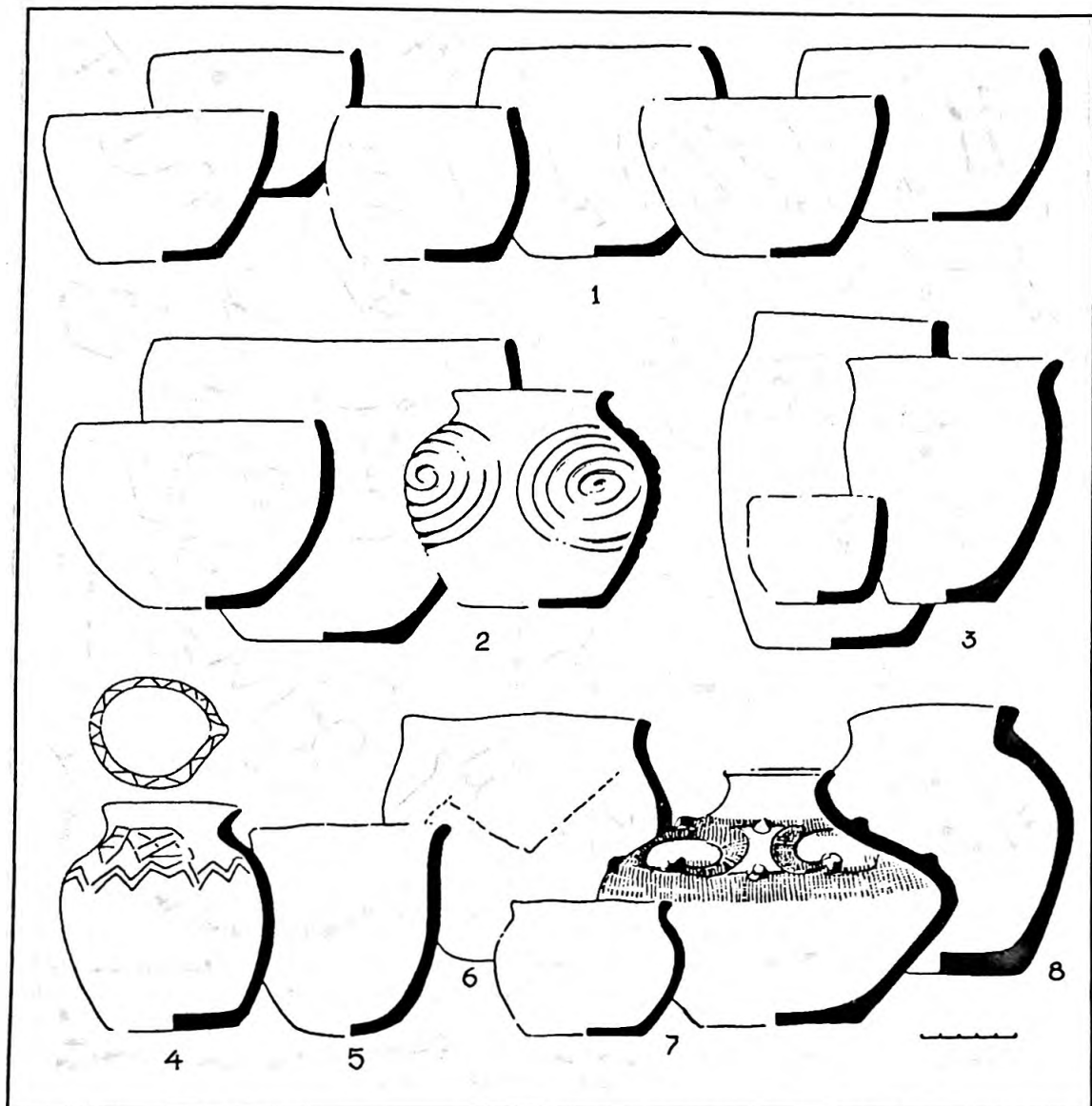

Рис. 4. Керамика из могильника: 1 — склеп 2; 2 — склеп 3; 3, 5, 7 — детские могилы; 4, 6, 8 — ритуальные выкладки-помины

На поверхности одного прочерчены зигзаги, остальные со следами росписи. Аналогичные сосуды встречены в Михайловском могильнике и поселении. Видимо, это кухонная посуда. На венчике одного из них намечен слив, как у таштыкских кувшинов в склепах Енисея (рис. 4, 4, 6, 8).

Культурная принадлежность раскопанного комплекса определяется, главным образом, по склепам, имеющим конструкцию, посуду и другие типично таштыкские вещи. Комплекс включает все категории памятников, известных на таштыкских могильниках, склепы, детские могилы, ямки с поминами. То обстоятельство, что рядом со склепами ранее не были выявлены места жертвоприношений животных, вполне объяснимо, ибо площади вокруг склепов практически не раскапывали. Между тем эти места широко известны на таштыкских грунтовых могильниках, где черепа ло-

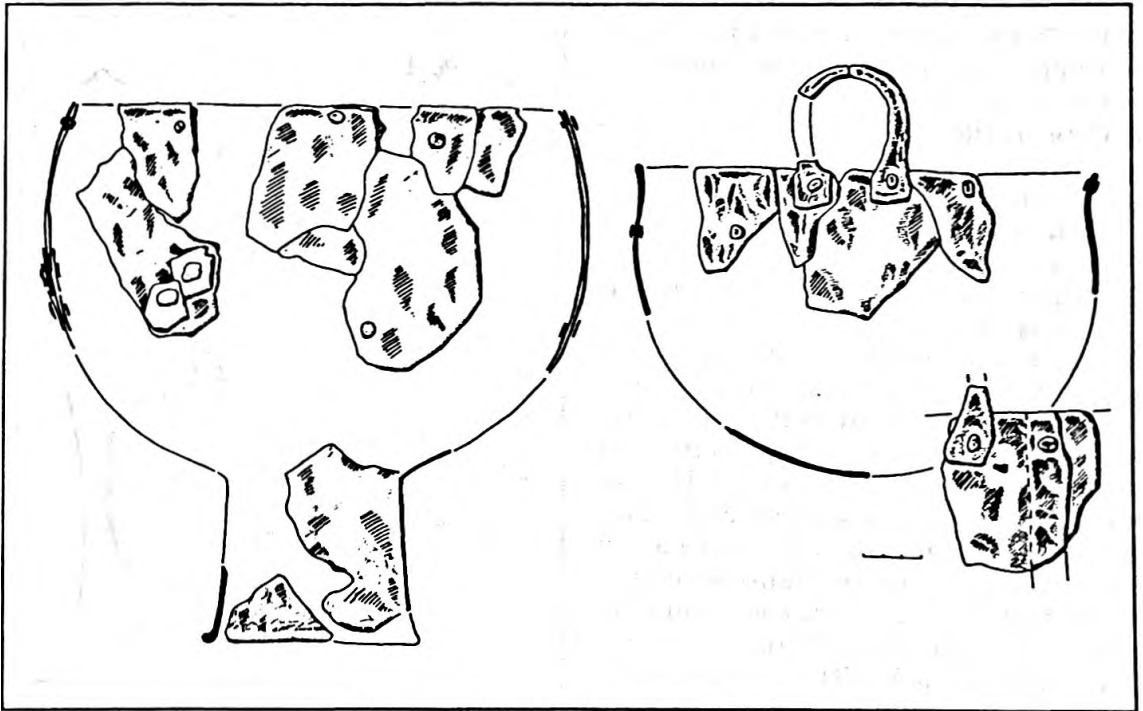

рис. 5. Реконструкция железных котлов из склепа 3

шалей, коров и реже овец, закопаны в ямы около могил либо в земляной надмогильный холмик. Некоторые ямки вымощены на поверхности земли плитками (могильники Мысок, Чегерак), однажды в ямку был закопан очень крупный сосуд с двумя пробитыми конскими головами (могильник Красная Грива).

Немаловажным является сходство керамики нашего могильника с Михайловским комплексом и тот факт, что в исследуемом нами пункте не было курганов типа чаатас либо взрослых захоронений, которые можно было бы отнести к культуре чаатас. Почему же сосуды, более характерные для последней найдены в детских могилах могильника "Соколовский Разъезд"?

Следует вспомнить, что в Копенском поселении, как и в Михайловском могильнике, обнаружена керамика трех типов: таштыкские банки, кыргызские банки и вазы. Акцентируя на этом внимание, исследователи подчеркивают преемственность культуры чаатас и таштыкской (Евтюхова, 1948: 77). Поэтому все случаи, когда в могилах, преимущественно в детских, встречается таштыкская керамика и керамика эпохи чаатас либо грубые лепные банки, но с таштыкским орнаментом, рассматриваются лишь в аспекте односторонней связи. Более того, детские могилки вокруг склепов определяются по культурам по формальному признаку — керамике, хотя они часто расположены вперемежку и не перекрывают одна другую (Тепсей III, мог.12,36,37,50; Сарагашенский увал и т.д.) Однако и в таштыкских склепах встречались сосуды, сходные с теми, что в чаатас (Кривинское, склепы 3, 4; Дальняя Чея). Но только раскопки Михайловского могильника, содержавшего таштыкскую керамику с чисто кыргызскими вазами и другими вещами, заставили поставить вопрос о периоде сосуществования культур позднего таштыка и эпохи чаатас. Материалы могиль-

ника “Соколовский Разъезд” могут быть использованы при изучении происхождения культуры чаатас, но это другая тема. В данном контексте вышеуказанные сосуды позволяют косвенно относить могильник к позднему периоду таштыкской культуры, так как их появление в комплексе является не этническим, а хронологическим признаком.

Для датировки могильника может быть использован обломок пряжки с волютами. Этот тип пряжек датируют по корейским аналогиям V-VI вв. (Амброз, 1971, рис.12,6). Их датировка четко корректируется в склепах Минусинской котловины по восьмеркообразным цепочкам для подвешивания предметов к поясу, широко распространенных в соседних регионах в V-VII вв. Железные котлы из могильника сходны с котлами могильника Хызылар, который по типу найденных в нем пряжек также не ранее V-VI вв.

Однако более точная дата зависит от установления времени появления в Ачинской лесостепи культуры чаатас или хотя бы от даты периода ее сложения в Минусинской котловине. Пока этот период определяется лишь условно VI-VII вв.

В литературе существует мнение, что для датировки таштыкских склепов может быть использована керамика. К сожалению, лишь отчасти и не в данном районе. Керамика в таштыкских памятниках левого берега Енисея и северо-западнее их мало изменяется на всем протяжении таштыкской культуры, здесь всегда ведущими формами были простые банки и кубки. Что касается специфических форм, то они выделяются лишь визуально из-за малого числа исследованных объектов.

Согласно осмотру местности в районе могильника Соколовский Разъезд можно ожидать еще один склеп (по небольшой припухлости земли) и неопределенное количество детских могил, а также тризн. Их раскопки вряд ли изменят наше представление о памятнике. Тем не менее частичность раскопок могильника следует иметь в виду при оценке его значения в плане исследуемой проблематики. Предварительная публикация комплекса объясняется отсутствием перспектив продолжить на нем работы в ближайшие годы.

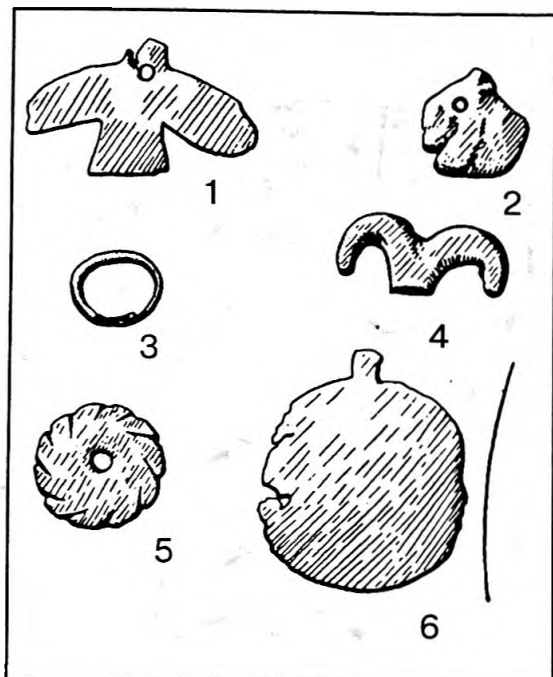

Рис. 6. Украшения из заполнения склепа 3; 1, 2, 5, 6 — бронзовые подвески; 3 — бронзовое колечко; 4 — часть пряжки или накладки с волютами.

H. B. Vadetskaja

TASHTYK CEMETERY "SOKOLOVSKI RAZEZD"

Such burial-ground is investigated in forest region for the first time. That is why it is import for origin local archaeological culture.

Three types of monuments are on this burial-ground. Ten or twenty cremations were buried in the vast tombs. Children's little graves and the pits with funeral meal are situated not far from large tombs.

This burial-ground dates apparently from six-seven century old.

А. Я. Щетенко

БАЖИН-АЛААК — ГОРОДИЩЕ УЙГУРСКОГО ВРЕМЕНИ В ТУВЕ

Городище Бажин-Алаак находится в 1,5 км к западу от пос. Чаа-Холь в Улугхемском районе Тувы. Оно расположено на равнине, переходящей к северу в пойму Енисея, а на юге ограниченной цепью возвышенностей. В 2 км к западу от городища течет речка Чаа-Холь, впадающая в Енисей. Еще дальше на западе видны величественные вершины Бай-Дага. Сейчас, после строительства Саяно-Шушенской ГЭС, вся эта красота ушла под воду. Городище имеет почти квадратную форму (302×305 м) и ориентировано длинной осью на ССЗ. По периметру четырехугольника прослеживаются остатки стен, принявших форму оплывших валов, ширина которых колеблется от 6-7 до 10-15 м, а максимальная высота от поверхности равнины достигает 2,5 м. По периметру и по углам городища выделяются массивные возвышения — остатки башен. Вход на поселение находился с восточной стороны, где прослежен разрыв вала. Внутри городища расположены многочисленные всхолмления, вероятно, остатки древних построек.

Памятник открыт в 1957 г. и впервые раскопан в 1958 г. С. И. Вайнштейном (1959). Основной раскоп в 700 кв. м был заложен в северной части городища, где выявлены углубления семи землянок и остатки наземного сооружения из сырцовых кирпичей (рис. 1). Похожая строительная техника прослежена и при раскопках центральной башни северной стены, гребень которой, по мнению раскопщика, был укреплен камнями и имел деревянную двускатную крышу, опирающуюся на деревянные столбы. Керамика уйгурского времени дала дату VIII-IX вв., а фрагменты посуды киданьского времени позволили предположить существование жизни на городище вплоть до нашествия Чингиз-Хана.

В 1967-1969 гг. исследования Бажин-Алаака производились II отрядом Саяно-Тувинской экспедиции (Мандельштам, 1969, 1970). Ими была подтверждена датировка городища уйгурским временем и раскрыты новые постройки из сырца и землянки в северо-западной части и в центре поселения (рис. 1). Работы здесь велись А. А. Гавриловой.

В 1975-1978 гг. работы на городище были продолжены I отрядом Саяно-Тувинской экспедиции (Щетенко, 1976, 1977; Щетенко, Миняев, 1979). Перед отрядом стояло несколько задач: изучение фортификации городища, уточнение хронологии, выявление элементов внутренней планировки поселения и остатков культуры его обитателей. Все основные успехи были достигнуты уже в 1975 г., как и объемы земляных работ, осуществленных благодаря трудолюбию и энтузиазму П. Г. Павлова. Он же, применив среднеазиатскую методику, достиг поразительных результатов в интерпретации остатков сырцовой архитектуры, определив основные элементы раскапываемого объекта. Основным объектом исследования был выбран северо-восточный угол городища (рис. 1), где в раскопе на площади, впоследствии доведенной до 1000 кв. м, вскрывались остатки угловой башни и примыкающих к ней стен — восточной и северной. Раскоп был сориенти-

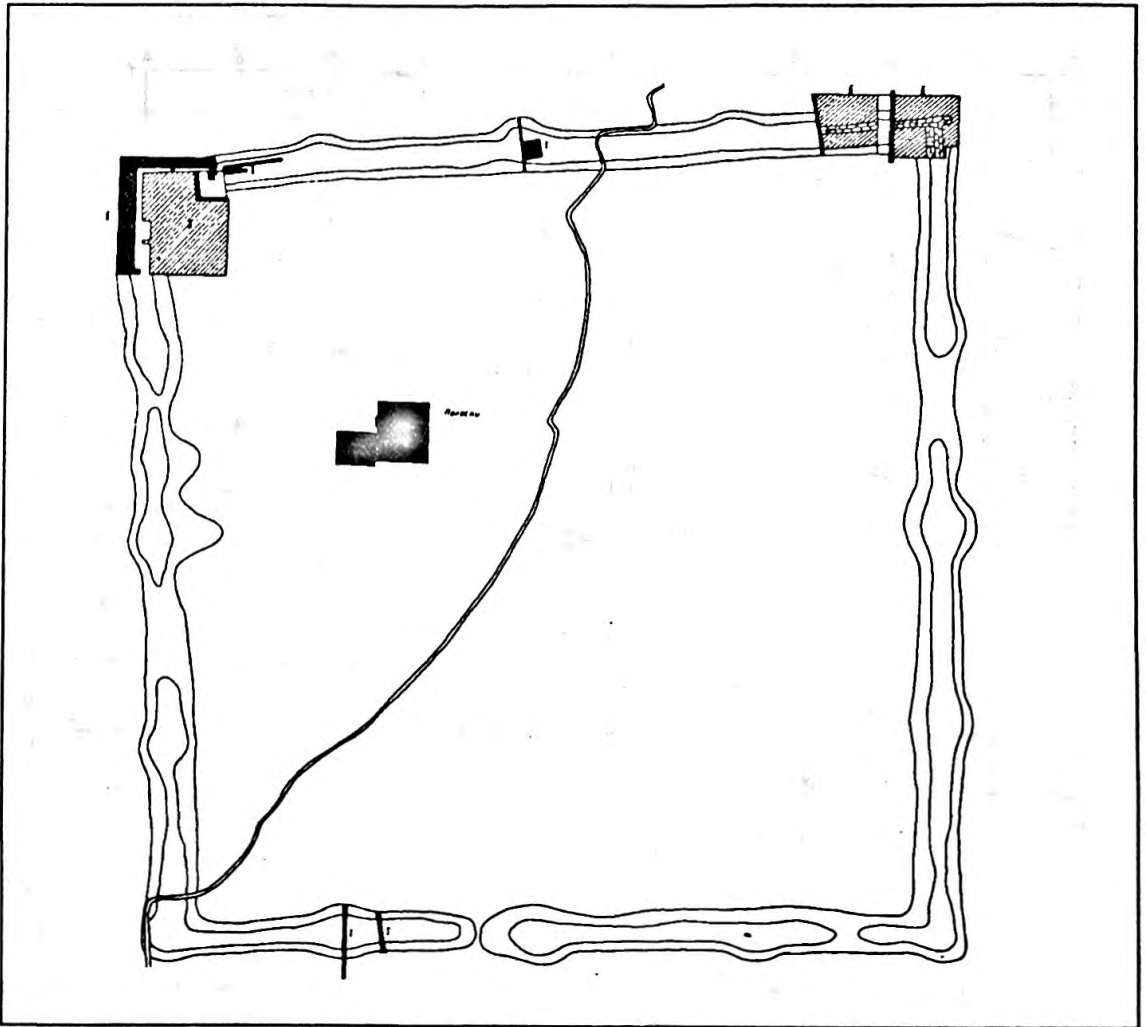

Рис. 1. Бажин-Алаак. План городища.

I. — Раскопы С. И. Вайнштейна. II — Раскопы А. М. Мандельштама. III — Раскопы А. Я. Щетенко. В центре поселения — раскопы С. И. Вайнштейна и А. А. Гавриловой.

рован строго на север. Для фиксации материала разбиты квадраты (5×5 м) с нумерацией от А до Л (с востока на запад) и от 1 до 6 (с севера на юг). Целиком была раскопана угловая башня, а также 40 м северной и 6 м восточной стен (рис. 2А, Б). Внутри городище изучено на площади 700 кв. м, причем раскоп доведен до слоя уйгурского времени (один шурф пройден на глубину 5 м), а в двух местах траншеями прорезаны стены и вал городища до материка.

В результате наших работ на Бажин-Алааке впервые были раскопаны и интерпретированы конструктивные особенности защитных сооружений городища: башен, стен, платформы и рва (рис. 3). В основании северо-восточной башни и примыкающих к ней стен обнаружена глинобитная платформа, прослеженная затем по периметру городища. Цоколь стен сложен из пахсовых блоков прямоугольных очертаний (40×50×70 см) и покрыт сверху глиняными обмазками. Его высота 0,8-1,2 м, ширина в верхней части 2,5 м. По внешнему фасу цоколь обшит "рубашкой" (термин,

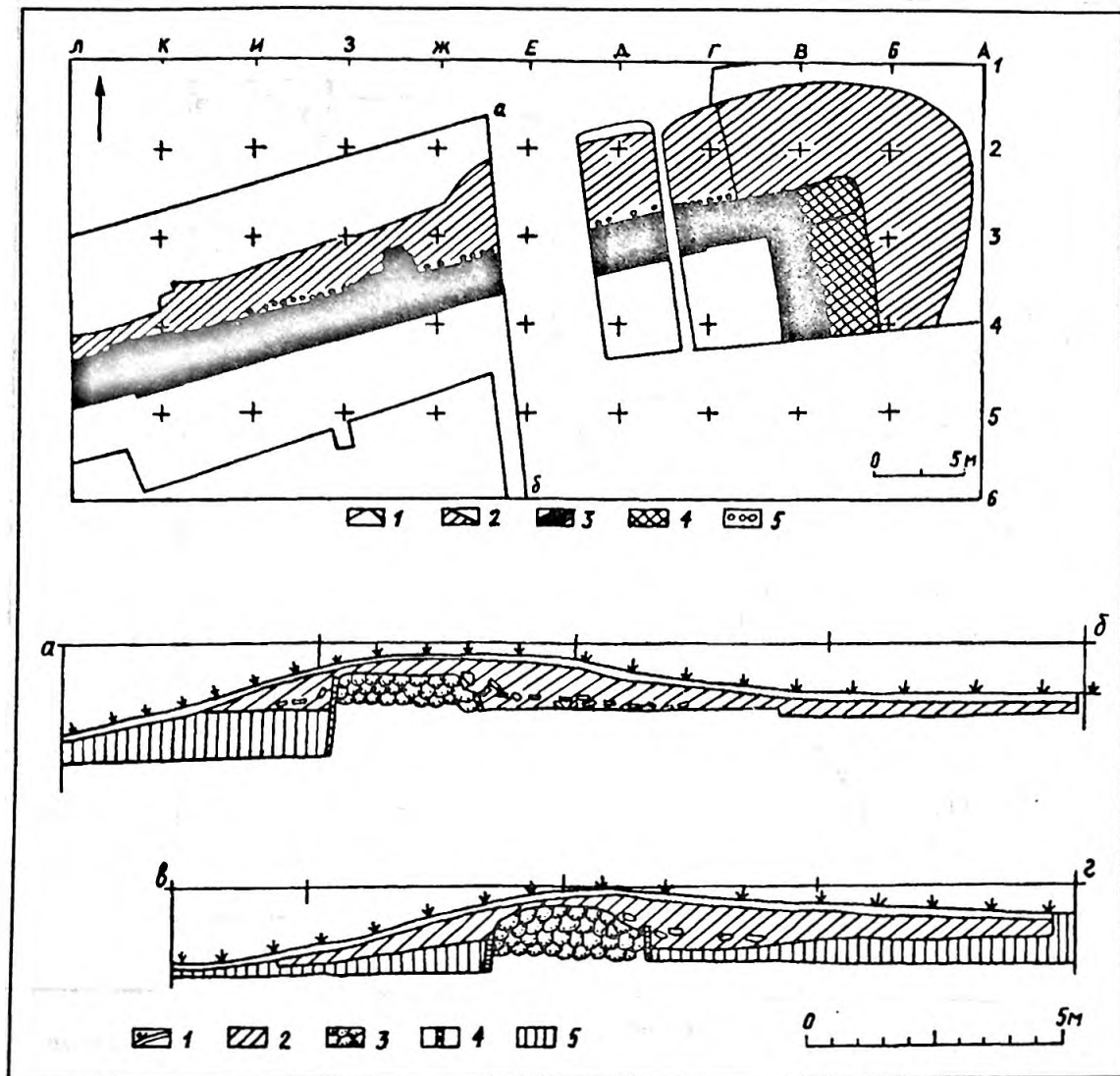

Рис.2А. Бажин-Алаак.

План раскопа северо-восточной башни и примыкающих к ней северной и восточной стен.

1 — граница раскопа; 2 — платформа; 3 — фундамент стены; 4 — ямки для кольев; 5 — развал башни.

Рис.2Б. Бажин-Алаак.

Разрезы стен (северной — а-б и восточной — в-г).

1 — дерн; 2 — развал стены; 3 — фундамент стены; 4 — обкладка ("рубашка") стены; 5 — платформа.

предложенный П. Г. Павловым) из плоских глиняных кирпичей (70×30×10 см), а также укреплен деревянным тыном. 40 ямок от столбов диаметром 7-10 см, с интервалами в 30-50 см расчищено вдоль внешнего фаса цоколя. В некоторых из них сохранились куски дерева. Сами стены также были сооружены из паховых блоков, но меньших размеров; высота стен 3,5-4 м (рис. 2А, Б).

Вдоль северной стены городища на площади 15 кв. м раскрыта кладка из камней средних размеров (20×30 см), замазанных слоем глины толщи-

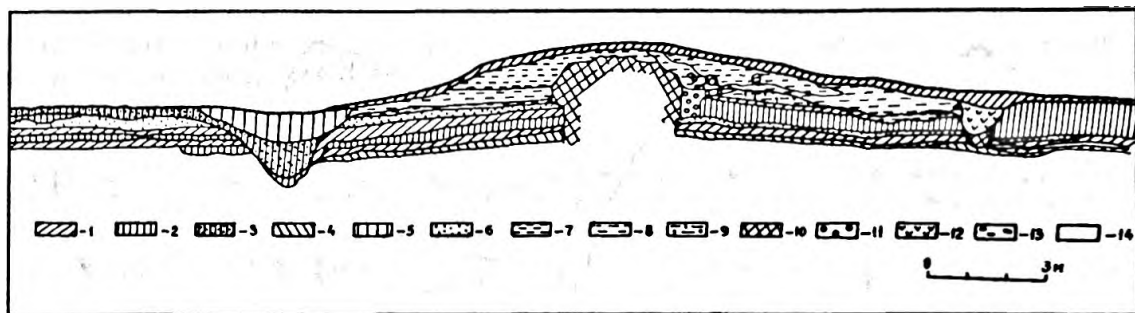

Рис.3. Бажин-Алаак. Западный разрез траншеи I.

1 — дерн; 2 — культурный слой;

- 3 — супесь с песком; 4 — гумусированный слой; 5 — суглинок; 6 — заполнение рва гумусом; 7 — песок;
 8 — развал стены (глина и земля); 9 — смытый развал стены (глина и крупнозернистый песок);
 10 — супесь (песок и пепел); 11 — пахса (сырец); 12 — камни; 13 — горелый слой; 14 — кости.

ной 3-4 см. После разборки кладки и зачистки культурного слоя выявлен ряд столбовых ямок диаметром 25-30 см, иногда парных: которые на равном расстоянии располагались по краю кладки с внутренней ее стороны. Здесь же открыты и хозяйственные ямы, содержащие кости животных. Тот факт, что кладка перекрывает их, позволяет предположить существование двух периодов в строительстве оборонительных сооружений. Наблюдения на разрезах стены и рва подтвердили это предположение (рис. 3). Первоначально поселение было окружено земляным валом с деревянным тыном и рвом шириной 3 м. Датировка этого сооружения весьма проблематична, но, учитывая находки каменных полированных топоров в шурфах центральной части поселения, его первоначальное заселение можно отнести ко II тыс. до н.э. Мощный выкид из древнего рва образовал земляной вал, который впоследствии, в уйгурское время, был использован как основание для возведения на нем стен из блоков, описанных выше.

Существует единое мнение, что городище погибло от нашествия более сильного противника. Об этом свидетельствуют, обнаруженные ранее, проломы (шириной до 10 м) в восточной и западной стенах, через которые враги могли проникнуть в крепость. Наши работы подтверждают эту версию. На всей площади раскопа на одном уровне обнаружены следы обожженной глины, земли и дерева, что однозначно указывает на то, что поселение погибло от пожара. Кроме того, на северной стене, около башни, расчищен неполный скелет (отсутствуют кости нижних конечностей, от правой руки осталась одна плечевая кость) мужчины, возможно, воина — защитника крепости, со следами насильственной смерти: в грудном позвонке его застрял наконечник железного дротика, в черепе над правым надбровием зияли два отверстия от удара острым оружием. И неполнота скелета, вероятно, связана с предсмертными пытками, столь характерными для Востока той эпохи. Все это в целом характеризует финальный этап в жизни городища и как будто подтверждает свидетельства письменных источников, которые говорят, что в 840 г. Уйгурский каганат пал под ударами кыргызов. Керамика последних найдена в малом числе на поселении, что может указывать лишь на временные посещения заброшенного городища в более позднее время, так как основной археологический материал связан с уйгурской эпохой. И найден он не с остатках фортификационных сооружений, а в культурном слое внутренней части городища, главным образом, в хозяйственных ямах.

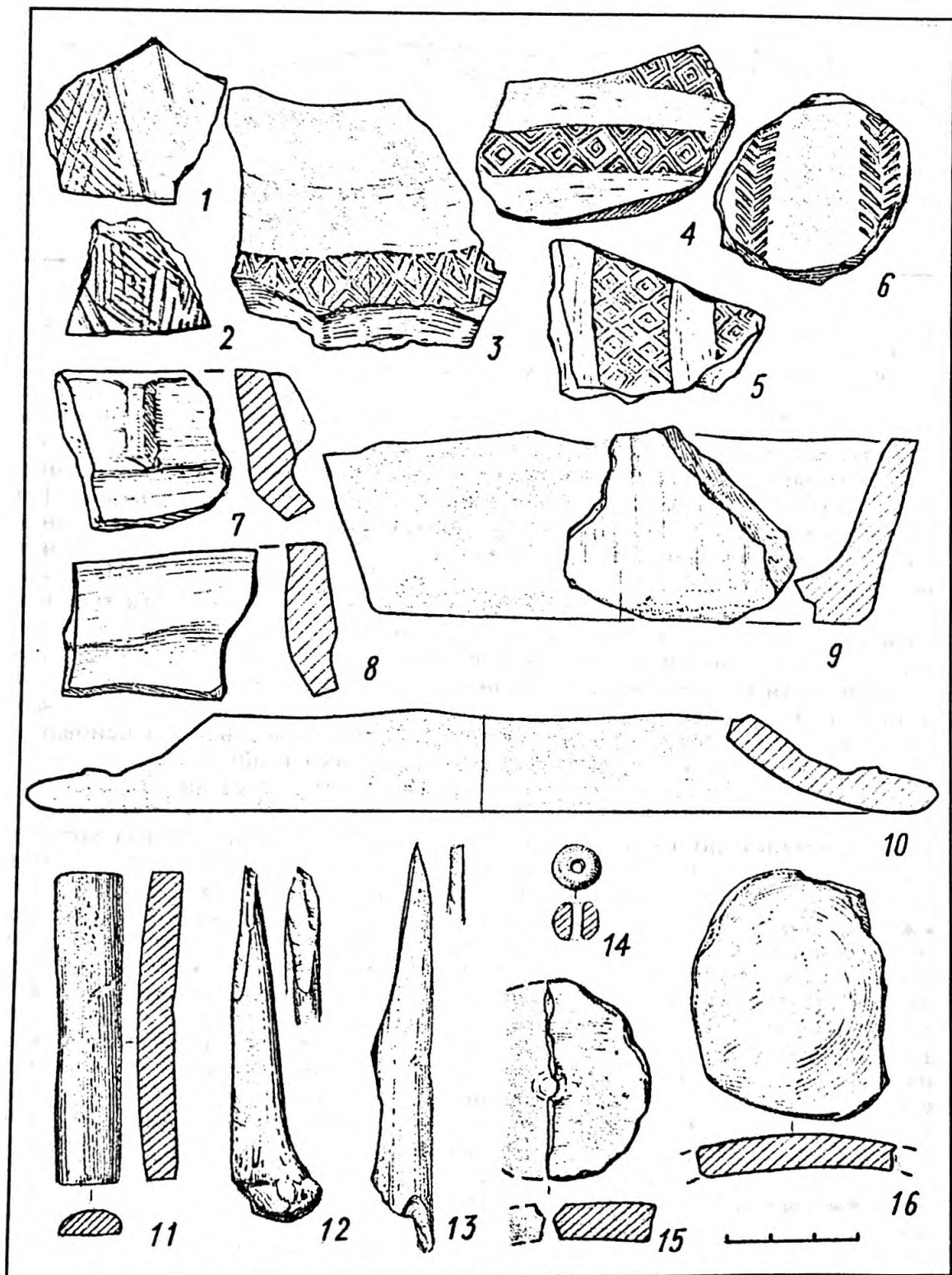

Рис. 4. Бажин-Алаак. Уйгурская керамика (1-10) и мелкие изделия (11-16).

Всего на внутренней части поселения расчищено 60 ям, 40 из них остались от столбовых деревянных конструкций и их диаметр не превышает 25-30 см. Остальные 20 ям хозяйственного назначения. Одни округлой формы (диаметр 60-100 см), другие — прямоугольной (80×100 см). Культурный слой городища представляет собой гумусированную супесь, насыщенную прослойками золы и обожженной глины. Его мощность от уровня древней дневной поверхности до глиняной обмазки толщиной 2-3 см, зафиксированная на многих участках раскопа, 80-90 см. На этой обмазке и выявлены столбовые и хозяйственные ямы. Здесь же и каменная вымостка округлой формы на площади 9 кв. м, выложенная из гальки диаметром 15-20 см. Она покрыта такой же глиняной обмазкой и развалом каменной кладки, что позволяет отнести их существование к одному времени. На вымостке лежало несколько фрагментов керамики, среди которых особенно интересен экземпляр с орнаментом в виде волнистых линий, по мнению С. С. Миняева, напоминающий керамику, характерную для племен забайкальских сюнну.

Среди археологических находок самую большую коллекцию составили кости крупного и мелкого рогатого скота и лошади, определенные в поле Н. М. Ермоловой. Керамика представлена двумя видами — лепная и изготовленная на гончарном круге, среди которой преобладала сероглиняная посуда с вертикальными лощением. Характерен прочерченный орнамент с геометрическими рисунками, а также в виде штампованных ромбов, образующих широкие ленты на тулове сосуда (рис. 4). Формы — плоскодонные высокогорлые кувшины, горшки, миски с венчиками различной формы. Мелкие находки разнообразны: бусина из зеленого стекла, изделия из кости (проколки, двухдырчатые псалии, рукоятки ножей, накладки для луков, три типа наконечников стрел), пряслица и заготовки для них из стенок сосудов, фрагменты железных и бронзовых изделий. Весь комплекс вещей находит аналогии в материалах уйгурских погребений могильника Чааты-1, а характер фортификации Бажин-Алаака сближает его с уйгурскими городищами, расположенными близ г. Шагонара (ныне он также на дне моря (Кызласов, 1969). В свое время мы посещали эти городища и можем свидетельствовать, что техника их сооружения аналогична памятнику, описанному нами выше. Схож и материал: земля, глина — сырец, дерево. Ни о каком кирпиче не может быть и речи. Следовательно, реконструкции Л. Р. Кызласова шиганарских городищ как крепостей регулярной планировки с кирпичными стенами и башнями (очень напоминающими европейскую архитектуру) должны быть пересмотрены. Вероятно, строились крепости из дерева, глины и дерна, что, кстати, и отмечают китайские источники для своих соседей уйгуров. Внутри периметра стен имелось много свободного пространства, где в тревожные военные времена содержался скот. Возможно, что и так называемые “проломы” являлись лишь широкими воротами, через которые быстрее и удобнее было загонять на городище скот во время опасности. Подчеркнем еще раз, что главная заслуга в пересмотре архитектурной традиции уйгуров принадлежит П. Г. Павлову, чья скрупулезная методика позволила на высоком научном уровне провести раскопки городища Бажин-Алаак, которое нужно датировать VIII — серединой IX в.н.э., то есть тем периодом, когда Тува входила в состав Уйгурского каганата.

A. Va. Shchetenko

BAGEN-ALAAK — THE FORTRESS OF THE UIGUR TIME IN THE TUVA

The article dedicated to Memory of the Late P. G. Pavlov, who took part in the excavations of the Bagen-Alaak in 1975. Bagen-Alaak is a medieval fortress located in the Upper Venisey basin near the settlement Chaa-Hol, the district Ulughem in the Tuva. The fortress has a square form almost (302×305 m) (fig.1). The our investigations gave a new information about several phases of the construction of the fortress and three principal elements: the platform, the moat and the wall (fig.2,3). The wall was reinforced by clay bricks (70×30×10 cm) (the "shirt") and by the fence (paling) of wood on the outside and inside. The archaeological material: the Uigur pottery, small finds, implements of bone and metal (fig.4) dates this assemblage and the fortress also to Uigur time — VIII — middle IX A.D.

Г. В. Длужневская, Л. Ю. Березовская

МАТЕРИАЛЫ СИБИРСКИХ НОВОСТРОЕЧНЫХ ЭКСПЕДИЦИЙ В ФОТОАРХИВЕ ЛОИА АН СССР

Начало работ по охране памятников в рамках Российской Академии Истории материальной культуры (РАИМК), далее — Института истории материальной культуры АН СССР (ИИМК) и, наконец, Института археологии АН СССР (ИА) — было положено в октябре 1918 г. Декретом СНК “О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений”, хотя, надо сказать, что вопрос об охране памятников привлек внимание СНК еще раньше — в марте-апреле того же года. Названный Декрет СНК вызвал к жизни специальные поездки с целью выявления и учета подлежащих охране памятников, особенно монументального зодчества.

В 1924 г. последовал Декрет ВЦИК и СНК РСФСР “Об учете и охране памятников искусства, старины и природы”, особо активизировавший деятельность учреждений и организаций на местах.

Основными вехами на пути организации археологической службы на новостройках стали Постановления Правительства от 10 февраля 1934 г. “Об охране археологических памятников”, 14 октября 1948 г. “О мерах улучшения охраны памятников культуры”, 30 августа 1960 г. “О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры РСФСР” и, наконец, Закон СССР 1976 г. “Об охране и использовании памятников истории и культуры”.

Комитет по организации работ, а также учета и охраны памятников археологии на новостройках был организован в 1932 г., когда работы по освоению Сибири начались полным ходом. Масштабные исследования были прерваны во время Великой Отечественной войны и возобновились, имеется в виду в Сибири, в конце 1950-х гг. в связи со строительством ГЭС. Обследовались зоны водохранилищ Красноярской и Саяно-Шушенской ГЭС (60-80-ые гг.). С начала 70-х гг. в число исследуемых памятников были включены находящиеся в зонах мелиоративных работ (Среднееннисейская экспедиция) и на КАТЭКе (Сибирская экспедиция).

В единственном в нашей стране археологическом фотоархиве отложились материалы исследований ряда названных экспедиций. В предлагаемом авторами кратком обзоре коллекций фотодокументов называется экспедиция, ее начальник и начальники отрядов, номер коллекции в фотоархиве ЛОИА и количество негативов (нег.) и отпечатков (отп.), содержащихся в ней. По возможности перечислены объекты работ.

Красноярская экспедиция. Начальник М. П. Грязнов.

В фотоархиве отложились материалы работ крупнейшей новостроечной экспедиции, начиная с 1958 и по 1976 г. включительно. В разные годы в ее составе было различное количество отрядов. В работе экспедиции приняли участие многие археологи из Ленинграда, Москвы, Красноярска, Томска и др. Коллекции пополнили фонды музеев. Фотодокументы сконцент-

рировались в фотоархиве, но некоторая часть (не менее 30 тысяч единиц) остается неразобранной в фонде М. П. Грязнова, бывшего бессменным начальником Красноярской экспедиции.

1958 год. Коллекция 2016. Катушек — 2, нег. — 137, отп. 159. Материалы раскопок могильников Карасук II и Гришкин Лог: полевая работа, чертежи и снимки находок.

1960 год. Коллекция 2118.

Нег. — 70, отп. — 70. Материалы раскопок под руководством М. П. Грязнова могильников и стоянок Красноярского края: чертежи и снимки находок.

Нег. — 62, отп. — 62. Материалы работ Потрошиловского отряда (нач. А. А. Гаврилова) на могильниках Суханина и Подсуханнино у с. Потрошилово в Минусинской котловине.

Нег. — 31, отп. — 24. Работы палеолитического отряда (нач. З. А. Абрамова): раскопки стоянок Таштык I и II — полевая работа, чертежи и снимки находок.

Нег. — 9, отп. — 9. Раскопки могильника Подгорное озеро у с. Батени (нач. А. В. Давыдова): планы и чертежи.

Нег. — 20, отп. — 20. Раскопки могильника Гришкин Лог I в Минусинской котловине и стоянки Усть-Собакина близ Красноярска (нач. Г. А. Максименков): планы и снимки находок.

Нег. — 18, отп. — 18. Обследования в г. Канске, проведенные Г. А. Максименковым: снимки находок.

1961 год. Коллекция 2155.

Катушек — 23, нег. — 277, отп. — 426. Раскопки под руководством М. П. Грязнова могильников Подгорное озеро, Карасук I, III и Барсучиха V у с. Батени: полевая работа, чертежи, снимки находок.

Нег. — 77, отп. — 79. Работы палеолитического отряда (З. А. Абрамова и С. Н. Астахов) раскопки стоянок Кокорево I, II, III и IV у д. Кокорево в Минусинской котловине: полевая работа, чертежи и снимки находок.

Нег. — 56, отп. 56. Коллекция 2160. Работы неолитического отряда (нач. Н. Н. Гурина): раскопки стоянки Усть-Бирюса — планы, разрезы и снимки находок.

1962 год. Коллекция 2215.

Катушек — 35, нег. — 131, отп. — 398. Раскопки под руководством М. П. Грязнова разновременных могильников, Карасук I, III, V-VIII, IX, Барсучиха V, Батени, Каменный Лог II, Ярки I, II, Пристань I. Буфер и поселений Каменный Лог I, Батеневская Протока и Крестик.

Нег. — 43, отп. 39. Палеолитический отряд (нач. З. А. Абрамова): раскопки стоянок Кокорево I, II и VI — полевая работа, чертежи, снимки находок.

Нег. — 45, отп. 45. Неолитический отряд (нач. Н. Н. Гурина): раскопки стоянки Усть-Бирюса — чертежи.

Нег. — 214, отп. 214. Черновский отряд (нач. Г. А. Максименков): раскопки разновременных могильников по р. Черновой в Хакасской АО - Черновая I, II, III, IV-VIII — полевая работа, чертежи, снимки находок.

1963 год. Коллекция 2260. Катушек — 36, нег. — 1116, отп. — 1422.

Карасукский отряд (нач. М. П. Грязнов): раскопки могильников и стоянок близ сел Батени, Сарагаш, Кокорево, Новоселово и Байкалова — полевая работа, чертежи, снимки находок.

Туранский отряд (А. Д. Грач): работа на могильниках Туран I и II в Минусинской котловине: полевая работа, чертежи и снимки находок.

Позднекаменнокаменный отряд (А. А. Гаврилова и А. С. Каманцева): работы на могильниках Черновой Лог I и II в Минусинской котловине: полевая работа, чертежи и снимки находок.

Палеолитический отряд (З. А. Абрамова и С. Н. Астахов) проводил раскопки стоянок у с. Кокорево (Кокорево I, II, IV) в Минусинской котловине: полевая работа, чертежи и снимки находок.

Каменноложский отряд (нач. М. Н. Комарова) провел раскопки могильников Карасук III, X, Пристань I, II и поселения Каменный Лог на левом берегу р. Енисей у сел Батени и Новоселово: полевая съемка, чертежи и снимки находок.

Терновский отряд (нач. Г. А. Максименков): раскопки могильников Черновая II, VIII, IV и IX, Сухое озеро I и II в Минусинской котловине — полевая работа, чертежи и снимки находок.

Правобережный (нач. Я. А. Шер): изучал могильники Черемушный Лог I и II и Каменка I на правом берегу Енисей у с. Банкаловка: полевая работа, чертежи и снимки находок.

1964 год. Коллекция 2292.

Нег. — 231, отп. 273. Карасукский отряд (нач. М. П. Грязнов) проводил раскопки могильников Афанасьевский, Поляна, Батень, Плюха, Кокса I, Сов. Хакасия, Тепсей и поселения Таштык и Усть-Сыда в Минусинской котловине: полевая работа, чертежи, находки.

Раскопки группы С. Рахимова на могильнике Ланин Лог и Орак I, стоянки Белоярск и поселения Батеневская протока на р. Сыде, у пос. Орак и с. Батени.

Раскопки группы А. Н. Мелентьева могильника Первомайск у пос. Конезавод.

Раскопки группы А. А. Гавриловой могильника "Над Поляной" у с. Батени на левом берегу Енисей.

Нег. — 146, отп. — 145. Туранский отряд (нач. А. Д. Грач) продолжил раскопки могильников Туран II, III, IV у с. Сорокина под горой Туран: полевая работа, чертежи и снимки находок.

Нег. — 65, отп. — 65. Палеолитический отряд (нач. З. А. Абрамова) продолжил раскопки поселений Кокорево I, II, III, V: полевая работа, чертежи и снимки находок.

Нег. — 138, отп. — 137. Черновский отряд (нач. Г. А. Максименков) продолжил раскопки могильников Сухое озеро I, II, Байкалова I, II и Мохов в Минусинской котловине: полевая работа, чертежи и находки.

Нег. — 79, отп. — 114. Каменский отряд (нач. Я. А. Шер) проводил раскопки могильников Каменка II и III и стоянки Каменка IV у д. Байкалова на правом берегу Енисея.

1965 год. Коллекция 2333.

Нег. — 306, отп. — 306. Карасукский отряд (нач. М. П. Грязнов) раскопки могильников Сыда I, V и Кюргинер I, II в Минусинской котловине — полевая работа, чертежи, снимки находок.

Нег. — 77, отп. — 77. Подгорновская группа (нач. М. П. Завитухина) проводила раскопки могильника Кичик-Кюзюр I и II близ с. Сов. Хакасия в Минусинской котловине: полевая работа, чертежи и находки.

Нег. — 61, отп. — 61. Сарагашенская группа (нач. М. Н. Пшеницына) проводила раскопки могильника Улуг-Кюзюр у с. Сов. Хакасия в Минусинской котловине: полевая работа, чертежи и снимки находок.

Нег. — 44, отп. — 44. Палеолитический отряд (нач. З. А. Абрамова) продолжал исследование стоянки кокоревы I (Забочка) в Новоселовском районе: полевая работа и чертежи.

Нег. — 290, отп. 288. Черновский отряд (нач. Г. А. Максименков): раскопки могильников Новая Черновая I-III, Сухое озеро II и Байкалова II — полевая работа, чертежи, снимки находок.

Нег. — 134, отп. — 134. Каменский отряд (нач. Я. А. Шер): раскопки могильника Каменка III и обследование писаницы Оглахты и Черемушкинского Лога — полевая работа, чертежи, снимки находок.

1966 год. Коллекция 2351. Нег. — 843, отп. — 885.

Карасукский отряд (нач. М. П. Грязнов): продолжение раскопок могильников Кюргинер I и II и Улуг-Кюзюр II, III у горы Тепсей: полевая работа, чертежи и снимки находок.

Подгорновская группа (нач. М. П. Завитухина): продолжение раскопок могильника Кичик-Кюзюр I в Минусинской котловине — полевая работа, чертежи и находки.

Сарагашенская группа (нач. М. Н. Пшеницына): продолжение раскопок могильника Улуг-Кюзюр I в Минусинской котловине — полевая работа, чертежи и снимки находок.

Палеолитический отряд (нач. З. А. Абрамова): проводил раскопки стоянок Таштык III, Аешки I и Кокорево I: полевая работа, чертежи и снимки находок.

Черновский отряд (нач. Г. А. Максименков): продолжал изучение и начал раскопки могильников Подгорное озеро, Сухое озеро II, Новая Черновая I и IV, Уйбат и Ключи в Минусинской котловине: полевая работа, чертежи и снимки находок.

Каменский отряд (нач. Я. А. Шер) обследовал писаницы Черемушкинского лога и проводил раскопки могильника Каменка III: полевая работа, чертежи, снимки находок.

1967 год. Коллекция 2389.

Нег. — 235, отп. — 235. Карасукский отряд (нач. М. П. Грязнов): проводил раскопки могильников I, II и IV у д. Сарагаш: полевая работа, чертежи, снимки находок.

Нег. — 98, отп. — 98. Таштыкский отряд (нач. Э. Б. Вадецкая): раскопки могильника Новая Черновая IV, V — полевая работа, чертежи, снимки находок.

Нег. — 68, отп. — 68. Палеолитический отряд (нач. З. А. Абрамова): раскопки стоянок Таштык I и III и местонахождений Ирджа, Бузунова, Новоселово — полевая работа и зарисовки изделий.

Нег. — 106, отп. — 108. Раннетагарский отряд (нач. М. П. Завитухина): занимался раскопками могильников Барсучиха VI и VII у д. Сарагаш: полевая работа, чертежи, снимки находок.

Нег. — 314, отп. — 314. Черновский отряд (нач. Г. А. Максименков): раскопки могильника Сухое озеро II — полевая работа, чертежи и снимки находок.

Нег. — 33, отп. — 33. Группа Черновского отряда (нач. В. Чижов): раскопки позднетагарского кургана у с. Сарагаш — чертежи, находки.

Нег. — 94, отп. — 94. Позднетагарский отряд (нач. М. Н. Пшеницына): раскопки "Большого кургана" могильника Барсучиха I у с. Сарагаш — полевая работа, чертежи и снимки находок.

Нег. — 159, отп. — 159. Каменский отряд (нач. Я. А. Шер): могильников Каменка II, III и V и обследование наскальных изобразительных комплексов Туба I и III — полевая работа, чертежи, снимки находок.

1968 год. Коллекция 2425.

Нег. — 235, отп. — 235. Карасукский отряд (нач. М. П. Грязнов): раскопки могильников и стоянок Тепсей I-IV, VII-IX, XII, стоянки Сыда 5 и Крестик — полевая работа, чертежи, снимки находок.

Нег. — 34, отп. — 34. Палеолитический отряд (нач. З. А. Абрамова): раскопки стоянок VI и VII у с. Новоселово: полевая работа, чертежи, снимки находок.

Нег. — 97, отп. — 97. Таштыкский отряд (нач. Э. Б. Вадецкая): раскопки могильника и поминального комплекса "Мысок" у д. Аешки — полевая работа, чертежи и снимки находок.

Нег. — 179, отп. — 179. Раннетагарский отряд (нач. М. П. Завитухина): раскопки могильников Тепсей VII, VIII, IX — полевая работа, чертежи и снимки находок.

Нег. — 215, отп. — 215. Черновский отряд (нач. Г. А. Максименков): раскопки могильников Сухое озеро I - IV и курганной группы Варча I — полевая работа, чертежи и снимки находок.

Нег. — 154, отп. — 153. Каменский отряд (нач. Я. А. Шер): обследование наскальных изображений горы Оглахты (комплексы I и III) (зарисовки писаниц) и обследование наскальных изображений Оглахты, Боярка, Черемушный лог и Усть-Туба IV (общие виды).

1969 год. Коллекция 2454.

Нег. — 119, отп. — 122. Раскопки под руководством М. П. Грязнова могильников у горы Тепсей близ пос. Листвягово на правом берегу Енисея: полевая работа и чертежи.

Нег. — 64, отп. — 99. Таштыкский отряд (нач. Э. Б. Вадецкая): раскопки могильника и поминальных в Хакасской АО и Красноярском крае — полевая работа, чертежи и снимки находок.

Нег. — 33, отп. — 33. Каменский отряд (нач. Я. А. Шер): обследование наскальных изображений левого и правого берегов Енисея — общие виды.

1970 год. Коллекция 2491.

Нег. — 108, отп. — 244. Раскопки под руководством М. П. Грязнова могильников Тепсей III, IV, VII, XV-XVIII и Барсучиха I на Енисее: полевая работа и чертежи.

Нег. — 2, отп. — 2. Обследование Я. А. Шером наскальных изображений Усть-Туба II у горы Тепсей: полевые снимки.

1971 год. Коллекция 2540.

Нег. — 6, отп. — 6. Тагарский отряд (нач. М. П. Грязнов): раскопки могил тагарского времени в урочище Барсучиха у с. Батени — чертежи.

Нег. — 4, отп. — 4. Разведочный отряд (нач. Г. А. Максименков): обследования в пос. Разлив и Красный Яр Хакасской АО — чертежи.

Нег. — 21, отп. 21. Позднетагарский отряд (нач. М. Н. Пшеницына): раскопки "Большого кургана" и могильника Барсучиха I у с. Батени — полевая работа и чертежи.

1971 год. Коллекция 2634.

Нег. — 111, отп. — 133. Раскопки под руководством М. П. Грязнова и М. Н. Пшеницыной тагарского могильника у пос. Разлив Боградского района Хакасской АО: полевая работа, чертежи.

Нег. — 100, отп. — 100. Раскопки под руководством Э. Б. Вадецкой могильников Красный Яр I-IV близ Мохова улуса в 45 км к северу от г. Абакана: полевая работа, чертежи.

Нег. — 15, отп. — 33. Палеолитическая группа (нач. З. А. Абрамова): исследование палеолитических памятников в Хакасской АО и Красноярском крае — полевая работа.

Нег. — 153, отп. — 153. II отряд (нач. Г. А. Максименков): раскопки окуневского могильника у с. Лебяжье на Енисее и карасукских курганов на оз. Варча в Хакасской АО — полевая работа, чертежи.

1973 год. Коллекция 2625.

Нег. — 119, отп. — 119. Раскопки под руководством М. П. Грязнова и М. Н. Пшеницыной могильников у пос. Разлив Боградского района Хакасской АО и у горы Тепсей: полевая работа, чертежи, снимки находок.

1974 год. Коллекция 2671. Нег. — 111, отп. — 158.

Позднетагарский (курганный) отряд (нач. М. П. Грязнов, М. Н. Пшеницына) раскопки курганных могильников Разлив I, III, VII, VIII, X у пос. Разлив — полевая работа, чертежи.

Палеолитический отряд (нач. З. А. Абрамова): исследование палеолитических местонахождений в районе Старого Новоселова — полевая работа, чертежи.

Разведка группы Б. Н. Пяткина: чертежи и снимки находок.

1975 год. Коллекция 2734.

Нег. — 64, отп. — 64. Тепсейский отряд (нач. М. П. Грязнов): раскопки могильников Тепсей VII, XV — полевая работа, чертежи, снимки находок.

Нег. — 68, отп. — 68. Палеолитический отряд (нач. З. А. Абрамова): раскопки поселения Новоселово VII, грота Двуглазка, грота Пасечный и обследование палеолитических стоянок у с. Лебяжье и Куртак I — полевая работа, чертежи, снимки находок.

Нег. — 129, отп. — 129. Минусинский отряд (нач. Э. Б. Вадецкая): раскопки могильников у с. Лебяжье (Лебяжье I-VI), кургана у с. Восточное, Песчанка I и II и склепа Дальняя Чая I — полевая работа, чертежи, снимки находок.

Нег. — 99, отп. — 99. Разведочная группа курганного отряда (нач. М. Л. Подольский): исследование памятников в районе Красноярского водохранилища Барсучиха II, VI; Тепсей III, XVII, XIX а, б, в, г, XX; Белоярск; с. Восточное; Краснотуранск — полевая работа.

1976 год. Коллекция 2796.

Нег. — 174, отп. — 194. Курганный отряд (нач. М. П. Грязнов): раскопки у горы тепсей на правом берегу Енисея — полевая работа, чертежи, находки.

Нег. — 53, отп. — 54. Разведочная группа этого отряда (нач. П. А. Бокоченко): раскопки курганов 2, 3 могильника Тепсей VII и виды обнаженной погребенной почвы у пункта Малниновый лог.

Нег. — 29, отп. — 60. Палеолитический отряд (нач. *З. А. Абрамова*): исследование палеолитических памятников в районе Красноярского водохранилища — Куртак II, Ижуй I, Подгорново, Афанасьева гора и др. — полевая работа, чертежи, снимки находок.

Нег. — 96, отп. — 171. Курганный отряд (нач. *М. Л. Подольский*): раскопки могильников Кокса I и II в Хакасской АО и Белоярск I в Краснотуранском районе — полевая работа, чертежи, снимки находок.

Нег. — 140, отп. — 140. Минусинский отряд (нач. *Э. Б. Вадецкая*): раскопки могильников у с. Лебяжье (Лебяжье I, II и XIV), Дальняя Чая II, Комаркова Песчаная I и Восточное — полевая работа, чертежи, снимки находок.

Нег. — 33, отп. — 49. Лебяжбинская группа этого отряда (нач. *О. Л. Пламеневская*): раскопки могильника у с. Лебяжье (Лебяжье XIV) в Краснотуранском районе — полевая работа, чертежи, снимки находок.

1977 год. Коллекция 2838. Минусинский отряд. Начальник *Э. Б. Вадецкая*. Нег. — 46, отп. — 47. Раскопки могильников Комаркова Песчаная I и III в Минусинском районе Красноярского края: полевая работа, чертежи.

Бейская экспедиция. Начальник *М. Н. Пшеницына*.

1975 год. Коллекция 2732. Нег. — 117, отп. — 200. Материалы раскопок могильников Летник VI и Означенное VII у пос. Летник (бывшее Означенное) в Бейском районе Хакасской АО: полевая работа, чертежи, снимки находок.

1976 год. Коллекция 2784. Нег. — 94, отп. — 142. Материалы раскопок Большого Табатского кургана II-III вв. н. э. у с. Табат в Бейском районе Хакасской АО, разведочных маршрутов по Хакасии и раскопок одиночного кургана II-I вв. до н. э. (Тепсей XVI): полевая работа, чертежи, снимки находок.

Прямым продолжателем раскопок Красноярской экспедиции стала Среднеенисейская, начавшая работы в 1977 г. Изменились названия отрядов, руководящий состав экспедиции и район работ, связанных с освоением мелиоративных систем, переноса поселков и т. п. Однако в ряде случаев продолжается исследование памятников, начатых именно Красноярской экспедицией.

Среднеенисейская экспедиция. Начальник *М. Н. Пшеницына*.

1977 год. Коллекция 2636. Нег. — 451, отп. — 628. Материалы раскопок археологических памятников в Красноярском крае (Тепсей VII и XVI, Знаменка I-IV, Куртак II и III, памятники в районе Новоселовской оросительной системы, Малиновый Лог и др.) и в Тувинской АССР: полевая работа, чертежи и снимки находок.

1979 год. Коллекция 2932.

Нег. — 67, отп. — 67. 1 отряд (нач. *М. Н. Пшеницына*): раскопки могильника Летник VI — полевая работа, чертежи, снимки находок.

Нег. — 62, отп. — 62. 2 отряд (нач. *А. С. Поляков*): раскопки могильников Летник VII, Означенное V, Колок — полевая работа, чертежи, снимки находок.

Нег. — 225, отп. — 238. 3 отряд (нач. *М. Л. Подольский*): с отдельной группой Н. Ю. Кузьмина: раскопки курганного поля Маяк — полевая работа, чертежи, находки.

Материалы остальных лет работы Среднеенисейской экспедиции на данный момент еще не прошли научно-техническую обработку. Однако коротко назовем авторов раскопок и количество единиц хранения, поступивших в фотоархив.

1980 год. Начальник *Н. Ф. Лисицын*. Коллекция 2941. Нег. — 319, отп. — 443. 1 отряд (*В. Н. Седых*), 1 группа (*М. Л. Подольский*), 2 группа (*Е. Д. Паульс*); 2 отряд (*Н. А. Боковенко*), 1 группа (*Н. Ю. Кузьмин*): полевая работа, чертежи, снимки находок и их рисунки.

1981 год. Коллекция 3021. Нег. — 183, отп. — 298. 1 отряд (*Е. Д. Паульс*); II отряд (*В. Н. Седых*), III отряд (*Н. Ю. Кузьмин*), отряд *Н. А. Боковенко*: полевая работа, чертежи, снимки находок.

1982 год. Коллекция 3041. Нег. — 149, отп. — 204. Отряд *Н. Ф. Лисицына* с группой *С. В. Красниенко*; отряды *Н. Ю. Кузьмина* и *Е. Д. Паульса*: полевая работа.

1983 год. Коллекция 3087. Нег. — 684, отп. — 801. 1 палеолитический отряд (*Н. Ф. Лисицын*), 1 отряд (*П. Г. Павлов*), 2 отряд (*Г. Н. Курочкин*), 3 отряд (*Е. Д. Паульс*), Свяногорский отряд (*Н. Ю. Кузьмин*): полевая работа, чертежи и снимки находок; Петроглифический отряд (*Н. А. Боковенко*): снимки рисунков наскальных изображений.

С 1984 года начальник экспедиции *Д. Г. Савинов*. Коллекция 3147. Нег. — 389, отп. — 392. I Означенский отряд (*Н. Ю. Кузьмин*), II Означенский (*Е. Д. Паульс*), Бейский отряд (*Д. Г. Савинов*), Новоселовский отряд (*Г. Н. Курочкин*), Усинская группа (*Н. А. Боковенко*): полевая работа, чертежи, снимки находок.

1985 год. Коллекция 3212. Нег. — 799, отп. — 990. I Означенский отряд (*Д. Г. Савинов*), II Означенский (*Е. Д. Паульс*), Новоселовский отряд (*Г. Н. Курочкин*), Новомихайловский (*Н. Ю. Кузьмин*) и раскопки могильника Сабинка II (*П. Г. Павлов*); Усинская группа (*Н. А. Боковенко*): полевая работа, чертежи, снимки находок.

1986 год. Коллекция 3217. I катушка, нег. — 645, отп. — 889. I Аскизский отряд (*Д. Г. Савинов*), II Аскизский (*П. Г. Павлов*), III Аскизский (*Е. Д. Паульс*), группа *И. П. Лазаретова*, Биджинский отряд (*Н. Ю. Кузьмин*), Усинский отряд (*Н. А. Боковенко*), Новоселовский отряд (*Г. Н. Курочкин*): полевая работа, чертежи, снимки находок.

1987 год. Коллекция 3289. Нег. — 713, отп. — 842. I Аскизский отряд (*Д. Г. Савинов*), II Аскизский (*П. Г. Павлов*), III Аскизский (*Е. Д. Паульс*), группа *И. П. Лазаретова*, Верхнеаскизский отряд (*Н. Ю. Кузьмин*), Усинский отряд (*Н. А. Боковенко*), Новоселовский отряд (*Г. Н. Курочкин*): полевая работа, чертежи, снимки находок.

1988 год. Коллекция 3317. Нег. — 655, отп. — 763. I Аскизский отряд (*Д. Г. Савинов*), группа *И. П. Лазаретова*, II Аскизский отряд (*Н. А. Боковенко*), IV Аскизский (*Г. Н. Курочкин*), I Дорожный отряд (*Н. Ю. Кузьмин*): полевая работа, чертежи, снимки находок.

В Тувинской АССР в течение более двадцати лет работала другая крупнейшая новостроечная экспедиция Саяно-Тувинская, организованная ЛОИА АН СССР и многие годы руководимая А. Д. Грачом. Саяно-Тувинская экспедиция проводила свои исследования в зоне затопления Саяно-Шушенской ГЭС, в ложе водохранилища, вытянутом вдоль р. Енисей почти на 300 км. Условно зона затопления разделяется на два участка: Саянский каньон и степная часть — от горы Хайыракаан до входа рэки в ущелье.

Саяно-Тувинская экспедиция. Начальник *А. Д. Грач*.

1965 год. Коллекция 2339.

Нег. — 112, отп. — 107. I отряд (*нач. А. Д. Грач*): раскопки могильников скифского и гунно-сарматского времени Улуг-Оймак I и II и средневекового могильника Улуг-Хорум на правом берегу Енисея в степной части: полевая работа, чертежи, снимки находок.

Нег. — 83, отп. — 83. II отряд (*нач. А. М. Мандельштам*): раскопки могильников гунно-сарматского времени Даштыг-Шоль и Часкал на левом берегу Енисея у горы Байдаг — полевая работа, чертежи, снимки находок.

Нег. — 38, отп. — 37. III отряд (*нач. С. П. Астахов*): материалы обследования палеолитических местонахождений Куйлуг-Хем и Эйлиг-Хем I, II, Ак-Даш на правом берегу Енисея в степной части — полевая работа, чертежи, снимки находок.

Нег. — 165, отп. — 163. IV отряд (*нач. Д. Г. Савинов*): раскопки разновременных могильников Урбюн I, II, могильника скифского времени Урбюн III и обследование наскальных изображений в устье реки Чинге — полевая работа, чертежи, снимки находок.

Нег. — 185, отп. — 184. V отряд (*нач. Ю. И. Трифонов*): раскопки разновременных (от эпохи бронзы до средневековья) могильников Аргалыкты I и II на левом берегу Енисея близ г. Шагонара — полевая работа, чертежи, снимки находок.

Нег. — 53, отп. — 53. VI отряд (*нач. М. Х. Маннай-оол*): раскопки могильника скифского времени Ховужук на правом берегу Енисея напротив г. Шагонара — полевая работа, чертежи, снимки находок.

Нег. — 35, отп. — 41. Альбом 0. 2652 бытовых снимков Саяно-Тувинской экспедиции ЛОИА АН СССР.

1966 год. Коллекция 2350. Нег. — 496, отп. — 494. Раскопки I-V отрядами могильников разных периодов истории Тувинской АССР в Улуг-Хемском районе Тувинской АССР: полевая работа, чертежи и снимки находок, а также обследование палеолитических местонахождений.

1967 год. Коллекция 2395.

Нег. — 64, отп. — 64. I отряд (*нач. А. Д. Грач*): раскопки курганных могильников скифского и гунно-сарматского времени, эпохи средневековья Куйлуг-Хем I и Алды-Бель I на правом берегу Енисея в степной части — полевая работа, чертежи, снимки находок.

Нег. — 72, отп. — 72. II отряд (*нач. А. М. Мандельштам*): раскопки курганов гунно-сарматского времени Даштыг-Шоль, Бай-Даг II близ г. Шагонара на левом берегу Енисея; раскопки городища Бажын-Алаах близ пос. Чаа-Холь — полевая работа, чертежи, находки.

Нег. — 48, отп. — 48. III отряд (*нач. С. П. Астахов*): раскопки палеолитических пунктов по р. Шом-Шум, Хемчик и Куйлуг-Хем в Улуг-Хемском районе — полевая работа, чертежи, снимки находок.

Нег. — 106, отп. — 106. IV отряд (*нач. И. У. Самбу*): раскопки курганов скифского времени и эпохи средневековья Ортаа-Хем I и II на правом берегу Енисея — полевая работа, чертежи, находки.

Нег. — 174, отп. — 174. V отряд (*нач. Ю. И. Трифонов*): раскопки разновременных (от эпохи бронзы до средневековья) могильников Аргалыкты I, VIII, IX, XII и Кара-тал IV на левом берегу Енисея в степной части — полевая работа, чертежи, находки.

1968 год. Коллекция 2424.

Нег. — 405, отп. — 405. Материалы работ I (А. Д. Грач), III (С. П. Астахов), IV (И. У. Самбу) и V (Ю. И. Трифонов) отрядов на разновременных памятниках в Улуг-Хемском районе — полевая работа, чертежи, снимки находок.

Нег. — 270, отп. — 270. II отряд (нач. А. М. Мандельштам): раскопки могильника скифского времени Аймырлыг на р. Чаа-Холь и городища Бажын-Алаак близ пос. Чаа-Холь — полевая работа, чертежи, снимки находок.

1969 год. Коллекция 2453.

Нег. — 682, отп. — 682. Материалы работ I-V отрядов Саяно-Тувинской экспедиции на разновременных памятниках Улуг-Хемского района — полевая работа, чертежи, снимки находок.

Нег. — 127, отп. — 127. Аэрофотосъемка археологических памятников в Улуг-Хемском районе. произведенная А. Д. Грачом с борта вертолета.

1970 год. Коллекция 2492.

Нег. — 384, отп. — 384. Материалы работ I, III-V отрядов на разновременных памятниках в Улуг-Хемском районе: полевая работа, чертежи, снимки находок.

Нег. — 72, отп. — 72. II отряд (нач. А. М. Мандельштам): раскопки могильника Аймырлыг на берегу р. Чаа-Холь и городища Бажын-Алаак близ пос. Чаа-Холь — полевая работа, чертежи, снимки находок.

Нег. — 6, отп. — 6. Материалы обследования Я. А. Шером писаниц Мугур-Саргол на левом берегу Енисея в пределах Саянского каньона: виды скал.

1971 год. Коллекция 2551. Нег. — 508, отп. — 521.

I отряд (нач. А. Д. Грач): раскопки курганов скифского, гунно-сарматского, кыргызского и монгольского времени на могильниках Хемчик-Бом II, III, V на левом берегу в устье Хемчика: полевая работа, чертежи, снимки находок.

III отряд (нач. С. П. Астахов): раскопки и обследование памятников берега Енисея в Красноярском крае и на р. Хемчик в Тувинской АССР — полевая работа, чертежи, снимки находок.

IV отряд (нач. И. У. Самбу): раскопки курганов скифского и гунно-сарматского времени на могильнике Чинге на правом берегу Енисея в пределах Саянского каньона — полевая работа, чертежи, снимки находок.

V отряд (нач. Ю. И. Трифонов): раскопки могильников Означенное и Летник в Хакасской АО и Аргалыкты и Бархан в Тувинской АССР — полевая работа, чертежи, снимки находок.

Нег. — 148, отп. — 148. Отдельный отряд (нач. А. М. Мандельштам): раскопки курганов на могильнике Аймырлыг на левом берегу р. Чаа-Холь (полевая работа, чертежи, находки).

1972 год. Коллекция 2589.

Нег. — 112, отп. — 112. I отряд (нач. Г. В. Длужневская): раскопки курганов на могильниках Хемчик-Бом II-VI (от скифского до монгольского времени) в устье р. Хемчик — полевая работа, чертежи, снимки находок.

Нег. — 34, отп. — 34. III отряд (нач. С. П. Астахов): раскопки палеолитических стоянок на р. Голубой и на ручье Мадарак в нижней части Саянского каньона Енисея — полевая работа, чертежи, снимки находок.

Нег. — 103, отп. — 103. V отряд (нач. Ю. И. Трифонов): раскопки могильников Летник и Означенное в Хакасской АО — полевая работа, чертежи, снимки находок.

Коллекция 2590. Нег. — 85, отп. — 85. Отдельный отряд (нач. А. М. Мандельштам): раскопки могильника Аймырлыг в Улуг-Хемском районе, на левом берегу р. Чаа-Холь — полевая работа, чертежи, снимки находок.

1973 год. С этого года начальником экспедиции был назначен С. П. Астахов. Коллекция 2626.

Нег. — 66, отп. — 66. I отряд (нач. Г. В. Длужневская): раскопки разновременных могильников Комбужал-Аксы, Перевалка I и Хадынных I и II в Улуг-Хемском районе Красноярского края, в Саянском каньоне р. Енисей — полевая работа, чертежи, снимки находок.

Нег. — 56, отп. — 56. III отряд (нач. С. П. Астахов): раскопки и обследование палеолитических стоянок в пос. Означенное I в Хакасской АО и по рекам Голубая, Катушка, Кантегир и др. в Ермаковском районе Красноярского края — полевая работа, чертежи, находки.

Нег. — 99, отп. — 99. V отряд (нач. Ю. И. Трифонов): раскопки могильников Означенное III и VIII Бейской района Хакасской АО — полевая работа, чертежи, снимки находок.

Нег. — 2, отп. — 2. VI отряд (нач. М. Н. Пшеницына): раскопки каменных выкладок у пос. Означенное в могильнике Означенное VI — чертежи.

Коллекция 2627. Нег. — 65, отп. — 65. Отдельный отряд (нач. А. М. Мандельштам): продолжение раскопок могильника Аймырлыг на левом берегу р. Чаа-Холь — полевая работа, чертежи, снимки находок.

1974 год. Коллекция 2654. Нег. — 239, отп. — 333. Материалы работ на разновременных памятниках в Улуг-Хемском районе I (нач. Г. В. Длужневская), II (А. М. Мандельштам), III (С. П. Астахов), IV (И. У. Самбу) отрядов: полевая работа, чертежи, снимки находок.

1975 год. Коллекция 2733. Нег. — 518, отп. — 540.

Материалы работ I (нач. А. Я. Щетенко), II (А. М. Мандельштам), III (С. Н. Астахов), IV (И. У. Самбу) отрядов и групп Г. В. Длужневской, Вл. А. Семенова и М. А. Дзвлет на разновременных памятниках в Улуг-Хемском районе Тувинской АССР и Ермаковском районе Красноярского края: полевая работа, чертежи, снимки находок.

Нег. — 12, отп. — 12. Археологические карты участков зоны водохранилища Саяно-Шушенской ГЭС. 1976 год. Коллекция 2790. Нег. — 235, отп. — 235.

Материалы работ I-IV отрядов и группы Г. В. Длужневской: полевая работа, чертежи и снимки находок.

1977 год. Коллекция 2799.

Нег. — 37, отп. — 37. I отряд (А. Я. Щетенко): раскопки городища Бажын-Алаак близ пос. Чаа-Холь — полевая работа, чертежи, находки.

Нег. — 332, отп. 332. II отряд (нач. А. М. Мандельштам): раскопки могильников Аймырлыг и Бай-Даг II в Улуг-Хемском районе — полевая работа, чертежи, снимки находок.

Нег. — 30, отп. — 30. III отряд (С. Н. Астахов): исследование палеолитических памятников в Красноярском крае (Джой, Кантегир I, Сосновка Голованская) — полевая работа, чертежи, снимки находок.

Нег. — 25, отп. — 25. IV отряд (Вл. А. Семенов): раскопки стоянки Усть-Кантегир и многослойной стоянки Ханыхское займище в Ермаковском районе Красноярского края, в Саянском каньоне р. Енисей — полевая работа, чертежи, находки.

Нег. — 37, отп. — 37. V отряд (Г. В. Длужневская): раскопки могильника Шугур на правом берегу Енисей в Саянском каньоне — полевая работа, чертежи, снимки находок.

Нег. — 36, отп. — 36. Отряд по изучению петроглифов (нач. М. А. Дзвлет): исследование петроглифов в урочище Мугур-Саргол в Саянском каньоне Енисей: общий вид урочища, виды отдельных камней, рисунки наскальных изображений.

1978 год. Коллекция 2875.

Нег. — 18, отп. — 18. I отряд (А. Я. Щетенко): продолжение раскопок городища Бажын-Алаак — полевая работа, чертежи, находки.

Нег. — 238, отп. — 238. II отряд (нач. А. М. Мандельштам): раскопки могильников Аймырлыг, Каат-Ховак I и II и Хайыракаан Улуг-Хемском районе — полевая работа, чертежи, снимки находок.

Нег. — 3, отп. — 3. Разведочная группа (нач. Т. А. Шаровская): разведка на могильнике Каат-Ховак II близ горы Хайыракаан в урочище Темир-Суг на правом берегу Енисей в степной части.

Нег. — 11, отп. — 11. III отряд (С. Н. Астахов): обследование местонахождений Погорелка, Телсель и стоянки Казыр-Суг — полевая работа, чертежи и снимки находок.

Нег. — 38, отп. — 38. VI отряд (Вл. А. Семенов): раскопки многослойной стоянки Тоора-Даш в начальной части Саянского каньона на правом берегу Енисей — полевая работа, чертежи, снимки находок.

Нег. — 77, отп. — 77. V отряд (Г. В. Длужневская): раскопки могильников Каравей I и II, Мугур-Саргол и Хем-Терек I и III на трассе дороги Шанчи-Каравей в Улуг-Хемском районе и в Ермаковском районе Красноярского края — полевая работа, чертежи, снимки находок.

Нег. — 60, отп. — 62. Отряд по изучению петроглифов (нач. М. А. Дзвлет): обследование урочища Мугур-Саргол: фотографии камней с изображениями и снимки прорисовок изображений.

1979 год. Коллекция 2920.

Нег. — 76, отп. — 81. II отряд (нач. А. М. Мандельштам): раскопки могильников Бай-Даг III-VII в Улуг-Хемском районе — полевая работа, чертежи, снимки находок.

Нег. — 53, отп. — 53. III отряд (С. А. Васильев): раскопки палеолитических стоянок Малые Уры, Казыр-Сук в Ермаковском районе Красноярского края и местонахождения Сарыг-оол в Тувинской АССР: полевая работа, чертежи, находки.

Нег. — 34, отп. — 38. IV отряд (Вл. А. Семенов): продолжение раскопок многослойных стоянок Тоора-Даш и Ханыхское займище в Саянском каньоне Енисей — полевая работа, чертежи, находки.

Нег. — 63, отп. — 64. V отряд (Г. В. Длужневская): раскопки вала у р. Голубой и могильников Кулеву-юк II и Иджир I-III на юге Красноярского края — полевая работа, чертежи, снимки находок.

Нег. — 85, отп. — 89. VI отряд (нач. Э. У. Стамбульник): раскопки группы XXXI могильника Аймырлыг — полевая работа, чертежи, находки.

Нег. — 106, отп. — 106. VII отряд (нач. Т. А. Шаровская): раскопки разновременных могильников Новый Чаа-Холь I-III в Улуг-Хемском районе — полевая работа, чертежи, снимки находок.

Нег. — 11, отп. — 11. Отряд по изучению петроглифов (нач. М. А. Дзвлет): обследование скопления петроглифов Мугур-Саргол на правом берегу Енисей в Саянском каньоне — полевая работа.

1980 год. Коллекция 2939.

Нег. — 17, отп. — 17. I отряд (нач. С. С. Миняев): продолжение раскопок городища Бажын-Алаак — полевая работа и чертежи.

Нег. — 71, отп. — 73. 2 отряд (А. М. Мандельштам): раскопки могильников Карадаг и Карадаг II в Улуг-Хемском районе — полевая работа, чертежи и снимки находок.

Нег. — 44, отп. — 43. 3 отряд (С. Н. Астахов): раскопки стоянок Сизая I-XVI и Нижний Иджир I-V в Саянском каньоне Енисея — полевая работа, чертежи, снимки находок.

Нег. — 88, отп. — 91. 4 отряд (Вл. А. Семенов): продолжение раскопок многослойной стоянки Тоора-Даш — полевая работа, чертежи, снимки находок.

Нег. — 55, отп. — 59. 5 отряд (Г. В. Длужневская): раскопки вала у р. Голубой — Омайтура и могильников Сарыг-Хая II и Иджир II на юге Красноярского края — полевая работа, чертежи, снимки находок.

Нег. — 122, отп. — 122. 6 отряд (нач. Э. У. Стамбульник): продолжение раскопок группы XXXI могильника Аймырлыг — полевая работа, чертежи.

Нег. — 85, отп. — 85. 7 отряд (нач. С. А. Васильев): раскопки стоянок Майнинской, Уй I и II, Майнинский лесозавод, Означенное I на левом берегу Енисея в нижней части Саянского каньона — полевая работа, чертежи, снимки находок.

1981 год. Коллекция 2977.

Нег. — 81, отп. — 81. I отряд (Г. В. Длужневская): раскопки могильников Новый Эйлиг-Хем и Бедиг-Хорум на правом берегу Енисея в степной части зоны — полевая работа, чертежи, снимки находок.

Нег. — 81, отп. — 81. II отряд (А. М. Мандельштам): раскопки курганов на трассе дороги Новый Шагонар — Новый Эйлиг-Хем — полевая работа и чертежи.

Нег. — 53, отп. — 53. III отряд (С. Н. Астахов): разведка в долинах рек Сизая и Ус, раскопки стоянки Нижний Иджир I в Красноярском крае — полевая работа, чертежи, снимки находок.

Нег. — 24, отп. — 24. IV отряд (Вл. А. Семенов): продолжение раскопок многослойной стоянки Тоора-Даш и обследование наскальных изображений на р. Шугур в начальной части Саянского каньона — полевая работа, чертежи, снимки находок.

Нег. — 154, отп. — 154. V отряд (С. А. Васильев): раскопки палеолитических стоянок Майнинской и Уй I в Хакасской АО — полевая работа, чертежи и снимки находок.

1982 год. Коллекция 3032.

Нег. — 84, отп. — 84. I отряд (Г. В. Длужневская): продолжение раскопок вала Омайтура у р. Голубой и могильников Сарыг-Хая II и III в Саянском каньоне — полевая работа, чертежи и снимки находок.

Нег. — 122, отп. — 122. II отряд (А. М. Мандельштам): раскопки разновременных могильников Пикет 21, Акдаш, Кежи, Темир-Суг I на правом берегу Енисея в степной части — полевая работа, чертежи и снимки находок.

Нег. — 4, отп. — 4. III отряд (С. Н. Астахов): раскопки палеолитической стоянки Нижний Иджир I — чертежи.

Нег. — 58, отп. — 58. IV отряд (нач. Вл. А. Семенов): продолжение раскопок многослойной стоянки Тоора-Даш — полевая работа, чертежи.

Нег. — 114, отп. — 114. V отряд (С. А. Васильев): продолжение раскопок Майнинской палеолитической стоянки в Бейском районе Хакасской АО — полевая работа, чертежи, находки.

1983 год. Коллекция 3121. Нег. — 464, отп. — 464.

Материалы работ I (нач. Г. В. Длужневская), II (А. М. Мандельштам), III (С. Н. Астахов), IV (Вл. А. Семенов), V (С. В. Васильев) и Аймырлыгского (Э. У. Стамбульник, Е. Л. Кириллов) отрядов на разновременных памятниках в Тувинской АССР и на юге Красноярского края: полевая работа, чертежи и снимки находок.

1984 год. Коллекция 3157. Нег. — 253, отп. — 264.

Материалы работ III (нач. С. Н. Астахов), IV (Вл. А. Семенов) и V (С. В. Васильев) отрядов на разновременных памятниках в Тувинской АССР и на юге Красноярского края: полевая работа, чертежи, находки.

В 1977-1978 гг. параллельно с Саяно-Тувинской экспедицией на севере Тувинской АССР работала УЮКСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ (начальник А. М. Мандельштам).

1977 год. Коллекция 2835. Нег. — 105, отп. — 105. Раскопки могильников Малиновка I и II в Пий-Хемском районе — полевая работа и чертежи.

1978 год. Коллекция 2873. Нег. — 33, отп. — 33. Завершение раскопок могильника Малиновка I — полевая работа и чертежи.

С 1985 года на территории Тувинской АССР работает Тувинская экспедиция, по сути продолжающая Саяно-Тувинскую, завершившую свои работы с окончанием финансирования. Материалы этой экспедиции, также как и двух последних лет работы Саяно-Тувинской экспедиции еще не обработаны, поэтому приводим суммарные данные.

Тувинская экспедиция. Начальник С. Н. Астахов.

1985 год. Коллекция 3200. Нег. — 349, отп. — 352.

1986 год. Коллекция 3218. Нег. — 203, отп. — 222.

1987 год. Коллекция 3258. Нег. — 241, отп. — 260.

1988 год. Коллекция 3302. Нег. — 299, отп. — 318.

Аржанская экспедиция под руководством *М. П. Грязнова* работала в Пий-Хемском районе Тувинской АССР близ пос. Аржан.

1973 год. Коллекция 2636. Нег. — 165, отп. — 226. Материалы раскопок царского кургана VIII-VII вв. до н. э.: полевая работа, чертежи и снимки находок.

1974 год. Коллекция 2678. Нег. — 64, отп. — 78. Продолжение раскопок кургана Аржан — полевая работа.

В настоящий момент проводится обработка материалов Аржанской экспедиции из архива *М. П. Грязнова* (фонд 60). Коллекции пополнятся приблизительно 1000 негативов и таким же количеством отпечатков: материалы полевой работы, чертежи и снимки находок.

С 1977 года начались исследования в зоне КАТЭКа. Организованная ЛОИА АН СССР экспедиция получила название СИБИРСКОЙ. Полностью прошли обработку материалы 1977-1979 годов.

1977 год. Коллекция 2834. Начальник *Г. А. Максименков*. Нег. — 89, отп. — 111. Были проведены раскопки могильника сарагашенского периода в устье ручья Березового Шарыповского района Красноярского края.

1979 год. Коллекция 2923. Начальник *Э. Б. Вадецкая*. Нег. — 202, отп. — 387. I отряд (*нач. А. В. Субботин*): раскопки могильника у ручья Березового Шарыповского района; II отряд (*нач. С. Б. Гультова*): раскопки курганного могильника Ашпыл в Шарыповском районе Красноярского края — полевая работа, чертежи и снимки находок.

1980 год. Коллекция 2940. Нег. — 199, отп. — 337. I, 2, 3 отряды: полевая работа, чертежи и снимки находок.

1981 год. Коллекция 2976. Нег. — 257, отп. — 353. I отряд (*А. В. Субботин*), 2 отряд (*С. Б. Гультов*), группа *Е. Л. Кириллова*, 3 отряд (*Г. Н. Курочкин*): полевая работа, чертежи и снимки находок.

1982 год. Коллекция 3031. Нег. — 112, отп. — 127. Работали отряды *Э. Б. Вадецкой* и *С. Б. Гультова*. полевая работа, чертежи, находки.

1983 год. Коллекция 3090. Нег. — 155, отп. — 172. Работали отряды *С. В. Красиенко* и *С. Б. Гультова* полевая работа, чертежи, находки.

1984 год. Коллекция 3155. Нег. — 57, отп. — 75. Отряд *С. В. Красиенко*: раскопки могильника Сонки; отряд *С. Б. Гультова*: раскопки поселения Ашпыл — полевая работа, чертежи, снимки находок.

1985 год. Коллекция 3252. I катушка, нег. — 162, отп. — 237. Шарыповский отряд (*нач. Э. Б. Вадецкая*), II отряд, работавший на поселении Ашпыл (*нач. С. Б. Гультов*) и Березовский отряд (*нач. С. В. Красиенко*): полевая работа, чертежи, снимки находок.

1986 год. Коллекция 3254. I катушка, нег. — 66, отп. — 106. Таштыпский отряд (*нач. Э. Б. Вадецкая*) и отряд *С. В. Красиенко*: полевая работа, чертежи, снимки находок.

1987 год. Коллекция 3290. Нег. — 262, отп. — 316. I (*Э. Б. Вадецкая*), II отряд (*нач. С. В. Красиенко*), III отряд (*нач. А. В. Субботин*), IV отряд (*Е. Л. Кириллов*): кроме полевой работы, чертежей и снимков находок представлены также снимки с рисунков вещей.

1988 год. Коллекция 3320. Нег. — 187, отп. — 225. I отряд (*нач. Э. Б. Вадецкая*), 3 отряд (*А. В. Субботин*): полевая работа, чертежи и снимки находок.

В 1989 году Сибирская экспедиция не работала в связи с прекращением финансирования.

G. V. Dljnevskaya, L. U. Berezovskaya

**THE MATERIALS OF THE NEW CONSTRUCTION SITE
EXPEDITIONS IN SIBERIA IN THE PHOTOARCHIVE LOIA
AS USSR.**

The research works began in Siberia, at the constructions of the factories and the future artificial seas, in 1932.

At this article there are the archival facts of the works of the 8 great expeditions LOIA during 30 years in the south of Siberia and in Tuva. There are the years of the excavations, number of the collection, quantity of the positives and the negatives, the place of the excavation, the contents summary.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

I. СПИСОК РАБОТ ПЕТРА ГЕОРГИЕВИЧА ПАВЛОВА

1. Работы степной неолитической экспедиции // АО — 1975, М., 1976, С. 131-132 (Совместно с Л.Я.Крижевской, А.Е.Матюхиным, Л.И.Кучугура. С.М.Дегерменджи, А.В.-Колесником).
2. Работы Дарбанского отряда Днестровской палеолитической экспедиции // АО — 1977, М., 1978, С. 290 (Совместно с Н.К.Анисюткиным, С.А.Майстренко).
3. Работа Дарбанского отряда // АО — 1978, М., 1979, С. 289-290 (Совместно с Н.К.Анисюткиным).
4. Новые находки каменного века в Южной Киргизии // СА, 1983, № 2, С. 213-216.
5. Разведки палеолитических памятников в Минусинской котловине // АО — 1981, М., 1983, С. 224.
6. Сравнительный анализ курганных могильников Кирбинский Лог и Медведка — I на территории Означенской оросительной системы // Археологические исследования в зонах мелиорации: итоги и перспективы их интенсификации. Л., 1985, С. 60-61 (Совместно с В.Н.Седых).
7. Преемственность тагарских и тесинских памятников на юге Хакасии // Исторические чтения памяти М.П.Грязнова. Омск, 1987, Ч. 2, С. 109-112.
8. Раскопки карасукских памятников на юге Хакасии // АО — 1985, М., 1987, С. 273-274.
9. Раскопки тагарских курганов у пос. Толстый Мыс // АО — 1985, М., 1987, С. 254 (Совместно с Г.Н.Курочкиным).
10. Работы Среднеенсейской экспедиции // АО — 1986, М., 1988, С. 219-223 (Совместно с Н.А.Боковенко, Н.Ю.Кузьминым, Г.Н.Курочкиным, Д.Г.Савиновым).
11. Раннесредневековые впускные погребения на юге Хакасии // Памятники археологии на юге Сибири. Л., 1988, С. 83-103 (Совместно с Е.Д.Паульсом, Д.Г.Савиновым).
12. Ранний могильник Теккем-депе // Северная Евразия от древности до средневековья. СПб., 1992, С. 62-64 (Совместно с А.Я.Щетенко).
13. К реконструкции карасукского погребального костюма // Южная Сибирь в древности. СПб., 1995, С. 47-56.
14. Пост-тагарская художественная терракота // Южная Сибирь в древности. СПб., 1995, С. 143-150 (Совместно с Г.Н.Курочкиным).

II. ДОПОЛНЕНИЕ К СПИСКУ ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ
ГЕННАДИЯ НИКОЛАЕВИЧА КУРОЧКИНА

За время после публикации Списка работ Г.Н.Курочкина (В.Ю.Зуев, Памяти друга. Геннадий Николаевич Курочкин (1946-1993) // ПАВ, № 8, 1994, С. 54-59) в различных периодических изданиях вышли в свет еще несколько его работ. Их список, приводимый здесь ниже, продолжает предыдущую публикацию.

74. Древние торговые города Восточной Африки и шведская программа их изучения // Археологические Вести. № 3. СПб., 1994, С. 237-240.
75. Набор “зеркало + нож + шило” в погребальном ритуале южносибирских скифов // Вещь в контексте культуры. СПб., 1994, С. 69-71:

76. Раннескифские зеркала с центральной ручкой: происхождение, распространение, назначение // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье, 1994, С. 103-105.
77. Скифы на юге Сибири: феномен тагарской культуры // Античная цивилизация и варварский мир. Новочеркасск, 1994, С. 5-10 (Совместно с А.В.Субботиным).
78. Пост-тагарская художественная терракота // Южная Сибирь в древности. СПб., 1995, С. 143-150 (Совместно с П.Г.Павловым).

В. Ю. Зуев

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х., 1982* — Материалы эпохи бронзы из Горного Алтая // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982.
- ✓ *Аванесова Н.А., 1979* — Проблемы истории андроновского единства // Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Л., 1979.
- Адрианов А.В., 1902-1924* — Выборки из дневников курганных раскопок в Минусинской крае. Минусинск, 1902-1924.
- Акишев А.К., 1984* — Искусство и мифология саков. Алма-Ата, 1984.
- Акишев К.А., Кушаев Г.А., 1963* — Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963.
- Алексеев А.Ю., 1992* — Скифская хроника. СПб. 1992.
- Амброз А.К., 1971* — Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА, 1971, №3.
- Анисюткин Н.К., Астахов С.Н., 1970* — К вопросу о древнейших памятниках Алтая // Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, 1970.
- Артамонов М.И., 1973* — Сокровища саков. М., 1973.
- Астахов С.Н., 1966* — О путях первоначального заселения человеком долины Енисея // Доклады и сообщения археологов СССР. VII Международный конгресс доисториков и протоисториков. М., 1966.
- Астахов С.Н., 1986* — Палеолит Тувы. Новосибирск, 1986.
- Астахов С.Н., 1988* — К вопросу о соотношении палеолитических индустрий Тувы с древним палеолитом Центральной Азии // Инф. бюл. МАИКЦА. Вып.14. М., 1988.
- Базаров Д.Б., Константинов М.В., Иметхенов А.Б. и др., 1982* — Геология и культура древних поселений Западного Забайкалья. Новосибирск, 1982.
- Белокобыльский Ю.Г., 1986* — Раскопки курганов у с. Ефремкино // Памятники древних культур сибиря и Дальнего Востока. Новосибирск, 1986.
- Беляева В.И., 1972* — Неолитическая стоянка Усть-Хемчик 3 в Западной Туве // КСИА, 1972, №131.
- Бердникова В.И., Ветров В.М., Лыхин Ю.П., 1991* — Скифо-сибирский стиль в художественной бронзе Верхней Лены // СА, 1991, № 2.
- Бобров В.В., 1979* — Поселение на р.Люскус (предварительное сообщение) // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1979.
- Боковенко Н.А., 1981а* — Бронзовые котлы эпохи ранних кочевников в азиатских степях // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск, 1981.
- Боковенко Н.А., 1981б* — Исследование могильника Колок // АО-80. М., 1981.
- Боковенко Н.А., 1983* — Исследование курганов в Хакасии // АО-81. М., 1983.
- Боковенко Н.А., Седых В.Н., Красниенко С.В., 1983* — Некоторые итоги изучения памятников тагарской культуры на юге Хакасии // Древние культуры Евразийских степей. Л., 1983.
- Боковенко Н.А., 1986а* — Начальный этап культуры ранних кочевников Саяно-Алтая. По материалам конского снаряжения // Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1986.
- Боковенко Н.А., 1986б* — Некоторые особенности формирования погребального обряда ранних кочевников Саяно-Алтая и Казахстана // Скифская эпоха Алтая. Барнаул, 1986.
- Боковенко Н.А., Красниенко С.В., 1988* — Могильник Медведка II // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири. Л., 1988.
- Вадецкая Э.Б., 1981* — Тагарские традиции в таштыкской культуре // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск, 1981.

- Вадецкая Э.Б., 1983* — Первые итоги работы на КАТЭКе // Древние культуры евразийских степей. Л., 1983.
- Вадецкая Э.Б., 1984а* — Берешский скульптурный портрет // Скифо-сибирский мир. Кемерово, 1984.
- Вадецкая Э.Б., 1984б* — Участие хуннов в сложении таштыкской культуры // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий (Тез. докл.). Омск, 1984.
- Вадецкая Э.Б., 1986а* — Сибирские курительницы // КСИА, 1986, вып.185.
- Вадецкая Э.Б., 1986б* — Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л., 1986.
- Вадецкая Э.Б., 1987* — О культурно-хронологических особенностях памятников таштыкского времени в Ачинско-Мариинской лесостепи // Проблемы археологии Степной Евразии. Кемерово, 1987.
- Вайнштейн С.И., 1959* — Средневековые оседлые поселения и оборонительные сооружения в Туве // УЗТНИИЯЛИ, Вып.7, Кызыл, 1959.
- Вайнштейн С.И., 1970* — Раскопки могильника Кокэль в 1962 г. (Погребения казылганской и сыын-чюркской культур) // ТТКЭАН, Т.3, 1970.
- Варга Д., 1979* — Древний Восток. Будапешт, 1979.
- Варенов А.В., 1984* — О функциональном предназначении “моделей ярма” эпохи Инь и Чжоу // Новое в археологии Китая. Исследования и проблемы. Новосибирск, 1984.
- Варенов А.В., 1985* — Древнейшие зеркала Китая, отражающие этнокультурные контакты // Проблемы древних культур Сибири. Новосибирск, 1985.
- Варенов А.В., 1992* — К проблеме китайско-кавказских контактов (на примере бронзовых шлемов) // Северная Евразия от древности до средневековья. СПб, 1992.
- Васильев С.А., 1986* — Неолитическая стоянка Малые Уры // Палеолит и неолит. Л., 1986.
- Васильев С.А., 1988* — Палеолитический человек в горах Западного Саяна // Природа, 1988, №3.
- Виноградов А.В., 1982* — Неолит и ранний бронзовый век Минусинской котловины // Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1982.
- Витт В.О., 1952* — Лошади Пазырыкских курганов // СА, Т. XIV, 1952.
- Вишневская О.А., 1973* — Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII-V вв. до н.э. М., 1973.
- Волков В.В., 1980* — Курганы афанасьевского типа в Монголии // Археологийн судлал. Улан-Батор, 1980. т.9.
- Волков В.В., 1981* — Оленные камни Монголии. Улан-Батор, 1981.
- Галанина Л.К., 1985* — Шлемы кубанского типа. Вопросы хронологии и происхождения // Культурное наследие Востока. Л., 1985.
- Галанина Л.К., 1983* — Раннескифские уздечные наборы (по материалам Келермесских курганов) // АСГЭ, 1983, вып.24.
- Горошенко К.И., 1889* — Гипсовые погребальные маски и особый тип трепанации в курганах Минусинского округа // Труды X Арх.Съезда в Риге в 1886 г. М., 1889.
- Грач А.Д., 1966* — Археологические раскопки в Сут-Холе и Бай-Тайге (из материалов полевого сезона 1959 г.) // ТТКЭАН, 1966, т.2.
- Гришин Ю.С., 1977* — О бескерамических неолитических стоянках в Забайкалье // СА. 1977, №4.
- Грязнов М.П., 1968* — Тагарская культура // История Сибири. Л., 1968. т. 1.
- Грязнов М.П., 1980* — Аржан — царский курган раннескифского времени. Л., 1980.
- Грязнов М.П., 1983* — Начальная фаза развития скифо-сибирских культур // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1983.
- Грязнов М.П., Пяткин Б.Н., Максименков Г.А., 1968* — Карасукская культура // История Сибири. Л., 1968. Т.1.

- Гультов С.Б., 1982 — Новый могильник андроновского времени в Красноярском крае // Проблемы археологии и этнографии Сибири. Иркутск, 1982.
- Гурина Н.Н., 1964 — Работы неолитического отряда Красноярской экспедиции // КСИА, 1964, вып. 97.
- Давыдова А.В., 1985 — Иволгинский комплекс. Памятник хунну в Забайкалье. Л., 1985.
- Девяткин Е.В., 1981 — Кайнозой внутренней Азии // Труды совместной Советско-Монгольской научно-исследовательской экспедиции. М., 1981.
- Доан Тхань Хьонг, 1968 — Географическое изучение андроновской культуры Южной Сибири, Казахстана, Средней Азии // Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1968.
- Древности Чардары, 1968 — Максимова А.Г., Мершиев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М., Древности Чардары. Алма-Ата, 1968.
- Дэвлет М.А., 1961 — К вопросу о тагаро-таштыкских взаимоотношениях // СА, 1961, №4.
- Дэвлет М.А., 1976 — Петроглифы Улуг-Хема. М., 1976.
- Дэвлет М.А., 1980 — Петроглифы Мугур-Саргола. М., 1980.
- Евтюхова Л.А., 1948 — Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948.
- Елькин М.Г., 1967 — Памятники андроновской культуры на юге Кузбаса // ИЛАИ. Вып. 1. Кемерово, 1967.
- Ермолова Н.М., Марков Ю.Н., 1983 — Датирование археологических образцов из могильников эпохи бронзы Южной Сибири // Древние культуры евразийских степей. Л., 1983.
- Ефимов В.Г., Паульс Е.Д., 1987 — К методике исследования позднетагарских склепов // Исторические чтения памяти М.П.Грязнова (Тез.докл.). Омск, 1987.
- Завитухина М.П., 1966 — Два бронзовых кельта из могил VI-V вв. до н.э. на Енисее // СА, 1966, №3.
- Завитухина М.П., 1979 — Раннетагарский могильник Барсучиха V // ТГЭ, 1979. Т.20.
- Завитухина М.П., 1983 — Древнее искусство на Енисее. Л., 1983.
- Заднепровский Ю.А., 1960 — Археологические памятники южных районов Ошской области. Фрунзе, 1960.
- Заднепровский Ю.А., 1971 — Об этнической принадлежности памятников кочевников Семиречья усуньского периода II в. до н.э. — V в. н.э. // Страны и народы Востока. Вып. 10, Л., 1971.
- Заднепровский Ю.А., 1975 — К истории кочевников Средней Азии кушанского периода // Центральная Азия в кушанскую эпоху. М., 1975.
- Заднепровский Ю.А., 1991 — Происхождение и этническая атрибуция срубных могил периода II в. до н.э. — II в.н.э. в Северной Корее // Известия Сиб. Отд. АН СССР. История, Филология и Философия. Вып. 1, Новосибирск, 1991.
- Заднепровский Ю.А., 1992 — Новая археологическая культура ранних кочевников Восточного Тяньшаня // Северная Евразия от древности до средневековья. СПб, 1992.
- Заднепровский Ю.А., Лубо-Лесниченко Е.И., 1992 — Чавухугоу III — памятник номадов Синьцзяна хунно-сарматского периода // Средняя Азия и мировая цивилизация. Ташкент, 1992.
- Зданович Г.Б., 1988 — Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск, 1988.
- Зув В.Ю., 1994 — Свернувшийся в кольцо хищник из IV Семибратнего кургана (иконографические истоки и их исторический контекст) // Взаимодействие древних культур и цивилизаций и ритмы культурогенеза. СПб, 1994.
- Зяблин Л.П., 1973 — Неолитическое поселение Унюк на Верхнем Енисее // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973.
- Ильинская В.А., 1968 — Скифы Днепровского лесостепного левобережья. Киев, 1968.
- Исмагилов Р.Б., 1988 — Погребение Большого Гумаровского кургана в Южном Приуралье и проблема происхождения скифской культуры // АСГЭ, 1988, вып.29.
- Кибиров А.К., 1959 — Археологические работы в Центральном Тянь-Шане 1953-1955 // Труды Киргизской арх.-этногр. экспедиции. Т.2, М., 1959.

- Кириллов И.И., 1973 — Палеолитические стоянки Сохатино // Вопросы краеведения Забайкалья. Чита, 1973. Вып.1.
- Кирюшин Ю.Ф., 1985 — Работы в лесостепном Алтае // АО-83. М., 1985.
- Киселев С.В., 1929 — Тагарская культура // ТСА РАНИОН. Т. IV. М., 1929.
- Киселев С.В., 1937 — Карасукские могилы по раскопкам 1929, 1931 и 1932 гг. // СА, 1937. Т. 2.
- Киселев С.В., 1949 — Древняя история Южной Сибири // МИА, 1949, №9.
- Киселев С.В., 1951 — Древняя история Южной Сибири. М., 1951, 2-е изд.
- Ковалев С.В., 1987 — О датировке оленного камня из кургана Аржан // Скифо-сибирский мир. Новосибирск, 1987.
- Козинцев А.Г., 1977 — Антропологический состав и происхождение населения тагарской культуры. Л., 1977.
- Комарова М.Н., 1952 — Томский могильник — памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири // МИА, 1952, №2.
- Комарова М.Н., 1962 — Памятники андроновской культуры близ улуса Орак // АСГЭ. 1962, вып.5.
- Комиссаров С.А., 1988 — Комплекс вооружения древнего Китая. Эпоха бронзы. Новосибирск, 1988.
- Комплекс..., 1979 — Грязнов М.П., Завитухина М.П., Комарова М.Н., Миняев С.С., Пшеницына М.Н., Худяков Ю.С. — Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск, 1979.
- Коновалов П.Б., 1976 — Хунну в Забайкалье (Погребальные памятники). Улан-Удэ, 1976.
- Красниенко С.В., Седых В.Н., 1985 — Некоторые результаты исследования могильника Медведка в зоне строительства оросительных систем в Хакасии // Археологические исследования в зонах мелиорации. Л., 1985.
- Кубарев В.Д., 1979 — Древние изваяния Алтая (оленные камни). Новосибирск, 1979.
- Кузнецов С.К., 1906 — Погребальные маски, их употребление и назначение // Изв.ОАИЭ. Казань, 1906. Т.22, вып.2.
- Кузьмин Н.Ю., 1979 — Основные традиции и особенности изменений погребальных памятников тагарской культуры // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства (Тез.докл.). Кемерово, 1979.
- Кузьмин Н.Ю., 1982 — Возможности интерпретации некоторых черт погребального обряда народов Сибири в гунно-сарматское время // Проблемы археологии и этнографии Сибири (Тез.докл.). Иркутск, 1982.
- Кузьмин Н.Ю., 1983 — Новые памятники тесинского времени на юге Хакасии и изучение древнекочевнических обществ // Новые экспедиционные исследования археологов Ленинграда. Л., 1983.
- Кузьмин Н.Ю., 1984 — К методике изучения погребального обряда тагарской культуры // Скифо-сибирский мир (Тез.докл.). Кемерово, 1984.
- Кузьмин Н.Ю., 1985а — Раскопки тесинского погребального комплекса на юге Хакасии // АО-83. М., 1985.
- Кузьмин Н.Ю., 1985б — К реконструкции погребального обряда населения Минусинской котловины в скифское время // Археологические исследования в зоне мелиорации. Л., 1985.
- Кузьмин Н.Ю., 1986 — Курган Большое Русло в Хакасии // АО-84. М., 1986.
- Кузьмин Н.Ю., 1987а — Вопросы периодизации и хронологии тагарской культуры // Проблемы археологии степной Евразии. Кемерово, 1987.
- Кузьмин Н.Ю., 1987б — К вопросу о формировании раннетесинских культурных традиций // Исторические чтения памяти М.П.Грязнова (Тез.докл.). Омск, 1987.
- Кузьмин Н.Ю., 1988 — Тесинский могильник у деревни Калы // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири. Л., 1988.
- Кузьмин Н.Ю., 1989 — Военно-политические события и высшая власть ранних кочевников Саяно-Алтая // Скифо-сибирский мир (Тез.докл.). Кемерово, 1989.

- Кузьмин Н.Ю., Варламов О.Б., 1988* — Особенности погребального обряда племен Минусинской котловины на рубеже н.э. // Методические проблемы археологии Сибири. Новосибирск, 1988.
- Кузьмина Е.Е., 1985* — Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности // Инф.бюл. МАИКЦА. М., 1985. Вып.9.
- Кулемзин А.М., 1980* — Некоторые факты разложения родовых отношений в древнетагарском обществе // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980.
- Кунгуров А.Л., Кадиков Б.Х., 1985* — Многослойное поселение Усть-Сема // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул, 1985.
- Курочкин Г.Н., 1988* — Тагарские курганы в зоне Новоселовской оросительной системы // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири. Л., 1988.
- Курочкин Г.Н., 1989а* — Эволюция социальной структуры тагарского общества (новые материалы и возможность новых подходов) // Новое в методике археологических работ на новостройках РСФСР. М., 1989.
- Курочкин Г.Н., 1989б* — Золотые изделия из Большого Новоселовского кургана // КСИА, 1989, вып.196.
- Кызласов Л.Р., 1960* — Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М., 1960.
- Кызласов Л.Р., 1969* — История Тувы в средние века. М., 1969.
- Кызласов Л.Р., 1979* — Итоги и задачи изучения тагарской культуры // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства (Тез.докл.). Кемерово, 1979.
- Липский А.Н., 1956а* — Археологические раскопки в Хакасии // КСИИМК, 1956, вып.64.
- Липский А.Н., 1956б* — Некоторые вопросы таштыкской культуры в свете сибирской этнографии // Краеведческий сборник. Абакан, 1956, №1.
- Липский А.Н., 1963* — Афанасьевское в карасукской эпохе и карасукское у хакасов // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск, 1963.
- Лисицын Н.Ф., 1983* — Краткие итоги работ Среднеенисейской экспедиции // Древние культуры Евразийских степей. Л., 1983.
- Литвинский Б.А., 1972* — Курганы и курумы Западной Ферганы. М., 1972.
- Максименков Г.А., 1975* — Современное состояние вопроса о периодизации эпохи бронзы Минусинской котловины // Первобытная археология Сибири. Л., 1975.
- Максименков Г.А., 1978* — Андроновская культура на Енисее. Л., 1978.
- Максименков Г.А., 1985* — Рец. на кн.: Древние культуры евразийских степей // СА, 1985, №2.
- Максименков Г.А., Чижов В.Е., 1974* — Могильник баиновского этапа "Левый берег Черной I" // ИЛАИ. Кемерово, 1974. Вып.5.
- Мандельштам А.М., 1970* — Раскопки на могильнике Аймырлыг и городище Бажын-Алак // АО-1969. М., 1970.
- Мандельштам А.М., 1983* — О некоторых результатах новых археологических исследований в Центральной Туве // Инф.бюл.МАИКЦА. М., 1983. Вып.4.
- Маргулан А.Х., 1970* — Комплекс Былкылдак // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970.
- Маргулан А.Х., 1979* — Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1979.
- Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М., 1966* — Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.
- Марсадалов Л.С., 1985* — Хронология курганов Алтая (VIII-IV вв. до н.э.). Автореферат дисс. ... к.и.н. Л., 1985.
- Мартынов А.И., 1967* — К вопросу о происхождении тагарской культуры // ИЛАИ. Кемерово, 1967. Вып.1.
- Мартынов А.И., 1973* — Ягуня. Кемерово, 1973.

- Мартынов А.И.*, 1979 — Лесостепная тагарская культура. Новосибирск, 1979.
- Мартынов А.И., Алексеев В.П.*, 1986 — История и палеоантропология скифо-сибирского мира. Кемерово, 1986.
- Мартынов А.И., Мартынова Г.С., Кулемзин А.М.*, 1971 — Шестаковские курганы. Кемерово, 1971.
- Мартынова Г.С.*, 1985 — Таштыкские племена на Кие. Красноярск, 1985.
- Медведев Г.И., Михнюк Г.Н., Шмыгун П.Е.*, 1975 — Мезолит юга Восточной Сибири // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск, 1975. Вып.3.
- Молодин В.И.*, 1988 — О соотношении кротовской и окуневской культур // Некоторые проблемы сибирской археологии. М., 1988.
- Мошкова М.Г.*, 1963 — Памятники прохоровской культуры. САИ. М., 1963.
- Новгородова Э.А.*, 1970 — Центральная Азия и карасукская проблема. М., 1970.
- Новгородова Э.А.*, 1989 — Древняя Монголия. М., 1989.
- Окладников А.П.*, 1950 — Неолит и бронзовый век Прибайкалья // МИА. 1950, №18.
- Окладников А.П.*, 1981 — Палеолит Центральной Азии. Новосибирск, 1981.
- Ольховский В.С.*, 1991 — Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII-III вв до н.э.). М., 1991.
- Павлов П.Г.*, 1987 — Преемственность тагарских и тесинских памятников на юге Хакасии // Исторические чтения памяти М.П.Грязнова (Тез.докл.). Омск, 1987.
- Павлов П.Г., Седых В.Н.*, 1985 — Сравнительный анализ курганных могильников Кирбинский Лог и Медведка -I на территории Означенской оросительной системы // Археологические исследования в зонах мелиорации. Л., 1985.
- Паульс Е.Д.*, 1979 — Раскопки на Чулыме // АО-78. М., 1979.
- Паульс Е.Д.*, 1983 — Переходные карасук-тагарские памятники в южной части Минусинской котловины // Древние культуры евразийских степей. Л., 1983.
- Паульс Е.Д.*, 1985 — Памятники эпохи поздней бронзы на территории Означенской оросительной системы // Археологические исследования в зонах мелиорации. Л., 1985.
- Переводчикова Е.В.*, 1980 — Типология и эволюция скифских наверший // СА. 1980. №2.
- Петренко В.Г.*, 1983 — Скифская культура на Северном Кавказе // АСГЭ. 1983. Вып. 23.
- Погребова М.Н., Раевский Д.С.*, 1992 — Ранние скифы и древний Восток. М., 1992.
- Подольский М.Л.*, 1980 — Местные и инородные элементы ранней тагарской культуры // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980.
- Подольский М.Л., Кузьмин Н.Ю.*, 1980 — Раскопки на территории Означенской оросительной системы // АО-79. М., 1980.
- Поляков А.С.*, 1984 — К вопросу о социальной структуре тагарского общества // Скифо-сибирский мир (Тез.докл.). Кемерово, 1984.
- Поляков А.С.*, 1987 — Опыт реконструкции социальной структуры тагарского общества по материалам могильников // Исторические чтения М.П.Грязнова (Тез.докл.). Омск, 1987.
- Потемкина Т.М.*, 1985 — Бронзовый век лесостепного Притоболья. М., 1985.
- Пшеницына М.Н.*, 1975а — Культура племен Среднего Енисея в II-I вв. до н.э. // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1975.
- Пшеницына М.Н.*, 1975б — Третий тип памятников тесинского этапа // Первобытная археология Сибири. Л., 1975.
- Пшеницына М.Н.*, 1975в — Глиняная "голова" — предшественник таштыкской гипсовой маски // КСИА. 1975. Вып.142.
- Пшеницына М.Н., Молодин В.И., Полосымак Н.В., Поляков А.С.*, 1980 — Работы Среднесенейской экспедиции // АО-79. М., 1980.
- Пшеницына М.Н.*, 1984 — О некоторых приемах "мумификации" умерших у населения среднего Енисея во II-I вв. н.э. // Скифо-сибирский мир. Тез.докл. Кемерово, 1984.

- Пшеницына М.Н., Поляков А.С., 1989* — Погребения родоплеменной знати тагарского общества на юге Хакасии // КСИА, 1989, Вып.196.
- Пшеницына М.Н., Завьялов В.А., Пяткин Б.Н., 1975* — Раскопки на территории Красноярского водохранилища // АО-74. М., 1975.
- Пяткин Б.Н., 1977* — Некоторые вопросы металлургии эпохи бронзы Южной Сибири // ИЛАИ. Кемерово, 1977. Вып. 9.
- Ростовцев М.И., 1929* — Срединная Азия, Россия, Китай и звериный стиль // SKYΘIKA. Прага, 1929. Вып.1.
- Ростовцев М.И., 1993* — Срединная Азия, Россия, Китай и звериный стиль // SKYΘIKA. Избранные работы академика М.И.Ростовцева. ПАВ № 5, СПб, 1993.
- Руденко С.И., 1960* — Усть-Канская палеолитическая стоянка // МИА, 1960. №79.
- Рыкушина Г.Б., 1979* — Палеоантропология карасукской культуры // Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М., 1979.
- Савельев Н.А., 1986* — Неолит средней Сибири // Археологические и этнографические исследования в Восточной Сибири: итоги и перспективы. Иркутск, 1986.
- Савинов Д.Г., 1984а* — Народы Южной Сибири в древне-тюркскую эпоху. Л., 1984.
- Савинов Д.Г., 1984б* — Об одной традиции в искусстве звериного стиля (к вопросу о местном компоненте) // Скифо-сибирский мир (Тез.докл.). Кемерово, 1984.
- Савинов Д.Г., 1987а* — О социальном аспекте исследования некоторых погребений Минусинской котловины (по материалам Среднеенисейской экспедиции 1985 г.) // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС (Тез. докл.). Ярославль, 1987.
- Савинов Д.Г., 1987б* — Погребения в каменных ящиках в Южной Сибири конца I тыс. до н.э.: возрождение традиции или миграция? // Смены культур и миграции в Западной Сибири. Томск, 1987.
- Савинов Д.Г., 1988* — Система социально-этнического подчинения как фактор развития ранне-средневековых обществ Центральной Азии и Южной Сибири // Историография и источники изучения исторического опыта освоения Сибири (Тез. докл.). Новосибирск, 1988. Вып.1.
- Савинов Д.Г., Полосьмак Н.В., 1985* — Новые материалы по эпохам бронзы и железа в Центральной Барабе // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск. 1985.
- Севастьянова Э.А., 1976* — Новые данные по этнокультурным взаимосвязям в конце тагарской эпохи // Языки и топонимия. Томск, 1976.
- Седых В.Н., 1985* — Тагарский курган у с.Калы в Хакасии // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск. 1985.
- Семенов В.А., 1982* — Памятники афанасьевской культуры в Саянах // СА, 1982, №4.
- Семенов В.А., 1983* — Многослойная стоянка Тоора-Даш на Енисее // Древние культуры Евразийских степей. Л., 1983.
- Семенов В.А., 1984* — Верхнеенисейская неолитическая культура // Проблемы исследования каменного века Евразии. Красноярск, 1984.
- Семенов В.А., 1985* — Раскопки курганов в зоне строительства Торгалыкской оросительной системы в Туве // Археологические исследования в зонах мелиорации. Л., 1985.
- Семенов В.А., 1986* — Работы в Туве // АО-84 М., 1986.
- Смирнов К.Ф., 1959* — Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // МИА № 60, М., 1959.
- Смирнов К.Ф., 1975* — Сарматы на Илеке. М., 1975.
- Сорокин С.С., 1961* — Боркорбазский могильник (Южная Фергана, бассейн р. Сох) // Труды Гос. Эрмитажа. Т.5, Л., 1961.
- Сосновский Г.П., 1941* — Ойротская автономная область // Археологические исследования в РСФСР в 1934-1936 гг. М., Л., 1941.
- Спицын А.А., 1889* — Коллективные могилы в верховьях Енисея и Чулыма. // ЗРАО. СПб, 1899. Т.II, вып.1-2.

- Субботин А.В.*, 1979 — Проблемы периодизации тагарской культуры (к постановке вопроса) // Скифо-сибирское культурно-историческое единство (Тез.докл.). Кемерово, 1979.
- Субботин А.В.*, 1983 — Тесинский склеп в с. Береш // Древние культуры Евразийских степей. Л., 1983.
- Субботин А.В.*, 1989 — Критерии оценки классификации бронзовых тагарских ножей // Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе музеев. Красноярск, 1989.
- Сунчугашев Я.И.*, 1980 — О двуглавых конях в хакасском героическом сказании // Вопросы археологии Хакасии. Абакан, 1980.
- Теплоухов С.А.*, 1927 — Древние погребения в Минусинском крае // Материалы по этнографии. Л., 1927. Т.3, вып.2.
- Теплоухов С.А.*, 1929 — Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. Л., 1929. Т.4, вып.2.
- Тугаринов А.Д.*, 1926 — Андроновские могилы // Сибирская живая старина. Иркутск, 1926. Вып.1(5).
- Тянь Гуанцинь*, 1986 — Тянь Гуанцинь, Го Сусинь, Ордосские бронзы. Пекин, 1986 (*На китайском языке*).
- Уманский А.П.*, 1970 — Случайные находки предметов скифо-сарматского времени в Верхнем Приобье // СА, 1970, № 2.
- Хамзина Е.А.*, 1981 — Клад бронзовых изделий из Закамны // Новое в археологии Забайкалья. Новосибирск, 1981.
- Харламович К.В.*, 1908 — К вопросу о погребальных масках и куклах у западносибирских инородцев // Изв.ОАИЭ. Казань, 1908. Т.XXIII, вып.6.
- Хаславская Л.М.*, 1980 — Раскопки тагарского кургана на могильнике Колок // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980.
- Хлобыстин Л.П.*, 1965 — Древнейшие памятники Байкала // МИА, 1965. №131.
- Хлобыстина М.Д.*, 1970 — К изучению минусинских культовых древностей // СА, 1970, №3.
- Худяков Ю.С.*, 1980 — Раскопки в Бейском районе Хакасии // АО-79. М., 1980.
- Худяков Ю.С.*, 1985 — Новые данные по археологии Когунекской долины // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск, 1985.
- Худяков Ю.С.*, 1987а — Некоторые черты погребальной обрядности тесинских племен // Новые памятники эпохи металла на среднем Амуре. Новосибирск, 1987.
- Худяков Ю.С.*, 1987б — Длинны в Центральной Азии // Проблемы археологии степной Евразии (Тез.докл.). Кемерово, 1987, ч.2.
- Худяков Ю.С.*, 1987в — Херексуры и оленные камни // Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1987.
- Худяков Ю.С.*, 1989 — Тесинские курганы в долине р.Табат // Археологические памятники Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1989.
- Худяков Ю.С., Хаславская Л.М., Тетерин Ю.В.*, 1988 — Раскопки могильника Долгий курган // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири. Л., 1988.
- Членова Н.Л.*, 1964 — Тагарская культура // Макет I тома Истории Сибири. Улан-Удэ, 1964.
- Членова Н.Л.*, 1967 — Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967.
- Членова Н.Л.*, 1972 — Хронология памятников карасукской эпохи. М., 1972.
- Членова Н.Л.*, 1976 — Карасукские кинжалы. М., 1976.
- Шер Я.А.*, 1980 — Ранний этап скифо-сибирского звериного стиля // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980.
- Шер Я.А., Григорьев Г.П., Подольский Н.Л.*, 1967 — Находки на правом берегу Енисея // АО-66. М., 1967.

- Шер Я.А., Савинов Д.Г., Подольский Н.Л., Кляшторный С.Г., 1968* — Курганы и писаницы на правом берегу Енисея // АО-67. М., 1968.
- Шер Я.А., Миклашевич Е.А., Самашев З.С., Советова О.С., 1987* — Петроглифы Жалтыракташа // Проблемы археологических культур степей Евразии. Кемерово, 1987.
- Шетенко А.Я., 1976* — Работы I отряда Саяно-Тувинской экспедиции // АО-1975. М., 1976.
- Шетенко А.Я., 1977* — Работы I отряда Саяно-Тувинской экспедиции // АО-1976. М., 1977.
- Шетенко А.Я., Миняев С.С., 1979* — Работы I отряда Саяно-Тувинской экспедиции // АО-1978. М., 1979.
- Nowgorodowa E., 1980* — Alte Kunst der Mongolie. Leipzig, 1980.
- Sher J.A., 1994* — Repertoire des Petroglyphes d'Asie Centrale. Fascicule № 1: Sibirie du sud. I: Oglakhty I-III (Russie, Khakassie). Paris, 1994.
- Tallgren A.M., 1921* — Trouvailles tombales sibiriennes en 1889 // SMVA. Helsingfors, 1921. Vol XXIX, №2.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО — Археологические открытия. М.
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.
ЗРАО — Записки Русского Археологического Общества. СПб.
Изв.ОАИЭ — Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань.
ИЛАИ — Известия Лаборатории археологических исследований кемеровского гос. университета. Кемерово.
Инф. Бюл. МАИКЦА — Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. М.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра. М., Л.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. Л., М.
ПАВ — Петербургский археологический вестник. СПб.
СА — Советская археология. Л., М.
ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа. Л.
ТСА РАНИОН — Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. М.
ТТКЭАН — Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции АН СССР. Л., М.
УЗТНИИЯЛИ — Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Кызыл.
SMVA — Suomen Muinaismustoyhdistyksen Aikakauskirja. Helsinki.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	3
С. Н. Астахов, А. Ф. Ямских. Новые данные о палеолите Тувы.	9
С. А. Васильев. К вопросу о бескерамическом неолите Сибири.....	10
Л. И. Рева. Хайыпакан I — могильник эпохи бронзы	17
В. А. Семенов, М. Е. Килуновская, К. В. Чугунов. Археологические исследования на правом берегу Улуг-Хема	23
С. Б. Гультов. Андроновские погребения могильника Ашпыл	31
И. П. Лазаретов. Каменоложские погребения могильника Арбан I (к характеристике погребального обряда).....	39
П. Г. Павлов. К реконструкции карасукского погребального костюма .	47
Д. Г. Савинов. ПНН: новые материалы и наблюдения	57
В. Ю. Зуев, Р. Б. Исмагилов. Корсуковский клад.....	67
Н. А. Боковенко, П. И. Сорокин. Новые погребальные памятники начала I тысячелетия до н. э. на юге Хакасии	76
Н. А. Боковенко. Новый памятник аржанского этапа в центре Азии	85
А. А. Ковалев, С. В. Хаврин. Раскопки кургана раннескифского времени на северной окраине села Аскеиз.....	91
Ю. А. Заднепровский. Могильник номадов Синьцзяна эпохи Хань.....	97
С. В. Красниенко, Е. Л. Кириллов. Могильник Кошколь.....	104
М. Н. Пшеницына. Раннетагарские погребения в могильнике Афанасьева Гора на Енисее.....	118
Д. Г. Савинов, В. И. Молодин, Н. В. Полосьмак. Медведка I — могильник сарагашенского этапа на юге Хакасии	126
А. В. Субботин. Предварительный анализ периодизации Тагарской культуры	136
Г. Н. Курочкин, П. Г. Павлов. Пост-тагарская художественная терракота	143
Н. Ю. Кузьмин. Некоторые итоги и проблемы изучения тесинских погребальных памятников Хакасии	151
Э. Б. Вадецкая. Таштыкский могильник “Соколовский разъезд”	163
А. Я. Щетенко. Бажин-Алаак — городище уйгурского времени в Туве	173
Г. В. Длужневская, Л. Ю. Березовская. Материалы сибирских новостроечных экспедиций в фотоархиве ЛОИА АН СССР	180
Вместо послесловия (I. Список работ Петра Георгиевича Павлова; II. Дополнение к списку опубликованных работ Геннадия Николаевича Курчкина).....	191
Список литературы	191
Список сокращений.....	198

ОБРАЩЕНИЕ БИБЛИОТЕКИ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Крупнейшая в Европе специализированная Библиотека по археологии при Институте истории материальной культуры Российской Академии Наук обращается ко всем археологам России, СНГ и стран бывшего СССР.

На протяжении многих лет в Библиотеке ведётся работа по составлению систематизированного указателя археологической литературы. Каждый археолог пользуется томами Библиографического указателя, охватывающими издания по археологии нашей страны с 1918 по 1981 гг. Сотрудники Библиотеки в рамках программы *“Российская археологическая библиография XX в.”* продолжают работу по сбору и систематизации данных, каталог которых к настоящему времени доведён до 1993 г. Библиотека ИИМК регулярно издаёт обзоры периодической литературы, тематические и персональные библиографические сводки, а также готовит к печати очередные тома систематизированного указателя, которые должны продолжить серию изданий, широко известную во всём мире.

В последнее время из-за разрушения единой системы обеспечения научными изданиями библиотек Российской Академии Наук, а также из-за появления многих частных издательств, публикующих археологическую литературу, работа по составлению систематизированного библиографического указателя сопряжена со значительными трудностями. Количество изданий, которые не доходят до авторов Указателя и Библиотеки ИИМК катастрофически увеличивается с каждым годом.

Мы обращаемся ко всем археологам, публикующим свои работы частным образом, ко всем редакциям новых археологических журналов и сборников, ко всем издательствам занимающимся публикацией археологической литературы с убедительной просьбой присылать в Библиотеку ИИМК по одному экземпляру отечественных изданий и, в случае невозможности присылки, исчерпывающую информацию о публикациях в зарубежной периодике. Отсутствие информации о новых публикациях, проверенной *de visu*, может повлечь за собой досадные пробелы в изданиях систематизированного указателя, что негативно отразится на его качестве. Мы убеждены, что в полноценной информации об изданиях археологической литературы заинтересованы специалисты по древней истории, археологии и культурологии всех стран.

Адрес Библиотеки: *191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18, Ново-михайловский дворец, Библиотека Института истории материальной культуры Российской Академии Наук.*

Л. М. Всевиов, В. Ю. Зуев, Р. Ш. Левина

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗЫСКАНИЯ

- Вып. 1 Археологические культуры и культурная трансформация. Материалы методологического семинара ЛОИА АН СССР. Л. 1991
- Вып. 2 Северная Евразия от древности до средневековья (тезисы конференции к 90-летию со дня рождения М.П.Грязнова). СПб. 1992
- Вып. 3 Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Сборник статей молодых ученых. Л. 1991
- Вып. 4 Новые открытия и методологические основы археологической хронологии. Тезисы докладов конференции. СПб. 1992
- Вып. 5 Л.Я.Крижевская. Начало неолита в степях Северо-Восточного Причерноморья. СПб. 1992
- Вып. 6 В.Я.Шумкин. Каменный век Восточной Лапландии (в печати)
- Вып. 7 Г.Н.Курочкин. Богатые курганы скифской знати на юге Сибири. СПб. 1993
- Вып. 8 М.Д.Хлобыстина. Древнейшие могильники Восточной Европы как памятники социальной истории. СПб. 1993
- Вып. 9 К.Х.Кушнарева. Южный Кавказ в IX-II тыс. до н.э. СПб. 1993
- Вып. 10 AD POLUM. Сборник статей памяти Л.П.Хлобыстина. Изд-во "Фарн". СПб. 1993
- Вып. 11 Проблемы культурогенеза и культурное наследие. Ч. I—III. Материалы к конференции. СПб. 1993
- Вып. 12 Изучение памятников морской археологии. СПб. 1993
- Вып. 13 Взаимодействие культур и цивилизаций и ритмы культурогенеза. Материалы методологического семинара. СПб. 1994
- Вып. 14 Изучение древних культур и цивилизаций. Материалы к пленуму 5—7 апреля 1994 г. СПб. 1994
- Вып. 15 Н.Ю.Кузьмин. Курганы у деревни Новомихайловка (проблемы изучения культуры степных племен Енисея V—III вв. до н.э.). СПб. 1994
- Вып. 16 New Discoveries in Asian Russia and Central Asia. СПб. 1994
- Вып. 17 М.Д.Хлобыстина. Социогенез культур Северной Евразии эпохи раннего голоцена. СПб. 1994
- Вып. 18 Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху (материалы заседаний "круглого стола" 22—24 декабря 1994 г. Санкт-Петербург). СПб. 1994
- Вып. 19 А.В.Субботин. Основные принципы компьютерной обработки массового тагарского материала (реферативное изложение). СПб. 1994
- Вып. 20 Фортификация в древности и средневековье (материалы методологического семинара ИИМК). СПб. 1995
- Вып. 21 Изучение памятников морской археологии. Т. 2. СПб. 1994
- Вып. 22 Изучение культурных взаимодействий и новые археологические открытия (материалы пленума ИИМК. 11—14 апреля 1995 года). СПб. 1995
- Вып. 23 М.Д.Хлобыстина. Погребальные ритуалы первобытных эпох. Археология, этнография, фольклор. В печати.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
РОССИЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ НАУЧНЫЙ ФОНД
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

Научное издание

Южная Сибирь в древности

Редактор Д.Г.Савинов

Макет С. В. Стремилон

Корректор В. Ю. Зуев

Сдано в набор 20.12.94. Подписано к печати 25.06.95

Формат 60×90 1/8. Гарнитура "Таймс". Печать офсетная.

Усл. печ. л. 25,75. Уч. изд. л. 13.

Тираж 300. Заказ